

ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Бакаев, Анатолий Александрович

1. Историография российского революционного
терроризма конца XIX – начала XX века

1.1. Российская государственная библиотека

Бакаев, Анатолий Александрович

Историография российского революционного терроризма конца XIX – начала XX века
[Электронный ресурс]: Дис. ... г-ра ист. наук : 07.00.09 .–М.: РГБ, 2006 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки)

История. Исторические науки -- Россия -- 1861–1917 -- Классовая борьба -- Политическая реакция. Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Полный текст:

<http://diss.rsl.ru/diss/06/0031/060031043.pdf>

Текст воспроизводится по экземпляру,
находящемуся в фонде РГБ:

Бакаев, Анатолий Александрович

Историкография российского революционного
терроризма конца XIX – начала XX века

М. 2005

Российская государственная библиотека, 2006
год (электронный текст).

71:05-7/219

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

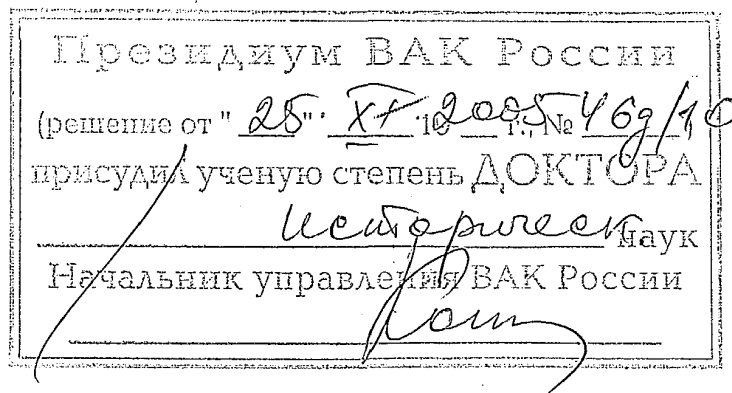
На правах рукописи

БАКАЕВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**ИСТОРИОГРАФИЯ
РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО
ТЕРРОРИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX века**

**Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования**

**Диссертация
на соискание ученой степени доктора
исторических наук**

**Научный консультант
доктор ист. наук,
профессор Багдасарян В.Э.**

МОСКВА 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В ИСТОРИОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	28
Глава 2. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА	96
§ 2.1. Изучение российского революционного терроризма в исторических исследованиях и мемуарной литературе 1920- первой половине 1930-х годов.....	-
§ 2.2. Эволюция советской историографии российского революционного терроризма второй половины 1950 – первой половины 1980-х годов.....	136
Глава 3. РОССИЙСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	186
§ 3.1. Освещение истории российского революционного терроризма в литературе русского зарубежья.....	-
§ 3.2. Основные направления исследований российского революционного терроризма в западной историографии.....	211
Глава 4. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА	248
§ 4.1. Переходный историографический период второй половины 1980-х годов изучения истории революционного терроризма в России.....	-
§ 4.2. Постсоветский период историографии российского революционного терроризма.....	257
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	336
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	345

ВВЕДЕНИЕ

Международный терроризм составляет главную угрозу для современного глобального мира. В массовом сознании образ врага идентифицируется с фигурой террориста. В борьбе с международным терроризмом объединяют свои усилия такие, казалось бы, непримиримые прежде соперники, как Россия и США. Прежде такое объединение имело место лишь при актуализации угрозы фашизма. В условиях идеологического вакуума в российском обществе борьба с международным терроризмом – по существу единственная четко сформулированная идеологема. По словам президента Российской Федерации, Россия в настоящее время подверглась прямой агрессии со стороны международного терроризма.

Однако усилий спецслужб ведущих держав оказывается недостаточно для противостояния террористической экспансии. Современный мир, несмотря на весь свой технологический потенциал, обнаруживает высокую степень уязвимости для ударов террористов. В контексте разрастания масштабов террористической деятельности ставится под сомнение сама доктрина «прав человека» как препятствие к обеспечению безопасности граждан. Особую ценность в этой связи представляет опыт борьбы с революционным терроризмом в Российской империи.

Понять мотивы обращения к терроризму – не значит оправдать его. С другой стороны для самих террористов теракт – это подвиг, высшее проявление мужества и героизма. Без изучения террористической ментальности об эффективной борьбе с терроризмом не может быть и речи.

Негативная аксиология терроризма зачастую определяется идеологическими установками. Теракты являются абсолютным злом для власть предержащих. В массовое сознание внедряются двойные стандарты дифференциации «своего» и «чужого», «хорошего» и «плохого» терроризма.

И в средние века, и в период античности теракт не только имел персональную направленность тираномании, но и предполагал зачастую экс-

цитативную функцию, т.е. служил формой агитационного или устрашающего послания. Более того, теракт лежит в основе многих культурной традиции. Мифологический пласт идеологии подразумевает создание сакрализованного пантеона мучеников и героев. Если первый из образов является преломлением архетипа жертвы, то второй – террориста. Террорист воспринимается как фигура культовая, даже ритуальная в той культуре или контркультуре, ради которой он пошел на теракт. Портрет героини подпольной России Марии Спиридоновой был обнаружен при обыске в обыкновенной воронежской избе, на месте, где полагается быть иконам. Изображение помещалось в киоте, а перед ним горела лампадка. Приходится с сожалением констатировать, что и Бен Ладен, и Шамиль Басаев обречены на длительную культовую сакрализацию.

Мышление двойными стандартами выражается в том, что «чужой» терроризм преподносится как злодейство, тогда как «свой» оценивается в качестве подвига. В первом случае террорист определяется преступником и бандитом, во втором – повстанцем, подпольщиком, партизаном. Преодолеть эту аксиологическую дихотомию возможно посредством обращения к историографическому анализу, предполагающему проведение идеологической и исторической контекстуализации выдвигаемых в отношении терроризма оценок.

Феномен терроризма, судя по характеру борьбы с ним, до сих пор остается непонятым. Понять же его природу невозможно как при однозначной инфернализации, так и при романтизации. Только аккумулировав все противоречивые суждения, можно воссоздать адекватную картину генезиса террористических организаций. Данная установка и предопределила замысел предлагаемой работы.

Важным в методологическом отношении вопросом в исследовании темы является определение дефиниции «террор» - применительно к контексту Российской Империи начала XX в. Российский революционный

терроризм этого периода вышел за привычные рамки политического убийства. Формами революционного насилия, подпадающими под широкую трактовку дефиниции «терроризм», стали экспроприации, вооруженные нападения, похищения, вымогательства и шантаж. Еще в 1977 г. У. Лакер предсказывал, что «дискуссии о всеобъемлющем, подробном определении терроризма будут вестись еще очень долго, что они не увенчаются консенсусом и не внесут заметного вклада в понимание терроризма»¹.

Широкий спектр работ, посвященных различным аспектам изучения терроризма, приводит даже современных исследователей к терминологической неопределенности. «Что считать, а что не считать “террором”, – констатируют современные российские исследователи М. Одесский и Д. Фельдман, – каждый решает сам, в зависимости от идеологических установок, опираясь на собственную интуицию. Единого определения сущности “террора” пока нет. Его еще предстоит ввести»².

История революционного движения тесно переплетена с практикой организации терактов, и потому в контексте волны терроризма, захватившей современный мир, его изучение приобретает дополнительную актуальность. Оно позволяет определить причины терроризма, тенденции его развития, способы борьбы с ним. К тому же опыт террористического сопротивления режиму может быть востребован для определения принципов функционирования самой государственной системы.

Рамки исследования позволяют сконцентрировать внимание на условиях, факторах и механизмах создания террористических организаций. Под влиянием исторических коллизий во время первой русской революции и в последующие годы произошли существенные изменения в характере террористической деятельности, что позволяет выявить онтологические основы терроризма.

¹ Laqueur W. Terrorism. Бостон-Торонто, 1977. P. 135.

² Одесский М., Фельдман Д. Поэтика террора и новая административная ментальность: Очерки истории формирования. М., 1997. С. 8.

Несмотря на то, что в определенные историографические периоды российскому революционному терроризму уделялось пристальное внимание, непрерывная традиция его изучения так и не сложилась. Данное обстоятельство было обусловлено отсутствием систематизации историографических источников. В связи с завершением длительного периода в развитии исторической науки необходимо подвести его итоги, чтобы выявить закономерности предстоящего этапа историографии.

Источниковая база. Первую группу источников составляют работы, непосредственно посвященные истории революционного терроризма в Российской Империи в конце XIX – начале XX в.³ Исследования по соответствующей проблематике осуществлялись также опосредовано, как составные компоненты в трудах общего порядка по истории революционного движения (особенно революции 1905–1907 гг.)⁴, политических партий⁵, функционирования партийных структур⁶, или региональных организаций⁷,

³ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) М., 2000; Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992; Индивидуальный политический террор в России. XIX - начало XX в. М., 1996.

⁴ Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961; Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Первая российская революция 1905–1907 гг. (Предпосылки, задачи, расстановка политических сил) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 50–66; Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957.

⁵ Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции: Ист. очерк. М., 1975; Леонов М.И. Партия социалистов – революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997; Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989.

⁶ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998; Морозов К.Н. Б.В. Савинков и Боевая организация партии эсеров (1909 – 1911 гг.) // Россия и реформы. М., 1993. Вып. 2.

⁷ Алуев В.Ф. Социал-демократы и эсеры Пензенской и Симбирской губерний накануне и в годы первой российской революции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 1994; Афанасьев А.Л. Военная работа эсеров в Вост. Сибири в период отступления революции 1905-1907 гг. // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири в

при рассмотрении персоналий террористического движения⁸. Особое место в советской историографии занимала тема борьбы большевиков с террористическими организациями и критики В.И. Лениным террористической тактики мелкобуржуазных партий⁹. История революционного терроризма рассматривалась через призму истории КПСС, а научная аргументация выводов подменялась цитатами В.И. Ленина, высказывания которого априори использовались в качестве критерия истинности.

Особенно ценным видом источника являются опубликованные материалы конференций, на которых в концентрированном виде были сосредоточены выводы отечественных историков по проблемам революционного террористического движения¹⁰. В целях определения своеобразия исследуемого историографического периода в качестве источника привлекается литература по истории предшествующего и последующего в хронологическом отношении этапов¹¹.

1905-1920гг. Томск, 1982; Еремин А.И. Эсеровские организации Центрально-промышленного района России в конце XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

⁸ Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991; Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001; Городницкий Р.А. Б.В. Савинков и судебно-следственная комиссия по делу Азефа // Минувшее: Исторический альманах. М.–СПб., 1995. Вып. 18. С. 198 – 242; Городницкий Р.А. Егор Созонов: мировоззрение и психология эсера-террориста // Отечественная история. 1995. № 5. С. 168 – 174.

⁹ Мухин В.М. Критика В.И. Лениным субъективизма и тактического авантюризма эсеров. Ереван, 1957; Шугрин М.В. Борьба В.И. Ленина и коммунистической партии против народническо-эсеровской тактики заговора и индивидуального террора (1893–1907): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956. Студентов В.А. Разоблачение В.И. Лениным мелкобуржуазной сущности идеологических концепций социалистов-революционеров на демократическом этапе русской революции (1902 – февр. 1917 г): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

¹⁰ Высокотехнологичный терроризм. Материалы российско-американского семинара. М., 2002; Индивидуальный политический террор в России. XIX - начало XX в. М., 1996; Терроризм и толерантность // Духовность. Сергиев-Посад, 2003. Кн. 3.

¹¹ Волк С.С. «Народная воля»: 1879-1882. М.-Л., 1966; Седов М.Г. Ге-

Для определения репрезентативности суждения историков используются документальные источники¹², материалы периодической печати¹³, мемуарная литература¹⁴. Ценность мемуарной литературы еще более возрастает на фоне сравнительной скудости ярких эпизодов террористической деятельности в следственных делах. Многие из террористов отказывались предоставлять полиции какие-либо сведения не только о своей организации, но и о себе лично. Часто они представляли перед судом под вымышленными фамилиями. Причина такого поведения заключалась в моральном осуждении «откровенников» с точки зрения партийной этики. «Откровенников», равно как и «прошенистов» (лиц, подававших властям прошения о помиловании), исключали из партийных организаций. Подробные показания С.Я. Рысса и Д.Г. Богрова представляли собой исключение, обусловленное, по-видимому, двойной игрой обоих подсудимых.

Верификация некоторых теоретических положений в историографии проводится посредством привлечения материалов, сосредоточенных в фондах ГАРФ (фонды В.Л. Бурцева, П.А. Кропоткина, А.Л. Теплова, А.В. Тырковой), ОР РГБ (фонды П.Л. Вакселя, Н.А. Рубаника), РГАСПИ (фонд ЦК партии социалистов-революционеров), Гуверского института войны, революции и мира (коллекции М.В. Вишняка, Ф.В. Воловского, Д.Н. Лю-

роический период революционного народничества: Из истории политической борьбы. М., 1966; Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. Казань, 1995.

¹² История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов – на – Дону, 1996; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 1996. Т.1. 1900-1907гг.; Тайна убийства Столыпина. М., 2003.

¹³ Новые казни террористов и наше легальная пресса // Знамя труда 1908 № 10 – 11; Новый процесс боевой организации // Революционная Россия. 1904. № 57; Террор и дело Богрова // Знамя труда. 1908 № 38.

¹⁴ Савинков Б.В. Воспоминания // Былое. -1917. №1-3; 1918. №1-3,12; Гершуни Г.А. Из недавнего прошлого. М.,1917; Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию: Мои воспоминания. 1882-1922. Берлин, 1923. Т.1; Герасимов Д.В. На лезвии с террористами. Париж, 1985.

бимова, Б.И. Николаевского, М.М. Шнеерова), Бахметовского архива (коллекция С.Г. Сватикова).

Первые попытки исторического осмысления российского революционного террористического движения конца XIX – начала XX в. предпринимались современниками и непосредственными участниками. Поэтому наряду с историческими исследованиями в качестве историографического источника используется публицистическая литература¹⁵. Тема терроризма непременно присутствовала на страницах ряда печатных изданий, представляющих левый спектр общественной мысли, таких как «Анархист», «Бунтарь», «Буревестник», «Былое», «Вестник русской революции», «Знамя труда», «Накануне», «Революционная мысль», «Революционная Россия», «Хлеб и воля» и др.

В многочисленных изданиях художественной литературы, относящихся к теме, также находил отражение существующий уровень исторических знаний¹⁶. Как известно, русская общественная мысль развивалась при доминации художественной литературы. Литературные стереотипы предопределили и характер отечественной историографии. Проводилась, зачастую искусственная, драматизация исторического материала. Не случайно, что именно индивидуальный террор стал квинтэссенцией восприятия революции, свидетельствуя либо о ее героическом потенциале, либо о тупиковости и патологичности выдвигаемой альтернативы.

Специального исследования, посвященного историографии революционного терроризма, не существует, но определенное историографическое изучение данной тематики все-таки проводилось. **Литература** по рассмат-

¹⁵ Бурцев В.В. За террор // Народоволец. 1897. № 3. С. 102 – 109; Изгоев А.С. «Правые террористы» // Русская мысль. 1909. № 10. С. 1172 – 181; Хилков Д. Террор и массовая борьба // Вестник русской революции. 1905. № 4. С. 225 – 261.

¹⁶ Гуль Р. Азеф. Нью-Йорк, 1959; Савинков Б.В. Конь бледный // Избранное. М., 1990; Толстой А., Щеголев П. Азеф: (орел или решка). М., 1926.

риваемой теме представлена, прежде всего, исследованиями по истории террористического движения, в которых в вводной части присутствовали историографические обзоры трудов отечественных историков. Однако ввиду того, что феномен революционного терроризма рассматривался, как правило, в контексте других тем – чаще всего в рамках изучения истории левых партий, или революции 1905–1907 гг., – даже такой историографический обзор существует в единичном виде, будучи представленным во введении к монографии О.В. Будницкого «Терроризм в российском освободительном движении»¹⁷. «Парадокс историографической ситуации, – констатировал автор, – заключается в том, что, с одной стороны, отечественными исследователями опубликованы сотни, если не тысячи, работ, посвященных тем или иным аспектам революционного движения в России, в которых в той или иной степени затрагивалась и проблема революционного терроризма; с другой – история революционного терроризма как самостоятельная исследовательская проблема стала рассматриваться в отечественной историографии совсем недавно»¹⁸. Научная традиция начинать изложение материалов с историографического введения окончательно установилась лишь на рубеже 1960–1970-х годов. Однако даже в фундаментальной монографии А. Гейфман «Революционный терроризм в России, 1894–1917» такое введение отсутствует¹⁹.

Впрочем в ряде трудов историографические оценки и критика в отношении исследований, связанных с историей революционного терроризма в России, рассредоточены внутри авторского изложения материала.

Сходную характеристику имеют работы, содержащие вводное историографическое вступление по какому-либо из аспектов изучения револю-

¹⁷ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 5–27.

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ Гейфман А. Революционный терроризм в России, 1894 – 1917. М., 1997.

ционного терроризма, в том числе по организационным террористическим структурам оппозиционных партий, биографиям террористов.

К другой группе историографических исследований принадлежат труды, посвященные историографии более широкой проблематики, одним из компонентов которой является изучение истории революционного терроризма и историографии смежных с ней тем²⁰. Особенно полно в отечественной истории исторической науки была представлена историография революции 1905–1907 гг. Краткие историографические обзоры по отдельным проблемам истории революционного терроризма содержались и в ряде защищенных диссертаций²¹.

Как уже указывалось выше, долгое время историография российского революционного терроризма была представлена, главным образом, в рамках исторических исследований, претворяя авторские изыскания в качестве вводного обзора существующей по исследуемой тематике литературы. Первым из таких обзоров был историографический очерк Л.М. Спирина «Историография борьбы РКП(б) с мелкобуржуазными партиями в 1917–1920 гг.»²², рассматривающий литературу по более широкой проблематике, чем процесс изучения террористической тактики. Показательно, что в статье Н.И. Приймака 1967 г. «Советская историография первой русской рево-

²⁰ Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978; Борьба ленинской партии против непролетарских групп и течений (дооктябрьский период). Историография. Л., 1987; Зевелев А.И., Свириденко Ю.П. Историография истории политических партий России. М., 1992г. и др.

²¹ Шевкуленко Д.А. Самодержавие и эсеры: два подхода к решению национального вопроса: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995; Черемных О.А. Революционно-демократический фронт в годы первой российской революции (1905–1907): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Капитонов И.В. Возникновение и деятельность организаций партии социалистов-революционеров на территории Мордовии в первой четверти XX века. Диссертация... к.и.н. Саранск, 1997; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995 С. 7.

²² Спирин Л.М. Историография борьбы РКП(б) с мелкобуржуазными

люции 1905–1907 гг. (середина 30-х - 60-е годы)» об изучении истории революционного терроризма не упоминается вовсе. Это вполне объяснимо, учитывая отсутствие достаточного количества исследований в предшествующий период²³.

В монографии К.В. Гусева и Х.А. Ерицяна «От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров)» были заложены основные подходы исторической характеристики литературы о ПСР, а соответственно связываемого с ней революционного терроризма, ставшие традиционными для советских историографов. Историки выделяли три основных периода развития отечественной историографии: 1. – 1920-е – середина 1930-х годов; 2. – середина 1930 – середина 1950-х годов; 3. – с середины 1950-х до современных авторов событий. Первый период характеризовался значительной исследовательской активностью при сравнительно невысокой степени теоретического обобщения материала, второй – упадком интереса к исследованию истории «непролетарских» партий и односторонностью суждений, третий – циклическим возрождением советской исторической науки²⁴. Тем не менее рецензенты указывали на поверхностный и неоправданно урезанный характер историографического обзора, предпринятого авторами.

Учтя данное пожелание, К.В.Гусев в последующей монографии «Партия эсеров от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции» расширил вводную историографическую часть. С его точки зрения, историческая литература о деятельности ПСР 1920-х годов детерминировалась судебным процессом 1922 г. над 34 членами ЦК партии эсеров и по-

партиями в 1917 - 1920 гг. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 4.

²³ Приймак Н.И. Советская историография первой русской революции 1905 - 1907 гг. (середина 30-х - 60-е годы) // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. М., 1967.

²⁴ Гусев К.В., Ерицян Х.А. От соглашательства к контрреволюции: Очерк истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. М., 1968. С. 7–10.

тому повышенное внимание исследователей того периода сосредоточивалось «на контрреволюционной деятельности этой партии, а другие вопросы отступали на второй план»²⁵.

Троичность схемы обуславливалось традициями марксистской философии истории, воспринявшей гегелевскую концепцию диалектики. В первый период происходило накопление фактического материала при отсутствии необходимого обобщения и критики. Во втором, напротив, преобладало теоретизирование и критика, но в ущерб фактическому содержанию и гибкости суждений. Наконец, в третий осуществлялся синтез теории и факта²⁶.

Но в подавляющем большинстве работ ни обзора литературы, ни обзора источников по истории терроризма не проводилось. В исследованиях 1960-х годов было сложно осуществить историографический анализ по причине отсутствия достаточного числа работ, посвященных этой тематике, 1970-х – из-за методологической однообразности издаваемых произведений, в которых предлагались сходные выводы и оценки, и было трудно дифференцировать воззрения авторов. Вместе с тем ни одна работа не обходилась без осуждения взглядов «буржуазных фальсификаторов», зачастую без анализа их исследований и даже без персонального указания, о каком из историков идет речь. Так, автор брошюры «Критика В.И. Лениным программы и тактики партии эсеров» Н.М. Саушкин писал: «Мелкобуржуазная революционность и поныне служит источником заскоков, головокружительных прыжков через незавершенные этапы борьбы, шараханий в крайности, быстрых переходов от увлечений к унынию, крикливого пустозвонства и огульного охаивания организованной борьбы за социализм. Псевдореволюционные фразы, фальсификация ленинизма, тактика подтал-

²⁵ Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции: Ист. очерк. М., 1975. С. 11.

²⁶ Там же. С. 7; Нарочницкий А.Л. Историография революции 1905–1907 гг. Основные итоги и задачи изучения // Актуальные проблемы совет-

кивания революции – все это признаки мелкобуржуазного революционаризма»²⁷.

Отличительной особенностью работ советской историографии российского революционного терроризма являлось концентрированное изложение общих выводов советской исторической школы, при этом не допускалась возможность существенного расхождения воззрений отечественных историков.

Критические замечания советских историографов не имели, как правило, персональной направленности а адресовались «некоторым историкам», без указания, кто конкретно подразумевается под этим определением. Такая тенденция отражала традиции партийной критики в эпоху заката социализма в СССР.

На конференции в Калининe, материалы которой были изданы в виде сборника «Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России», А.Д. Степанский в статье «Процесс возникновения непролетарских партий России в освещении современной советской историографии» указывал на отсутствие в литературе методологического подхода к исследованию механизмов создания партий, за исключением монографии Л.М. Спирина «Крушение помещичьих и буржуазных партий в России», где автором разрабатывались общеисторические принципы такого изучения. В отношении исследования истории ПСР А.Д. Степанский обращал внимание на существующий приоритет изучения идеологии и программы партии при слабом освещении организационных проблем, особенно деятельности Боевой Организации²⁸.

ской историографии первой русской революции. М., 1978. С. 12, 19.

²⁷ Саушкин Н.М. Критика В.И. Лениным программы и тактики партии эсеров. М., 1971. С. 5.

²⁸ Степанский А.Д. Процесс возникновения непролетарских партий в России в освещении современной советской историографии // Историографическое изучение буржуазных и мелкобуржуазных партий России. М.,

В опубликованной в том же сборнике статье В.П. Наумова «Место исследований по истории мелкобуржуазных партий России в новейшей историографии» автор придерживался традиционной троичной схемы развития советской историографической мысли. Он оправдывал подходы историков 1930–1950-х годов необходимостью проведения идеологической борьбы, что знаменательно для того времени, если учитывать неосталинские тенденции партийной жизни и восприятие истории в качестве политики, опрокинутой в прошлое: «Следует указать на историческую обусловленность такого подхода, который определялся задачами идеологической работы партии в тот период и, в частности, задачами коммунистического воспитания многомиллионных масс мелкобуржуазного населения страны, борьбой с попытками организации нелегальной антисоветской деятельности»²⁹. Автор высказал мысль о наступлении нового периода отечественной историографии не со второй половины 1950-х годов, как это следовало из развития общественно-политической жизни страны, а с 1960-х годов, когда появилась качественно новая литература³⁰.

В монографии «Эсеры Максималисты в первой российской революции» 1989 г. Д.Б. Павлов представил сравнительно подробный обзор освещения проблемы аграрного террора. Вопреки современному клише о тотальном единстве взглядов в советской историографии, автор указал на наличие противоположных в данном вопросе мнений: одни историки осуждали эсеров за нерешительность при поддержке крестьянских выступлений, другие – наоборот, порицали за подталкивание крестьянства к авантюристической тактике. В воззрениях последних Д.Б. Павлов обнаруживал

1981. С. 3-6.

²⁹ Наумов В.П. Место исследований по истории мелкобуржуазных партий России в новейшей советской историографии // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Материалы конференции. М., 1982. С. 49.

³⁰ Наумов В.П. Указ. соч. С. 52–54.

многочисленные противоречия, указывая на несовместимость ряда выдвигаемых тезисов: готовность эсеров идти на союз с буржуазией и следование их левацкой тактике, отсутствие влияния социалистов-революционеров в крестьянской среде и руководство ими крестьянами при осуществлении аграрного террора, порицание самого метода аграрного терроризма и признание необходимости революционных захватов помещичьей земли и расправ над крупными землевладельцами и т.п. Д.Б. Павлов писал также о некорректности применяемого в отечественной историографии приема экстраполяции выводов о характере деятельности ПСР послеоктябрьской эпохи на социалистов-революционеров периода формирования партии. Показательно, что если прежде в историографических работах критика советских авторов, ассоциировавшаяся с вынесением общественного приговора, встречалась в ограниченных масштабах, то в работе Д.Б. Павлова она была представлена широко. Для монографии, изданной в 1989 г., это было знаменательно, учитывая призывы политического руководства к развитию критики и самокритики во всех сферах общественной жизни, включая и науку³¹.

В вводной статье «Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы» изданного в 1989 г. сборника «Непролетарские партии в трех революциях» авторы О.В. Волобуев, В.И. Миллер и В.В. Шелохаев отошли от традиционных подходов анализа исторической литературы. Начало третьего историографического периода они датировали не серединой 1950-х, а 1963 г. – годом выхода в свет книги К.В. Гусева «Крах партии левых эсеров», уточняя, что качественный скачок был осуществлен лишь в 1968 г. в связи с изданием ряда монографий по истории непролетарских партий. Кроме того, они выделяли четвертый этап, начавшийся, по их мнению, в 1975 г. в связи с организацией первой научной конференции в Калининне, последующее регулярное проведение которых обусловило ха-

³¹ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции.

рактик данного периода. Авторы предсказывали скорое его завершение, связанное с прохождением эпохи общественно-политического развития страны³². Обращает внимание, что требования критически переосмыслить советскую литературу прежде не высказывалось. В данной новации можно усмотреть влияние изменяющегося во второй половине 1980-х годов общественно-политического климата.

Точную оценку стереотипов советской литературы представил в публицистической статье Ю. Давыдов: «Расхожие представления угнетают одноцветностью. В таких представлениях большевик – как бы держатель контрольного пакета с акциями-истинами, он на дружеской ноге с токарями-слесарями. Меньшевик – пенсне на местечковом носу – суетлив, труслив, трухляв, токаря-слесаря над ним потешаются. А эсер, этот взбесившийся мелкий буржуа, прикидываясь другом народа, носит косоворотку и такой уж нервный, такой нервный, будто за пазухой у него адская машинка; он либо бомбист, злонамеренно мешающий развитию массового движения, либо нахал, дергающий за бороду Карла Маркса»³³.

Специальным жанром советской историографии являлась критика буржуазных фальсификаторов истории. Работ такого рода применительно к историографии российского революционного терроризма гораздо больше, нежели посвященных анализу соответствующей отечественной литературы. Проблемы освещения террористической тактики российских революционных организаций в западной историографии затрагивались в исследованиях В.В. Гармизы, Л.С. Жумаевой, П.Н. Зырянова, А.П. Петрова, Г.И. Ильящука, Н.И. Канищевой, С.Р. Латыповой, С.В. Коновалова, М.И. Лео-

М.,1989. С. 28-33.

³² Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В. Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы // Непролетарские партии России в трех революциях. М.,1989. С.14, 16.

³³ Давыдов Ю. Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин // Савинков Б.В. Избранное. М.,1990. С.7.

нова, Д.Б. Павлова, С.А. Степанова и др.³⁴ Работы, как правило, осуществлялись в рамках разоблачения западных советологов, у которых за историческими теориями усматривали скрытые политические намерения. Г.И. Ильящук, анализируя французскую историографию истории партии эсеров, писал: «Препятствуя активизации трудящихся, желая оттолкнуть от рабочего класса его основных союзников, жрецы «советологии» пытаются опорочить реальный социализм, тенденциозно интерпретируя историю советского государства»³⁵. Методологией критики служило выявление классовой позиции автора. В.В. Гармиза и Л.С. Жумаева, оценивая воззрения О. Рэдки, подчеркивали: «Буржуазное мировоззрение не позволило О. Рэдки верно определить классовую базу и корни идейного бесплодия эсеров. И это дает возможность делать вывод относительно всей литературы об эсе-

³⁴ Канищева Н.И., Леонов М.И., Павлов Д.Б., Степанов С.А., Шелохаев В.В. Политические партии России в 1905–1907 годах (обзор новейшей немарксистской историографии) // История СССР. 1989. № 6; Гармиза В.В., Жумаева Л.С. Партия социалистов-революционеров в современной буржуазной историографии // История СССР. 1968. № 2; Павлов Д.Б. Критика некоторых концепций современной англо-язычной буржуазной историографии истории партии эсеров // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982; Петров А.П. Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех российских революциях. М., 1977; Ильящук Г.И. История партии эсеров в современной французской буржуазной историографии // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1982; Латыпова С.Р. Вопрос о роли мелкобуржуазных партий в социалистической революции в освещении современной американской историографии // Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. М., 1981; Коновалов В.С. Эсеры в революции 1905–1907 гг. (Англо-американская историография) Первая российская революция 1905–1907 гг. Обзор советской и зарубежной литературы. М., 1991; Зырянов П.Н., Шелохаев В.В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976.

³⁵ Ильящук Г.И. История партии эсеров в современной французской буржуазной историографии // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революции в период назревания социалистической революции. М., 1982. С.182.

ровской партии, выходящей на Западе»³⁶. Даже в 1988 г. В.Л. Дьячков писал: «Объективистский подход, отвечая потребностям развития буржуазной исторической науки и социальному заказу более гибких кругов буржуазии, долгое время не мог воплотиться в конкретных работах, так как, с одной стороны, он не был обеспечен в достаточной мере источниками, исследовательскими кадрами и другими условиями развития исторической науки, с другой - в обстановке «холодной войны» фальсификация была единственно приемлемым социальным заказом, данным империалистической буржуазией советологам»³⁷.

Несмотря на то, что позиции западных авторов преподносились упрощенно, подгонялись под схему, рациональное зерно в этой критике содержалось, и со многими ее положениями можно согласиться. В 1989–1991 годах появились первые работы, в которых указывалось на положительные стороны в исследованиях западных историков ПСР в сравнении с советской исторической школой. Так, авторы коллективной статьи «Политическая история России в 1905–1907 гг. (Обзор новейшей немарксистской историографии)» писали: «Не все проблемы, связанные с историей российских партий, исследуются в немарксистской историографии равномерно. Следует отметить приоритет западной историографии в разработке проблем численности и состава основных политических партий, а также особый интерес немарксистских исследователей к вопросам тактики внутрипартийной борьбы. В меньшей степени и преимущественно иллюстративно освещаются вопросы влияния партии на массы. Особое отставание зарубежных авторов наблюдается в анализе классовой природы партий. Здесь наиболее ощутима сила традиционных постулатов о «надклассовости»

³⁶ Гармиза В.В., Жумаева Л.С. Партия социалистов-революционеров в современной буржуазной историографии // История СССР. 1968. № 2. С.72.

³⁷ Дьячков В.Л. Партия эсеров в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне. (Критика современной буржуазной историографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 7.

партий либерального лагеря (октябристов, кадетов), об интеллигентской основе «радикалов» (большевиков, меньшевиков, эсеров). Вместе с тем немарксистские авторы исследуют проблемы, в советской историографии практически не подставленные. Так, делаются попытки изучить влияние психологических факторов на формирование политических взглядов, создать социально-политические портреты лидеров партий и т.п.»³⁸. Но общим вердиктом все же отдавалось предпочтение исследованиям советской исторической школы³⁹. Показательно, что западная историография именовалась не «буржуазной», а «немарксистской», что является свидетельством отступления в данный период от наиболее категоричных оценок. Особенно ценным следует признать историографический обзор И.А. Дьяконовой, единственное как в отечественной, так и в западной печати исследование, посвященное японской историографии первой русской революции⁴⁰.

Парадоксальная ситуация заключается в том, что историография работ западных исследователей представлена в отечественной литературе более акцентированно по сравнению с анализом трудов российских историков, что объясняется существовавшей в советское время традицией критики буржуазной науки⁴¹. Ведущим мотивом интерпретации трудов ино-

³⁸ Канищева Н.И., Леонов М.И., Павлов Д.Б., Степанов С.А., Шелохаев В.В. Политические партии России в 1905–1907 годах (обзор новейшей немарксистской историографии) // История СССР. 1989. № 6. С. 184.

³⁹ Там же. С. 185.

⁴⁰ Дьяконова И.А. Первая российская революция в освещении японской историографии // История СССР. 1989. № 2.

⁴¹ Гармиза В.В., Жумаева Л.С. Партия социалистов-революционеров в современной буржуазной историографии // История СССР. 1968. № 2; Павлов Д.Б. Критика некоторых концепций современной англоязычной буржуазной историографии истории партии эсеров // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982; Канищева Н.И., Леонов М.И., Павлов Д.Б., Степанов С.А., Шелохаев В.В. Политические партии России в 1905–1907 годах (Обзор новейшей немарксистской историографии) // История СССР. 1989. № 6 и др.

странных авторов было разоблачение исторических фальсификаций и тенденциозности⁴².

Качественно новый подход и оценки были предложены А.И. Зевелевым и Ю.П. Свириденко в изданной в 1992 г. Московским технологическим институтом книге «Историография истории политических партий России». Указывалось, что научная периодизация не обязательно совпадает с общественно политической и определяется не сменой политического курса, а выходом научных трудов. Была подробно проанализирована дооктябрьская историография. По мнению авторов, на развитие исторической литературы в 1920-е годы оказала влияние идеологическая борьба, ведомая ВКП(б) (в частности, судебный процесс над представителями ЦК ПСР), и узость источниковой базы при том, что сохранялся определенный плюрализм мнений. «Исследования последних лет, - писали авторы обзора, - подтвердили необходимость корректировки бытовавшего в литературе представления о партии эсеров в первой российской революции как исключительно заговорщической и террористической организации. В дальнейшем изучении нуждаются вопросы о месте и роли партии эсеров в системе политических сил, взаимодействии с другими политическими организациями мелкобуржуазной демократии, масштабах и степени влияния на различные слои общества»⁴³.

⁴² Абзалова С.Р. Великий Октябрь и мелкобуржуазные партии: Критика англо-американской буржуазной историографии. Казань, 1986; Гармиза В.В., Жумаева Л.С. Партия социалистов-революционеров в современной буржуазной историографии // История СССР. 1968. №2; Дьячков В.Л. Партия эсеров в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне. (Критика современной буржуазной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; Ильящук Г.И. История партии эсеров в современной французской буржуазной историографии // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций в период назревания социалистической революции. М., 1982.

⁴³ Зевелев А.И., Свириденко Ю.П. Историография истории политических партий России. М., 1992 г. С. 38.

Подробный обзор литературы об эсеровском терроризме предложил во введении к монографии «Боевая организации партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг.» Р.А. Городницкого. Оценивая исследования советских историков 1960 – начала 1980-х годов, автор, выступавший с апологией позитивистского подхода к истории, писал: «Необходимо отметить безусловные достижения исторической науки, зафиксированные в вышеперечисленных работах. В них эсеровская партия справедливо рассматривалась как массовая дореволюционная партия, отражавшая интересы значительной части российского общества. Было подробно и достаточно объективно оценена роль ПСР в общей расстановке революционных сил и масштабы ее деятельности, а также исследованы ее стратегия и тактика в различные исторические промежутки. Однако всем этим работам присущ общий недостаток – ограниченное внимание к чисто фактологической стороне разрабатываемых вопросов. Зачастую излишнее увлечение концептуальной стороной проблемы, связанной с эсеровским террором, не позволяло авторам исследований детально высветить драматические сюжеты и коллизии, присущее боевому движению. С концептуальными позициями авторов этих работ нельзя согласиться безусловно. В определенной степени теоретические недостатки могут быть объяснены недоступностью многих комплексов источников для широкого круга исследователей»⁴⁴. Впрочем, в остальном Р.А. Городницкий ограничился краткой аннотацией изданных работ⁴⁵.

Кстати, Р.А. Гордницким была предложена единственная на настоящее время периодизация историографии революционного, и в частности эсеровского, терроризма. История изучения деятельности террористических организаций дифференцировалась им на четыре периода: 1 – вторая половина 1910 – начало 1930-х годов (осмысление терроризма современ-

⁴⁴ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 11.

⁴⁵ Там же. С. 6–23.

никами и непосредственными участниками событий); 2 – середина 1930 – конец 1950-х годов (запрет на проведение исследований по теме индивидуального политического терроризма); 3 – середина 1960 – середина 1980-х годов (изучение истории терроризма как тактики мелкобуржуазных партий на основе ограниченного в доступе комплекса источников); 4 – начался с конца 1980-х годов (вовлечение в поле зрения историографии нового многочисленного корпуса источников, идеологическая свобода авторов в концептуальных оценках террористической деятельности)⁴⁶. Впрочем, оговаривался Р.А. Городницкий, исследовательская свобода не избавила значительную часть российских историков от многообразных идеологических клише⁴⁷.

Особо пристальное внимание О.В. Будницкий уделил дискуссии о самой дефиниции «терроризм» и времени возникновения террористического направления в общественном движении. Поэтому представленный им историографический обзор носил в большей степени методологический характер, нежели анализ исследований, посвященных непосредственно истории российского революционного терроризма⁴⁸.

Совершенно с других позиций смотрят на историографию революционного терроризма представители радикального спектра общественной мысли. А.Г. Дугин, оценивая современное состояние литературы о социалистах-революционерах, указывал на отсутствие современных политических преемников у эсеров, что не могло, по его мнению, не повлиять на историографическую интерпретацию их деятельности. «Мало кто интересуется сегодня эсерами, радикальными революционерами-террористами, которые были главными действующими лицами русской истории конца XIX

⁴⁶ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901 – 1911 гг. М., 1998. С. 5.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.).

– начала XX века. Правые причисляют их к агентам русофобского иудео-масонского заговора, либералы обвиняют их в радикализме и потенциальном тоталитаризме (видя в них зародыш сталинской системы) и даже сами коммунисты и крайне левые отрешиваются от них как от дискредитирующих идею экстремистов. Сдается, что у русского террора не наследников, так же, как нет отцов у поражения»⁴⁹. Правда, сам автор, объявляя себя наследником эсеровской традиции, представлял ее в виде особого мистико-эсхатологического и экзистенциального учения, что имело мало общего с реальными воззрениями социалистов-революционеров.

Историография истории российского революционного терроризма, находясь еще в плену старых методологических догм и выводов, стоит на пороге качественных изменений. Задача заключается в том, чтобы эти изменения не оказались абсолютным разрывом с лучшими традициями отечественной исторической школы.

Историография более раннего, народовольческого периода в истории террористического движения в России стала объектом исследования докторской диссертации О.В. Будницкого⁵⁰.

Самостоятельным видом историографических работ являются труды, посвященные персонифицированному рассмотрению исторических воззрений ряда авторов, писавших об истории российского революционного терроризма. Работы, акцентированные на исследовании литературного творчества Б.В. Савинкова, относятся к разряду как историографических источников, так и литературы⁵¹. Ход историко-литературной полемики во-

М., 2000. С. 3–27.

⁴⁹ Дугин А.Г. «Мне кажется, что губернатор все еще жив...» // Тамплиеры пролетариата. М., 1997. С. 318.

⁵⁰ Будницкий О.В. История изучения «Народной воли» в конце XIX – начале XX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.

⁵¹ Амфитеатров А.В. Два коня // За свободу. Варшава, 1924. № 192; Горбунов М. Савинков как мемуарист // Каторга и ссылка. 1928. №5(42); Келли А. Самоцензура и русская интеллигенция // Вопросы философии.

круг образа террориста в художественных произведениях Б.В. Савинкова был восстановлен в работах А. Келли и М. Могильнера⁵².

Следующую классифицируемую группу источников составляют рецензии и отзывы на публикации отдельных трудов по соответствующей проблематике⁵³.

Выдвинутые в процессе разработки темы суждения и характеристики в отношении конкретных историографических источников рассматриваются в соответствующих главах.

Анализ степени изученности проблемы позволяет заключить, что комплексного исследования историографии революционного терроризма в Российской Империи конца XIX – начала XX в. до настоящего времени не проводилось.

Цель данного диссертационного исследования заключается в проведении научно-историографического анализа изучения истории революционного терроризма в Российской Империи конца XIX – начала XX в. Для достижения указанной цели предполагается решение комплекса следующих задач:

- определить основные тенденции развития историографии российского революционного терроризма конца XIX – начала XX в.;

- выявить исторические факторы, оказавшие существенное влияние на творчество историков;

1990. № 10. С. 57–61; Тютчев Н.С. Заметки о воспоминаниях Б.В.Савинкова // Тютчев Н.С. «В ссылке» и другие воспоминания. М., 1925.

⁵² Келли А. Самоцензура и русская интеллигенция // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 57–61; Могильнер М. Мифология «подпольного человека». М., 1999. С. 102–120, 133–152.

⁵³ Гармиза В.В., Спириин Л.М. К.В. Гусев. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции: Исторический очерк // Вопросы истории КПСС. 1976. № 4; Тютюкин С.В. Вокруг современных дискуссий об Азефе // Отечественная история. 1992. № 5 и др.

- - выделить основные вехи и этапы изучения истории революционного терроризма в России;

- - установить наиболее значительные достижения исторической науки по рассматриваемой проблеме, а также указать на возможные противоречия, непоследовательность, слабую аргументацию, тенденциозность, другие недостатки в трудах историков и публицистов;

- - определить общее и особенное в трудах исследователей, занимающихся разработкой данной тематики, указать дискуссионные вопросы в интерпретации истории российского революционного терроризма;

- - провести верификацию выводов историков;

- - поставить задачи для будущих исследований по истории революционного террористического движения;

- - выработать на основе аккумуляции историографического опыта практические рекомендации для современных правоохранительных органов по борьбе с терроризмом.

Объектом исследования служат работы, посвященные истории революционного терроризма, отдельным его проявлениям и участникам.

Предметом исследования является историография революционного терроризма в Российской Империи конца XIX – начала XX в.

- **Методологической основой** работы послужил «многофакторный» подход в понимании историографии и истории, позволяющий подойти к решению проблемы с различных углов зрения, учитывая максимально возможное количество деталей и допуская альтернативную трактовку используемого материала.

Ведущими **принципами** в работе над диссертацией являются: принцип историзма; стремления к объективности; системного и комплексного подхода при проведении исследования.

Диссертант стремился использовать максимально широкий спектр **методов** исторических и историографических исследований. Наряду с ними применяются приемы исследовательской работы смежных научных дисциплин: криминалистики; конфликтологии; политологии; правоведения; психологии.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с начала XX в. по настоящее время, что определено временем развития историографии революционного терроризма в Российской Империи как самостоятельного направления в истории исторической науки.

Гипотеза исследования заключается в апробации тезиса о зависимости историографии российского революционного терроризма от практики террористического движения в современном мире.

Структура работы основывается на сочетании хронологического и проблемно-тематического подходов. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В ИСТОРИОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Историографическая ситуация

Прежде чем говорить об историческом осмыслении современниками рассматриваемого феномена, требуется реконструировать его обыденное восприятие. Терроризм в начале XX века стал для российского общества повседневным явлением. Широкое распространение получили анекдоты и афоризмы по поводу терактов. Шуткой дня, к примеру, было предупреждение «Осторожно, апельсин». Заложенный в ней «черный юмор» раскрывается при проведении терминологической контекстуализации, в данном случае установления ассоциативного ряда между апельсином и бомбой¹. На злобу дня звучали эзоповские строчки шуточных стихов по «апельсиновой тематике»:

«Боязливы люди стали –
Вкусный плод у них в опале.
Повстречаюсь с нашим братом –
Он питает страх к гранатам.
С полицейским встречусь чином –
Он дрожит пред апельсином».

Анекдотическим персонажем выступал С.Ю. Витте, обнаруживавший в анекдотах свое бессилие перед терроризмом. Так, согласно одной из популярных шуток, ему приписывалась намерение заменить золотые деньги динамитом, поскольку динамит течет в Россию, а золото утекает. «Сча-

¹ Донесения Евно Азефа // Былое. 1917. № 1(23). С. 221.

стве, - гласил распространенный афоризм, – подобно бомбе, которая подбрасывается: сегодня – под одного, завтра – под другого»².

Показательно, что в современном обществе анекдоты про чеченский терроризм не звучат. Само их появление было бы воспринято как кошунство. Подавляющее же большинство российских обывателей начала XX века не воспринимали терроризм массовой трагедией, относя угрозы его воздействия к узкому слою правительственных чиновников. Таким образом, генезис романтического направления в историографии истории революционного терроризма восходил к его повседневному пониманию.

Ситуацию в регионах страны иллюстрирует случай обращения к П.А. Столыпину, тогда еще саратовскому губернатору, двух начальников охранных отделений, просивших, чтобы, когда их убьют, он позаботился о семьях. И действительно, они были убиты. Государственные чиновники находились как бы на заклании у террористов.

Стиралась грань между революционным терроризмом и криминалитетом. П.Б. Струве, писав о «революционере нового типа», подразумевал некий симбиоз политического радикала и уголовника, не подверженного рефлексии моральных условностей. Именно террористы определили эпатажный, во многом художественный образ русского революционера начала XX века.

Неонародовольческое направление

Попытки исторического осмысления нового этапа развития терроризма в России предпринимались, прежде всего, представителями тех партий, которые использовали его в качестве одного из главных средств политической борьбы. Причем наряду с оптимистическими оценками о массовости современного терроризма высказывались и скептические взгляды. Новая генерация боевиков обвинялась в аморализме. Газета с характерным

² Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917. М., 1997.

названием «Секира» в 1906 г. предупреждала, что «революционный организм заражен нечаевщиной, чудовищной болезнью... вырождением революционного духа»³.

Для авторов, принадлежащих к протеррористическому направлению в историографии революционного движения, было характерно противопоставление всех оппозиционных самодержавию организаций по их отношению к терроризму. Поэтому в истории освободительной борьбы ими выделялось лишь два течения – соответственно, террористическое и культурническое. Ввиду такого подхода социал-демократы уравнивались с некоторыми умеренными группами в народничестве, даже с лавристами 1870-х годов.

Волна историографической апологии терроризма была инициирована изданием в 1893 г. в Женеве брошюры П.Ф. Алисова «Террор». Она адресовалась некому неизвестному товарищу, которым, как выяснилось много лет позже, являлся другой видный адепт террористической тактики В.Л. Бурцев. Именно он убедил автора в целесообразности и своевременности появления такого рода труда⁴. Будучи человеком довольно состоятельным, П.Ф. Алисов издал книжку за собственный счет. В ней он развивал концепцию «чистого терроризма». Яркий, афористический стиль изложения производил особое впечатление на читателей. П.Ф. Алисов не чуждался и непечатных выражений, что позволило Т.В. Плеханову в рецензии на одну из написанных им в таком стиле книг иронически посоветовать ему, поубавить крепость высказываний, ибо, в противном случае, его сочинения перестанут читать дамы⁵. Из современной экстремистской литературы в стилистическом отношении и алисовским текстам наиболее близка национал-большевистская «Лимонка».

С. 25.

³ Секира. 1906. № 12. С. 7.

⁴ ОР РГБ, ф. 358, карт. 375, ед. хр. 15, л. 88.

⁵ Плеханов Г.В. Библиографические заметки из «Социал-

Именно в терроризме видел П.Ф. Алисов главный завет и наследие народовольцев для последующих поколений русских революционеров. Отказ же от террористической тактики, полагал он, привел «Народную волю» к поражению. Она, по оценке публициста, вместо того, чтобы сосредоточиться на организации терактов, распыляла свои силы на составление утопических программ, устройство тайных типографий, организацию кружков среди военных и т.п. Планы народного восстания и захвата власти П.Ф. Алисов классифицировал как несбыточные. Терроризм же, – писал он, – уже сам по себе является программой: «... взорванный дворец, в прах обращенный колоссальный поезд... царь, разорванный в лохмотья среди бела дня... – в своем роде заповеди, произнесенные на Синае, среди туч, молний, громов... Как были ясны дела революционеров! Как они много говорили за себя, не нуждаясь в сложных программах!»⁶.

Особое негодование публициста вызывала «идиотская», по его оценке, антитеррористическая теза социал-демократов – «вы убьете одну гадину, выползет другая». Систематическое, а не единичное истребление, представителей правящего класса, полагал П.Ф. Алисов, опровергает социал-демократический скепсис. Следует, призывал он, уничтожить «несколько коронованных гадин подряд», тогда оставшиеся «стали бы благонравнее, милее, добрее и задумчивее»⁷.

Перспективы развития терроризма П.Ф. Алисов связывал с дальнейшим техническим прогрессом. Особые надежды им возлагались на бомбы, отсутствовавшие в арсенале предшествующих поколений революционеров. Если от револьверов и кинжалов носители высшей власти могли уберечься, организуя на десятки миллионов народных денег священные охраны, то от действия взрывных метательных снарядов спасения для них не было. Бомбы, полагал П.Ф. Алисов, заменят сотни тысяч людей, а потому террори-

демократии» // Плеханов Г.В. Соч. М., Б.г. Т. 4. С. 279.

⁶ Алисов П.Ф. Террор. (Письмо к товарищу). Женева. [1893]. С. 2–3.

стическая тактика в XX в. становится гораздо более эффективной, чем прежде⁸.

О «возбуждающей» функции теракта писали довольно многие революционные публицисты. Но для П.Ф. Алисова возбуждающее воздействие терроризма оказывалось сродни сошествию святого духа, мистической трансформации, национальному возрождению. «Террор, вооруженный динамитом, – писал он в свойственной афористической манере, – радостно поразил не только Россию, но и целый мир. Он вызвал энтузиазм к себе не только среди рабочих социалистов, но и в радикальной буржуазии... Террор совершил чудо: он влил огонь в вялые жилы индифферентных, дряблых, нейтральных... Победы террора – победы святого духа; они строят новую историю, чреватые такими неожиданностями, сопровождаются таким подъемом духа в целой нации, что самый пламенный, зоркий ум не в состоянии будет предсказать грядущее...»⁹.

Нетрудно заметить, что неподкрепленный политической платформой теракт мало чем отличается от тривиального уголовного преступления. П.Ф. Алисов, по сути, предвосхитил логику трансформации революционного терроризма в уголовщину.

Первым профессиональным исследователем истории революционного терроризма в России начала XX в. стал В.Л. Бурцев. Несмотря на наличие ряда работ, в которых рассматривались бурцевские сенсационные разоблачения провокаторства в революционном движении и другие конспиративные стороны политики царизма, его исторические исследования пока еще, к сожалению, не стали предметом специального историографического анализа¹⁰.

⁷ Алисов П.Ф. Указ. соч. С. 8.

⁸ Там же. С. 4–6.

⁹ Там же. С. 3.

¹⁰ Зензинов В.М. В.Л. Бурцев // Новый журнал. Нью-Йорк, 1943. №4; Альбус Н., Мельгунов С. Последний из дон-кихотов. (К 10-летию кончины

Фактические стороны истории терроризма восстанавливались В.Л. Бурцевым в публикациях в журналах «Былое» и «Народоволец», газетах «Свободная Россия», «Общее дело», «Будущее» и др. Террористическим актам отводилось видное место в составленном В.Л. Бурцевым календаре памятных дат истории революционного движения в России «Историко-революционный альманах» (первый тираж, выпущенный издательством «Шиповник» в 1907 г., был уничтожен цензурой; переиздан в 1917 г. под названием «Календарь русской революции»)¹¹. Будучи сам видным представителем радикального левого спектра неонароднического направления в революционном движении, он не мог не быть тенденциозным. Впрочем, В.Л. Бурцев вполне осознавал свою политическую ангажированность. Он подчеркивал, что исследования по истории революционного движения ведутся им «в интересах прежде всего текущей революционной борьбы». Все тактические ошибки в современном революционном движении объяснялись им недостаточным уровнем исторических знаний. «За последние годы, – писал В.Л. Бурцев в 1900 г. на страницах «Былого», – история революционного движения не только не изучалась, но ее старались лишь извращать в интересах кружковых доктрин, а наиболее дорогое и ценное выбрасывалось за борт»¹². Самым дорогим и ценным В.Л. Бурцев считал именно терроризм. Террористический опыт должен был «служить путеводным маяком для действующих революционеров»¹³.

В.Л. Бурцева) // Возрождение. Париж. 1953. № 24; Мельгунов С.П. В.Л. Бурцев // Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Вып. 1; Давыдов Ю.В. Г. Лопатин, его друзья и враги. М., 1984. С. 146–181; Давыдов Ю.В. Бурный Бурцев // Огонек. 1990. № 47, 48, 50; Владимир Бурцев и его корреспонденты / Сост. О.В. Будницкий // Отечественная история. 1992. № 6; Лурье Ф.М. Хранители прошлого // Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990.

¹¹ Календарь русской революции. Пг., 1917.

¹² Былое. 1902. № 1. С. 59–60.

¹³ Там же. С. 60.

Уже в конце XIX в., после вступления Николая II на престол, В.Л. Бурцев утверждал, что наступило время для новой волны политического терроризма, более мощной, нежели в 1879-1881 гг. За призывы к царевбийству он был приговорен в 1898 г. к восемнадцатимесячному тюремному заключению, которое отбывал в Лондоне. Призывы к терроризму расценивались преступлением не только по российскому, но по и сравнительно либеральному английскому законодательству.

По оценке О.В. Будницкого, суд над В.Л. Бурцевым являлся единственным в своем роде «литературным процессом»¹⁴. Добиться осуждения русского публициста в Англии удалось благодаря активному сотрудничеству шефа заграничной охраны П.И. Рачковского и главного инспектора Скотланд-Ярда У. Мелвилла, специализировавшегося прежде на борьбе с ирландским терроризмом. Даже премьер-министр Великобритании Р. Солсбери вынужден был заниматься «делом Бурцева». Таким образом, указанное дело представляет большой интерес как опыт международного сотрудничества в борьбе с терроризмом¹⁵. Показательно, что через пять лет В.Л. Бурцев, оказавшийся в Швейцарии и издавший там очередной номер журнала «Народоволец», был изгнан из страны, при том что в ней традиционно находили пристанище многие радикалы из России. В.Л. Бурцев выглядел в глазах швейцарских властей гораздо опаснее, чем, к примеру, В.И. Ленин.

В.Л. Бурцева привлекала конспирологическая сторона истории, что и предопределило разоблачительный характер ряда его исследований. Наряду с темой провокаторства в сферу его интересов, к примеру, входило обнаружение полицейского подлога в появлении на свет «Протоколов сионских мудрецов». В целом исторические воззрения В.Л. Бурцева классифицируются в рамках конспирологического направления историографии, пре-

¹⁴ Будницкий О.В. Англо-русские отношения и «дело Бурцева» // Научные чтения по всеобщей истории, посвященные памяти академика С.Д. Спазкина. Ростов н/Д., 1992. С. 106–109.

¹⁵ Senese D. Le Vil Melville: Evidence from the Okhrana File on the Trial

ломляясь в форме теории заговора охранного отделения¹⁶. Многие из авторов, конструировавшие впоследствии концепцию о собственной политической игре охранки, апеллировали к его разоблачениям. С 1908 по 1914 г. В.Л. Бурцев установил провокаторство многих видных представителей революционного подполья, таких как Е.Ф. Азеф, А.М. Гартинг, З.Н. Генгросс-Жученко и др. По выявленным им фактам провокаторства вносились запросы в Государственную Думу. Многие сведения были почерпнуты В.Л. Бурцевым посредством контактов с некоторыми чинами Департамента полиции – М.Е. Бакаем, И.В. Доброскоковым, А.Г. Герасимовым, А.А. Лопухиным и др. С не вполне убедительной попыткой опровержения бурцевских разоблачений М.Е. Бакай был даже вынужден выступить в 1912 г. в американской печати¹⁷.

По собственному признанию В.Л. Бурцева, его воззрения формировались главным образом под влиянием прочтения материалов о народо-вольческих процессах, которые были опубликованы в официальной печати. Таким же образом он пытался обратить в свою веру и других. Даже Г.Е. Зиновьев, еще не определившийся в политических взглядах, подвергся активной бурцевской пропаганде. В.Л. Бурцев, по позднему признанию

// Oxford Slavonic Papers. 1983. Val. 14. P. 150–153.

¹⁶ Бурцев В.Л. Долой царя. Лондон [1901]; Бурцев В.Л. За террор // Народоволец. 1897. № 3. С. 102–109; Бурцев В.Л. К оружию. Лондон, 1903; Бурцев В.Л. От редакции // Былое. 1901. № 2. С. 84–89; Бурцев В.Л. Памяти Гриневицкого // Былое. 1900. № 1. С. 6–17; Бурцев В.Л. Правда ли, что террор делают, но о терроре не говорят // Народоволец. 1897. № 2. С. 44–54; Бурцев В.Л. Социалисты-революционеры и народо-вольцы // Народоволец. 1903. № 4. С. 14–22; Былое: Журнал, издававшийся за границей под ред. В.Л. Бурцева. Ростов н/Д., 1906. Вып. 1, (1900–1902). Вып. 2. (1903–1904); За сто лет (1800–1896): Сборник по истории политических и общественных движений в России / Сост. Вл. Бурцев. Лондон, 1897.

¹⁷ Бакай М.Е. О разоблачителях и разоблачительстве. Нью-Йорк, 1912; Рейснер М.А. К общественному мнению! (Мое дело с В.Л. Бурцевым). СПб., 1913; Амфитеатров А.В. Бурцев // На всякий звук. СПб., [1913].

будущего большевика, предоставлял ему для чтения материалы для чтения о суде над террористами-цареубийцами 1881 г.¹⁸

О.В. Будницкий характеризует В.Л. Бурцева как самого последовательного и шумного пропагандиста терроризма в русской революционной публицистике, «трубадура терроризма»¹⁹. «Все пункты программы, кроме политического террора, — заявлял публицист на страницах «Свободной России, — имеют теперь для организации второстепенное значение.... Мы будем иметь громадное значение, если наша организация вся, как один человек, посвятит все свои силы, средства и связи для террористических нападений на правительство»²⁰. Им даже высказывалась утопическая надежда объединить на террористической ниве социалистов с либералами. «Политический террор, — обращался В.Л. Бурцев ко всей оппозиционной общественности, — имеет такое решающее значение в жизни нашей родины, его влияние так глубоко, всеобъемлюще, что перед ним все другие разногласия террористов должны исчезнуть. Политический террор — главным образом он — должен быть доминирующим фактором в установлении отношений между группами, признающими одинаково его огромное значение. Все защитники политического террора, несмотря ни на какие разногласия по всем другим вопросам, должны чувствовать себя членами одной семьи — так или иначе слиться в одну лигу политического террора»²¹. По его же позднему собственному признанию, он сводил политическую борьбу к простому бомбизму. В одной из дискуссий с «драгомановцами» В.Л. Бурцев признавался, что обнаруживает смысл терроризма в воздейст-

¹⁸ Зиновьев Г.Е. Воспоминания // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 189-190.

¹⁹ Будницкий О.В. Бурцев Владимир Львович // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2000. С. 89, 338.

²⁰ Бурцев В.Л. Из моих воспоминаний // Свободная Россия. 1889. № 1. Февраль. С. 30.

²¹ Бурцев В.Л. Долой царя. Лондон. [1901]. С.22.

вии на правительство в направлении реформаторской корректировки его политического курса. Именно под давлением терроризма «Народной воли», – полагал он, – Александр II призвал либерального М.Т. Лорис-Меликова²². В некоторых уступках самодержавия общественности в начале XX в. он также видел первостепенную заслугу действия боевых организаций. «Одинокие выстрелы Карповича и Лаговского, – писал В.Л. Бурцев в изданном в Лондоне сборнике «Долой царя», – заставили правительство вздрогнуть более, чем сотни стачек и десятки наиболее удачных манифестаций»²³. Причем теракты именовались им «увещанием» царя и правительства». Эти «увещания» подразумевали даже убийство императора, которому они, казалось бы, и были адресованы. Столь своеобразное понимание назначения терроризма позволило В.М. Чернову назвать В.Л. Бурцева теоретиком «челобитной царю, подкрепленной бомбой и подкинутой через какого-нибудь умного временщика»²⁴.

Парадоксальным образом радикализм в тактике соединялся со сравнительно умеренной по социалистическим меркам программой. Не случайно С.Н. Слетов отзывался о сотрудниках «Свободной России» как о «террористах-конституционалистах»²⁵. В редакционном коллективе газеты оппонентом В.Л. Бурцеву выступал М.П. Драгоманов, разногласия с которым в вопросе о терроризме и привели к упразднению издания.

Исторический опыт революционного движения, согласно В.Л. Бурцеву, приводил к заключению, что наиболее эффективные средства борьбы с самодержавием были представлены народовольцами. «Пора убедится всем, – декларировал он, – что революционная деятельность в России не может сводиться к одной пропаганде социализма и организации рабочих... Соци-

²² Воля России. Прага. 1924. №12-13. С.124-125.

²³ Бурцев В.Л. Долой царя. Лондон. [1901]. С.25.

²⁴ Чернов В.М. Малозагадочная метаморфоза // Воля России. Прага. 1924. № 12–13. С. 118.

²⁵ Слетов С.Н. К истории возникновения партии социалистов-

ал-демократизм нам не ко двору... Признаем же недостаточность социал-демократических программ и пойдемте на выучку к «Народной воле»»²⁶. Конечно, признавал публицист, народовольцы много внимания уделяли социалистической пропаганде, но их место в истории и слава обусловлены не этим, а террористической борьбой. В.Л. Бурцева не смущало то обстоятельство, что ответной реакцией на народовольческий терроризм стали контрреформы Александра III, а крупнейшие реформы «царя-освободителя» осуществлены еще до начала террористической эпопеи. Напротив, полагал он, реакция наступила ввиду отказа постнародовольческой генерации революционеров от террористической тактики. В адрес пропагандистов 1880–1890-х годов им выдвигался упрек в сужении масштабов революционной деятельности²⁷. В.Л. Бурцев даже утверждал о существовании среди революционных организаций внутренней реакции, доминировавшей в 1883–1897-х годах. Ее хронологические рамки он датировал с образования группы «Освобождение труда» до учреждения издания «Народоволец»²⁸. Это позволило Ю.О. Мартову в рецензии, помещенной в марксистском издании «Заря», иронизировать над попыткой В.Л. Бурцева связать возрождение революционного движения в России с собственной исторической миссией. Рецензент обвинял редактора «Былого» в отсутствии исторического вкуса, приводящем к смешению эпох и задорным выходкам в адрес всех тех, кто осмеливался критиковать воспеваемых им героев террора²⁹. Однако В.Л. Бурцев считал, что условия русской жизни с 1881 г. коренным образом не изменились, а потому народовольческая тактика не нуждается в корректировке. «Вне “Народной воли” нет спасения России!» –

революционеров. Пг., 1917. С.20.

²⁶ Бурцев В.Л. Правда ли, что террор делают, но о терроре не говорят // Бурцев В.Л. Долой царя! Лондон, [1901]. С.18.

²⁷ Былое: Журнал, издававшийся за границую под ред. В.Л. Бурцева. Ростов н/Д., 1906. Вып. 1 (1900–1902). С. 6.

²⁸ Былое. 1901. № 2. С. 139.

²⁹ Л.М. (Мартов Ю.О.) [Рецензия] // Заря. Штутгарт, 1901. Декабрь. № 2–3. С. 343, 345–346.

гласил категорический вывод публициста³⁰. Пожалуй, единственное, за что он критиковал народовольческую генерацию террористов, – это недооценка возможностей применения «метательных снарядов». «Если бы, – пояснял В.Л. Бурцев, – Кибальчич и его друзья были так же сильно убеждены в возможности покончить с царем с помощью метательных снарядов, как они были убеждены в возможности сделать это с помощью подкопа под Малой Садовой, то, конечно, факт 1-го марта совершился бы гораздо ранее, сопровождался бы целым рядом других аналогичных фактов и благодаря большим силам и лучшей подготовке произошел бы при иной обстановке – гораздо более внушительной для русского правительства. Реакция была бы совершенно сбита с ног, а друзья свободы России сразу почувствовали бы прочную почву под своими ногами»³¹.

Даже эсеры, по мнению В.Л. Бурцева, не соответствовали высокой планке террористической организации. При сравнении их с народовольцами он отдавал безусловное предпочтение последним. На ПСР, полагал В.Л. Бурцев, можно смотреть как на «партию с террористическими тенденциями, но о ней нельзя сказать, что она – террористическая партия»³². Терроризм в исполнении эсеровской Боевой организации являлся лишь «орудием агитации, мести, протеста, но он не был террором в прямом смысле этого слова: он никого серьезно не терроризировал, а в этом и должно заключаться его главное значение... Террор должен терроризировать правительство: иначе он не будет террором, а для этого многое в деятельности с[оциалистов]-р[еволюционеров] должно измениться: напр[имер], пора не ограничиваться браунингом и бороться не главным образом с Богдановичами»³³.

³⁰ Бурцев В.Л. Долой царя! Лондон, [1901]. С. 51.

³¹ Былое. 1900. № 1. С. 10–11.

³² Бурцев В.Л. Социалисты-революционеры и народовольцы // Народоволец. 1903. № 4. С. 19.

³³ Там же. С. 19.

В период, когда эсеровский терроризм все же стал явно превосходить по масштабам народовольческий, В.Л. Бурцев несколько скорректировал свои воззрения на сущность террористической тактики. Революционные теракты уже определялись им не способом воздействия на политику правительства, а пропагандистским сигналом, обращенным к массам. Рассуждая о покушении С.В. Балмашева на министра внутренних дел Д.С. Сипягина, он писал, что роль террорист «удачно спустил курок по Сипягину, пропаганда его дела перешла из рук его ближайших друзей в миллионы рук тех, кто его никогда не знал, но для кого, подобно ему, были близки вопросы сипягинской политики. Таким образом, факт так называемого индивидуального, а не массового, террора Балмашева оказался связанным бесчисленными нитями с идейной жизнью страны, более тесно связанным, чем десятки самых удачных массовых стачек и демонстраций»³⁴.

Несмотря на все старания, В.Л. Бурцев так и не смог сплотить русских революционеров на платформе надпартийного терроризма. По оценке Д. Сандерс, причина заключалась в чрезмерно упрощенном и схематическом подходе публициста к объяснению исторического процесса³⁵. В.Л. Бурцев не мог «модернизировать» взгляд на терроризм применительно к контексту начала XX в.

В 1907 г. В.Л. Бурцев попытался организовать при помощи некоего Кракова собственный боевой отряд. В него, наряду с последователями народовольческой линии, вошли также анархисты и максималисты. Единственным условием при кооптации в организацию являлось согласие на участие в политических убийствах.

Разочарование В.Л.Бурцева в революционном терроризме, очевидно, происходит под впечатлением от проведенного им самим азефского разоблачения. В годы Первой мировой войны бывший радикал решил отказаться

³⁴ Бурцев В.Л. Указ. соч. С. 18.

³⁵ Saunders D. Vladimir Burtsev and the Russian Revolutionary Emigra-

ся не только от терроризма, но и, до ожидаемой им победы над неприятелем, вообще от революционной борьбы.

Близких В.Л. Бурцеву взглядов на историю революционного движения придерживался Х.О. Житловский³⁶. В выпущенной им в 1898 г. в Лондоне под псевдонимом С. Григорович книге «Социализм и борьба за политическую свободу», название которой представляло перефразированное наименование плехановского труда «Социализм и политическая борьба», существенное место отводилось истории российского терроризма конца XIX в. Пафос его работы был направлен против Г.В. Плеханова и социал-демократической тактики борьбы с самодержавием. Как и В.Л. Бурцев, Х.О. Житловский апеллировал к народовольческому наследию в революционном движении. Он утверждал, что «Народная воля» являлась истинно социалистической партией, выражавшей интересы как крестьян, так и рабочих. А из всех ее «планов, намерений и начинаний...» действительно великим и исторически важным Х.О. Житловским считал «террор, которому одному партия обязана своей известностью, своим могуществом, своим обаянием»³⁷. Публициста не смущало, что программа «Народной воли» не сводилась к терроризму. Важно, по его мнению, было даже не то, что думали представители Исполнительного комитета, а деятельность, которую в действительности вела организация и общественный резонанс, с ней связанный. «Кому какое дело, – рассуждал Х.О. Житловский, – было до тех частных мотивов, которыми руководилась партия в своей террористической деятельности? “Народную волю” прочли тысячи, а про взрывы царских поездов и Зимнего дворца узнала вся страна. И если каждый из стра-

tion // European Studies Review. 1983. Vol. 13. № 1. P. 39–62.

³⁶ ГАРФ, ф. 102, ДП ОО, 1906, 1 отд., д. 788. (О докторе Х.И. Житловском); Будницкий О.В. Проблема террора в русской эмигрантской публицистике конца XIX – начала XX века // Россия в XIX – начале XX века. Ростов н/Д., 1992.

³⁷ Григорович С. (Житловский Х.О.). Социализм и борьба за политическую свободу. Лондон, 1898. С. 58.

давших под гнетом царизма по-своему понимал мотивы «Исполнительного комитета», то он не особенно ошибался: террор и был именно борьбой против гнета самодержавия, – гнета, который ощущался и сознавался многими»³⁸.

Исторический смысл генезиса терроризма в России им определялся рядом положительных в деле борьбы с деспотизмом последствий: во-первых, терроризм дезорганизуящим образом влиял на российское правительство, вызвав панический страх даже на высших ступенях чиновничьей иерархии; во-вторых, он возбуждающим образом воздействовал на общественность, включая даже земцев и либералов; в-третьих, теракты дискредитировали самодержавие в глазах Запада; и, наконец, воздействовали на русский народ, развенчав перед ним идею о неприкосновенности царской особы³⁹. Поражение революции в XIX в. Х.О. Житловский объяснял отказом социалистов от террористической практики. «Нет сомнения, – утверждал он, – что не террору партия обязана своим поражением, а отсутствию террора, или, вернее, отсутствию тех условий, которые дали бы возможность сделаться террористической деятельности непрерывной. Орудие не виновато в том, что его не употребляли в дело, или употребляли, не оставив дело более прочными гарантиями успеха»⁴⁰. Народовольцев, по его мнению, ввел в заблуждение расцвет русского либерализма, которому они уступили поле для политической активности. Либеральная же общественность не сумела воспользоваться «теми каштанами которые “Народная воля” таскала для него из огня»⁴¹.

Не менее вредным для революционного дела течением Х.О. Житловский определял марксизм. Главные упреки, адресованные им социал-

³⁸ Григорович С. Указ. соч. С. 53–54.

³⁹ Там же. С. 57–60.

⁴⁰ Там же. С. 24.

⁴¹ Там же. С.62.

демократии, заключались в отказе той от «пути людей 1-го марта» и абсолютизации ей стачечной борьбы⁴².

В отличие от В.Л. Бурцева, Х.О. Житловский не был склонен к абсолютной апологетике народовольцев. По его оценке, они забыли о своей социалистической природе, об опоре на трудящиеся массы. Прежним индивидуальным терактам Х.О. Житловский противопоставлял новые формы массовой организации террористической борьбы. Только опираясь на широкую народную поддержку и постоянную кооптацию новых членов через сеть боевых организаций, революционная партия предохраняет себя от физического истребления. Успех, писал он, придет и революционерам лишь в том случае, если террор станет «орудием борьбы целого общественного класса, который не переловишь и не перевешаешь, как переловлен и перевешан был “Исполнительный комитет”»⁴³.

Таким образом, несмотря на резкую критику социал-демократии, Х.О. Житловский, по-видимому, испытывал определенное влияние со стороны историографии марксистского направления. Ю.Л. Юделевский и вовсе отказывался видеть отличия Х.О. Житловского от социал-демократов⁴⁴.

Последовательным адептом террористической тактики в ретроспективной интерпретации революционного движения в России выступал Ю.Л. Юделевский. Цикл его статей по истории российского терроризма, публиковавшихся под литературными псевдонимами Я. Делевский. А.Галин, А.И. Комов, увидел свет на страницах неонароднической лондонской газеты «Накануне». Значительная часть из них вышла под рубрикой «Легенда и действительность». Под легендой подразумевалась социал-демократическая версия изложения истории российского революционного терроризма. Ю.Л. Юделевский критиковал выдвинутый социал-

⁴² Григорович С. Указ. соч. С.105.

⁴³ Там же. С.62.

⁴⁴ Галин А. (Юделевский Я.Л.) Легенда и действительность // Накануне. Лондон, 1901. № 26-27. С. 311.

демократами тезис о том, что причина поражения народовольцев заключалась в приоритете террористической деятельности, в жертву которой приносилась массовая работа. Напротив, полагал он, революционные теракты облегчили проведение агитационно-пропагандистских акций. Терроризм, по его мнению, способствовал более «мягкому» отношению властей к тем «политическим преступникам», которые не были замешаны собственно в террористической деятельности. Да и численность лиц, входивших в террористические группы, количественно поглощала лишь незначительную часть партии. «Вот почему, – продолжал Ю.Л. Юделевский, – неверно утверждение, что, по мере развития террористической деятельности, ослабевала социалистическая и агитационная работа»⁴⁵. Народническая революция, согласно его интерпретации, потерпела поражение не по причине использования террористической тактики, а в силу совершенно других факторов. Среди них он называл «понижение интеллектуального уровня молодежи, доминирующее мировоззрение и тенденциозную критику»⁴⁶. Таким образом, социал-демократия даже обвинялась Ю.Л. Юделевском в том, что посредством своей необоснованной критики терроризма нанесла непоправимый удар революционному движению. Традиционный аргумент противников терроризма о том, что теракты направлены против отдельных личностей, тогда как следовало бороться против системы в целом, он считал недоразумением. Терроризм, писал Ю.Л. Юделевский, направлен «против варварского политического строя, воплощаемого в группе лиц и поддерживаемого группой лиц. Строй не есть нечто мистически-бестелесное, существующее вне людей и помимо людей. И когда сущность политического строя заключается в порабощении целой страны шайкой узурпаторов, опирающихся на насилие и на традиции насилия, то террор, оказывающий раз-

⁴⁵ Галин А. (Юделевский Я.Л.). Легенда и действительность // Накануне. 1901. № 26–27. С. 312.

⁴⁶ Галин А. (Юделевский Я.Л.). Легенда и действительность // Накануне. 1901. № 25. С. 293.

рушительное действие на эту шайку, разрушительно действует также и на самую систему»⁴⁷.

В качестве аргумента, свидетельствующего о преимуществах террористической тактики, он даже ссылался на мнение полицейских чинов, в частности одного из организаторов внедрения провокаторов в революционную среду Г.П. Судейкина. Терроризм, полагал публицист, был гораздо страшнее для самодержавного режима, чем «все формы культурной, пропагандистской и агитационной деятельности, взятые вместе»⁴⁸. Другим аргументом Ю.Л. Юделевского служило указание на специфические условия самодержавной России. В отличие от стран Запада, в ней «массовая организация для борьбы с самодержавным режимом невозможна», а потому тактика борьбы «Народной воли» является единственно приемлемой⁴⁹. Все прочие формы классовой борьбы (демонстрации, стачки, протесты, петиции, манифестации и др.) классифицировались Ю.Л. Юделевским как «сопутствующие средства воздействия на правительство»⁵⁰. Подлинными же революционерами не на словах, а на деле вступали в борьбу с деспотизмом.

Функциональное предназначение терроризма Ю.Л. Юделевский определял непосредственным наступлением на самодержавие. Агитационным и оборонительным функциям терактов он отводил лишь подчиненную роль. «Русские революционеры, – призывал Ю.Л. Юделевский, – должны себе поставить целью беспрестанными нападениями, повторяющимися волнениями и никогда не прерывающимися выражениями общественного возбуждения, протеста и недовольства парализовать нормальный ход жизни правительства, сделать существование самодержавия невыносимым,

⁴⁷ Комов А.И. (Юделевский Я.Л.). Вопросы мирозерцания и тактики русских революционеров. Лондон, 1903. С. 55.

⁴⁸ Галин А. (Юделевский Я.Л.). Легенда и действительность // Накануне. 1901. № 26–27. С. 312.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Комов А.И. (Юделевский Я.Л.). Вопросы мирозерцания и тактики русских революционеров. Лондон, 1903. С. 48.

чего даже в самом наихудшем случае будет достаточно, по крайней мере, для того, чтобы принудить его пойти на такие серьезные уступки, которые значительно облегчат нам дальнейшую борьбу»⁵¹.

Причину недооценки терроризма Ю.Л. Юделевский усматривал в методологии идеализации масс и исторического процесса. Такого рода теории он называл «невежественной схоластикой». Между тем история, полагал Ю.Л. Юделевский, творится усилиями организованного революционного меньшинства⁵².

В отличие от многих других адептов терроризма, Ю.Л. Юделевский отнюдь не пересмотрел свои взгляды и под влиянием резонанса азефского дела. В «азефщине», считал публицист, был повинен не терроризм, а анти-террористическая позиция эсеровского ЦК. Руководство ПСР он обвинял в намерении переложить ответственность за случившееся с себя на Боевую организацию, «наложить клеймо азефщины на саму душу террористов»⁵³. Провокаторство, считал он, стало возможно ввиду фактической приостановки террористической деятельности. В противном случае, полагал Ю.Л. Юделевский, оно бы сразу было обнаружено. «Террор, – заключал он свои рассуждения, – надо делать как следует или вовсе его не делать... нельзя террор делать вполтину». Отказ от террористической тактики Ю.Л. Юделевский оценивал как предательство по отношению к предшествующим поколениям террористов, многочисленные жертвы со стороны которых в данном случае оказывались напрасными. «“Валаамовы ослицы” антитерроризма, – предупреждал он, – хотят стать “такою же партией, как иные

⁵¹ Комов А.И. Указ. соч. С. 50.

⁵² Липин А. (Юделевский Я.Л.). Суд над азефщиною. Париж, 1911. С. 67-73.

⁵³ Комов А.И. (Юделевский Я.Л.). Вопросы мирозерцания и тактики русских революционеров. Лондон, 1903. С. 64-65.

прочие”». «Некоторые из них хотят заменить террор участием в 4-й Думе. Идет, грядет воинствующий культурник»⁵⁴.

Позитивно оценивал исторический опыт «Народной воли», считая его наиболее востребованным для современного поколения революционеров, один из лидеров парижской «Группы старых народовольцев» Н.С. Русанов. Он полагал, что после осуществления царубийства самодержавие было более всего за всю российскую историю склонно к уступкам. Вину за поражение революционеров-террористов Н.С. Русанов возлагал на либералов. Радуюсь втайне царубийству, они публично осуждали терроризм и холостовали перед «прахом царя-мученика». В действительности, полагал Н.С. Русанов, либералы не в меньшей степени рассчитывали на бомбы, чем сами народовольцы. Но их пассивность привела к тому, что самодержавие «вытолкнутое на время динамитными взрывами из отвесной линии, покачалось некоторое время направо и налево и затем пришло в прежнее положение»⁵⁵. Н.С. Русанов фактически первым в историографии апробировал тезис о двурушнической позиции либералов по отношению к революционному терроризму.

Через несколько лет в программной статье первого номера «Вестника русской революции» Н.С. Русанов со всей определенностью заявлял: «Мы считаем себя идейными продолжателями “Народной воли”». Правда, полагал он, новые исторические обстоятельства, выраженные в развитии капитализма «в его разрушающих и созидających формах», предполагают организацию террористической деятельности с опорой на массовую партию. «Верные традициям Исполнительно комитета, – писал Н.С. Русанов, – мы смотрим на террор как на необходимое, хотя и печальное, орудие борьбы с правительством, которое само отказывается от человеческих форм самоза-

⁵⁴ Комов А.И. Указ. соч. С. 81–82.

⁵⁵ Тарасов К. [Русанов Н.С.] На рубеже двух царствований (Александр III. Николай II). // Материалы для истории русского социально-революционного движения. Париж, 1895. № 5. С. 327–328.

щиты. И, как Исполнительный же комитет, мы полагаем, что систематический террор может оказаться целесообразным лишь в руках организованной партии. Не забудем, что террористическая деятельность «Народной воли» отвечала насущной необходимости революционной борьбы, отвечала исторической, до сих пор еще не решенной задаче низвержения самодержавия, отвечала, наконец, настроению всех живых сил общества. Но уж, конечно, не из заграницы мы будем призывать людей к террору и ограничиваемся простым напоминанием о той точке зрения, на которой стояли двадцать лет назад наши товарищи...»⁵⁶. Причем прием исторической апелляции к народовольческой террористической традиции был характерен для большинства программных работ адептов развития терроризма в конце XIX – начале XX века.

Эсеры

При сравнительно многочисленных попытках реконструкции исторических воззрений В.М. Чернова, как правило, недостаточное внимание уделялось интерпретации им террористической составляющей в истории революционного движения. Эсеровский теоретик определял вектор исторического развития терроризма в России конца XIX – начала XX в. соединением его с массовым движением.

Поводом к началу широкой общественной дискуссии о терроризме стало убийство в апреле 1902 г. членом эсеровской Боевой организации С.В. Балмашевым министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Вопреки современному стереотипу о ПСР как террористической партии изначально социалисты-революционеры отнюдь не ассоциировались с терроризмом. Ввиду этого в социал-демократической печати ставилась под сомнение эсеровская принадлежность С.В. Балмашева. Только взяв на себя ответственность за совершенный теракт, ПСР вступила на террористические рельсы. Теоретическое обоснование эсеровский терроризм получил в статье

⁵⁶ Наша программа // Вестник русской революции. 1901. № 31. С. 14.

В.М. Чернова «Террористический элемент в нашей программе», опубликованной в 1902 г. в седьмом номере «Революционной России». Для контекста преобладания умеренных течений в общественной мысли она имела характер сенсации. Уже годом позже, после совершения эсеровскими боевиками новых терактов, ее сенсационность при переиздании в сборнике статей «По вопросам программы и тактики» заметно уменьшилась. «Сколько ни высказывали сомнений, сколько возражений ни выставляли против этого способа борьбы партийные догматики, – декларировал автор, – жизнь каждый раз оказывалась сильнее их теоретических предубеждений. Террористические действия оказывались не то что просто “нужными” и “целесообразными”, а необходимыми, неизбежными»⁵⁷. В.М. Чернов противопоставлял эсеровский терроризм народовольческому. Он предостерегал от ошибок «Народной воли», чьи лидеры, оторвавшись от массового движения, в конце концов «затерроризировались».

По представлениям же В.М. Чернова, терроризм был эффективен лишь при взаимодействии с другими формами борьбы. Он писал: «Отнюдь не заменить, а лишь дополнить и усилить хотим мы массовую борьбу смелыми ударами боевого авангарда, попадающими в самое сердце вражеского лагеря»⁵⁸. На упреки социал-демократов об отказе эсеров от работы в массах В.М. Чернов отвечал: «Отнюдь не заменить, а лишь дополнить и усилить хотим мы массовую борьбу смелыми ударами боевого авангарда, попадающими в самое сердце вражеского лагеря»⁵⁹.

Терроризм рассматривался В.М. Черновым, прежде всего, как средство самообороны общества от произвола властей. В статье прослежива-

⁵⁷ [Чернов В.М.] Террористический элемент в нашей программе // По вопросам программы и тактики: Сборник статей из «Революционной России». Женева, 1903. С. 71.

⁵⁸ Там же. С. 79.

⁵⁹ Там же. С. 80.

лась динамика роста правительственных репрессий, что и предполагало организацию соответствующего отпора террористическими методами⁶⁰.

Другая функция революционного теракта, согласно В.М. Чернову, заключалась в оказании агитационного воздействия на массы. Убийство министра внутренних дел он оценивал как наиболее эффективный пропагандистский шаг. Резонанс от совершения теракта был на порядок выше, чем от длительной словесной агитации. «Если обвинительный акт Сипягину, – писал В.М. Чернов, – в обычное время был бы прочитан тысячами людей, то после террористического акта он будет прочитан десятками тысяч, а стоустая молва распространит его влияние на сотни тысяч, на миллионы»⁶¹.

Определенный скепсис В.М. Чернова в отношении дезорганизующей функции терроризма отмечал О.В. Будницкий⁶². Черновский скептицизм проистекал, очевидно, из характера общественного восприятия последствий важнейших терактов для определения государственного курса страны. На место убитого народовольцами царя-реформатора Александра II пришел реакционер Александр III, а ликвидированного эсерами Д.С. Сипягина сменил В.К. Плеве, который, по всеобщему признанию оппозиции, был гораздо хуже. Впоследствии В.М. Чернов подчеркивал, что допускал дезорганизационное воздействие терактов на правительство только при совокупности благоприятных условий⁶³. Лишь при ситуации, когда самодержавный режим «окружает огненное кольцо волнений, демонстраций, сопротивления властям, бунтов, – тогда метко направленные удары, неожиданно сваливающие с ног наиболее ревностных и энергичных столпов реакции, без-

⁶⁰ [Чернов В.М.] Указ. соч. С. 72.

⁶¹ Там же. С. 78.

⁶² Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX- начало XX в.). М., 2000. С.137.

⁶³ Из истории партии социалистов-революционеров. «Показания» В.М. Чернова // Новый журнал. Нью-Йорк, 1970. Кн. 100. С. 303.

условно, способны внести в ряды правительственных слуг расстройство и смятение»⁶⁴.

Дальнейшее осмысление В.М. Черновым истории российского терроризма предпринимается в статье «Террор и массовое движение», вызванной новым эсеровским терактом, на этот раз убийством в мае 1903 г. членом Боевой организации ПСР Е. Дулебовым уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Автор был вынужден сосредоточиться на опровержении искровской критики терроризма. Он еще раз подтвердил эсеровскую позицию, «что террористические акты должны иметь возможно более тесную связь с массовым движением, опираться на нужды этого движения и дополнять его и, в свою очередь, давать толчок проявлениям массовой борьбы, возбуждая революционное настроение в массах»⁶⁵. Именно в отсутствии поддержки в массовом рабочем движении видел В.М. Чернов историческую обреченность террористов «Народной воли». У социалистов-революционеров, полагал он, такая поддержка «теперь уже есть и растет с каждым днем»⁶⁶. Террористическая организация, по оценке В.М. Чернова, есть не более чем один из отрядов общей революционной армии, отличающийся лишь определенным родом оружия и выполняющей такую же важную функцию, как и другие отряды, к примеру транспортная и типографская группы⁶⁷.

Главным аргументом В.М. Чернова в полемике с «искровцами» являлось указание на необходимость отпора произволу «царских опричников». Такой отпор применяется, например, при расстреле войсками рабочей демонстрации. Поэтому убийство Н.М.Богдановича, по приказу которого солдаты стреляли в Златоусте в бастовавших рабочих, выглядело в глазах В.М.

⁶⁴ [Чернов В.М.] Террористический элемент в нашей программе. С. 78.

⁶⁵ Чернов В.М. Террор и массовое движение // По вопросам программы и тактики. С. 122.

⁶⁶ Там же. С. 127–128.

Чернова вполне оправданно. Террористический акт против уфимского губернатора, предсказывал эсеровский теоретик, «будет понят борющимся пролетариатом и, отвечая осознанной им психологической необходимости дать отпор врагу, он поднимет революционную энергию рабочей массы»⁶⁸.

Среди эсеровских теоретиков В.М. Чернов одним из последних продолжал отстаивать принципы террористической тактики. На состоявшемся в мае 1909 г. V Совете партии он представил в защиту терроризма едва ли не все аргументы его сторонников, в том числе и ряд исторических доводов⁶⁹. Именно благодаря громким терактам, утверждал В.М. Чернов, партия социалистов-революционеров преобразовалась в массовую организацию. При вступлении эсеров в 1902 г. на террористическую стезю в стране наблюдалось общественное затишье. Но, организовав покушение на Д.С. Сипягина, террористы верили в возможность преобразовать «потенциальную» революционную энергию масс в «кинетическую». «Партия вступила на террористический путь, и, - заключал В.М. Чернов, - в настоящее время мы вправе сказать, что эта вера, это убеждение – оправдались».

В качестве примера агитационного воздействия терактов В.М. Чернов приводил убийство в течение декабря 1906 г. во время избирательной компании по выборам в Государственную Думу военного прокурора В.П. Павлова, петербургского градоначальника В.Ф. Лауница, графа А.П. Игнатьева и руководителя одной из локальных карательных экспедиций Литвинова. По его оценке, эти деяния пробудили политическую активность избирателей, предопределив соответствующие результаты голосования. Если эсеры, как следовало из выступления В.М. Чернова, сознательно организовывали убийства «под выборы», то такой способ ведения избирательной

⁶⁷ Чернов В.М. Указ. соч. С. 124–125.

⁶⁸ Там же. С. 129.

⁶⁹ Вопрос о терроре на V Совете партии: май 1909 года // Социалист-революционер. 1911. № 2.

кампании следует признать беспрецедентным в мировой исторической практике.

Судя по всему, определенное влияние на формирование представлений В.М. Чернова о терроризме оказал основоположник Боевой организации эсеров Г.А. Гершуни. Статья «Террористический элемент в нашей программе» создавалась им при активном участии последнего⁷⁰. По свидетельству В.М. Чернова, часто цитировавшаяся фраза социал-демократии «мы протягивали свою левую руку, потому что правая держит меч» принадлежала именно Г.А. Гершуни⁷¹.

Значительное место вопросам отношения эсеров к террору было уделено в одной из первых работ, непосредственно посвященных истории ПСР, – «Из прошлого партии социалистов-революционеров», опубликованной в 1907 г. в историко-революционном журнале «Былое». Ее автор А.А. Аргунов подчеркивал, что лейтмотивом формирования партии являлись жаркие споры о террористической тактике и о преемстве ПСР по отношению к «Народной воле»⁷².

По проблемам истории революционного террора счел нужным высказаться и один из организаторов ПСР М.Р. Гоц. Не случайно в заглавие его работы были вынесены лишь даты 1881–1901 гг. «Титаническая борьба конца 70-х годов, достигшая кульминационной почки 1-го марта, – писал М.Р. Гоц, – может до сих пор дать нам полезные указания, которые, в связи с уроками нашего современного революционного опыта, помогут, наконец, русским социалистам выйти на широкую дорогу решительной борьбы с самодержавием во имя интересов трудящегося большинства»⁷³.

⁷⁰ Из истории партии социалистов-революционеров. «Показания» В.М. Чернова // Новый журнал. Нью-Йорк, 1970. Кн. 100. С. 303.

⁷¹ Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993. С. 137.

⁷² Аргунов А.А. Из прошлого партии социалистов-революционеров // Былое. 1907. № 10. С. 98.

⁷³ Левицкий А. [Гоц. М.Р.] 1881–1901 // Вестник русской революции.

В отличие от большинства других адептов террористической тактики, он указывал, что наследие «Народной воли» не исчерпывается терроризмом. Наряду с терактами народовольцы с успехом осуществляли и другую революционную работу. Поэтому М.Р. Гоц предостерегал против абсолютизации какого-либо одного из направлений деятельности народовольцев.

В дискуссии с В.М. Черновым по принципиальным вопросам революционного терроризма вступил на V Совете партии некий делегат, настоящая фамилия которого оказалась сокрыта за псевдонимом Северский. Оппонент даже ссылался на авторитет психиатра В.М. Бехтерева, исследовавшего эффект привыкания к сильным ощущениям и связанное с этим притупление страха перед смертью. Пребывая много лет под дамокловым мечом террора, представители высшей власти стали постепенно привыкать к опасности. Ввиду этого, полагал Северский, запугать терактами их не удастся⁷⁴. Ссылку В.М. Чернова на успешный в агитационном отношении опыт террористической кампании 1902–1905 гг. он подверг критике с методологических позиций. Главный его аргумент заключался в утверждении о неповторяемости истории. То, что удалось осуществить однажды, не повторится второй раз⁷⁵. Впрочем, Северский вовсе не отвергал терроризм как метод ведения борьбы. Он лишь считал необходимым объявлять «антракты». Террору «несдержанного рефлекса», каким ему представлялась предшествующая деятельность эсеровской БО, Северский противопоставлял «террор расчетливый, холодно-расчетливый, начинающий органические движения и тесно связанный с ними, террор сосредоточенно-вдумчивый»⁷⁶.

1901. № 1. С. 14.

⁷⁴ Вопрос о терроре на V Совете партии: май 1909 года // Социалист-революционер. 1911. № 2. С. 6.

⁷⁵ Там же. С. 48–49.

⁷⁶ Там же. С. 50–51.

Ряд вопросов истории российского терроризма затрагивали во время дискуссии на V Совете партии и другие ораторы. Так, И.А. Рубанович указывал, что во «времена Плеве» теракты оправдывались двумя основными аргументами соответственно юридического и морального плана: во-первых, необходимостью дать отпор правительственному произволу, во-вторых, мотивом осуществления возмездия и правосудия. Однако в контексте наступления эпохи борьбы классов индивидуальный террор, полагал оратор, теряет свою актуальность. Вместе с тем И.А. Рубанович говорил о временном торжестве реакции, поражении народа. Он даже угрожал реакционным классам: «Есть одна затаенная мысль: накопить силу, чтобы одолеть реакцию и, кто знает, может быть, отплатить ей теми же жестокостями, но не индивидуальными, а массовыми»⁷⁷. Оратор, очевидно, не замечал, что тезис о торжестве реакции вступает в противоречие с утверждением о наступлении принципиально новой эпохи по сравнению с «временами Плеве», когда вместо террористических групп в борьбу вступают целые классы.

Другой упрек И.А. Рубановича был направлен против кавалергардской психологии террористов. Она, по его мнению, стала следствием оторванности их от общепартийной работы, чрезмерной специализации.

Одним из первых в самой революционной среде на тенденцию пережизнения терроризма в хулиганство обратил внимание Б.Г. Билит, публиковавшийся под псевдонимом Борисов. Его как бывшего члена народо-вольческого кружка «парижских бомбистов» и заведующего эсеровскими мастерскими по производству взрывчатых веществ во Франции и Швейцарии нельзя было заподозрить в трусости. Для иллюстрации своих идей он привлекает особенно яркий, в силу региональных особенностей, материал. Автор представил палитру перманентного насилия над местным населением различного рода революционных банд, выступавших под наименова-

⁷⁷ Вопрос о терроре на V Совете партии: май 1909 года // Социалист-

ниями анархистов-коммунистов, анархистов-индивидуалистов, интернациональных летучих боевых отрядов, армавирского комитета, комитета-бюро и т.п. Их социальную основу составляли люмпенизированные слои населения, маргинальные личности. Однако, как с прискорбием сообщал Б.Г. Билит, в эти хулиганские группировки входило немало бывших эсеров и социал-демократов, которые чаще всего и возглавляли псевдореволюционные предприятия. Под революционными лозунгами осуществлялись тривиальные вымогательства и грабежи⁷⁸. Оппонируя на V Совете партии В.М. Чернову, Б.Г. Билит утверждал, что революционный терроризм был скомпрометирован его массовостью, т.е. как раз тем, к чему призывал ведущий эсеровский теоретик. «Возбуждающий» эффект от совершения терактов, полагал он, ввиду их повседневности также сомнителен. «Громом – теперь никого не удивишь, – констатировал Б.Г. Билит». Да и романтический ореол революционного теракта при ситуации, когда он совершался ради 50 копеек, по его мнению, был существенно развенчан⁷⁹.

Для историографии революционного движения в России в целом была характерна этизация вопроса о политическом терроризме. Его историческая правомочность зачастую рассматривалась через призму проблемы нравственности. В.М. Чернов, к примеру, пытался разрешить ее, апеллируя к библейскому тезису «не человек для субботы, а суббота для человека». При осуществлении революций, указывал он, количество жертв гораздо больше, нежели при проведении терактов. Неужели, вопрошал он, жизнь тысяч крестьян и рабочих, переодетых в солдатские шинели и мобилизованных на защиту самодержавного режима «с нравственной точки зрения менее священна, чем жизнь таких зверей в образе человеческом, как Сипя-

революционер. 1911. № 2. С. 21–22.

⁷⁸ Борисов С. [Билит Б.Г.]. Революция и революционное хулиганство. (Письмо с Северного Кавказа) // Знамя труда. 1908. Январь. №9. С.11-12.

⁷⁹ Вопрос о терроре на V Совете партии: май 1909 года // Социалист-революционер. 1911. № 2. С. 17.

гины, Клейгельсы и Плева?»⁸⁰. Вообще, при всех различных вариациях нравственной реабилитации террористов так или иначе апробировался все тот же тривиальный тезис об оправдании высокой целью средств ее достижения.

Однако в историографии российского революционного движения имелось и направление эстетизации терроризма. Оно было, в частности, представлено рядом публикаций на страницах газеты крайнего левого течения в ПСР «Революционная мысль». Терроризм обосновывался не стремлением к социальной справедливости, а неким демиургическим порывом террористов. Так, редактор «Революционной мысли» В.К. Агафонов, выступавший под литературным псевдонимом Сиверский, в характерном для газеты афористическом стиле вещал: «В руках русских революционеров судьбы России... Только героические акты, только предсмертная песнь борцов за бессмертные идеалы может поднять передовые отряды масс и вдохновить их на бой. Эти грозные мстители – прообраз грядущего нового человека. Для них “я хочу” сливается с “я творю”. Проявление “я” – есть творчество новой ценности. И в этом творчестве “я” сливается с миром. Во имя утверждения такой ценности герой жертвует своей жизнью»⁸¹. Даже если судить по процитированному фрагменту, будет очевидным влияние на воззрения автора философии Ницше и Шопенгауэра. Недоразумением можно считать негативную оценку В.К. Агафоновым творчества В. Ропшина. Редактор «Революционной мысли» даже сравнивал выведенного в «Коне бледном» савинковского персонажа Жоржа с Азефом. «К русскому терроризму, – негодовал он, – прикоснулись и пресмыкающийся Азеф, и гарцующий «Конь бледный». Удар копытом может быть иногда опаснее змеиного жала. Азев – шпион, он вожделенец по натуре и по про-

⁸⁰ [Чернов В.М.] Террористический элемент в нашей программе // По вопросам программы и тактики. С.71-73.

⁸¹ Сиверский [Агафонов В.К.]. Memento mori! // Революционная мысль. 1909. № 35. Июль. С. 3.

фессии. Жорж – террорист. И у террориста оказалась почти та же психика, что и у вождя-шпиона!.. Если среди русских террористов действительно находятся Жоржи, то погиб террор и погибла русская революция»⁸². Между тем эстетствующий террорист Б.В. Савинков в мировоззренческом плане был наиболее близок именно к «Революционной мысли»⁸³.

Историографический по существу характер имели дискуссии вокруг литературных произведений В. Ропшина (одного из лидеров Боевой организации эсеров Б.В. Савинкова). Многочисленные рецензенты и оппоненты дискутировали не об особенностях художественного стиля автора, а о соотношении литературных персонажей с реальным историческим обликом революционного террориста.

Среди авторов, представлявших революционную семиосферу, утвердился взгляд на Б.В. Савинкова как на «оплевывателя революции». Так, А.М. Горький называл автора «Коня бледного» «палачом, не чуждым лиризма и зараженным карамазовской болезнью»⁸⁴. В письме к А.В. Амфитеатрову он предрекал, что начавшаяся в эсеровских «Заветах» публикация романа В. Ропшина «То, чего не было» «даст очень солидный материал газетам духа и тем, кто любит плясать на могилах»⁸⁵. Однако респондент отказывался поверить в диссидентскую сущность авангарда революционного движения. Он предпочитал трактовать произведение В. Ропшина как антинигилистический роман. В его понимании Б.В. Савинков выступал наследником литературной традиции Н.С. Лескова, В.В. Крестовского и В.П. Ключеникова⁸⁶.

Максималисты

⁸² Сиверский [Агафонов В.К.]. Указ. соч. С.3.

⁸³ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Л., 1990.

⁸⁴ Архив А.М. Горького. М., 1969. Т. 12. С. 220.

⁸⁵ Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка // Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 394.

⁸⁶ Там же. С. 396.

Теоретики максимализма не были склонны отделять, а тем более противопоставлять, индивидуальный террор и прочие насильственные формы революционной борьбы. Именно максималисты теоретически и практически обосновали возможность массовых террористических операций. Все виды террора – «центральный», местный массовый «экономический», аграрный годились, с их точки зрения, для дезорганизации правительственного аппарата самодержавия. Террор перестал быть исключительно индивидуальным. «Революционная тактика, – декларировалось со страниц максималистского издания «Воля труда», – чтобы при всяких условиях, во всякие времена развивать максимум боевой энергии... и считать целесообразным всякое действие, ведущее к дезорганизации современного строя»⁸⁷. Правда, при этом максималисты ни под каким видом не принимали парламентские формы. Одна из задач террора виделась ими в «выталкивании» революции из «думского тупика»⁸⁸. Идеи развития терроризма соотносились у максималистов с народническим пониманием факторов исторического процесса. В качестве локомотива истории они, в отличие от марксистов, определяли не классовую борьбу, а деятельность творческого меньшинства. «История, – рассуждал легендарный лидер максималистов М.И. Соколов («Каин», «Медведь»), – идет по равнодействующей: чем левее отклонимся мы, тем левее направится и равнодействующая сложного параллелограмма сил истории. Мы хотим дать колесу истории максимальный размах.... Пусть немедленная социализация фабрик и заводов неосуществима как прочное завоевание, пусть это будет лишь минутный захват – один миг реальной власти пролетариата приблизит его будущую власть на многие годы. Идея должна воплотиться хоть на мгновение – она даст росток, из которого разовьется дерево социализма»⁸⁹. Комментируя противоречия соколовских воззрений, исследователь истории максималистских ор-

⁸⁷ Воля труда: Сб. статей. М.: Тип. Иванова, 1907. С. 69.

⁸⁸ Там же. С. 38.

⁸⁹ Григорович Е.Ю. Зарницы: Наброски из революционного движе-

ганизаций Д.Б. Павлов писал: «Как видим, в угоду немедленному «боевизму» лидер максималистов был готов пожать даже основополагающие идеи максималистской теории»⁹⁰.

Максималистам принадлежит видное место в истории мирового терроризма. Традиционную дихотомию «индивидуальный террор» – «массовая работа» они разрешали посредством апологетики «массового терроризма».

Палитра максималистских террористических акций восстанавливалась, по сути, в первом историческом труде, посвященном максимализму, мемуарах одного из лидеров движения Г.А. Нестроева⁹¹. Вот, к примеру, характеристика деятельности максималистской боевой дружины под командованием Н.Е. Любомудрова, данная им уже в другой брошюре: «Любомудров, – ... прибегал к экспроприации..., потому что это была вся его тактика... Николай (Любомудров) был за все виды экспроприации капиталов как средства классовой борьбы»⁹². Наряду с прочими сведениями Г.А. Нестроев сообщал, в частности, об источниках финансирования максималистского терроризма. Помимо экспроприированных средств, деньги на теракты предоставляла либеральная оппозиция⁹³.

Анархисты

Российский политический анархизм представлял собой модернизированное развитие нигилистического направления общественной мысли XIX века. Смысл анархистской идеологии, согласно А. Гейфман, сводился к следующему: «Полностью уничтожить существующий порядок вещей,

ния 1905–1907 гг. Л., 1925. С. 32.

⁹⁰ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С. 156.

⁹¹ Нестроев Г.А. [Цыпин Г.А.]. Из дневника максималиста. Париж, 1910.

⁹² Нестроев Г.А. [Цыпин Г.А.]. Максимализм и максималисты перед судом Виктора Чернова. Париж, 1910. С. 59.

⁹³ Там же. С. 33.

все законы и суды, религию и церковь, частную собственность и владельцев этой собственности, все традиции и обычаи и их сторонников – таковы были цели российских анархистов. Свою главную задачу они видели в полном освобождении человека от всех искусственных ограничений до полной независимости и от Бога, и от дьявола. Средством достижения этого должна была быть социальная революция, понимаемая анархистами как любое революционное выступление – будь то террор, экспроприация или уничтожение государственных учреждений, – направленное на расшатывание самих основ современного общественного устройства»⁹⁴.

Индикатором определения истинного анархиста служило его отношение к терроризму. «Только враги народа могут быть врагами террора!» – декларировалось в анархистском издании «Хлеб и воля»⁹⁵. «В демократический парламент, как и в Зимний дворец и во всякое полицейско-государственное учреждение, – учили наиболее радикальные из анархистов, – революционер-рабочий может явиться только... с бомбой!»⁹⁶. И это не было лишь литературным эпатажем. Значительно уступая в численном отношении эсерам и социал-демократам, анархисты совершили значительно больше террористических актов. А. Гейфман полагает, что «на совести анархистов находилось подавляющее большинство жертв террористической кампании 1901–1916 гг.»⁹⁷.

По мнению У. Лакера, с которым солидаризировалась в его оценках А. Гейфман, анархисты, несмотря на широкий резонанс организуемых ими терактов, не внесли ничего принципиально нового в арсенал террористической идеологии⁹⁸. Примат действия нивелировал саму теорию. Ввиду

⁹⁴ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997. С. 175.

⁹⁵ Хлеб и воля. 1905. № 19–20. С. 11.

⁹⁶ Сборник по истории анархического движения в России. С. 181.

⁹⁷ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997. С. 177–178.

⁹⁸ Laqueur W. Terrorism. Boston-Toronto, 1977. P. 42; Гейфман А. Указ.

презрения анархистов к любому идеологическому схематизму глубокого исторического осмысления революционного терроризма с их стороны не предпринималось. Даже П.А. Кропоткин не посвятил ни одной из своих статей анализу терроризма. М.И. Гольдсмит объясняла этот факт кропоткинскими симпатиями к людям, совершающим опасное дело, пусть даже не соответствующее его теоретическим воззрениям⁹⁹. Оценка П.А. Кропоткина У. Лакером в качестве основателя одного из течений в современном терроризме является сильным преувеличением¹⁰⁰.

Один из первых исследователей российского анархистского движения Д. Галеви дифференцировал фанатический анархизм М.А. Бакунина и лирический анархизм П.А. Кропоткина. «Террористы, – по мнению историка, – придерживаются бакунистской традиции, теоретики следуют по большей части за Кропоткиным»¹⁰¹.

Несмотря на отсутствие специальных статей, у П.А. Кропоткина имеется множество высказываний в работах общего порядка, воспоминаниях и письмах, позволяющих утверждать, что терроризм им никогда не отрицался¹⁰². Он лишь критиковал социальную ограниченность народо-вольческого и эсеровского террора, его оторванность от массового движения. Терракты, по его мнению, должны были быть дополнены агитацией в

соч. С. 178.

⁹⁹ Корн М. [Гольдсмит М.И.] П.А. Кропоткин и русское революционное движение // Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П.А. Кропоткина. Чикаго, 1931. С. 185.

¹⁰⁰ The Terrorism Reader: A Historical Anthology. London, 1979. P. 48.

¹⁰¹ Галеви Д. Анархизм и социализм. М., 1906. С. 12.

¹⁰² Кропоткин П.А. Бунтовской дух // Кропоткин П.А. Речи бунтовщика. Пг., М., 1921; Кропоткин П.А. Воспоминания о С.М. Степняке-Кравчинском // Степняк-Кравчинский С.М. Собр. соч. СПб., 1907. Ч. 1; Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966; Кропоткин П.А. К молодому поколению. Б.м., 1919; Кропоткин П.А. Наши задачи // Хлеб и воля. 1909. № 2. Июль; Кропоткин П.А. Письма Н.В. Чайковскому // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1; Кропоткин П.А. Письма В.Н. Черкезову // Каторга и ссылка. 1926. № 4; Кропоткин П.А. Этика анархизма

народе. Не устраивала П.А. Кропоткина и исключительно политическая направленность народовольческого терроризма, тогда как, полагал он, низвергнуть существующий строй возможно, ведя социально-экономическую борьбу. Таким образом, речь велась не о свертывании террора, а о расширении его рамок, корреляции с восстаниями крестьян против помещиков. При этом П.А. Кропоткину были более симпатичны террористы-одиночки, чем террористические организации. Неприязнь его к Боевой организации эсеров, вспоминает М.И. Гольдсмит, проистекала из того обстоятельства, что в ней имелись вожди, которые сами не шли на теракты, а подбирали для них исполнителей¹⁰³.

«Эксплицитную» функцию терактов П.А. Кропоткин признавал. Особенно им подчеркивалось, что террористическая эпопея способствовала расшатыванию в народе царистского культа. «Конечно, – писал он по поводу цареубийства 1 марта 1881 г., – нечего надеяться, что Александр III изменит политику своего отца... Значение события 1 марта важно не с этой точки зрения. Событие на Екатерининском канале имеет для нас большое значение прежде всего потому, что это событие нанесло смертельный удар самодержавию. Престиж «помазанника Божия» потускнел перед простой жестянкой с нитроглицерином. Теперь цари будут знать, что нельзя безнаказанно попираť народные права. С другой стороны, сами угнетаемые научатся теперь защищаться... Как бы то ни было, первый удар, и удар сокрушительный, нанесен русскому самодержавию. Разрушение царизма началось, и никто не сможет сказать, когда и где это разрушение остановится...»¹⁰⁴. Ряд успешных терактов подорвал, по его мнению, и авторитет жандармской системы. Покушением С.М. Кравчинского, писал П.А. Кропоткин, «объявлялась война одной из

(нравственные начала анархизма). Б.м., б.г.

¹⁰³ Корн М. [Гольдсмит М.И.] П.А. Кропоткин и русское революционное движение // Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П.А. Кропоткина. Чикаго, 1931. С. 185.

главных опор государственной политики в России – всемогущей тайной государственной полиции, стоявшей выше всех законных властей и бесконтрольно державшей в своих руках судьбы интеллигенции в России... удавшееся покушение на шефа жандармов имело, в свое время, такое же решительное влияние на ход событий в России в революционном направлении – какое имело недавнее нападение на министра внутренних дел Плеве. Оно подрезало на несколько лет силу государственной полиции и подсекло, на время, опиравшийся на него государственный строй»¹⁰⁵. Впрочем, воспоминания людей, близко знавших революционного князя, свидетельствуют об его избирательном, а иногда и противоречивом отношении и террористическим актом. Он мог защищать террористическую деятельность Л.Л. Раващоля во Франции и осуждать аналогичные акции в России. Им категорически осуждались экспроприации, которые, по его оценке, подрывали нравственное обаяние революции¹⁰⁶.

Кропоткинские симпатии к терроризму превратились в апологетику при изложении истории революционного движения его учеником, лидером движения «хлебовольцев» Г.И. Гогелия. Революционные террористические акты имели, по его мнению, тройкий смысл: «как мщение, как пропаганда и как “изъятие из обращения” особенно жестоких и «талантливых» представителей реакции»¹⁰⁷. Правда, Г.И. Гогелия апеллировал в большей степени не к российскому, а западноевропейскому опыту террористической борьбы. Но и применительно к истории России терроризм преподносился в

¹⁰⁴ Цит. по Лебедеву Н.К.

¹⁰⁵ Кропоткин П.А. Воспоминания о С.М. Степняке-Кравчинском // Степняк-Кравчинский С.М. Собр. соч. СПб., 1907. Ч. 1. С. XVIII.

¹⁰⁶ Яновский С. Кропоткин, каким я его знал // Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П.А. Кропоткина. Чикаго, 1931. С. 216–221; Таратута А. П.А. Кропоткин // Сборник статей, посвященных памяти П.А. Кропоткина. Пг.-М., 1922. С. 164–167; Книжник И. Воспоминания о П.А. Кропоткине и об одной эмигрантской группе // Красная летопись. 1922. № 4. С. 33.

¹⁰⁷ История терроризма в России в документах биографиях, исследо-

качестве столбовой дороги освободительного движения. С точки зрения Г.И. Гогеля, именно теракты лежали в основе всех прогрессивных достижений. Даже отмена крепостного права в России являлась, согласно его интерпретации, следствием «аграрного террора». «Без выстрелов, без ударов ножа, без помощи традиционной крестьянской косы мы и теперь еще гнули бы наши спины под игом средневекового рабства», - резюмировал Г.И. Гогеля свои рассуждения¹⁰⁸.

Показательно, что большинство теоретиков применения террористической тактики в революционной историографии не были склонны абсолютизировать терроризм в качестве универсального метода борьбы в истории. Его применение оправдывалось специфическими условиями самодержавной России. В цивилизованных странах Запада террористическая тактика, по их представлениям, теряла свою актуальность. Таким образом, адепты терроризма несколько отходили от доминировавшей в левой историографии монистической интерпретации исторического процесса. Да и сама вера в успех деятельности террористических групп противоречила представлениям об объективном характере истории.

Социал-демократы

Мысль о том, что обращение революционеров к терроризму было связано с провалом их пропагандистской деятельности высказывалась еще в дореволюционный период. В. Веножинский писал о терроризме как о единственном оставшемся способе радикалов революционизировать общество после безуспешных попыток добиться этого путем агитации¹⁰⁹.

В историографии социал-демократического направления проявления революционного терроризма оценивались не столь однозначно негативно.

ваниях. Ростов н/Д., 1996. С. 350.

¹⁰⁸ Там же. С. 357.

¹⁰⁹ Веножинский В. Смертная казнь и террор. СПб., 1908. С. 25.

Антитеррористические воззрения были приписаны вождям социал-демократического лагеря их эпигонами.

Известно, что социал-демократия, принимавшая активное участие в подготовке и осуществлении в России актов революционного террора, имела собственные боевые отряды. А. Гейфман усматривала в этих фактах расхождение теории и практической политики партийного руководства, а соответственно и его лицемерие. Согласно ее мнению, социал-демократы осуждали терроризм главным образом для компрометации эсеров, но сами прибегали к нему при всяком удобном случае¹¹⁰. Более взвешенной представляется позиция О.В. Будницкого, рассматривавшего формирование социал-демократической позиции в отношении к терроризму как сложный исторический процесс развития общественной мысли¹¹¹. Действительно, оперируя фактами совершения терактов представителями социал-демократических групп, либо, вслед за А.Гейфман, следует признать лицемерие марксистских теоретиков, либо констатировать, что терроризм вовсе не казался им абсолютно неприемлемой тактикой.

Сам по себе терроризм не противоречит марксистской интерпретации истории. Пацификация марксистской историографии велась с позиций европейского социал-демократизма XX в., когда возникла потребность обосновать ее несовместимость с деятельностью ультралевых террористических организаций. В действительности основоположники марксизма рассматривали терроризм в качестве составной части объективного исторического процесса борьбы классов. Они отзывались, в частности, о народолюбивом терроре как о «исторически неизбежном способе действия, по поводу которого так же мало следует морализировать – за и против, как

¹¹⁰ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997. С. 121–174.

¹¹¹ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 263–358.

по поводу землетрясения на Хиосе»¹¹². Парадокс заключался в том, что первоначально классики марксизма среди революционных организаций в России отдавали явное предпочтение народолюбцам перед их же собственными последователями «чернопередельцами». Ф.Энгельс писал В.И. Засулич в 1885 г., т.е. уже после разгрома «Народной воли», о специфических российских условиях, предполагающих возможность осуществления революции «горсточкой людей»¹¹³. Суждения о революционном терроризме у классиков марксизма были вполне определенными: «Политическое убийство в России – единственное средство, которым располагают умные, смелые и уважающие себя люди для защиты против агентов неслыханно деспотического режима»¹¹⁴.

На настоящее время имеется достаточное количество работ, в которых предпринимаются попытки реконструировать отношение к терроризму Г.В. Плеханова. В результате утвердилось два основных подхода в интерпретации плехановских воззрений. Одна группа исследователей оценивала Г.В. Плеханова как принципиального противника терроризма в любом его проявлении. По утверждению Л. Хаймсона, теоретик русского марксизма был скорее готов оставить революционную деятельность, нежели пойти на компромисс с адептами терроризма¹¹⁵.

В западной историографии категоричность этого мнения попытался смягчить плехановский биограф С. Бэрн, писавший, что «даже Плеханов не мог закрывать глаза на достижения террористов. Сколь бы ни были неправильны, с точки зрения Плеханова, их теории, они оставались единст-

¹¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 147–148.

¹¹³ Там же. Т. 36. С. 260.

¹¹⁴ Там же. Т. 19. С. 158.

¹¹⁵ Haimson L. *The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism*. Cambridge, Mass., 1955. P. 38.

венной силой, энергично и смело сражавшейся против русского деспотизма»¹¹⁶.

Другие исследователи (О.В. Будницкий, С.В. Тютюкин) связывали отношение Г.В. Плеханова к терроризму с изменением политической ситуации в целом по стране. Данная интерпретация восходила к тезису советской историографии о внутренней противоречивой сущности мелкобуржуазных партий, амплитуда идеологических колебаний которых возрастает по мере роста революционной активности. По мнению С.В. Тютюкина, в условиях революции 1905 г. Г.В. Плеханов вновь, как и в период своей народовольческой юности, выступает революционером-якобинцем, призывая к разрешению великих исторических вопросов огнем и мечом, критикой посредством оружия¹¹⁷. Действительно, плехановская статья «Врозь идти, вместе бить!», к которой апеллировал исследователь, стала своеобразным манифестом терроризма¹¹⁸. Но анализ творчества Г.В. Плеханова различных периодов жизни позволяет заключить, что тот никогда и не отрицал террористической тактики абсолютно¹¹⁹. Согласно его концепции

¹¹⁶ Baron S. Plekhanov – the father of Russian Marxism. Stanford, Calif., 1963. P. 79.

¹¹⁷ Тютюкин С.В. Первая российская революция и Г.В. Плеханов С.В. М., 1981. С. 186–189.

¹¹⁸ Плеханов Г.В. Врозь идти, вместе бить! // Соч. М.; Л., 1926. Т.13.

¹¹⁹ Плеханов Г.В. Библиографические заметки из «социал-демократа» // Плеханов Г.В. Соч. М., б.г. Т. IV. С. 261–319; Плеханов Г.В. Врозь идти, вместе бить! // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII. С. 188–197; Плеханов Г.В. Довольно ли? // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII. С. 151–156; Плеханов Г.В. Еще о двойной бухгалтерии // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII. С. 157–158; Плеханов Г.В. Значение ростовской стачки // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII. С. 270–277; Плеханов Г.В. Наши разногласия // Плеханов Г.В. Соч. Пг., 1920. Т. 1. С. 159–381; Плеханов Г.В. Новый поход против русской социал-демократии // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. IX. С. 293–337; Плеханов Г.В. О демонстрациях // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII. С. 188–192; Плеханов Г.В. О социальной демократии в России // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. IX. С. 5–29; Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию книги А.Туна «История революционных движений в России» // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1927. Т. XXIV. С. 81–124; Плеханов

терроризм являлся методом классовой борьбы, присущим интеллигенции, а потому соответствовал народофильскому периоду в истории революционного движения. Г.В. Плеханов вел речь не о наложении табу на террористические акты, а о неприемлемости его в качестве доминирующей тактики для рабочего класса. Но помимо рабочих, оговаривался он, «есть другие слои населения, которые с гораздо большим удобством могут взять на себя террористическую борьбу с правительством»¹²⁰. Теракты в исполнении революционных интеллигентских организаций должны, по его мнению, лишь оказывать содействие массовому движению рабочих. «Берясь за оружие, – писал Г.В. Плеханов, – мы изменим свое отношение к террору по той простой причине, что тогда коренным образом изменится его значение как приема революционной борьбы. Если бы мы вздумали практиковать его в обыкновенное время, то мы совершенно отклонились бы от своей прямой и самой важной задачи: от агитации в массе. Поэтому мы обыкновенно отвергали его как нецелесообразный прием борьбы. А в момент восстания он облегчит успешный исход нашей революционной массовой агитации...»¹²¹.

Наиболее последовательным противником терроризма среди видных мыслителей социал-демократического лагеря зарекомендовал себя Ю.О. Мартов. Генезис социал-демократического течения в России он относил к полемике со сторонниками террористической тактики. Русская социал-демократия, писал он, «выросла и развилась в борьбе с тем направлением

Г.В. Проект программы Российской с.-д. рабочей партии // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII. С. 523–531; Плеханов Г.В. Русский рабочий класс и полицейские розги // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII. С. 240–245; Плеханов Г.В. Смерть Сипягина и наши агитационные задачи // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII. С. 199–204; Плеханов Г.В. Социал-демократия и терроризм // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII. С. 141–146; Плеханов Г.В. Торжество социалистов-революционеров // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII. С. 147–150; Плеханов Г.В. Что же дальше? // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII. С. 137–179; Плеханов Г.В., Аксельрод П.Б. Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода: В 2 т. М., 1925.

¹²⁰ Плеханов Г.В. Наши разногласия // Соч. Пг., 1920. Т. 1. С. 376.

¹²¹ Плеханов Г.В. Врозь идти, вместе бить! // С. 195.

русской социально-революционной мысли, для которой всякая политическая борьба в России сводилась к террору»¹²².

Эта идея была положена, в частности, в основу мартовской брошюры «Красное знамя в России», представлявшей собой популярный очерк истории российского рабочего движения¹²³. Он опровергал эсеровский тезис о том, что именно террористы подвергались наиболее сильным репрессиям со стороны царизма. Террористы, указывал Ю.О. Мартов, вели замкнутый образ жизни, и полиции стоило значительного труда выйти на их след, тогда как пропагандисты, общавшиеся с широкими народными массами, оказывались легко уязвимы для властей. Пересматривался, таким образом, один из важнейших в революционной этике критериев о моральном превосходстве террористов над пропагандистами. Но даже Ю.О. Мартов признавал успехи «Народной воли» на ниве террористической деятельности. Вопреки плехановскому тезису об исключительно интеллигентской составляющей революционного терроризма, он констатировал вовлечение в террористические организации значительного числа рабочих. «Лучшие революционные силы, наиболее энергичные рабочие агитаторы участвовали в партии «Народная воля», а главной работой этой партии был политический террор», – писал Ю. Мартов¹²⁴. Таким образом, и в мартовском изложении истории революционного движения в России политическому терроризму отводилось весьма почетное место.

Особенно язвительной для террористического подполья воспринималась критика его истории одной из первых российских террористок В.И. Засулич. Само название ее работы «Революционеры из буржуазной среды» указывало на характер интерпретации социальной основы террористической тактики. По мнению В.И. Засулич, причины поражения «Народной

¹²² Мартов Л. Вопросы дня. Кое-что о терроре. Как иногда люди «поворачивают» // Искра. 1901. Май. № 4.

¹²³ Мартов Л. Красное знамя в России: Очерк истории русского рабочего движения. Женева, 1900.

воли» заключались в оторванности народовольцев от рабочего класса. «Террор и все вызванное им настроение, – писала бывшая террористка, – были сильной бурей, но в закрытом пространстве. Волны поднимались высоко, но волнение не могло распространиться. Оно только истощало, истощало нравственные силы интеллигенции»¹²⁵. Гораздо более негативно, чем о народовольческой генерации террористов, она отзывалась о поколении адептов террористической тактики, группировавшихся вокруг «Свободной России». В.И. Засулич отказывала последним в праве именоваться революционной организацией. Терроризм в бурцевско-драгомановской интерпретации был направлен не на низвержение самодержавия, а на достижение правительственных уступок. Такой террор, в понимании В.И. Засулич, принципиально не отличался от всеподданнейших земских адресов и прошений¹²⁶.

Антиподом Ю.О. Мартова в интерпретации истории российских террористических организаций выступил П.Б. Аксельрод. С точки зрения Д. Ньюэлла, его симпатии к терроризму объяснимы жизненными условиями. Выросшему среди еврейской бедности П.Б. Аксельроду террористическая тактика была психологически ближе, чем, скажем, Г.В. Плеханову¹²⁷. Сын корчмаря, он принадлежал к иной социальной страте и в сравнении с потомком служащего Российского общества пороходства и торговли, потомственного почетного гражданина Ю.О. Мартовым обнаруживал преемство бунтарско-террористического направления в революционном движении не с социалистами-революционерами, как это было принято считать, а с соци-

¹²⁴ Там же. С. 30.

¹²⁵ Засулич В.И. Революционеры из буржуазной среды // Засулич В.И. Избранные произведения. М., 1983. С. 144.

¹²⁶ Там же. С. 145–146.

¹²⁷ Newell D. The Russian Marxists Response to Terrorism. Stanford, 1981. P. 193.

ал-демократами. Пафос его выступлений был направлен против «экономизма», которому противопоставлялся революционный терроризм¹²⁸.

Явные или с трудом маскируемые симпатии к терроризму обнаруживаются по всему спектру социал-демократического движения. Поэтому высказывание П.Б. Струве «меньшевики – это те же большевики, только в полбутылках» можно признать вполне справедливым.

Видное место отводилось революционной террористической деятельности, прежде всего эсеровской БО, в подготовленном в 1914 г. меньшевиками сборнике «Общественное движение в России в начале XX века». Терроризм, считал автор статьи о неонароднических партиях, стал результатом общественного озлобления на линию политических репрессий. Проводилась мысль о бесплодности террористической тактики, особенно после выявления факта провокаторства Е.Ф. Азефа¹²⁹.

В советское время было опубликовано значительное количество работ, предметом анализа которых стала ленинская критика террористической тактики в революции. В.И. Ленин привнес в социал-демократический арсенал развенчания терроризма тезис о субъективном идеализме в качестве его мировоззренческой основы. Под углом критики эсеровских доводов об «эксцитирующей» (возбуждающей, агитационной) функции терроризма, он писал: ««Каждый поединок героя будит во всех нас дух борьбы и отваги», – говорят нам. Но мы знаем из прошлого и видим в настоящем, что только новые формы массового движения или пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будит во всех дух борьбы и отваги. Поединки же, именно постольку, поскольку они остаются поединками Балмашевых, непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожи-

¹²⁸ Аксельрод П.Б. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов. Женева, 1898.

¹²⁹ Маслов П.П. Народнические партии // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т. 3. Кн. 5. С. 89–161.

данию следующего поединка»¹³⁰. Поэтому В.И. Ленин характеризовал террористическую тактику эсеров как «революционный авантюризм»¹³¹.

Вместе с тем, будучи братом революционера-террориста, В.И. Ленин призывал с пиететом относиться к «геройству Балмашевых»¹³². Но в террористических методах борьбы его привлекал, по-видимому, не только романтический ореол самопожертвования. «Принципиально, – писал он в мае 1901 г. в статье с симптоматичным названием «С чего начать?» – мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора... Мы далеки от мысли отрицать всякое значение за отдельными героическими ударами»¹³³. В канун революционных потрясений 1917 г. его оценки террористической борьбы оставались по существу неизменными. «Мы вовсе не против политического убийства», – признавался В.И. Ленин в одном из писем в 1916 г.¹³⁴ В том же году, на съезде швейцарских социал-демократов, он следующим образом прокомментировал убийство австрийским социалистом Фрицем Адлером министра К. Штюргка: «Мы не имеем еще никаких известий об австрийских революционных социал-демократах, которые и там имеются налицо, но о которых сведения вообще весьма скудны. Вследствие этого мы не знаем, является ли убийство Штюргка тов. Фрицем Адлером применением террора как тактики, которая состоит в систематической организации политических убийств без связи с революционной борьбой масс, или же это убийство является лишь отдельным шагом в переходе от оппортунистической тактики официальных австрийских социал-демократов с их обороной отечества к тактике революционного массового действия. Это второе предположение, по-видимому, более соответствует обстоятельствам, и

¹³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 384.

¹³¹ Там же. Т. 7. С. 389.

¹³² Там же. Т. 6. С. 371.

¹³³ Там же. Т. 5. С. 7–8.

¹³⁴ Там же. Т. 49. С. 312.

вследствие этого заслуживает полной симпатии приветствие Фрицу Адлеру, предложенное Центральным комитетом итальянской партии...»¹³⁵.

Из ленинской критики эсеровского терроризма следует понимать, что есть теракты и теракты. Террористическая деятельность, осуществленная представителями социал-демократии, признавалась своевременной и оправданной, тогда как аналогичные операции в исполнении их политических оппонентов классифицировались в качестве «революционного авантюризма». Террор, пояснял В.И. Ленин, «одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях»¹³⁶.

Понятно, что право определять наступление соответствующих для терактов условий на меньшевистские организации не распространялось. Порицая социалистов революционеров за тактику индивидуального террора, В.И. Ленин указывал как на наиболее целесообразную форму революционной деятельности на «партизанскую борьбу»¹³⁷. Однако последняя вполне соотносилась с эсеровской тактикой «аграрного» и «фабричного террора».

Либералы

Лояльное отношение к террористам демонстрировали даже либералы. Так, член думской фракции кадетов И.Л. Шаг говорил об общем долге всех противников царского режима перед террористами¹³⁸. Теракты оправдывались фактом безнаказанного насилия со стороны правительства. «Можно отрицать целесообразность политических убийств, крайне редко приносящих действительную пользу вдохновляющему их делу, – рассуждал либеральной публицист К.К. Арсеньев, но нельзя не видеть в них последнего, отчаянного, иногда неизбежного ответа на длительное и неумо-

¹³⁵ Там же. Т. 30. С. 182.

¹³⁶ Там же. Т. 5. С. 7.

¹³⁷ IV (Объединенный) съезд РСДРП: протоколы. М., 1959. С. 484–482.

¹³⁸ Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906. Сессия 1.

лимое злоупотребление превосходящей силой... Нарушаемое властью священное право на жизнь нарушается и ее противниками; виселице отвечает револьвер или бомба...»¹³⁹.

В том же смысле высказывался в марте 1906 г. князь Е.К. Трубецкой: «Грех правительства гораздо тяжелее и значительнее, – писал он в марте 1906 г. – Его вина настолько велика, что ставить ее на одну доску с виной революционеров становится совершенно невозможным. Оно не имеет за себя оправдания «идейного увлечения». Мало того, оно действует вразрез с теми идеями, которые оно формально исповедует. Революционеры, совершающие политические убийства, кроме весьма редких исключений, – люди, покончившие с христианством; большинство из них не признает в человеческой жизни безусловной ценности и видит в человеке лишь орудие общежития. Тут, по крайней мере, нет противоречия между действиями и нравственным сознанием убивающего. Что же сказать о тех, кто видит в человеке образ и подобие Божие и убивает! Каково лицемерие тех, кто присылает священника для напутствия и затем передает осужденного в руки палача! Политические убийцы остаются, по крайней мере, честными в своем заблуждении...»¹⁴⁰. При этом цитируемый российский философ являлся противником терроризма «в принципе» и вышел даже из партии кадетов из-за отказа той осудить революционный террор¹⁴¹. Но Е.Н. Трубецкой шел в своих рассуждениях о моральной оправданности терактов даже дальше многих из адептов террора. «Да и самое ограничение террора тут не более как непоследовательность, – писал он. Если можно убивать членов правительства, то почему нельзя убивать тех людей, которые служат опорой правительству? Почему имущество должно считаться свя-

Заседание 4. С. 231.

¹³⁹ Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992. С. 35.

¹⁴⁰ Е.Т. [Трубецкой Е.Н.] Политические казни и убийства // Московский еженедельник. 1906. № 4. 31 марта. С. 108–109.

¹⁴¹ Тыркова-Вильямс А. На пути к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 283.

ценнее жизни? Если для целей революции дозвоительно убивать, то почему же для тех же целей недопустимо грабить?»¹⁴².

«Плеве надо убить... Плеве пора убить», – твердил как заклинание в канун сазоновского покушения видный либерал князь Дмитрий Шаховской. Петр Долгоруков выводил «политическую весну» П.Д. Святополка-Мирского непосредственно из эсеровского теракта против В.К. Плеве. С.П. Миклашевский открыто превозносил подвиг Егора Сазонова, указывая его в качестве примера для подражания. П.Н. Милюков оценивал покушение Ивана Каляева на жизнь великого князя Сергея Александровича как жертву эсеровского боевика, принесенную на благо народа¹⁴³. Умонастроения либералов отражают записи в дневнике А.В. Тырковой: «Точно первобытный человек просыпался в нас от запаха этой с циничным бесстыдством пролитой крови. Хотелось, чтобы и их, палачей, кто-нибудь растоптал, раздавил, замучил. То чувство презрительной жалости, кот[орое] раньше вызывал к себе царь, исчезло. Убить его – убрать, чтобы не душил Россию окровавленными цепями»¹⁴⁴.

Несмотря на все давление правительства П.А. Столыпина, заседавшие во Второй Думе кадеты категорически отвергли принятие резолюции, осуждающей терроризм¹⁴⁵. Более того, лейтмотивом их выступлений с думской трибуны была «всеобщая амнистия», что на практике подразумевало амнистирование террористов¹⁴⁶.

¹⁴² Трубецкой Е.Н. Красный террор и анархия // Московский еженедельник. 1906. № 22. 19 августа. С. 7.

¹⁴³ Тыркова-Вильямс А. На пути к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 166, 176; Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 300.

¹⁴⁴ ГАРФ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 16, л. 9–10.

¹⁴⁵ Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. (Воспоминания современника). Париж, б.г. С. 204–223.

¹⁴⁶ Милюков П.Н. Три попытки. Париж, б.г. С. 47; Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 434–436, 440–441.

Отказ кадетов от осуждения терроризма один из лидеров кадетской партии В.А. Маклаков объяснял следующим образом: «Мы политические убийства не осудили потому, что думали, что эти осуждения скроют от глаз народа [их] настоящую причину. Мы считаем, что это наше горе, которое только в России есть, и это горе питается условиями русской жизни... Мы думали, что осудить политические убийства – это значило дать повод власти думать, что она права...»¹⁴⁷.

Отношение либеральной общественности к терроризму не ограничивалось сочувствием. Начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов свидетельствовал о финансировании либералами ряда террористических предприятий¹⁴⁸.

Таким образом, и для исторических оценок либералов определяющей являлась дихотомия «свои»–«чужие». Террористы, несмотря на все их идейные расхождения со сторонниками либеральных ценностей, были все-таки «свои».

Вообще, при всем многообразии интерпретаций истории российского терроризма ни одна из оппозиционных партий не смогла на него посмотреть через призму библейских заповедей. Терроризм критиковался, но не был осужден.

Для представителей левого спектра общественной мысли была характерна методология экономического монизма. Через призму экономики они пытались осмыслить и исторический опыт российского терроризма начала XX в. Преобладала редуцирующая модель объяснения, сводящая вопрос о генезисе терроризма к кризисному состоянию экономики страны, а соответственно к ухудшению положения народных масс. С.Н. Слетов связывал развитие радикального направления в русском освободительном

¹⁴⁷ Центральный комитет «Союза 17 апреля» в 1905–1907 годах: Документы и материалы // Отечественная история. 1992. № 2. С. 162.

¹⁴⁸ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1995.

движении с аграрным кризисом начала 1890-х годов, выразившимся в голоде крестьянства Центральной России¹⁴⁹. Даже на уровне восприятия рядовых членов экстремистских организаций терроризм приобретал перспективы дальнейшего роста в ситуациях экономического упадка. Формула «чем хуже, тем лучше» вовсе не была лишь афористическим эпатажем. «Если, по воле Божьей, – писал в 1908 г. один из радикалов своему респонденту, – в этом году у нас будет неурожай, ты увидишь, что за игра начнется»¹⁵⁰.

«Дело Азефа»

После разоблачения Е.Ф. Азефа появилось множество публицистических работ, лейтмотивом которых стала гиперболизация отталкивающих черт внешности и характера бывшего руководителя БО: мерзкое лицо, одутловатость, низменные вкусы, наглость, грубость, необразованность. Г.А. Лопатин считал Е.Ф. Азефа человеком, сознательно выбравшим «себе профессию полицейского агента, точно так же, как люди выбирают себе профессию врача, адвоката и т.п. Это практический еврей, почуявший, где можно хорошо заработать, и выбравший себе такую профессию»¹⁵¹. Б.В. Савинков находил во всех действиях Е.Ф. Азефа лишь «трусость и алчность»¹⁵², отрицая в нем всякое сочувствие к революционному движению. М.М. Мельников определял его как «революционное негодяйство», морально еще более ужасное, «чем простое провокаторство, не осложненное революционными целями»¹⁵³. Для бывших партийцев вера в гений Е.Ф. Азефа доходила до сакрализации. В.Л. Бурцев во время своего сенсационного разоблачения говорил: «Я не знаю в русском революционном движении ни одного более блестящего имени, чем Азеф. Его имя и деятельность

¹⁴⁹ Нечетный С. (Слетов С.Н.) Очерки по истории партии социалистов-революционеров // Социалист-революционер. 1912. № 4. С. 19.

¹⁵⁰ Из отчета о перлюстрации Департамента полиции за 1908 год // Красный архив. 1927. № 2(27). С. 156.

¹⁵¹ ГАРФ, ф. 1699, оп. 1, д. 128, л. 146.

¹⁵² ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 7а, л. 5.

¹⁵³ ГАРФ, ф. 1699, оп. 1, д. 24, л. 14.

более блестящи, чем имена и деятельность Желябова, Созонова, Гершуни, но только при одном условии, если он честный революционер»¹⁵⁴. В.М. Зензинов утверждал: «не будь Азеф провокатором, то это был бы по-прежнему первый и лучший боевик»¹⁵⁵. Общеизвестно, что разоблачение Е.Ф.Азефа привело ПСР к столь осязаемому моральному кризису, после которого она так и не смогла восстановиться. По замечанию А.В. Амфитеатрова, «как только грязь жульничества брызнула на чистую репутацию террора, он умер»¹⁵⁶. Резко увеличился отток из ПСР, от участия в революционной работе отказались бывшие непримиримые террористы (например, П.В. Карпович), произошел ряд самоубийств (например, Белла Лапина), руководители партии брались под подозрение в провокаторстве (например, В.М. Чернов). Потрясение было столь сильное, что и по прошествии десятилетий бывшие партийцы вновь и вновь обращались к фигуре Е.Ф. Азефа.

По горячим событиям азефского дела в 1909 г. русским эмигрантом Г. Зильбером и французским социалистом Ж. Ланге была написана книга «Террористы и провокаторы». Ее ценность заключалась в том, что авторы получали свидетельства от непосредственных участников событий. Вместе с тем на этом первом опыте исторического осмысления феномена провокаторства в революционном движении, безусловно, сказалась абберрация, обусловленная близостью тех событий. Для Е.Ф. Азефа, в частности, были избраны преднамеренно гротескные характеристики. Оскорбление его, подлинное или вымышленное, школьными сверстниками – «толстая свинья», предопределяло негативный стереотип восприятия читателями лидера Боевой организации¹⁵⁷.

Убийство Столыпина

¹⁵⁴ Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. М., 1991. С. 144.

¹⁵⁵ ГАРФ, ф. 1699, оп. 1, д. 126, л. 11.

¹⁵⁶ Амфитеатров А.В. Два коня // За свободу. Варшава, 1924. № 192. С. 3.

¹⁵⁷ Ланге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1991. С. 47–48.

Глубоко историческую рефлексию в российской общественности вызвало сообщение об убийстве П.А. Столыпина. Уже в первых откликах на его смерть были сформулированы полярные взгляды будущей историографической дискуссии. В день погребения П.А. Столыпина видный монархический идеолог, протоиерей И.И. Восторгов высказал рассуждения о духовном антагонизме православной государственности и революционного терроризма: «В лице убитого П. А. Столыпина и его убийцы как бы сошлись и определились два взаимно исключаящих себя мира, два мирозерцания, два рода и направления деятельности. В лице убитого первого сановника государства представлен мир так называемый старый – старый не в смысле застоя и неподвижности, омертвения и заскорузлости, но в смысле и в отношении вечных, нестареющих, и потому всегда юных и жизнеспособных начал и принципов жизни. А в лице убийцы, этого почти мальчика, неуравновешенного, служившего то одним, то другим, то государству, то революции, мы видим другой, противоположный мир. Исчадья этого мира называют его новым, но он не нов, он старше мира: он представлен нам в образе сатаны, некогда восставшего на Бога и донныне злобствующего в борьбе, по-видимому, часто успешной, но на самом деле бессильной и бесплодной. Этот мир не знает Бога; этот мир не знает вечных устоев нравственности и сознания долга; этот мир есть царство откровенного эгоизма»¹⁵⁸.

Симптоматично, что фактически сразу же в правом лагере в теракте 1 сентября был обнаружен «масонский след». Характерно послание, направленное в Департамент полиции командированным для работы в «Антимасонскую лигу» Франции коллежским асессором Б.К. Алексеевым: «От лиц, стоящих близко к здешним масонским кружкам, удалось услышать, что покушение на г-на председателя Совета Министров находится в некоторой связи с планами масонских руководителей... Уже с некоторых пор к г-ну

¹⁵⁸ А. Столыпин. Памяти брата // Петр Столыпин: Сб. / Сост. Г.И.

председателю Совета Министров делались осторожные, замаскированные подходы, имеющие склонить его высокопревосходительство на сторону могучего сообщества. Само собой разумеется, попытки эти проводились с присущей масонству таинственностью и не могли возбудить со стороны г-на председателя никаких подозрений... Масоны повели атаку и на другой фронт, стараясь заручиться поддержкой какого-либо крупного сановного лица. Таким лицом, говорят, оказался П. Н. Дурново, который сделался, будто бы, их покровителем в России, быть может, имея на это свои цели. Когда масоны убедились, что у них есть такая заручка, они уже начали смотреть на председателя Совета Министров как на лицо, могущее им служить скорее препятствием... Масоны были обеспокоены тем обстоятельством, что у власти стоял г-н председатель Совета Министров. В печати проскользнула однажды статья, заявляющая, что его высокопревосходительство находится «под влиянием масонов, действующих на него через его брата А. Столыпина» (Гроза. № 153; Русская Правда. № 13)... За границей же на премьер-министра смотрят как на лицо, которое не пожелает принести масонству ни пользу, ни вред. Это последнее убеждение побудило руководителей масонства прийти к заключению, что г-н председатель Совета Министров является для союза лицом «бесполезным» и, следовательно, в настоящее время, когда масонство собирается нажать в России все свои пружины, даже вредным для целей масонства... Масоны ожидали в июле месяце каких-то событий. Тайные парижские руководители не общались о том, в каком именно виде события эти выльются, и только теперь, по совершении факта, здешние масоны припоминают о кое-каких слабых намеках на г-на председателя Совета Министров, политикой которого верховный масонский совет был недоволен. Говорят, что руководители масонства... подтолкнули исполнение того плана, который был только в зародыше. Чисто «техническая» сторона преступления и кое-какие детали обстановки, при которой возможно было совершить покушение, была под-

готовлена через масонов. При теперешней постановке этого дела (охраны) покушение возможно лишь при посредстве масонских сил, без помощи которых ни один революционный комитет не сможет ничего привести в исполнение»¹⁵⁹. Есть основания утверждать, что донесение было представлено товарищем министра внутренних дел П.Г. Курловым императору.

Убийство П.А. Столыпина стало для части оппозиционной интеллигенции импульсом к переосмыслению исторической роли терроризма. Выступая с трибуны Третьей Государственной Думы, А.И. Гучков заявлял: «Поколение, к которому я принадлежу, родилось под выстрелы Каракозова; в 70–80-х годах кровавая и грозная волна террора прокатилась по России, унося за собою того монарха, которого мы еще в этом году славословили как Царя-Освободителя. Какую тризну отпраздновал террор над нашей бедной родиной в дни ее несчастья и позора! Это у нас у всех в памяти. Террор тогда затормозил и тормозит с тех пор поступательный ход реформы. Террор дал оружие в руки реакционерам. Террор своим кровавым туманом окутал зарю русской свободы. Террор коснулся и того, кто, как никто иной, содействовал укреплению у нас народного представительства»¹⁶⁰. Едва ли не впервые лидер октябристов сформулировал мысль о том, что революционные теракты не только не приводили к общественному прогрессу, но выполняли, вопреки замыслам самих террористов, роль катализатора контрреволюционных тенденций.

Живучесть терроризма в России А.И. Гучков объяснял заинтересованностью в его существовании охранных служб. Охранники извлекали при помощи жупела революционных терактов значительные карьерные и материальные выгоды «Вокруг этой язвы, – говорил А.И. Гучков о террористической деятельности, – съедавшей живой организм народа, копоши-

¹⁵⁹ Цит. по: Щеголев П. Охота на масонов // Оккультные силы России. СПб., 1999. С. 444–446.

¹⁶⁰ В Думе: Запросы об убийстве Столыпина // Будущее. Париж. 1911. № 3. 5 ноября. С. 3.

лись черви. Они грелись и кормились около этого гнойника, и нашлись люди, которые сделали себе из нашего недуга источник здоровья, из нашей медленной смерти оправдание своей жизни»¹⁶¹.

Фактически первой попыткой профессионального исторического расследования обстоятельств убийства П.А. Столыпина стала работа Л. Ганна, опубликовавшего в «Историческом вестнике» часть материалов следствия. Однако отгиски его труда после внимательного изучения дворцовым комендантом В.Н. Воейковым подверглись тщательному цензурированию. В примечании ко второй части своей работы Л. Ганн с сожалением констатировал, что время для публикации всех материалов дела, по-видимому, еще не настало¹⁶². По мнению современных исследователей, смысл цензурирования заключался в стремлении дворцового ведомства вывести из под удара П.Г. Курлова и А.И. Спиридовича, повинных в смерти премьера¹⁶³.

В апологетическом ракурсе теракт против премьер-министра преподносился в изданной в Париже книге А. Мушина. Д.Г. Богров в ней оценивался как герой, пожертвовавший собой ради революции. Какое-либо сотрудничество убийцы премьера с охранкой автор не допускал. Вплоть до Февральской революции, распахнувшей двери архивов политического сыска, вообще в леворадикальной части российского общества доминировал если не культ, то, по крайней мере, героизация по отношению к личности Д.Г. Богрова. Слухи, исходившие от правительственных чиновников о его сотрудничестве с охранным отделением, классифицировались как провокация. Действия Д.Г. Богрова как истинного революционера, по оценке А. Мушина, определял принцип «цель оправдывает средства». В книге имелись рассуждения и о моральной оправданности революционных терактов. «Революционеры, – декларировал А. Мушин, – никогда не были и не будут

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Ганн Л. Убийство Столыпина // Исторический вестник. 1914. Т. 136. С. 192.

¹⁶³ Тайна убийства Столыпина. М., 2003. С. 24.

морально чисты. В их партийном обиходе принимают права гражданства действия, поступки, ничем не отличающиеся от приемов правительственных агентов»¹⁶⁴.

Департамент полиции

Специфика историографической ситуации, сложившейся в России во второе пятилетие нового века, определялась контртеррористическими мерами столыпинского правительства. Чтобы остановить преступную деятельность боевых организаций революционных партий, П.А. Столыпин пошел на крайнюю меру, учреждая с 19 августа 1906 г. военно-полевые суды. Рассмотрение дела проводилось за закрытыми дверями и не превышало двух суток, после чего в суточный срок приговор приводился в исполнение. За 1906 г. по решению военно-полевых судов было казнено 683 политических бандита.

Особого внимания заслуживают попытки реконструировать историю террористических организаций в России представителями государственных охранных структур. Естественные сложности такой работы были обусловлены нелегальным статусом боевиков. Тем не менее история революционных террористических организаций в изложении представителей охранного отделения выглядит в достаточной степени репрезентативно. Ряд сведений, отсутствующих даже во внутренних источниках революционных партий, можно почерпнуть только в историографии данного направления. Одним из первых опытов изучения истории российских террористических организаций служащими охранного ведомства стала вышедшая в 1913 г. в Петербурге книга полковника Рожанова «Записки по истории революционного движения в России (до 1913 г.)». В приложении к книге автор поместил краткие биографии ряда террористов¹⁶⁵.

¹⁶⁴ Мушин А. Дмитрий Богров и убийство Столыпина. Париж, 1914. С. 183.

¹⁶⁵ Рожанов, полк. Записки по истории революционного движения в

В 1910–1911 гг. при Департаменте полиции были открыты специальные трехмесячные курсы для подготовки начальников охранных отделений. Специальная программа включала в себя изучение теории и практики розыскной работы, методики проведения дознаний, а также истории революционного движения. Ведущим лектором курса истории революционного движения, в котором особо пристальное внимание уделялось терроризму, являлся руководитель охраны дворцовых помещений в Петербурге и Царском Селе полковник А.И. Спиридович. Будучи начальником Киевского охранного отделения, он сам едва не стал жертвой теракта, отделавшись ранением¹⁶⁶. Конспекты его лекций были положены в основу книги, первый том которой, посвященный социал-демократам, был опубликован в 1914 г., второй – эсерам и их предшественникам – в 1916 г.¹⁶⁷ Материалы о революционном терроризме, включая информацию об эсеровской Боевой Организации и ее лидере Г.А. Гершуни, содержались во второй части. Террористическая деятельность ПСР оценивалась автором как «самая яркая работа партии»¹⁶⁸. При этом о массовой работе эсеров сообщалось значительно меньше. Опубликованная в типографии штаба Корпуса жандармов как содержащая конспиративную информацию книга к широкому распространению не предназначалась. Об обстоятельствах работы над ней А.И. Спиридович вспоминал уже будучи в эмиграции. В частности, он сообщал о презентации им второго тома Николаю II. Император заверил автора, что подаренная книга станет для него настольной. Действительно, среди личных

России (до 1913 г.) Пг, 1913.

¹⁶⁶ Вагнер-Дзвонкевич Е. Покушение на начальника Киевской охраны полковника Спиридовича // Каторга и ссылка. 1924. № 6.

¹⁶⁷ Спиридович А.И. Революционное движение в России. Пг., 1914; Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916.

¹⁶⁸ Там же. С. 115.

вещей Николая II в Ипатьевском доме Екатеринбурга была найдена и книга А.И. Спиридовича об эсера¹⁶⁹.

Яркую характеристику эсеровских террористов представил в отзыве на книгу С.В. Зубатов. «Душа этой доморощенной партии, – писал автору теоретик «полицейского социализма» о ПСР, – неисправимых утопистов, органических беспорядочников и сентиментального зверья – террор – схвачена, усвоена и прослежена вами превосходно, а вывод ваш – «Террор, и особенно центральный, вот главное средство борьбы, к которому обратится партия социалистов-революционеров, лишь только наступит время, благоприятное для работы», – зловещ, но вполне верен, и всякая политическая маниловщина в этом отношении преступна. Верность охранним принципам и твердость тона в их направлении проведена прелестно. По сим причинам вам очень и очень признателен за присылку вашего труда, крепко вообще меня взволновавшего»¹⁷⁰. Благожелательный отзыв на книгу был направлен А.И. Спиридовичу и от видного деятеля революционного движения В.Л. Бурцева. Идеолог революционного терроризма заверял его непримиримого противника и жертву о том, что впредь будет с большим интересом следить за творчеством автора.

После Февральской революции склад книги А.И. Спиридовича был обнаружен в здании Департамента полиции. По распоряжению А.Ф. Керенского часть тиража передавалась в Комитет Красного Креста Веры Фигнер, другая пущена в продажу ЦК ПСР. Автор же в это время пребывал в заключении в Трубецком бастионе. Генерал был отпущен на свободу только большевиками. Дополненный вариант книги А.И. Спиридовича тиражом в 15 тыс. экземпляров увидел свет в Петрограде в 1918 г., когда сам автор уже находился в эмиграции. Первоначально весь тираж был конфискован властями, но после окончания Гражданской войны пущен в прода-

¹⁶⁹ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917. Нью-Йорк, 1960–1962. В 3 т. Кн. 3. С. 13.

¹⁷⁰ Там же. С. 15.

жу. Советский автор Г. Литвин-Молотов в «Кратком очерке истории социализации и социальных движений на Западе и в России» даже рекомендовал произведения А.И. Спиридовича для изучения¹⁷¹. Переработанный вариант истории РСДРП, акцентированный на выявление причин захвата власти большевиками, был опубликован в 1922 г. в печати русского зарубежья¹⁷². Новое переиздание книги бывшего жандармского генерала об эсерах состоялось в 1930 г. в Париже на французском языке. Тема терроризма в ней рассматривалась как самостоятельный объект изучения¹⁷³. Не характерное для исследований по истории терроризма единодушные благожелательных оценок книги А.И. Спиридовича со стороны представителей противоположных политических лагерей объясняется, по-видимому, богатым фактическим материалом.

Сенсационно-разоблачительный характер имели публикации бывшего видного чиновника Департамента полиции М.О. Меньщикова. В этическом отношении они сродни осуществленным в конце 1980-х годов изданиям книг генерала КГБ О. Калугина и иначе как предательство вряд ли могут быть классифицированы. Катастрофические последствия деятельности Л.П. Меньщикова для охранного отделения еще недостаточно оценены. Масштабы нанесенного им вреда для политического сыска гораздо более значительны, чем азефовщина. Еще будучи старшим помощником делопроизводителя Департамента полиции, Л.П. Меньщиков предоставил руководству ПСР сведения о провокаторстве Е.Ф. Азефа и Н.Ю. Татарова. Выйдя в 1907 г. в отставку, он поселился в Великом княжестве Финляндском, вывезя с собой обширный личный архив, включавший копии секретных документов Московского охранного отделения и Департамента полиции. В 1909 г. Л.П. Меньщиков эмигрировал во Францию, где установил контакт с

¹⁷¹ Литвинов-Молотов Г. Краткий очерк истории социализации и социальных движений на Западе и в России. Краснодар, 1924.

¹⁷² Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883–1903–1917. Париж, 1922.

В.Л. Бурцевым, сообщив тому фамилии около 400 тайных сотрудников охранки. И в дальнейшем он предлагал представителям левых партий сведения о деятельности в их среде секретных агентов. В 1914 г. Л.П. Меньщиков выпустил книгу «Русский политический сыск за границей», в которой опубликовал секретные донесения и доклады руководителей зарубежного отделения охранки П.И. Рачковского, Л.А. Ратаева, А.М. Гартинга¹⁷⁴. После этих разоблачений российский политический розыск уже не мог существовать, его кадровый состав нуждался фактически в полной ротации¹⁷⁵.

Психология и семиотика терроризма

По принятой в советской историографии шкале политической левизны партий эсеры и меньшевики располагались справа от большевиков, в оценках же дореволюционного периода эсеры помещались левее обоих течений социал-демократии. Данное обстоятельство попытались объяснить еще «веховцы»: «Левее тот, кто ближе к смерти, чья работа “опаснее” не для общественного строя, с которым идет борьба, а для самой действующей личности. В общем, социалист-революционер ближе к виселице, чем социал-демократ, максималист и анархист еще ближе, чем социалисты-революционеры»¹⁷⁶. Не случайно примыкавший к эсерам С.А.Есенин писал: «В РКП я никогда не состоял, потому что чувствую себя гораздо левее»¹⁷⁷. П.Н.Милуков и П.Б.Струве называли именно ПСР самой революционной из всех российских партий¹⁷⁸. Уже сравнительная этимология на-

¹⁷³ Spiridovitch A.I. Histoire du terrorisme Russe. Paris, 1930.

¹⁷⁴ Меньщиков Л.П. Русский политический сыск за границей. Париж, 1914.

¹⁷⁵ Горев Б.Л. Меньщиков. Из истории политической полиции и провокации (По личным воспоминаниям) // Каторга и ссылка. 1924. № 3(10); Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993; Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998.

¹⁷⁶ Изгоев А.С Русское общество и революция. М., 1910. С. 217.

¹⁷⁷ Дугин А.Г. «В комиссарах дух самодержавья» // Элементы. Евразийское обозрение. 1996. № 8. С. 69.

¹⁷⁸ Милуков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника. СПб,

званий «социал-демократы» и «социалисты-революционеры» свидетельствует о последних как о более радикальном направлении. Многие члены РСДРП, подобно Б.В. Савинкову, неудовлетворенные боязнь эсдеков «настоящего революционного дела», перешли к эсерам. В понимании мирового исторического процесса эсеры отвергали марксистский монизм, придавали экономическим факторам второстепенную роль, выдвигая в качестве движущей силы истории «революционную эмоциональную энергию»¹⁷⁹. В кулуарах ПСР социал-демократы презрительно именовались «механиками».

Для многих из боевиков терроризм являлся самоценностью вне зависимости от идеологической платформы. Б.В.Савинков вообще признавался в своей полной индифферентности к любым политическим программам, в чем был не одинок среди партийных соратников: «Счастлив, кто верит в воскресение Христа, в воскресение Лазаря. Счастлив также, кто верит в социализм, в грядущий рай на земле. Но мне смешны эти старые сказки, и 15 десятин разделенной земли меня не прельщают.. Не верю я в рай на земле, не верю в рай на небе. Я не хочу быть рабом, даже рабом свободным. Вся моя жизнь – борьба. Я не могу не бороться. Но во имя чего я борюсь? – не знаю. Я так хочу. Пью вино цельное»¹⁸⁰.

Утверждения о ПСР как о крестьянской, мелкобуржуазной партии, действительно следующие из концепции программных документов эсеров, не распространяются на эсеровских боевиков. Жизненная позиция крестьянина-прагматика и революционного террориста имела крайне мало точек соприкосновения. Показательны рассуждения крестьянина-эсера, руководителя «Алапаевской республики», Г.И.Кабакова на вопрос о его партий-

1908. С. 194; Струве П.Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. СПб., 1911. С. 10, 56–58.

¹⁷⁹ Чернов В.М. *Философские и социологические этюды*. М., 1907. С. 232, 278, 309; Шишко Л.Э. *Рассказы из русской истории*. М., 1906. Ч. 1. С. 75–84.

¹⁸⁰ Савинков Б.В. *Конь бледный / Избранное*. М., 1990. С. 312, 370.

ной принадлежности: «Социалист-революционер. Но записался я в трудовую группу потому, что наши крестьяне боятся этого слова: с.-р., – «думают, где эсеры, там непременно с первого слова бомбы, динамит»¹⁸¹. На совещании крестьянских работников в июле 1906 г. один из крестьян заявил: «Революционеры совершают только террористические акты, а другого ничего не делают»¹⁸².

Вопреки программным документам, ставившим эсеровский террор в подчиненное положение, для многих эсеров он являлся не только главным, а порою и единственно возможным методом борьбы, но даже превращался в самоцель. По свидетельству Е.К. Брешко-Брешковской, в ПСР шла молодежь на условиях участия исключительно в террористической деятельности, оставаясь равнодушной к любой другой форме работы¹⁸³. И.П.Каляев заявлял: «Социалист-революционер без бомбы уже не социалист-революционер»¹⁸⁴. Б.В. Савинков вообще договорился до того, что не сможет не продолжать террор и после революции, при установлении социализма, борясь уже с социалистической системой. Индивидуальный политический террор был популярен и на Западе, но там он решал ясно осознанные прагматические задачи, проходил без «достоевщины», без размышлений об этической оправданности убийства. У эсеров терроризм являлся этической категорией. И.П. Каляев отказался бросить бомбу в экипаж великого князя Сергея Александровича, подвергнув опасности разгрома всю БО, поскольку в княжеской карете находились дети (подобная сентиментальность была немыслима для западных террористов). Эсеровские убийства являлись не просто устранением политических противников, но актом

¹⁸¹ Русское богатство. 1907. № 3. С. 128.

¹⁸² Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) / Индивидуальный политический террор в России XIX – начало XX в.: Материалы конференции. М., 1996. С. 40.

¹⁸³ Партийные известия. 1907. № 7. С. 2.

¹⁸⁴ Савинков Б.В. Воспоминания террориста / Избранное. М., 1990. С. 46.

самоутверждения личности. Стихи Б.В. Савинкова продиктованы именно этим настроением:

«Если вошь в твоей рубашке
Крикнет тебе, что ты блоха, -
Выйди на улицу
И убей!»¹⁸⁵.

Среди эсеров было широко распространено нищезанство, вера в «сверхчеловека», которую трудно связать с программными положениями, выражавшими заботу о благоустройстве жизни масс. Политический террор эсеров являлся также вопросом танатологии. «Бог умер», а потому абсурд бытия толкал к желанию смерти. Эсеры, идущих на террористические предприятия, в большей степени интересовала не технология убийства жертвы, а собственное восхождение на эшафот. Сюжет одного раннего рассказа Б.В. Савинкова представлял собой историю о том, как одна девушка без какой-либо рационально осознанной причины выбросилась в окно и, умирая, была счастлива. Своих соратников по партийной работе автор «Воспоминаний террориста» характеризует следующим образом: И.Каляева – «в терроре он видел не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, быть может, религиозную жертву»; Е. Созонова – «Для него террор тоже прежде всего был личной жертвой, подвигом»; Доры Бриллиант – «террор для нее, как и для Каляева, окрашивался прежде всего той жертвой, которую приносит террорист. Вопросы программы ее не интересовали. Террор для нее олицетворял революцию, и весь мир был замкнут в боевой организации»¹⁸⁶.

Эсеры отличало эсхатологическое сознание, их борьба была окрашена в ярко выраженные апокалиптические тона. «Конь бледный», «Конь вороной», «Ангел Аваддон» и др. образы были взяты Б.В. Савинковым из

¹⁸⁵ Савинков Б.В. Конь бледный. С. 317.

«Откровения Иоанна Богослова». В «Коне бледном», шокировавшем русское подполье, он писал: «Но ведь надежда не умирает. Надежда на что? На “звезду утреннюю?” Я знаю: если мы убили вчера, то убьем и сегодня, неизбежно убьем и завтра. “Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод и сделалась кровь”. Ну, а кровь водой не зальешь и огнем не выжжешь. С нею – в могилу»¹⁸⁷.

Впрочем, следует признать, что савинковский революционный гностицизм не являлся мировоззрением всей ПСР, в которой были и гностики, и ницшеанцы, и неокантианцы, и последователи Шопенгауэра, и христианские социалисты (как Каляев), и даже толстовцы (как другой участник БО - Беневицкая). Далек не все являлись и приверженцами терроризма, но именно благодаря терроризму во многом смогла сформироваться ПСР. Успешные террористические операции сделали эсеров популярной, даже культовой организацией, обеспечив ей широкий приток молодежи.

Многие исследователи феномена русского революционного терроризма отмечали, что на теме суицида и мотивах психиатрического помешательства основывалась вся семиосфера подпольной России. Так, прочитав опубликованное в печати письмо Н. Климовой, присужденной к смертной казни за организацию взрыва на Аптекарском острове, А.С. Изгоев пришел к выводу, что для нее «убийство других было только средством убить себя»¹⁸⁸. Политические платформы являлись лишь способом маскировки психологических комплексов.

Волна терроризма, захлестнувшая Россию в начале XX в., сопровождалась небывалой эпидемией самоубийств и душевных расстройств в интеллигентской среде. Академик В. Бехтерев жаловался, что психиатрические клиники в стране переполнены как никогда ранее. Сообщения в газе-

¹⁸⁶ Он же. Воспоминания террориста. С. 46, 49.

¹⁸⁷ Он же. Конь бледный. С. 312.

¹⁸⁸ Изгоев А.С. Замаскированное самоубийство // Русская мысль. 1908. Кн. X. С. 164.

тах пестрели сообщениями: «Застрелился жандармский офицер, оставивший записку: “Умираю от угрызений совести...” После тюремных беспорядков на другой день застрелился надзиратель тюрьмы. В поезде железной дороги застрелился начальник тюрьмы: «угрызения совести за то, что побили политического заключенного...» Отравился только что назначенный директор гимназии: «не может выполнять возложенных на него обязанностей...» отравился глубокий старик-еврей: «не могу жить, когда сыновья в крепости...» Застрелился студент – сын начальника тюрьмы... Повесился в своем доме крестьянин, оставивший следующую записку: «Жить не стоит...» Застрелился накануне суда по политическому делу студент и гимназистка... В связи с историей Гапона застрелился член партии, молодой рабочий... Отравилась гимназистка 8 класса: «зачем жить слабым людям»¹⁸⁹.

Характерной чертой подпольной ментальности являлась ее биполярность. Если первым этапом демарганизации могла стать смена парадигмы на противоположную, то полное адаптационное исцеление предполагает конструирование многополюсной мировоззренческой модели. В рассказе Л. Зиновьевой-Аннибал «Помогите Вы», сюжетной канвой которого являлось описание содержания бреда психически больного героя, тому кажется, что он то террорист, бросающий бомбу, то усмиритель народного бунта¹⁹⁰. Посетитель Леонида Андреева жаловался писателю, что его преследуют то крайне революционные, то ультрареакционные идеи¹⁹¹. Шизофренически раздвоенное сознание не допускало компромиссов и полутонов.

Резкий вывод из маргинальной семиосферы без реабилитационного замещения чаще всего и приводил к суициду. Эпидемия самоубийств охватила, например, революционное подполье после разоблачения Е.Ф. Азефа.

¹⁸⁹ Жбанков Д. Современные самоубийства // Современный мир. 1910. № 3. С. 33–35.

¹⁹⁰ Зиновьева-Аннибал Л. Помогите Вы // Факелы. СПб., 1906. С. 187–194.

«У нас на Руси все оплевано, все взято на подозрение, не на что опереться, все шатко, нечем жить...», – писала А. М. Горькому одна из кандидаток в самоубийцы¹⁹². Утрата веры не всегда замещалась новыми идеологемами, каковыми стали, к примеру, для определенной части представителей «подполья» мистические учения. Весьма тонкая грань лежала между суицидом экзистенциальным как обретением свободы и суицидом фаталистическим как констатацией безысходности. «Знаю, что конец всех один – смерть, ... раз все кончится так скверно, то чем скорее, тем лучше», – отвечал на опросник о самоубийстве журнала «Новое слово» культовый писатель М.П. Арцыбашев¹⁹³. Его поклонница повторяла в дневнике мысль создателя «Санина»: «Умерла ли я 4 года тому назад, умру ли сейчас, буду ли жить еще 2 года, 10 или 20 лет – для жизни это все равно». Впрочем, подруга прожившего долгую жизнь автора дневника Таня не сочла возможным ждать «еще 2 года» и наложила на себя руки¹⁹⁴.

Сознание маргинала, даже отстаивавшего тотальную свободу, по структуре своей авторитарно. Предоставление же ему права свободного выбора зачастую оборачивалось психологическими недугами. Массовое помешательство было зафиксировано во время забастовочного движения и вооруженных боев 1905 г., когда многие из пребывающих в пограничной маргинальности попросту не смогли самоопределиться без тяжелых душевных последствий¹⁹⁵.

Примеру бросившейся в водопад на Иматре девушке последовали еще 16 ее сверстниц. Они зачастую специально приезжали на Иматру изда- лека, дабы покончить с собой, будто бы у них на родине не было для этого

¹⁹¹ У Л.Н. Андреева // Мир. 1909. № 11–12. С. 2–5.

¹⁹² Колтоновская Е. Самоценность жизни: эволюция в интеллигент-ской психологии // Образование. 1909. № 5. С. 91–110.

¹⁹³ Самоубийство (наша анкета) // Новое слово. 1912. № 6. С. 4–12.

¹⁹⁴ Могильнер М. Мифология «подпольного человека». М., 1999, С. 40.

¹⁹⁵ Рыбаков Ф.Е. Душевные расстройства в связи с современными политическими событиями // Русский врач. 1906. №3. С.65; Скляр Н.И. О влиянии текущих политических событий на душевные заболевания // Рус-ский врач. 1906. № 8. С. 223.

достаточных средств¹⁹⁶. Цепной мост самоубийств существовал и в Киеве. М. Хрущевская даже написала рассказ «Которая по счету», посвященный киевлянке, прыгнувшей с него в Днепр. Ее реальный прототип Муся Огунлук в предсмертном «Письме к русским девушкам» заявляла: «Я одна из многих и умираю для многих!»¹⁹⁷.

Недостаточно оцененное исследователями влияние на трансформацию отношения к революционному терроризму оказала Первая мировая война. Как правило, они в большей степени акцентировали внимание на резонансе азефиады. Но если после разоблачения Е.Ф. Азефа террористические акты, пусть в меньших масштабах, все же с известной периодичностью продолжали осуществляться, то после выстрела в Сараево революционный терроризм сходит с политической авансены. С одной стороны, вероятно общественность была шокирована катастрофическими последствиями теракта Г. Принципа. С другой – война демонстрировала широкие возможности революционной пропаганды в армии и на флоте, а потому предпочтение перед индивидуальным террором отдается планам вооруженного восстания.

¹⁹⁶ Жбанков Д. Современные самоубийства // Современный мир. 1910. № 3. С. 28.

¹⁹⁷ Хрущевская М. Которая по счету // Студенческая жизнь. 1910. № 35; Кривоносов Т.Л. «Одинокие» и их «последнее слово» // Там же. 1910. № 22. С. 4.

Глава 2

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА

2.1. Изучение российского революционного терроризма в исторических исследованиях и мемуарной литературе 1920- первой половине 1930-х годов

В настоящее время в массовое сознание внедряется стереотип, что идеологический канон в историографии был установлен едва ли не на следующий же день после захвата власти большевиками. В действительности наименее подверженным канону и богатым в фактографическом отношении периодом в изучении российского революционного терроризма стало время 1920 – начало 1930-х годов. Именно на послеоктябрьский период пришлось издание большей части известных на настоящее время документальных, эпистолярных и мемуарных материалов, относящихся к проблемам индивидуального террора.

Ряд обнародованных в эти годы фактов, связанных, главным образом, с участием в террористической деятельности большевиков, в последующее время предпочитали вуалировать. «Вся наша боевая и террористическая работа, – писал в 1931 г. один из большевистских боевиков Н.М. Ростов, – ныне – удел истории. Если двадцать пять лет тому назад по тактическим соображениями мы не афишировали эту часть своей деятельности, то теперь эти соображения, полагаю, отпали. Актов партизанской войны в 1906–1907 гг. социал-демократы совершили много, в том числе и большевики»¹. Буквально через несколько лет о большевистском терроризме писать уже стало невозможно.

¹ Ростов Н.М. Еще о взрыве трактира «Тверь» в 1906 году // Красная летопись. 1931. № 1 (40). С. 246.

В первые послеоктябрьские годы на территории Советской России еще продолжали действовать партийные структуры некоторых организаций, прибегавших в дореволюционный период к террористической тактике. Ряд мемуарных материалов, относящихся к истории терроризма, были опубликованы, в частности, в 1918–1921 гг. в центральном органе ПСРМ журнале «Максималист»².

Первым историографическим трудом послеоктябрьского периода по истории революционного терроризма явилась книга, изданная ПСР в 1918 г., «Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки». Она стала одним из последних легальных изданий эсеров в Советской России. Особое внимание в ней уделялось характеристике книг А.И. Спиридовича и личности их автора. Отмечалась парадоксальная ситуация: лучшие исследования по истории социалистов-революционеров были проведены врагами партии, представителями охранки. Цель эсеровской публикации заключалась в доказательстве тезиса о большей для самодержавного режима опасности, исходящей от социалистов-революционеров, по сравнению с социал-демократами, о чем и свидетельствовало освещение истории революционного движения представителями охранного отделения. Обращалось внимание, что, к примеру, истории российской социал-демократии А.И. Спиридович посвятил всего 250 страниц, тогда как эсерам – почти 600, причем в основном боевой и террористической деятельности³.

Вместе с тем многие из работ, посвященные оппонентам большевиков в борьбе за власть в то время, когда идеологические противники боль-

² Добковский И.Г. К истории возникновения максимализма в первую революцию 1905 г. // Максималист. 1918. № 2. С. 2–13; 1919. № 12. С. 3–7; Я.Ш. Михаил Соколов – «Медведь» // Максималист. 1921. № 18–19. С. 4–6; К истории БО с.-р. максималистов // Максималист. 1921. № 18–19. С. 6–7; Д. Володя Мазурин // Максималист. 1921. № 20. С. 2–8; Лукич Н. [Н.Л. Юдин]. Наташа Климова // Максималист. 1921. № 21. С. 2–7; Тагин Е. Владимир Мазурин // Максималист. 1921. № 24–25. С. 15–17.

³ Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918.

шевизма еще не сошли с политической арены, имели ярко выраженный пропагандистский характер. Главным проводником террористической тактики в России считалась партия социалистов – революционеров. В книгах и брошюрах А. Луначарского, Н. Попова, Ю. Стеклова, М. Покровского, А. Лучинского, П. Лисовского и др. отношение к ПСР определялось ярлыком террористической партии. Терроризм эсеров преподносился в качестве единственного средства ведения ими политической борьбы, что коррелировалось с мелкобуржуазной, а следовательно, контрреволюционной природой социалистов-революционеров⁴.

В советской историографии индивидуальный политический террор осуждался не как насилие, а как проявление мелкобуржуазного индивидуализма в классовой борьбе. Ему противопоставлялись массовые формы движения угнетенных классов. Сам по себе террор не только не осуждался, но превозносился как наиболее действенный способ разрешения социальных антагонизмов. Индивидуальный террор в контексте выхода на политическую арену пролетариата считался недостаточным. Мелкобуржуазному индивидуальному терроризму противопоставлялся массовый пролетарский террор.

Идеологическим клише советской историографии стали оценки, высказанные В.И. Лениным в отношении терроризма в 1902 г. в статье «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?». Терроризм определялся в ней как скоропреходящее явление, не связанное с революционным движением масс. Вслед за В.И. Лениным советские историки констатировали, что на

⁴ Луначарский А. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922; Попов Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии. М., 1924; Стеклов Ю. Партия социалистов-революционеров. М., 1922; Покровский М. Что установил процесс так называемых социалистов-революционеров? М., 1922; Лучинская А. Великий провокатор Евно Азеф. М., 1923; Лисовский П. На службе капитала. Меньшевицско-эсеровская контрреволюция. Л., 1928.

деле террор социалистов-революционеров является не «чем иным, как единокровством, всецело осужденным опытом истории»⁵.

В.И. Ленин, оценки которого служили директивой подходов советской историографии, был далек от того, чтобы осуждать терроризм по гуманистическим соображениям. В работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» он писал: «Мы отвергали индивидуальный террор только по причинам целесообразности, а людей, которые способны были бы “принципиально” осуждать террор великой французской революции или вообще террор со стороны победившей революционной партии, осаждаемой буржуазией всего мира, таких людей еще Плеханов в 1900–1903 годах, когда Плеханов был марксистом и революционером, подвергал осмеянию и оплевыванию»⁶. Большевики также устраивали террористические акты, менее эффектные, но более прагматически выверенные.

Тезис о мелкобуржуазной сущности индивидуального политического террора был апробирован в советской историографии еще в начале 1920-х годов. Авторами работ, затрагивающих проблемы эсеровского и анархистского террора, выступили главным образом видные большевистские деятели, такие как А.В. Луначарский, Ю. Стеклов, А. Платонов, Я. Яковлев и др. Отличительной особенностью их трудов являлось преобладание дидактического компонента. Названные авторы не столько пытались реконструировать историческую канву, сколько полемизировали со своими оппонентами в социалистическом лагере, еще не сошедшими к тому времени с политической авансцены⁷.

В советской историографии в период доминанции школы М.Н. Покровского предпринимались неоднократные попытки объяснения феномена

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 375.

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 16.

⁷ Луначарский А.В. Бывшие люди. Очерки партии эсеров. М., 1922; Стеклов Ю. Партия социалистов-революционеров. М., 1922; Платов А. Страничка из истории эсеровской контрреволюции. М., 1923; Яковлев Я.

революционного терроризма с позиций экономического детерминизма. Преобладал тезис о том, что теракты были вызваны резким ухудшением экономического положения народных масс. В воспоминаниях о М.А. Натансоне бывший представитель партии социалистов-революционеров Г. Ульянов утверждал, что начало эсеровской пропаганды терроризма осуществлялось на фоне голода в Центральной России⁸. Однако, если проследить хронику политических терактов, то прямой зависимости их динамики от хозяйственного положения страны не обнаруживается. Политические убийства осуществлялись в годы как экономического упадка, так и подъема. Более того, в условиях хозяйственного кризиса представители радикальных организаций начинали апеллировать к народу и соответственно отдавали приоритет в тактическом отношении массовым формам революционного движения, тогда как в годы экономического роста оставалось возлагать надежду на индивидуальные методы борьбы.

После осуждения школы М.Н. Покровского экономическое объяснение сущности политического терроризма оказалось окончательно заменено социологической интерпретацией. Терроризм определялся тактикой классовой борьбы мелкой буржуазии.

Повышенный интерес к теме провокаторства в советской историографии 1920-х годов объясним преломлением психологического стереотипа победившей стороны. После одержанной победы начались естественные, судя по опыту революции других стран, процессы поиска изменников, сведение счетов. Феномен провокаторства среди эсеровских боевиков представлял советским историкам прекрасную возможность в очередной раз продемонстрировать мелкобуржуазную сущность своих политических оппонентов внутри социалистического лагеря.

Русский анархизм в великой русской революции. М., 1921.

⁸ Ульянов Г. Воспоминания о М.А. Натансоне // Каторга и ссылка. 1932. №4(89). С. 71-73.

Советская послеоктябрьская историография развивалась под знаком «охоты на ведьм». Историки революционного движения активно включились в поиск бывших агентов царской охранки⁹.

Иногда интересы охранных служб и террористов парадоксальным образом совпадали. Полиции, по ее корпоративным соображениям, полный разгром террористических организаций был не выгоден. При отсутствии террористической угрозы социальный, а соответственно и материальный статус охранки имели бы тенденцию к понижению. Поэтому охранные службы иногда пользовались приемами создания террористических фантомов. Естественно, что советские авторы не упускали возможности разоблачения такого рода провокаций. Уже в 1918 г. В.К. Агафонов писал об организации П.И. Рачковским в Париже лаборатории по изготовлению бомб, сведения о которой были переданы французской полиции. В результате оказалось сфабриковано следственное дело о заговоре в целях убийства Александра III во время визита того во Францию¹⁰.

Первым из советских авторов использовал для изучения истории революционного терроризма архивы Департамента полиции В.К. Агафонов. Непосредственно его исследование было посвящено определению роли и места в системе органов политического сыска заграничной агентуры. Им приводились материалы о методах вербовки провокаторов в террористических организациях. В приложении к своей книге В.К. Агафонов опубликовал очерк «Евно Азеф», в котором подробно описывалась полицейская карьера руководителя эсеровской Боевой организации¹¹.

⁹ Жилинский В.Б. Организация и жизнь Охранного отделения во времена царской власти. Пг., 1918; Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928; Меньшиков Л.П. Охранка и революция. М., 1925; Рябиков В.В. Шпики. М., 1925; Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., 1919; Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.

¹⁰ Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг., 1918.

¹¹ Там же.

При широком ажиотаже поиска бывших секретных сотрудников охранки особо востребованными оказались материалы личного архива Л.П. Меньщикова, составленного по копиям документов Департамента полиции. В начале 1920-х годов часть документов была продана им В.Д. Бонч-Бруевичу. Остальные материалы его коллекции скупил в 1926 г. за 500 долларов Российский заграничный исторический архив в Праге. На основании источников полицейского происхождения и личных мемуаров была написана трехтомная книга Л.П. Меньщикова «Охрана и революция». Последняя часть его труда целиком посвящалась рассмотрению феномена «азефовщины». По мнению Л.П. Меньщикова, двойная игра Е.Ф. Азефа стала возможна как ввиду идеалистического отношения революционеров к террористической деятельности, так и по причине порочности розыскной практики Департамента полиции. Сам провокатор предстает в интерпретации автора довольно примитивной в моральном и интеллектуальном отношении фигурой, банальным циником и мелким эгоистом¹². Подготовленная Л.П. Меньщиковым в конце жизни «Черная книга русского освободительного движения», представлявшая собой комплексное изложение сведений о секретных сотрудниках Департамента полиции, так и не была опубликована. Парадигма поиска агентов царской охранки замещается в 1930-е годы поиском шпионов императорских государств.

И в постреволюционные годы общественное сознание продолжал будоражить «синдром Е.Ф. Азефа». Так, в бюллетене № 1 ЦК партии левых социалистов-революционеров, изданном в период левоэсеровского мятежа, причина убийства немецкого посла эсеровским боевиком Я.Г. Блюмкиным объяснялась следующим образом: «В распоряжение Мирбаха был прислан из Германии известный русский провокатор Азеф для организации шпио-

¹² Меньщиков Л.П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. М., 1925–1932. Ч. 1–3.

нажа, опознанный партийными товарищами в Петрограде и в Москве»¹³. В действительности Е.Ф. Азеф ко времени левоэсеровского мятежа в списке живых уже не значился. Он умер 24 апреля 1918 г. в Германии. Возможно, слухи о его сотрудничестве с В. Мирбахом были связаны с последним местом работы в германском министерстве иностранных дел.

Большевистские авторы также использовали фигуру Е.Ф. Азефа для дискредитации идеологических противников. Азевщина преподносилась не в качестве единичного инцидента, а как выражение контрреволюционной сущности эсеровского движения. Если левые эсеры уличали в связях с Е.Ф. Азефом германского посланника в России, то большевики устанавливали идеологическое преемство от него самих левых эсеров. Такая мысль проводилась, в частности, в статье Эрде (Д. Рахштейна) «Азеф и азевщина», написанной по горячим следам левоэсеровского мятежа. «От Азефа, – декларировалось со страниц «Известия ВЦИК», – протянулись прямые нити к партии левых эсеров», которая выступает «действительной наследницей заветов Азефа и азевщины». «Двойниками Азефа, пробравшимися в ВЧК» назывались такие представители, как Я.Г. Блюмкин, Н. Андреев, А. Александрович, А. Попов¹⁴.

Для полярного мировосприятия, которым отличается душевный склад террористов, отрицательный персонаж является отрицательным во всех своих ипостасях. Симптоматично, что наиболее уничижительные характеристики личности Е.Ф. Азефа были даны бывшей соратницей его по эсеровской БО П.С. Ивановской. «Подлая трусость», – утверждала она, – являлась основной чертой азевовского характера¹⁵. Хотя, очевидно, что трус не мог бы вообще заниматься террористической деятельностью, тем

¹³ Красная книга ВЧК. М., 1990. В. 1. С. 209–210.

¹⁴ Там же. С. 297.

¹⁵ Ивановская П.С. Боевая организация. Из воспоминаний // Былое. 1926. № 3. С. 60.

более как Е.Ф. Азеф вести рискованную двойную игру между охранкой и боевиками.

Одно из наиболее обстоятельных исследований, посвященных личности Е.Ф. Азефа, было проведено А.В. Лучинской. Однако ссылки на ее работу в современной историографии азефовщины фактически отсутствуют¹⁶.

Впоследствии, вплоть до середины 1980-х, фигуру Е.Ф. Азефа предпочитали обходить стороной, ограничиваясь сведениями справочного характера. Иногда указывалось, что «азефщина» была имманентно присуща ПСР. В действительности тема провокаторства Е.Ф. Азефа могла подвести к проблеме провокаторов и в большевистской среде.

Если в эмиграции авторы указывали на азефскую двойственность и противоречивость¹⁷, то в советской историографии преобладала однозначная трактовка Е.Ф. Азефа как шпиона, без допущения предположения о каком-либо вкладе его в революцию. Традиция такого объяснения шла от исследования С.И. Черномордика, доказывавшего, что через Е.Ф. Азефа полиция, по сути, управляла ПСР и потому, даже вопреки своей воле, эсеры осуществляли контрреволюционную миссию¹⁸.

Помимо азефовского дела, яркой иллюстрацией тезиса о связях террористов с охранкой, а соответственно о подлинной контрреволюционной сущности терроризма, стала публикация сенсационных материалов об агентурной службе убийцы П.А. Столыпина Д.Г. Богрова в Киевском и Петербургском охранных отделениях. Одними из первых архивные документы полицейского происхождения по Д.Г. Богрову (псевдоним «Аленский») были обнародованы Б. Струмилло. В его публикации убийца премьера од-

¹⁶ Лучинская А.В. Великий провокатор Евно Азеф. Пг.; М., 1923.

¹⁷ Николаевский Б.И. Конец Азефа. Л., 1926; он же. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. Берлин, 1932.

¹⁸ Черномордик С.И. Эсеры (Партия социалистов-революционеров). Харьков, 1929.

нозначно оценивается как провокатор. Мотивом совершения теракта, полагал Б. Струмилло, являлась попытка уличенного в связях с охранкой Д.Г. Богрова реабилитировать себя в глазах товарищей. В результате, резюмирует автор, разоблаченный провокатор «вместо самоубийства, кончил убийством Столыпина»¹⁹.

Таким образом, через фигуру Е.Ф. Азефа проводилась дискредитация эсеров, а через Д.Г. Богрова – анархистов. Для последних же убийство реакционного премьер-министра являлось, по существу, главным вкладом в революцию. Другие предприятия анархистских террористов были несоизмеримы по масштабу. Поэтому остававшиеся в Советской России бывшие адепты анархизма стремились хотя бы частично реабилитировать Д.Г. Богрова. Конечно же, целиком отрицать после публикации соответствующих документов его сотрудничество с охранкой они не могли. Но при этом делалась оговорка, что какой бы то ни было помощи охранному отделению предоставляемые Д.Г. Богровым сведения не оказали. На следствии он скрыл подлинную картину участия анархистов в организации теракта 1 сентября. Читателю давали понять, что убийство премьер-министра осуществлялось по организованному анархистами плану. Сотрудничая с полицией, Д.Г. Богров вел игру на стороне революционеров. «Богров, – писал в своих воспоминаниях бывший лидер парижской анархистской группы “Буревестник”, фигурировавшей в следственном деле об убийстве премьера, И.С. Гроссман-Рощин, – я в этом убежден, презирал до конца хозяев политической сцены, хотя бы потому, что великолепно знал им цену. Может быть, Богрову захотелось уходя «хлопнуть дверью», да так, чтобы нарушить покой пьяно-кровавадной, дико гогочущей реакционной банды – не знаю»²⁰.

¹⁹ Струмилло Б. Материалы о Д.Г. Богрове. Красная летопись. 1924. № 10. С. 240.

²⁰ Гроссман-Рощин И.С. Дмитрий Богров – убийца Столыпина: Из записной книжки // Былое. Л., 1924. № 26. С. 153.

Тезисы Б. Струмилло пытался также опровергнуть один из членов киевской группы анархистов Г.Б. Сандомирский. С его точки зрения, Д.Г. Богров являлся «провокатором без провокаций». Никаких партийных обвинений в провокаторстве над ним в момент совершения теракта в Киеве не довлело. Будучи одно время сотрудником охраны, он, по мнению автора, со временем пересмотрел свои взгляды. Проблема для Г.Б. Сандомирского заключалась только в выявлении факторов революционного перерождения сотрудника охраны. Д.Г. Богров, согласно его интерпретации, был «типичным героем Достоевского, у которого была «своя идея». К этой идее он позволил себе идти сложными извилистыми путями, давно осужденными революционной этикой. Разобраться в этих путях сейчас очень трудно, но уже с достоверностью можно сказать, что в худшем случае Богров был не полицейским охранником, а революционером, запутавшимся в этих сложных, «запрещенных» путях, которыми он шел неуклонно и мужественно к осуществлению «своей идеи»²¹.

Впрочем, теракт против П.А. Столыпина подготавливали и эсеры. Старшая дочь премьера Маша получала послания с угрозами и предложениями отдаться счастью партийной работы. В декабре 1906 г. аресту подверглась готовившая убийство премьера боевая дружина во главе с П.П. Доброжинским. В июне 1907 г. в Петербурге полиция арестовала представителей эсеровского «летучего отряда», специально сформированного для устранения П.А. Столыпина. Через несколько месяцев был взят под стражу видный террорист А.Д. Трауберг, организовавший в рамках Боевой организации эсеров группу, главной целью которой являлось убийство премьер-министра.

О наличии у Д.Г. Богрова давнишней мечты убийства премьер-министра свидетельствовала его гимназистская приятельница Б.М. Прилежаева-Барская. Согласно ее воспоминаниям, он считал П.А. Столыпина

²¹ Сандомирский Г.Б. По поводу старого спора. К вопросу о Дмитрии

самым талантливым и самым опасным врагом, повинным во всем существующем в России зле. Исходя из воспоминаний Б.М. Прилежаевой-Барской становилось очевидным, что план убийства премьер-министра принадлежал лично Д.Г. Борову и не был навязан ему ни охранкой, ни революционными партиями²².

Точка зрения о режиссуре охранки теракта 1 сентября была довольно слабо представлена в советской историографии 1920-х годов. По-видимому, она не коррелировалась с интерпретацией революционного терроризма через призму классовой борьбы²³.

Убийство П.А. Столыпина никогда не ставилось в один ряд с убийством народовольцами Александра II. Сам по себе замысел цареубийства являлся высшим критерием революционности. В определяемой синдромом «азефиады» семиосфере всеобщей подозрительности среди радикалов лучшим доказательством отсутствия тайных контрреволюционных симпатий служило намерение осуществления теракта «первостепенной важности». Даже Е.Ф. Азеф главным аргументом в свое оправдание приводил подготовку цареубийства. Не случайно после свержения монархии в первых же очерках по истории революционного движения появляется множество свидетельств об организации терактов по устранению Николая II. Серьезными операциями преподносились даже такие фантазмосорические проекты, как сооружение летательного аппарата для бомбардировки Зимнего двора. Информация такого рода приводилась, в частности, в посмертном издании книги одного из видных представителей руководства ПСР С.Н. Слетова «К истории возникновения партии социалистов-революционеров»²⁴. Вероятно, по тем же соображениям сюжетная линия

Богрове // Каторга и ссылка. 1926. № 2(23). С. 30.

²² Прилежаева-Барская Б.М. Дмитрий Богров // Минувшие дни. 1928. № 4. С. 84.

²³ Красная летопись. 1924. № 9. С. 180.

²⁴ Слетов С.Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг., 1917.

об эсеровских планах цареубийства не получила развития в советской историографии. В противном случае аксиома о контрреволюционной сущности мелкобуржуазных партий, к каковым относилась и ПСР, теряла бы свою актуальность.

Правда, историком российской дореволюционной пенитенциарной системы М.И. Гернетом были обнаружены следственные дела, из которых явствовало, что террористические акты по устранению Николая II планировались едва ли не сразу же по восшествии того на престол. По замыслу террористической группы, состоявшей главным образом из учащейся молодежи, предполагалось бросить разрывной снаряд в царскую карету при въезде Николая II в Москву на коронацию в мае 1895 г. Только ввиду нежелания властей омрачать праздник дело о подготовке цареубийства не получило широкой огласки²⁵.

Катализатором массового выхода работ, посвященных эсеровскому терроризму, стал политический процесс над партией социалистов-революционеров. Мотив антиэсеровского процесса 1922 г. отражается в названии книги И. Вардина «Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты»²⁶. Написанные под конъюнктуру судебных обвинений, такого рода памфлеты в основном не отличались исследовательской глубиной. Однако для оптимизации современной контртеррористической деятельности особенно интересен факт использования большевиками политического заложничества. Исполнение приговора для эсеров-смертников было отложено с оговоркой, что казнь обвиненных состоится в том случае, если ПСР будет использовать террористические методы борьбы против Советской власти. Последующее

²⁵ Гернет М.И. История царской тюрьмы. М., 1952. Т. 3. С. 158–159; ГАРФ, департамент полиции, IV Делопроизводство. 1895. № 146. «О революционном кружке Бахарева, Распутина, Егорова и др.», л. 24; VII Делопроизводство. 1895. №. 146. «О революционном кружке Бахарева, Распутина, Егорова и др.».

²⁶ Вардин И. Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты. (Факты и документы). М., 1922.

власти. Последующее развитие событий свидетельствует об эффективности метода политического заложничества в сдерживании террористической деятельности. Причем в правовом отношении приемы заложничества, практикуемые большевиками, были гораздо изощреннее, чем система родового заложничества, применяемая царскими властями в ряде национальных регионов²⁷.

Наиболее крупной из череды антиэсеровских работ, опубликованных в контексте судебного процесса 1922 г., стала книга В.Н. Мещерякова «Партия с.-р.». Ее шестая глава «Азефиада» посвящалась рассмотрению генезиса терроризма на фоне истерии революционной борьбы. Апогей террористической тактики, констатировал автор, пришелся на период Первой русской революции. С ее завершением начался спад террористической волны, и новому этапу освободительной борьбы, завершившемуся победой Октябрьской революции, соответствовали уже совершенно иные тактические приемы. Другим, ставшим впоследствии общепринятым, тезисом работы В.Н. Мещерякова явилось положение об отсутствии контроля ЦК ПСР над эсеровской Боевой организацией. Такая автономия боевиков и привела, по его мнению, к возникновению феномена азефовщины. Базовым источником исследования В.Н. Мещерякова стало, по-видимому, опубликованное в 1911 г. «Заключение Судебно-следственной комиссии по делу Азефа»²⁸.

Интересно, что в советской историографии 1920-х годов выдвигались два взаимоисключающих тезиса: с одной стороны, об авторитаризме эсеровского ЦК, с другой – об отсутствии контроля со стороны эсеровского руководства над Боевой организацией. В очерке А.В. Луначарского «Бывшие люди» утверждалось, что истоки азефовщины заключались во всевла-

²⁷ Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 2. С. 208–221.

²⁸ Мещеряков В.Н. Партия с.-р. (социалистов-революционеров). Пг.; М., 1922. Ч. 1; М., 1922. Ч. 2.

стии ЦК ПСР в управлении партийной жизнью. Авторитарный стиль руководства, полагал он, отличали партию социалистов-революционеров с момента ее основания. Демократическая же платформа большевиков исключала, с точки зрения наркома просвещения, появление неподотчетных партии террористических групп. Подводя итоги деятельности ПСР, А.В. Луначарский писал, что именно терроризм оттолкнул народные массы от эсеров и вследствие авантюризма боевиков партия была доведена почти до полного уничтожения²⁹.

Рассуждения советских авторов отличались известной степенью схематизма. В частности, не выдерживает никакой критики концепция об идейной близости террористов к либеральному направлению российской общественной мысли. Есть основания считать, что из всех эсеровских боевиков лишь Е.Ф. Азеф придерживался либеральных воззрений, да и то их тщательно скрывал от соратников по партии.

Отношение в советской историографии 1920-х годов к максималистам определялось ленинской оценкой ПСРМ как «интеллигентской террористической группы». Поэтому в опубликованных в этот период работах В.Н. Мещерякова, Е.А. Мороховца, Н.М. Дружинина, М.М. Энгельгардта, К. Галкина освещался преимущественно образ действий максималистов, сводившийся к террористической тактике³⁰. За ПСРМ было закреплено ре-

²⁹ Луначарский А.В. Бывшие люди: Очерк истории партии эсеров. М., 1922.

³⁰ Мещеряков В. Партия социалистов-революционеров. М., 1922. Ч. 1-2; Мороховиц Е.А. Аграрные проекты российских политических партий в 1917 г. Л., 1929; Дружинин Н.М. 1906-й год // Григорович Е.Ю. Зарницы: Наброски из революционного движения 1905–1907 гг. Л., 1925. С. 7–19; Энгельгардт М.М., Взрыв на Аптекарском острове // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. 1925. № 7 (20). С. 67–94; Галкин К. Анархистские и террористические группы в Харькове (по данным хранки) // Пути революции. 1925. № 1. С. 51–53; № 2. С. 64–90; № 3. С. 136–151; Быстрянский В. Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921; Вардин В. Политические партии и русская революция. М., 1922; Черномордик С. Эсеры. Харьков, 1929.

номе наиболее радикальной из террористических организаций России. Само обращение максималистов к террористической тактике Н.М. Дружинин объяснял контекстом отступления революции. «Чем ожесточеннее становилась правительственная реакция, – писал он о ситуации, сложившейся после подавления Декабрьского вооруженного восстания в Москве, – тем больше ненависти и чувства мести рождалось в сердцах активных революционеров. Бомба и револьвер, единичное убийство и партизанский набег должны были восполнить недостаток революционной действенности. Замирая, революция расплывалась на бесчисленное количество отдельных убийств, экспроприаций и покушений»³¹.

Максималистский терроризм, как правило, рассматривался через призму самого громкого теракта ПСРМ – организации взрыва 12 августа 1906 г. на петербургской даче П.А. Столыпина на Аптекарском острове. Теракт характеризовался многочисленными жертвами при том, что его цель – убийство премьер-министра достигнута не была. Взрыв на Аптекарском острове использовался советскими историками как аргумент против левого уклона в революционном движении и террористической тактики. Чаще всего рассмотрение данного вопроса осуществлялось в контексте исследования столыпинской проблематики³².

Попытку восстановить на основе личных воспоминаний некоторые аспекты истории анархистского терроризма в России предпринял И.И. Генкин³³. Правда, его рассуждения базировались в основном на впечатлениях, которые произвели на него анархисты, пребывавшие вместе с ним на каторге. И.И. Генкин отмечал у анархистов особую склонность, в сравнении с

³¹ Дружинин Н.М. 1906-й год // Григорович Е.Ю. Зарницы: Наброски из революционного движения 1905–1907 гг. Л., 1925. С. 11–12.

³² Энгельгардт М.М. Взрыв на Аптекарском острове // Каторга и ссылка. 1925. № 7.

³³ Генкин И.И. Анархисты: Из воспоминаний политического каторжанина // Былое. 1918. № 3 (31); Генкин И.И. Среди преемников Бакунина // Красная летопись. 1927. № 1 (22). С. 179.

другими политкаторжанами, к бунту и неповиновению тюремным властям. Особенностью анархистских воззрений он считал преобладание «идеи прямого действия», что, как раз и подразумевало террористическую практику. «Для психологии анархистов, – писал И.И. Генкин, – по крайней мере, большинства их, любопытно... отсутствие расхождения между словом и делом, а также отсутствие границ между, если можно так выразиться, «властью» законодательной и исполнительной. Если, например, кто-нибудь теоретически признавал террор и экспроприации, то он же сам практически и участвовал в их совершении, какой бы высокий «ранг» он ни занимал среди членов группы, – черта, которую не всегда отметишь в отношении социалистов»³⁴.

Вот один из приводимых И.И. Генкиным характерных примеров, иллюстрирующих поведенческие стереотипы анархистов-безначальцев. Некий анархист Гольцман, опасаясь ареста, скрылся из анархистской лаборатории, прихватив с собой бомбы. Но «идя по улице, увидел, что патруль ведет какого-то арестованного. Гольцман поднял стрельбу и, ранив солдат, дал возможность арестанту бежать, зато был арестован сам»³⁵.

Согласно Б.И. Гореву, существовало три основных типажа анархистского терроризма, соответствующих главным центрам российского анархизма – Белостоку, Екатеринославу и Одессе. Первый образ был представлен белостокским еврейским юношей-идеалистом; второй – екатеринославским заводским рабочим – боевиком, ненавидящим всякую власть над собой, включая боевой стачечный комитет; третий – одесским налетчиком – прожигателем жизни³⁶.

³⁴ Генкин И.И. Анархисты: Из воспоминаний политического каторжанина // Былое. 1918. № 3 (31). С. 166.

³⁵ Генкин И.И. Группа «Безначалие» в 1905–1908 гг. Очерки из героической эпохи в жизни русского анархизма. Минск, 1919. С. 5–6.

³⁶ Горев Б.И. Анархисты в России (от Бакунина до Махно). М., 1930.

О террористической деятельности белостоцкой анархической группы вспоминал бывший лидер «чернознаменского движения» И. Гроссман-Роцин. Показательно, что видный теоретик «безмотивного террора» приветствовал Октябрьскую революцию, объявив себя анархо-большевиком³⁷.

Значительная часть анархистских организаций была интегрирована в советскую систему. Признание ими главенствующей роли большевиков давало возможность вплоть до конца 1920-х годов издавать литературу, проводить съезды, собрания, встречи и даже организовывать музеи по истории анархизма. По данным партийной переписи, в рядах РКП(б) в 1922 г. состояло 633 бывших анархиста. Вероятно, вследствие такой интеграции анархистский терроризм не стал предметом столь же массовой критики, как эсеровский, хотя, казалось бы, имел оснований для этого гораздо больше, чем последний. Однако с течением времени критический вектор все более усиливался. На рубеже 1920–1930-х годов анархистский терроризм изобличался в работах М.Н. Равича-Черкасского, В.Н. Залежского, Л.Н. Сыркина. Сложился образ анархиста, как хулиганствующего молодчика, что во многих случаях соответствовало действительности³⁸.

О деклассированной сущности терроризма, как правило, рассуждали именно применительно к анархистскому движению. Резкой критике анархистский терроризм подвергся, в частности, в книге В. Залежского «Анархисты в России». Его генезис автор ставил в зависимость от притока деклассированных и даже полууголовных элементов, которых анархисты в пик социалистам охотно привлекали в свои ряды. Идеиная платформа

³⁷ Гроссман-Роцин И. Думы о былом // Былое. 1924. № 27–28.

³⁸ Яковлев Я. Русский анархизм в великой русской революции. М., 1921; Дрикер Н. Материалы к истории анархистского движения в годы реакции (По документам Киевского историко-революционного архива) // Пути революции. Харьков, 1926. № 4; Очерки истории анархистского движения в России. М., 1926; Равич-Черкасский М.Н. Анархисты (Какие партии были в России). Харьков, 1929; Залежский В.Н. Анархисты в России. М., 1930; Сыркин Л.Н. Махаевщина. М.; Л., 1931; Горев Б. Анархисты в России (от Бакунина до Махно). М., 1930.

безначальцев интерпретировалась В. Залежским в качестве призыва к физическому истреблению всех «классовых врагов» пролетариата, к которым относили и социалистические партии. Концепция «безмотивированного террора» сводилась к императиву «бить первого попавшегося буржуа». Терроризм, по представлениям безначальцев, только тогда мог достигнуть успеха, когда был направлен «против всего буржуазного общества в целом»³⁹.

Однако в начале 1930-х годов однозначно негативная оценка В. Залежским анархистского террора еще не получила поддержки у рецензентов. На службе советской власти находились многие бывшие анархисты, декларировавшие признание своих ошибок и переход к большевикам⁴⁰. Рецензент журнала «Каторга и ссылка» И. Генкин даже обвинил В. Залежского в отступлении от ленинского подхода трактовки анархизма и переходе на плехановские позиции⁴¹. Он указывал на наличие в современном анархизме коммунистического течения, представленного, в частности, аршиновцами, сближающегося в понимании природы классовой борьбы с большевиками. Но в скором времени элементы какой бы то ни было благожелательности в отношении к террористическим группам предреволюционной России стали для советской историографии невозможны.

Освещение в советской историографии анархистского терроризма явно уступало эсеровскому. Такое положение вещей объяснимо трудностями подбора репрезентативных источников по истории разрозненных групп анархистов.

Критические стрелы советской историографии были направлены также против национальных террористических организаций. Так, террори-

³⁹ Залежский В. анархисты в России. М., 1930. С. 20–21.

⁴⁰ Правда. 1923. 7 сентября: Среди преемников Бакунина // Красная летопись. 1927. № 1.

⁴¹ Генкин И. В. Залежский. Анархисты в России // Каторга и ссылка. 1931. Кн. 7 (80). С. 179.

сты «Дашнакцутюн» обвинялись в тайном сотрудничестве с правительственными чиновниками⁴². Польские боевики порицались С. Пестковским в неразборчивости своих действий. Жертвой терактов с их стороны мог стать, по сути, каждый человек, носивший русскую форму⁴³.

Малоизвестные современным исследователям факты террористической деятельности сионистских и других еврейских организаций в России начала XX века привел А.Д. Киржниц. Теракты этого рода совершались, главным образом, в пределах черты еврейской оседлости и носили характер мести по отношению к конкретным лицам. Впрочем, религиозные иудейские мотивы, как правило, не определяли деятельность еврейских террористов. А.Д. Киржниц приводит пример организации евреями – террористами в 1906 г. в маленьком промышленном городке Кринки взрыва бомбы в синагоге, где происходило собрание местной промышленной элиты, по преимуществу, естественно, еврейской⁴⁴.

Царские власти обвинялись советскими историками в двойных стандартах по отношению к терроризму. Развернув борьбу с революционным террором, они в то же время если не сами организовывали террористическую деятельность черносотенцев, то смотрели на нее сквозь пальцы. В частности, обращалось внимание на мягкость наказания Николая Махалина, приговоренного Московским окружным судом 13 марта 1907 г. лишь к полутора годам заключения в исправительное арестантское отделение. Не отбыв установленного срока, уже через полгода он по представлению мини-

⁴² Борьба с революционным движением на Кавказе // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 189, 192–193, 205, 208–210, 219; Пестковский С. Борьба партии в рабочем движении в Польше в 1905–1907 гг. // Пролетарская революция. 1922. № 11. С. 43.

⁴³ Пестковский С. Борьба партии в рабочем движении в Польше в 1905–1907 гг. // Пролетарская революция. 1922. № 11. С. 43.

⁴⁴ Киржниц А.Д. Еврейское рабочее движение. М., 1928. С. 128, 184, 258, 369, 371.

стра юстиции был помилован царским указом. Обращалось внимание и на личность убийцы, судимого ранее за совершение кражи⁴⁵.

Весьма ценным в фактографическом отношении для реконструкции истории революционного терроризма, но недостаточно проработанным исследователями источником являются материалы, публиковавшиеся в различных изданиях Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-переселенцев. Сама по себе серия такого рода публикаций не имеет аналогов в мировой печатной практике. Образ террориста в них воссоздается не в результате осмысления эмпирических данных, а изнутри террористической субкультуры, являясь продуктом саморефлексии бывших боевиков⁴⁶.

Богатые в фактическом отношении материалы по индивидуальному террору помещались в печатном органе Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-переселенцев – историко-революционном вестнике «Каторга и ссылка». Боевым организациям (центральной и областным) социалистов-революционеров посвящались публикации П.С. Ивановской, М. Грунди, З. Клапиной, Н. Комарова⁴⁷. Об обстоятельствах подготовки покушений на видных российских сановников сообщали в своих статьях А. Боровский (на командующего экспедиционной армией на Кавказе генерала А.М. Алиханова), Е. Вагнер-Дзвонкевич (на начальника киев-

⁴⁵ Товарищ Бауман: Сборник воспоминаний и документов. М., 1930. С. 33–95.

⁴⁶ Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльно-переселенцев. М., 1934; Гинцбург И. Николай Иванович Ривкин // Каторга и ссылка. 1928. № 12 (40). С. 152–162; Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций партии социалистов-революционеров. 1905–1909 гг. // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25). С. 56–81; Лакерман А. По царским тюрьмам: В Екатеринославле // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25). С. 178–189.

⁴⁷ Ивановская П.С. Бледные строки, сохранившиеся в памяти о Ш. Сикорском // К. и С. Кн. 41. С. 152–155; Грунди М., Борис Вноровский (1882–1906 гг.) // К. и С. Кн. 23. С. 228–239; Клапина З. Памяти А. Трауберга // К. и С. Кн. 2. С. 58–65; Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций партии социалистов-революционеров 1905–1909 гг. // К. и С. Кн. 25. С. 56–81.

ского охранного отделения полковника А.И. Спиридовича), П. Васильев (на генерала Филонова), А. Педеоновский (на командующего экспедиционной армией в Сибири генерала П.К. Реннекампа), Б. Горинсон (на министра внутренних дел П.Н. Дурново), И. Жуковский-Жук (на коменданта Ялты генерала Думбадзе), А. Измайлович (на минского губернатора генерала П.Г. Курлова и командующего Черноморским флотом вице адмирала Г.П. Чухнина)⁴⁸. И. Жуковский-Жук помещал, к примеру, архивные материалы по первому следственному делу Проша Прошьяна, попытавшегося в июне 1905 г. взорвать стену одесской тюрьмы с целью устройства массового побега политических заключенных⁴⁹. В другой своей статье, приуроченной к двадцатилетию казни С.Я. Рысса, он попытался снять обвинения с одного из лидеров Боевой организации максималистов в провокаторстве⁵⁰.

Мемуарная литература 1920 – начала 1930-х годов определенно свидетельствовала, что не только эсеры, но и социал-демократы активно участвовали в террористической деятельности. Так, в опубликованных в 1922 г. «Материалах для биографии Р.М. Семенчикова» содержались подробные сведения о складировании оружия, ограблении магазинов и убийстве полицейских чинов представителями Боевой организации Рижского комитета РСДРП⁵¹.

Например, А. Голубков на страницах «Каторги и ссылки» иронизировал по поводу смены в канун октябрьского манифеста «оружия критики»

⁴⁸ Боровский А. Покушение на генерала Алиханова (В мае 1906 г.) // К. и С. Кн. 20. С. 133–134; Вагнер-Дзвонкевич Е. Покушение на начальника киевской охранки полковника Спиридовича // К. и С. Кн. 13. С. 135–139; Васильев П. Митя Кириллов // К. и С. Кн. 49. С. 163–168; Геденовский А. Памяти Николая Васильевича Коршуна // К. и С. Кн. 20. С. 258–264; Горинсон Б. На слежке за Дурново // К. и С. Кн. 20. С. 134–140; Жуковский-Жук И. Предсмертные письма Николая Литвиченко к родным // К. и С. Кн. 18. С. 148–149; Измайлович А. Из прошлого. Кн. 7. С. 142–191; Кн. 8. С. 143–174.

⁴⁹ Жуковский-Жук И. Первое дело Проша Прошьяна // К. и С. Кн. 43. С. 170–175.

⁵⁰ Жуковский-Жук И. В защиту Мортимера // К. и С. Кн. 1. С. 28–60.

⁵¹ Материалы для биографии Р.М. Семенчикова. М., 1922. С. 35.

на «критику оружия». Он вспоминал, что в центре, в отличие от провинциального Орла, эта установка приобрела реальные очертания. Организовывались мастерские для изготовления динамита, пироксилина, оболочек для бомб и т.п. Особая роль, по свидетельству А. Голубкова, отводилась Л.Б. Красину, создавшему боевую группу для обеспечения снабжения партийной организации оружием. В Москве, вспоминает он, шла открытая продажа в магазинах оружия – револьверов, маузеров, винчестеров. Сам мемуарист вел переговоры в Двинске о приобретении большой партии оружия. Стоит ли возмущаться, как это делает А. Голубков, погрому социалистов, учиненному черносотенцами в Орле. «Наступал момент, – делился он своими впечатлениями, – когда, казалось, ружья сами начинают стрелять»⁵². В период баррикадных боев в Москве мужчины миновали полицейские посты, спрятав оружие за полами пальто, а женщины – в чулках. Отсутствие массовых арестов при столь примитивных приемах конспирации А. Голубков относил на счет растерянности и неорганизованности полиции⁵³. Другим техническим аспектам опыта декабрьских боев в Москве является констатация мемуаристом особого значения высотных зданий как при реализации, так и при предотвращении террористических актов. По ироническому замечанию А. Голубкова, в этом и заключалась миссия церкви в революции. На значительной части московских церквей и колоколен размещались пулеметные гнезда⁵⁴.

Информацию о широкомасштабных закупках оружия динамитов, производимых социал-демократами в Европе в период революции 1905-1907 гг., свидетельствовал изданный в 1925 г. сборник статей и воспоминаний «Боевая группа при ЦК РСДРП (б)». Сообщалось, к примеру, что некоторые германские оружейные предприятия, ориентируясь на российский

⁵² Голубков А. О 1905 годе // К. и С. М., 1931. Кн. 7 (80). С. 16.

⁵³ Там же. С. 21.

⁵⁴ Там же.

революционный рынок, существенно увеличили выпуск производимой продукции⁵⁵.

Характерный эпизод из биографии культовой фигуры большевистского подполья Камо (С.А. Тер-Петросяна) привел в брошюре посвященной Боевой группе при ЦК РСДРП(б) С.М. Познер. Во время одного оживленного спора по аграрному вопросу представителя большевистской партии с меньшевиком боевик предложил своему товарищу: «Что ты с ним ругаешься? Давай я его зарежу»⁵⁶. В свете последующих политических репрессий в Советской России Камо был недалеко от определения большевистского курса «дискуссии» с оппонентами.

Как известно, для террористических групп характерны авторитарные принципы руководства. По своей психологической парадигме они изоморфны тоталитарным сектам. Поэтому механизмы вывода человека из террористической семиосферы могут быть смоделированы исходя из опыта реабилитации бывших сектантов. Интересно было бы посмотреть на процесс формирования культа вождя в советском обществе через призму ментальности революционных террористов. Литература 1920-х годов предоставляет в этом отношении довольно богатый материал. Боевики, утверждала Т.И. Вулих, ставили авторитет В.И. Ленина выше партии. «Они бы пошли за Лениным даже против всей партии, несмотря на их верность ей», — писала революционерка о кавказских боевиках⁵⁷.

Определенные элементы историографического плюрализма в вопросе о терроре сохранялись до начала 1930-х годов. На страницах «Каторги и ссылки» могли помещать свои воспоминания не только ортодоксальные большевики, но и бывшие представители иных политических партий. Один

⁵⁵ Боевая группа при ЦК РСДРП (б) / Под ред. С. М. Познера. М.; Л., 1925. С. 64.

⁵⁶ Познер С.М., ред. Боевая группа при ЦК РСДРП(б) (1905-1907 гг.). Статьи и воспоминания. М.; Л., 1925. С. 79.

⁵⁷ Вулих Т.И. Основное ядро кавказской боевой организации. М.; Л.,

из них – член Боевой организации эсеров С. Басов-Верхоянцев. Он вспоминал, в частности, о весьма интересном эпизоде: еще за три дня до «кровавого воскресенья» по царской ставке в Петербурге был произведен пушечный выстрел. Впрочем, вопрос о том, кто стрелял, остался невыясненным. Но если выстрел имел террористическую подоплеку, то требует корректировки сама хронология революционной динамики в 1905 г. Революция готовилась еще до событий 9 января, а потому не вполне правомерно говорить о ее стихийности, выраженной в рефлексии народного разочарования в справедливости царской власти. Между прочим, С. Басов-Верхоянцев сообщал, что в подготовке гапоновского народного шествия к царю принимали активное участие и эсеры, предполагавшие направить мирное движение в революционное русло. Большие надежды на Г. Гапона в качестве катализатора революции, по свидетельству мемуариста, возлагал, в частности, видный эсеровский боевик М. Швейцер. Показательно, что в преддверии «кровавого воскресенья» Боевой организации эсеров было поручено осуществление целой серии громких террористических актов. Первым на очереди находился министр юстиции Муравьев. При прочтении воспоминаний С. Басова-Верхоянцева создается впечатление, что революционное подполье ожидало каких-то экстраординарных событий 9 января. Возможно, поэтому пушечный выстрел 6 января имел провоцирующий смысл, предопределяя враждебное отношение властей к последующей через три дня затем демонстрации.

Начало революции еще более расширило горизонты террористической программы «Ну, вот, – воспроизводил С. Басов-Верхоянцев собственные слова, сказанные им М. Швейцеру сразу же после драмы “кровавого воскресенья” – Подумайте только, какой это будет ответ: сегодня Фулон, через день-два Муравьев, как у нас намечено. А там еще кто-нибудь. Может быть, сам царь. А Москва, Киев!». Бывший эсеровский боевик под-

тверждает, что подготовка покушения на Николая II действительно проводилась. Непосредственную разработку вопроса о цареубийстве вела в то время член Боевой организации Т. Леонтьева⁵⁸. Ведущим психологическим мотивом обращения к терроризму С. Басов-Верхоянцев определяет чувство мести. По соображениям революционного возмездия устанавливался круг лиц, предназначенных стать жертвами террористических актов⁵⁹.

Правда, условием времени стала необходимость автора покаяться в своем эсеровском прошлом. Но, называя эсеров «приспешниками мирового капитала», он в то же время пытался реабилитировать моральную сторону эсеровского терроризма. Эсеровские боевики были представлены наивными романтиками, оболыщенными внешней броскостью псевдосоциалистической, а на поверку мелкобуржуазной программой ПСР. «Обольщала, – оправдывался он, – возможность немедленно же вступить в рукопашную с представителями ненавистного строя. Рассуждали так: когда-то еще организуется рабочая революционная армия. А тут коротко: ухватил любого царского сатрапа – и о землю» – Уже повержены Боголюбов, Сипягин, Богданович, Плеве. Наивно рассчитывали террористическими актами ускорить надвигающуюся революцию. Боевики – обреченные люди. Их мечта – как можно скорее отдать свою жизнь в бою за свободу». (С. 41).

Для семиосферы революционного подполья стирание граней с уголовным миром было неприемлемо. Хотя революционер-экспроприатор мало чем отличался от тривиального уголовника, но категорически отказывался это признавать. История царской тюрьмы обладает многочисленными примерами кровавых войн между уголовными и политическими. Характерно, что верх в этих столкновениях часто оказывался на стороне политкаторжан.

⁵⁸ Вулих Т.И. Основное ядро кавказской боевой организации. С. 46.

⁵⁹ Там же. С. 46–47.

Первоначально даже советские авторы, памятуя о прежнем единстве политических, воздерживались от сравнений террористов с уголовниками. Но уже в 1926 г. А. Локерман, сам некогда являвшийся революционным боевиком, признавал, что новая генерация террористов-экспроприаторов была по своим моральным установкам и поведенческим стереотипам весьма близка к уголовному миру⁶⁰.

Накопленный практический материал о вооруженной борьбе в период революции 1905-1907 гг. позволяет классифицировать ее в качестве апогея развития российского терроризма. Террористический компонент неизменно присутствовал, а зачастую и доминировал в ней на каждом из этапов. Ведь даже лейтмотивом декабрьских боев в Москве стали диверсионные действия боевых групп, а не батальи в собственном смысле слова. Классические баррикадные сражения имели место лишь на Пресне⁶¹.

Имелись свидетельства о той или иной степени причастности к терроризму едва ли не всех ведущих оппозиционных общественных организаций. С.Я. Елпатьевский и Н. Осипович восстанавливали картину всеобщего ликования интеллигенции вне зависимости от партийной принадлежности в связи с убийством эсерами К.В. Плеве⁶².

В 1920-е годы в советской историографии еще довольно много внимания уделялось персоналиям, представлявшим террористический спектр общественного движения. Так, в 1925 г. был выпущен сборник писем убийцы К.В. Плеве эсеровского боевика Е. Сазонова к родным, открывавшийся вступительной статьей Б.П. Козьмина. Автор пытался реконструировать нравственный облик террориста⁶³. Для последующих поколений со-

⁶⁰ Локерман А. По царским тюрьмам. В Екатеринославе // Каторга и ссылка. 1926. Кн. 25. С. 186.

⁶¹ Басов-Верхоянцев С. На другой день // К. и С. Кн. 7 (80). С. 40–49.

⁶² Елпатьевский С.Я. Из воспоминаний // Красная новь. 1928. № 8. С. 119; Осипович Н. В грозные годы // Кандальный звон. Историко-революционный сборник. Одесса, 1926. Т. 3. С. 31–32.

⁶³ Козьмин Б.П. Сазонов и его письма к родным // Письма Егора Са-

ветских исследователей биографический ракурс рассмотрения темы революционного терроризма был неприемлем ввиду возможной при таком жанре тенденции романтизации образа боевиков.

В публикациях 1920-х годов в неожиданно для восприятия последующих лет террористическом свете предстает ряд видных большевистских лидеров. Обнаруживалась причастность к терактам и экспроприаторской деятельности многих из тех, кто в последующие годы был канонизирован как партийный идеолог. Деяния же, связанные с убийствами и грабежами, могли, естественно, бросить тень на культивируемый образ. Непосредственным организатором крупнейших террористических операций большевиков называют в этих публикациях члена ЦК, создателя Боевой технической группы Л.Б. Красина («Никитич»)⁶⁴. Обстоятельства террористического прошлого видного большевистского идеолога Емельяна Ярославского восстанавливал его бывший соратник по Боевой организации Петербургского комитета РСДРП В.К. Воробьев⁶⁵. Сообщалось множество подробностей террористической деятельности М.М. Литвинова. И.М. Мошинский приводил факты террористического прошлого Ф.Э. Дзержинского⁶⁶. О. Варенцова писала об участии М.В. Фрунзе в покушении на убийство урядника⁶⁷. В. Бонч-Бруевич вспоминал о поддержке А.В. Луначарскими его плана похищения «парочки великих князей» во время декабрьского вооруженного восстания 1905 г.⁶⁸ Выдвигался даже план, целью которого

зонова к родным. 1895–1910 гг. М., 1925. С. 7–28.

⁶⁴ Красин Л.Б. («Никитич»). Годы подполья. М.; Л., 1928.

⁶⁵ Воробьев В.К. Я вспоминаю. М.; Л., 1927.

⁶⁶ Мошинский И.Н. (Конарский Ю.) Ф.Э. Дзержинский и варшавское подполье 1906 г. // Каторга и ссылка. 1928. № 50. С. 17.

⁶⁷ Варенцова О. Михаил Васильевич Фрунзе в Иваново-Вознесенском районе // Пролетарская революция. 1926. № 12 (47). С. 209, 212–224; Десять лет со дня смерти М.В. Фрунзе // Красный архив. 1935. № 5 (72). С. 49–50; Из революционной деятельности М.В. Фрунзе // Красный архив. 1935. № 6 (73). С. 84–90.

⁶⁸ Бонч-Бруевич В. Мои воспоминания о Кропоткине // Звезда. 1930. № 6. С. 196.

было похитить самого Николая II из его резиденции в Петергофе. Только категорический запрет на осуществление такого замысла В.И. Лениным предотвратил его реализацию. В Петербургском комитете большевиков обсуждалось также предложение похитить пушку из двора гвардейского флотского экипажа и, в случае начала беспорядков стрелять из нее по Зимнему дворцу⁶⁹. По свидетельству Г. Мызгина, в Екатеринбурге члены боевого отряда большевиков, возглавляемого Я.М. Свердловым, постоянно терроризировали сторонников «черной сотни», убивая их при первой представившейся возможности⁷⁰. В статье А.А. Биценко сообщалось о сотрудничестве с большевистскими и эсеровскими террористическими организациями А.М. Горького.⁷¹ С.М. Познер и Н.М. Ростов описывали теракт, совершенный в 1906 г. по постановлению Петербургского комитета большевиков в трактире «Тверь», где собирались монархически настроенные рабочие судостроительных заводов. Террористы бросили внутрь помещения три бомбы, а когда уцелевшие посетители трактира пытались выбежать из здания, открыли по ним стрельбу из револьверов. Причем и С.М. Познер, и Н.М. Ростов, оценивали данное деяние как проявление революционного героизма⁷². А. Белобородов, оперируя уральским материалом, представил широкую палитру терактов большевиков, совершенных против владельцев фабрик, управляющих и полицейских⁷³. Марцинковский же свидетельствовал, что зачастую жертвами терактов становились и рабочие, отказывав-

⁶⁹ Леонид Борисович Красин («Никитич») Годы подполья. М.; Л., 1928. С. 244–245.

⁷⁰ Мызгин Г. Со взведенным курком. М., 1925. С. 14; Л.С. Моисей Георгиевич Цхоидзе // Каторга и ссылка. 1927. № 34. С. 195.

⁷¹ Биценко А.А. Две встречи с Горьким // Каторга и ссылка. 1928. № 41. С. 64–65.

⁷² Познер С.М., ред. Боевая группа при ЦК РСДРП(б) [1905–1907 гг.] Статьи и воспоминания. М.; Л., 1925. С. 180–184; Ростов Н.М. Воспоминания о пятом годе // Каторга и ссылка. 1925. № 20. С. 52–53; Ростов Н.М. Еще о взрыве трактира «Тверь» в 1906 году // Красная летопись. 1931. № 1. С. 40.

⁷³ Белобородов А. Из истории партизанского движения на Урале //

шиеся поддерживать забастовки, бойкоты и другие проявления пролетарского протеста. Имелись случаи смертных казней штрейкбрехеров. Марцинковский описывал эпизод, когда во время стачки большевики изгоняли людей со своих рабочих мест при помощи специальных вонючих бомб⁷⁴. Басалыго приводил шокирующие, по меркам современной электоральной культуры, подробности вооруженных нападений большевиков на избирательные участки с конфискацией и уничтожением официальных протоколов результатов голосований⁷⁵. П. Никифоров сообщал о специфической практике региональных большевистских групп по ведению издательской деятельности, когда с целью размножения революционных листовок и газет ими осуществлялись вооруженные захваты типографий⁷⁶.

Понятное дело, что террористические аспекты деятельности большевистской партии были нежелательны в свете выработки идеологического канона. О большинстве публикаций 1920 – начала 1930-х годов попросту забыли.

Характерно, что о террористическом прошлом И.В. Сталина даже в 1920-е годы авторы воспоминаний о революционных событиях на Кавказе предпочитали не распространяться.

Фактически забытыми впоследствии оказались исследования и мемуары 1920 – начала 1930-х годов, реконструирующие региональный аспект истории терроризма. Между тем, по сути, все горячие точки на карте российского терроризма были в этот период достаточно точно сфокусированы⁷⁷. В последующие десятилетия революционная историческая регио-

Красная летопись. 1926. № 1 (16). С. 93, 97.

⁷⁴ Марцинковский. Воспоминания о 1905 г. в Риге // Пролетарская революция. 1922. № 12. С. 329.

⁷⁵ Басалыго. Революционное движение в Харькове // Летопись революции. Харьков, 1924. № 1 (6). С. 133–134.

⁷⁶ Никифоров П. Муравьи революции. М., 1932. С. 120.

⁷⁷ Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины // Красный архив. 1929. № 3 (34); Грауздин П. К истории рево-

налистика развивалась преимущественно в фарватере изучения массовых форм общественной борьбы.

В отличие от работ последующего историографического периода, в исторической литературе 1920-х годов, посвященной эсеровскому терроризму, центральная Боевая организация эсеров не заслоняла собой региональные террористические группы – летучие отряды и боевые дружины⁷⁸.

Более упрощенно трактовался вопрос об идеологии революционного терроризма. Было высказано мнение, что вообще о какой бы то ни было идеологической платформе революционного терроризма говорить не приходится. По ироничному свидетельству А. Биценко, «что ни с.-р., то или особый оттенок в теоретическом обосновании программы и тактики и, в

люционного движения в Прибалтике в 1905 году // Каторга и ссылка. 1932. № 7 (92); Прибалтийский край в 1906 г. // Красный Архив. 1925. № 4–5 (11–12); Пальвад्रे Я.К. Революция 1905–1907 гг. в Эстонии. Ленинград, 1932; Янсон Я. (Браун) Латвия в первой половине 1905 года // Пролетарская революция. 1924. № 8–9 (31–32); Смирнов. Финляндия // Красная летопись. 1931. № 5–6 (44–45); Вагнер-Дзвонкевич Е. Покушение на начальника киевской охраны полковника Спиридовича // Каторга и ссылка. 1924. № 13; Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 1 (8); Кобозев П. Мои воспоминания о 1905 г. в гор. Риге // Красная летопись. 1922. № 5; Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций // Каторга и ссылка. 1926. № 25; Арский Р. Эпоха реакции в Петрограде (1907–1910 гг.) // Красная летопись. 1923. № 9; Аркомед С. Красный террор на Кавказе и охранное отделение // Каторга и ссылка. 1924. № 13; Гамбаров А. Очерки по истории революционного движения в Луганске (1901–1921 гг.) // Летопись революции. 1923. № 4; Ягудин П. На черниговщине // Каторга и ссылка. 1929. № 57–58; Гельцин С.Л. (Бабаджан) Южное военно-техническое бюро при ЦК РСДРП // Каторга и ссылка. 1929. № 61; Трофименко А. К истории военно-технического бюро юга России в 1905–1906 гг. // Летопись революции. 1925. № 5–6 (14–15); Сулимов С. К истории боевых организаций на Урале // Пролетарская революция. № 27 (42).

⁷⁸ Чернавский М. В Боевой организации // Каторга и ссылка. 1930. № 8–9; Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций партии социалистов-революционеров, 1905–1909 // Каторга и ссылка. 1926. № 4; Никонов С.А. Борис Николаевич Никитенко // Каторга и ссылка. 1927. № 2; Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 1.

частности, террора, или же вовсе совсем особое, такое своеобразное миро-
созерцание с вытекающим из него своим обоснованием деятельности»⁷⁹.

Мировоззренческой основой терроризма советские историки определяли свойственный для интеллигенции буржуазный индивидуализм. Широкие возможности для изобличения индивидуалистической морали террористов предоставляли им художественные произведения Б.В. Савинкова. Характерно, что они однозначно оценивались как автобиографическая реминисценция. Так, М. Горбунов опубликовал на страницах «Каторги и ссылки» статью «Савинков как мемуарист», где в качестве мемуаров рассматривал главным образом его романы «Конь бледный» и «То, чего не было»⁸⁰. Сам же Б.В. Савинков, как известно, долгое время отрицал автобиографичность своих литературных произведений.

«Конь Бледный» создал Б.В. Савинкову репутацию оплевывателя революции, претендующего на роль сверхчеловека. Раздавались голоса, требующие исключения его из партии. Но следует учитывать, что художественные произведения не есть документальный источник. Ряд литературоведов указывали на влияние на творчество В. Ропшина полифонического стиля Ф.М. Достоевского с его раздвоенными личностями (главный герой романа Б.В. Савинкова оценивался как воплощение Ставрогина) и Д.С. Мережковского с заимствованием библейской, эсхатологической символики. Кроме того, Б.В. Савинков писал свои произведения после отступления революции и разоблачения Е.Ф. Азефа. Послереволюционная меланхолия Б.В. Савинкова была ретроспективно перенесена в прошлое и исказила образ эсера-боевика революционной эпохи. Критика произведений Б.В. Савинкова как исторического источника предпринималась в 1920-е годы Н.С. Тютчевым и Е.С. Колесовым. Вывод Н.С. Тютчева гласил: «Воспоминания

⁷⁹ Биценко А. В Мальцевской женской тюрьме. 1907–1910 гг. К характеристике настроений // Каторга и ссылка. 1923. № 7. С. 194.

⁸⁰ Горбунов М. Савинков как мемуарист. Каторга и ссылка. 1928. № 3 (40) – 5 (42).

Савинкова «менее всего могут претендовать на значение как история партии»⁸¹. Но данная критическая интерпретация не учитывалась в последующей отечественной историографии.

Как правило, исследователи обращали внимание на кавалергардские, бретерские замашки Б.В. Савинкова, распутный и мотовской образ жизни, дискредитировавший революционное подполье. Об этом свидетельствовали его партийные соратники. По словам М. Горбунова, «глубокая социальная индифферентность и растущий эгоцентризм постепенно стали его отличительными чертами в противоречии с тем, что ожидалось от революционера, вовсе не народ или массы, а раздутое или требующее самовыражения «я» этого «искателя приключений» диктовало его действия»⁸².

В различных исторических культурах террористы-смертники идут на самопожертвование, будучи уверенными в существовании потустороннего бытия. Совершение террористического акта предполагает соответствующее загробное воздание. Судя по всему, глубоко верующими, при разном понимании смысла религиозного учения, являлись и многие представители революционного террора в России. Без учета религиозного фактора невозможно понять генезис русского террора. Между тем в советской историографии он, вопреки всем имеющимся свидетельствам, старательно ретушировался. Герои революционного подполья преподносились советскими историками в качестве атеистов. М.И. Гернет, в частности, сообщал об отказе многих из осужденных на казнь террористов принимать священника⁸³.

Начало процесса коллективизации, – как окончательный разрыв с принципами аграрной программы социалистов-революционеров «о социализации земли», – предполагало организацию новой антиэсеровской кам-

⁸¹ Тютчев Н.С. Заметки о воспоминаниях Б.В.Савинкова // Тютчев Н.С. В ссылке и другие воспоминания. М., 1925.

⁸² Горбунов М Савинков как мемуарист // Каторга и ссылка. 1928. № 5 (42). С. 175–177.

⁸³ Гернет М.И. История царской тюрьмы. М., 1952. Т. 3. С. 274, 276.

пании в печати. Наряду с программой решения земельного вопроса, критике, естественно, подвергалась террористическая тактика ПСР. Хрестоматийной для советской историографии в этом отношении стала книга С.И. Черномордика «Эсеры». Терроризм классифицировался в ней как главное средство борьбы социалистов-революционеров. В противоречии с хроникой фактов переход эсеров к террористической тактике датировался преддверием Первой русской революции, что отражало растерянность мелкобуржуазных слоев общества перед надвигающейся бурей. С.И. Черномордик преувеличивал степень осведомленности и влияние Департамента полиции через систему провокаторов на террористические организации. Так, утверждал он, охранка через Е.Ф. Азефа по существу руководила Боевой организацией эсеров. Данный тезис, по-видимому, потребовался автору для обоснования контрреволюционной сущности мелкобуржуазных партий⁸⁴.

Согласно установленной с 1930-х годов периодизации народничество в своем развитии прошло три основных этапа: 1 – революционные демократы-шестидесятники; 2 – революционное народничество 70-х годов XIX в.; 3 – либеральное народничество 1880–1890-х годов. Какое место при этой классификации отводилось эсеровским террористам? Первоначально эсеры объявлялись политическими преемниками либеральных народников. А поскольку последние оценивались как реакционеры, выразители интересов кулачества, клеветники марксизма и пролетариата и даже как сторонники сохранения крепостного права, то такие же оценки перенеслись и на ПСР. Абсурдное по своей сути положение о либеральных террористах стало тем не менее историографическим догматом⁸⁵.

⁸⁴ Черномордик С.И. Эсеры (Партия социалистов-революционеров). Харьков, 1929.

⁸⁵ Колесников Н.Т. Раскрытие В.И. Лениным двойственного характера либерально-народнической + аграрной программы – одно из условий теоретического обоснования союза рабочих и крестьян // Борьба КПСС за укрепление союза рабочего класса и крестьянства. М., 1963; Шестаков М.Г. Борьба В.И. Ленина против идеалистической социологии народничества.

Издание немногочисленной литературы 1930-х годов по истории революционного терроризма характеризует парадоксальная ситуация, выражавшаяся в заимствовании советскими историками аргументов меньшевистской критики эсеров. «Цитаты заменяли доказательства, ярлыки – факты. И неизбежный казус: яростно бичуя меньшевизм, авторы, вслед за каноническим творением, повторяли меньшевистские оценки»⁸⁶, – писал впоследствии видный историк эсеровского движения М.И. Леонов.

Стагнация дальнейшего развития изучения истории российского революционного терроризма была predetermined письмом И.В. Сталина в журнал «Пролетарская революция» (1931) и публикацией «Краткого курса истории ВКП(б)». Суть идеологической позиции сводилась к двум тезисам: 1) единственной партией, нуждающейся в изучении, является ВКП(б); 2) все остальные партии – реакционны и консервативны как по своему составу, программным документам, так и по той роли, которую они сыграли в истории России. А потому нет надобности в их специальном исследовании и освещении в литературе»⁸⁷.

Единственной партией, историю которой допускалось легально изучать, являлась ВКП(б). По мнению В.Ф. Антонова, запрет И.В. Сталина на изучение истории народовольцев и социалистов-революционеров был связан с намерением вытравить из народной памяти образ террориста-мстителя, который мог бы стать образцом для подражания людям, недовольным режимом⁸⁸. В редких работах по истории ПСР сталинской эпохи Э. Генкиной, А. Агарева, П. Соболевой эсеры были представлены как

М., 1959; Кадышева И.А. Борьба В.И. Ленина за идейное наследство русских революционных демократов против либерального народничества: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954; и др.

⁸⁶ Там же. С. 10.

⁸⁷ Зевелев А.И., Свириденко Ю.П. Историография истории политических партий России. М., 1992 г., С. 14.

⁸⁸ Антонов В.Ф., Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 8–9.

скрытые, а потому и более опасные контрреволюционеры, как кулацкая партия, с которыми большевики не допускали никаких компромиссов⁸⁹.

После убийства С.М. Кирова изучение истории революционного терроризма было на долгие годы табуизировано. Вызывало опасение, что у террористов могут найтись подражатели. Упоминания о прежде культивируемых героях террористического движения Е.С. Сазонове и И.П. Каляеве исчезают со страниц советской печати. Характерно замечание И.В. Сталина на снятый по мотивам теракта против С.М. Кирова фильм «Великий гражданин» по сценарию М. Большинцова, М. Блейма и Ф. Эрмлера: «Портрет Желябова нужно удалить: не аналогии между террористами – пигмеями из лагеря зиновьевцев и троцкистов и революционером Желябовым»⁹⁰.

Публикации по истории индивидуального террора продолжались вплоть до рокового 1935 г. Одним из последних крупных изданий по этой проблеме до установления негласного запрета на ее освещение стала книга «Первая боевая организация большевиков 1905–1907». Из нее небезынтересно было, к примеру, узнать, что основные базы подготовки боевиков располагались в Финляндии⁹¹. При учете данного обстоятельства становится понятным столыпинский курс ограничения финских автономных прав. Он, выражаясь современным языком, имел контртеррористическую направленность.

Наиболее заметным явлением в историографии революционного терроризма 1940-х годов стал фундаментальный труд М.Н. Гернета «История

⁸⁹ Генкина Э. Разгром эсеров партией большевиков // Большевик. 1935. № 21; Агарев А. Борьба большевиков против мелкобуржуазной партии эсеров // Пропагандист. 1939. № 16; Соболева П. Борьба большевиков с эсерами в период первой русской революции. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1946.

⁹⁰ Латышев А.Г. Сталин и кино // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 495.

⁹¹ Первая боевая организация большевиков 1905–1907. М., 1934. С.

царской тюрьмы» (первый том был издан в 1941 г., второй – в 1946 г., третий – в 1948 г., четвертый и пятый – уже после смерти автора). Канва изложения невольно подводила читателя к сравнению старорежимной и сталинской пенитенциарной системы. У них обнаруживались явные признаки исторического преемства. Однако контекст установления временного моратория на применение смертной казни в СССР обуславливал благожелательное отношение цензуры к монографии М.Н. Гернета. За публикацию первых двух томов «История царской тюрьмы» в 1947 г. постановлением Совета Министров автор удостоился звания лауреата Сталинской премии.

Хотя проблема терроризма вовсе не составляла тематику гернетовского исследования, определенные аспекты в террористической составляющей русского общественного движения получили опосредованное освещение. И это неудивительно ввиду того обстоятельства, что арестованные террористы непременно оказывались узниками наиболее одиозных царских тюрем. Будучи людьми с особой, эксцентричной психикой, они, пребывая в заключении, весьма часто оказывались в эпицентре внутритюремных скандалов (неподчинение властям, нападение на надзирателей, побег, голодовки, суицид). Ряд реконструированных М.Н. Гернетом следственных дел был посвящен революционным террористическим группам начала XX в., таким как Боевая организация при Рижском комитете РСДРП или Боевая организация при Петербургском комитете РСДРП⁹². Попутно обнаруживалось, что не только неонародники или анархисты, но и большевики принимали активное участие в терроре. Из выявленных М.Н. Гернетом 32-х узников Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, принадлежавших к социал-демократам, 18 (т.е. более половины) оказались осуждены за членство в боевых или военных организациях РСДРП⁹³. Основным концеп-

239, 287.

⁹² Гернет М.И. История царской тюрьмы. М., 1956. Т. 5. С. 100–102, 122–131.

⁹³ Там же. С. 57.

туальным положением работы М.Н. Гернета являлся тезис об историческом процессе омассовления состава политических заключенных, что отражало динамику возрастания революционной активности народных масс. Революция 1905 года стала рубежом перехода от групповой ротации политкалторжан к всеобщей. Она подвела черту под террористическим периодом русского освободительного движения. Хотя теракты по-прежнему продолжали осуществляться, они уже сошли с авансцены классовой борьбы. Обращает на себя внимание отличие гернетовской периодизации от ортодоксальной, согласно которой наступление пролетарского этапа освободительного движения в России связывалось с учреждением ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Допускаемые в «Истории царской тюрьмы» некоторые неточности объяснимы тем, что ко времени написания монографии автор полностью потерял зрение и создавал свой труд под диктовку. Для отечественной историографии публикация работы М.Н. Гернета имели значение первой брешью в снятии табу с научной разработки тематики терроризма.

Для проведения исследований по истории терроризма периода Первой русской революции в условиях советского цензурирования историки шли на терминологическую подмену. Термины «аграрный» или «экономический террор» замещались дефиницией «партизанское движение». Если слово «террорист» вызывало у советских идеологических цензоров отторжение, то слово «партизан» вызвало вполне положительную реакцию. В действительности зачастую речь шла об одном и том же. Именно посредством такого терминологического приема стало возможным изучение революционного терроризма на национальных окраинах Российской империи. В частности, довольно подробное освещение получило экспроприационное движение «лесных братьев» в Латвии⁹⁴.

⁹⁴ Материалы о революции 1905–1907 гг. в Латвии. Рига, 1955; Революция 1905–1907 гг. в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1956; Дауге П.Г. Революция 1905–1907 гг. в Латвии. Рига, 1949; Крастынь Я.П. Револю-

Первые отряды Лесных братьев создаются в январе 1906 г. на основе боевых дружин ЛСДРП и ЛСД в целях сопротивления карательным экзекуциям. Мартовская конференция ЛСДРП официально поддерживает данную форму борьбы. Проводится обучение партизан военному делу, налаживается производство бомб и холодного оружия, члены ЦК ЛСДРП Ф. Грининь и Я. Лутер организуют закупку в Бельгии, Германии и Швейцарии (общей суммой на 50.560 марок и 6.326 франков) огнестрельного оружия и динамита, переправленного в распоряжение Лесных братьев. По неполным данным, Лесные братья вели борьбу в 91 волости Курляндской, 84 – Лифляндской (40% всех волостей Латвии) и 9 – Витебской губерний.

Партизанские группы обычно насчитывали 10–15 чел., прием новобранцев осуществлялся с согласия всей организации и с утверждения местного социал-демократического центра. Первоначально Лесные братья отрицательно относились к конфискациям, предпочитая систему, когда каждый усадьбовладелец платил налог на содержание их отрядов, но затем перешли к экспроприаторской практике. Лесные братья совершали убийства участников карательных экспедиций, представителей полиции, сил самообороны, помещиков, серых баронов (кулаков), предпринимали налеты на волостные правления (по неполным данным, было проведено 15 успешных операций), почтовые и телеграфные отделения (при этом проводя кон-

ция 1905–1907 гг. в Латвии / Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. М., 1955; Духанова З.В. Борьба революционной Латышской социал-демократии за союз рабочего класса с крестьянством в период первой русской революции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956; Ионане И.А. Борьба партизан против контрреволюции в Латвии в революции 1905–1907 гг. / Ученые записки Латвийского Гос. ун-та им. П. Стучки. Рига, 1959. Т. XXVI; Мишке В.К. Очерки истории Компартии Латвии. Рига, 1962. Ч. 1; Ионане И.А. Руководство Социал-демократией латышского края партизанским движением в революции 1905–1907 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рига, 1963; Ионане И.А. О заключительном этапе партизанской борьбы в революции 1905–1907 годов в Латвии / Ученые записки Латвийского Гос. ун-та им. П. Стучки. Рига, 1963. Т. 50; Бейка Д. Год лесных братьев. Мемуары. Рига, 1970; Карьяхярм Т., Крастынь Я., Тила А. Революция 1905–

фискацию денег, писем контрреволюционеров и уничтожая оборудование, связи), организовывали диверсии на железных дорогах, сжигали замки (например, замок Ремте), корчмы и винные лавки, усадьбы и хозяйственные постройки помещиков, убранные для них сено, конфисковывали оружие (с апреля по сентябрь в Курляндской и Лифляндской губерниях было изъято 295 ружей) и деньги. Конфискованные деньги партизаны вносили в кассы социал-демократических организаций. Закрытие церквей и винных лавок осуществлялось под предлогом имевших место фактов неумышленного предательства и выдачи Лесных братьев во время исповедей и при нахождении в нетрезвом состоянии. В центральном органе ЛСДРП (СДЛК) «Цине» и листовках Лесных братьев регулярно публиковались списки разоблаченных агентов и предателей, над многими из которых, в том числе над некоторыми пасторами, производились расправы. Всего, по неполным данным генерал-губернатора правления, с апреля по 15 ноября 1906 г. в Курляндской и Лифляндской губерниях было совершено 643 партизанских выступления, из них 211 вооруженных нападений, 372 налета на волостные управления, почтовые и телеграфные конторы, корчмы и казенные винные лавки, 57 поджогов, 3 повреждения телеграфа.

По мнению А. Гейфман, невнимание советской историографии к теме революционного терроризма периода правления Николая II объясняется пренебрежением к проигравшим, т.е. всем политическим партиям, кроме большевистской. Поскольку же террористическая деятельность была связана главным образом с эсерами и анархистами, она и не получила должного исследовательского внимания⁹⁵.

2.2. Эволюция советской историографии российского революционного терроризма второй половины 1950 – первой

1907 годов в Прибалтике. Таллин, 1981.

⁹⁵ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997.

половины 1980-х годов

В постсталинский период тема индивидуального террора в революционном движении была реабилитирована. Поощрялись, в частности, исследования по истории народовольческого терроризма⁹⁶. Однако применительно к началу XX века тема оказалась не столь желательной. Она рассматривалась лишь попутно, главным образом в контексте изучения неонароднического движения. Различие подходов к народовольческому и неонародническому терроризму объяснимо тем, что место народовольцев определялось в авангарде освободительного движения, тогда как неонародники рассматривались в качестве политических оппонентов большевиков. Эсеровский терроризм воспринимался через призму дискуссии между социалистами-революционерами и социал-демократами. Так, кандидатская диссертация П. Жданова, защищенная уже после смерти И.В. Сталина в 1954 г., не отражала новых общественно-политических веяний и была выполнена в старом методологическом ключе⁹⁷.

История терроризма в трудах советских исследователей экстраполировалась на установленную периодизационную схему развития революционного движения в России. Зачастую цифры терактов подгонялись под априорно сформулированные выводы. Возможности для статистических вариаций представляла неоднозначность самой дефиниции теракт. Так, по утверждению К.В. Гусева, за 1909–1911 гг., т.е. за период традиционно определяемый в советской историографии как столыпинская реакция, эсерами было совершено лишь 5 покушений⁹⁸.

С. 14.

⁹⁶ Волк С.С. Народная воля, 1879–1882. М.; Л., 1966; Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1871.

⁹⁷ Жданов П. Разоблачение В.И. Лениным идеологии эсеров накануне революции 1905–1907 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.

⁹⁸ Гусев К.В. Партия эсеров. М., 1975. С. 74.

Требовались особые навыки, чтобы сквозь идеологическую завесу советской историографии восстановить полиную картину истории терроризма. Так, по опубликованным и, по-видимому, недостаточно цензурированным в 1956 г. материалам о революционном прошлом Г.И. Котовского, можно было заключить, что его террористическая деятельность носила уголовный, а вовсе не политический характер. После февральской революции, свидетельствовал один из документов, когда все политические заключенные вышли на свободу, тот оставался в тюрьме как уголовник⁹⁹.

Перекося в изучении народовольческого терроризма по отношению к терроризму начала XX века тем более очевиден, что не соотносится с их масштабами. Жертвами терактов за всю последнюю треть XIX в. стало менее ста человек. Между тем численность лиц, пострадавших от террористов в Российской империи начала XX в., оценивается в 17000¹⁰⁰.

Но если о смысловом различии понятий «эсер» и «народник» сказано было достаточно, то сопоставления терминов «социалист-революционер» и «социал-демократ» не предпринималось. Любимым афоризмом в форме ленинской игры слов было рассуждение, что эсеры как социалисты – не революционеры и как революционеры – не социалисты. При этом историки не считали нужным указывать, что авторство афоризма принадлежало не В.И. Ленину, а Ю.О. Мартову. Доводы меньшевистской критики эсеров были апробированы как аргументы разоблачения эсеров советскими историками, естественно, без ссылок на самих меньшевиков. Сравнение терминов «социал-демократ» и «социалист-революционер» не проводилось, поскольку могло бы обнаружить больший радикализм последних. Из названия «эсеры» следовало: социализм как цель и революция как средство. Тогда как у эсдеков выдвигался идеал демократии, а слово «социалист» заме-

⁹⁹ Котовский Г.И. Документы и материалы. Кишинев, 1956. С. 12, 29, 30, 34, 50.

¹⁰⁰ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997. С. 13, 32.

нялось неопределенной категорией «социал». Б.В. Леванов считал, что термин «социалисты-революционеры» был изобретен Х.О. Житловским и применен как самоназвание его террористической группы «Союз русских социалистов-революционеров» в 1894 г.¹⁰¹ (в действительности эта организация возникла на год раньше). Данное утверждение расходится с встречаемым в русской эмиграции мнением об авторских правах Е.К. Брешко-Брешковской. Ю.В. Анисин предлагал заменить термин «социалист-революционер» более точными, с его точки зрения, наименованиями: «современные террористы», «социал-народники», «левые народники» и «левонародники», «народничающие эсеры», «новые народники».....¹⁰²

Исследования темы критики В.И. Лениным террористической тактики хронологически предшествовали изучению истории самих террористических организаций. Поэтому основные выводы были сформулированы априорно до анализа фактического материала. Последнему предназначалось служить подтверждением готовых идеологических схем. Ссылки на источники заменялись цитатами из произведений классиков марксизма-ленинизма.

Импульсом к изучению истории российских террористических партий явился XX съезд КПСС и разоблачение культа личности И.В. Сталина. Было определено, что в основе культа личности лежит мелкобуржуазная психология. Делался вывод о скрытом проникновении мелкобуржуазной идеологии в среду политического руководства СССР. А именно с мелкобуржуазной идеологией связывалась террористическая тактика. Поэтому сталинский террор и революционный терроризм рассматривались как однопорядковые явления. К постановлениям XX съезда апеллировали многие

¹⁰¹ Леванов В.Б. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. 1903–1917 гг. Л., 1978. С. 25–26.

¹⁰² Анисин Ю.В. Некоторые вопросы теоретической борьбы В.И. Ленина с неонародниками по национальным проблемам // Ленинская партия в борьбе... С. 16.

авторы, исследовавшие историю партий, придерживавшихся террористической тактики. Один из них В.М. Мухин писал: «Революционное генеральство породило “революционное лакейство”...». Затхлая семиосфера чиновничества породила своих идолов, которые поработили сознание самих своих создателей. Культ личности, глубоко пустив свои корни, опутал эсеровскую партию сверху донизу»¹⁰³. Налицо отождествление культа личности героя-террориста и культа личности вождя в сталинской системе. Некорректность проведения таких аналогий очевидна. Культ личности в революционной субкультуре был построен на почитании героев-одиночек, борцов, даже жертв, тогда как культ Сталина имел субстанционально иную основу, изоморфную царистской идее, основываясь на преклонении перед властителем, а не перед бунтовщиком.

Другой исследователь В.М. Шугрин шел дальше и связывал деятельность Л.П. Берии и его соратников с проникновением в партию инородных, мелкобуржуазных элементов. Автореферат его диссертации «Борьба В.И. Ленина и коммунистической партии против народническо-эсеровской тактики заговора и индивидуального террора (1893–1907) завершался указанием на проявления рецидивов «эсеровщины»: «На путь заговора и террора встал презренный империалистический наймит – предатель Берия, склотивший враждебную советскому государству изменническую группу заговорщиков, в которую входили связанные с ним в течение многих лет совместной преступной деятельности его сообщники: Абакумов, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Владимирский и др. Эти лютые враги народа, пробравшись в органы государственной безопасности, совершали чудовищные и гнусные преступления, в результате которых многие честные люди стали жертвами коварных провокаций и интриг этой преступной банды. Культ личности органически чужд коммунистическому мировоззрению. Проявлением пережитков субъективно-идеологических народни-

¹⁰³ Мухин В.М. Критика В.И. Лениным субъективизма и тактического

ческо-эсеровских воззрений и является культ личности Сталина»¹⁰⁴. Но общественное мнение не было готово связать сталинские «отступления от норм партийной жизни» и эсеровскую идеологию. Показательно, что М.М. Марагин защитил кандидатскую диссертацию «Борьба В.И. Ленина против идеалистической теории культа личности народников и эсеров» только в 1964 г., хотя еще в 1957 г. им была выпущена книга с аналогичным названием, которая включала основное содержание диссертации¹⁰⁵. В постхрущевское время разоблачение культа личности И.В. Сталина в контексте критики террористической тактики мелкобуржуазных партий больше не предпринималось. Только в перестроечные годы стали вновь вспоминать о террористическом прошлом «вождя народов».

Интерпретация советскими историками терроризма определялась новым идеологическим подходом в понимании природы мелкобуржуазных партий. От тезиса «социал-фашизм» пришлось отказаться еще в предвоенные годы. Он был заменен лозунгом «народный фронт». Поэтому трактовка мелкобуржуазных партий как контрреволюционных не соответствовала времени. Кроме того, в послевоенные годы в Восточной Европе были установлены режимы так называемой народной демократии с сохранением «мелкобуржуазных» партий, входящих зачастую в правящие коалиции с коммунистами. Претворяя изложение истории ПСР, К.В. Гусев цитировал М.А. Суслова: «В Болгарии совместная деятельность коммунистической и крестьянской партий в строительстве нового общества являет собой образец глубокого понимания и творческого применения ленинского учения о

авантюризма эсеров. Ереван, 1957. С. 139, 142.

¹⁰⁴ Шугрин М.В. Борьба В.И. Ленина и коммунистической партии против народническо-эсеровской тактики заговора и индивидуального террора (1893–1907). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956. С. 13–14.

¹⁰⁵ Марагин М.М. Борьба В.И. Ленина против идеалистической теории культа личности народников и эсеров. Л., 1957; То же. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1964.

союзе рабочего класса и крестьянства»¹⁰⁶. Требовалось доказать историческую оправданность такого рода коалиций. Поэтому одной из главных тем в изучении революционного движения в советской историографии становится политика «левого блока», проводимая большевиками. Данному вопросу посвятили свои исследования В.К. Габуня, А.В. Тихонова, В.А. Решетов, Н.П. Бабаева и др.¹⁰⁷ В деятельности эсеров, максималистов, анархистов исследователи стали обнаруживать прогрессивные, демократические черты. Впрочем, до откровений о совместных террористических операциях «левого блока» дело не дошло. Однако ряд антикоммунистических выступлений в странах Восточной Европы обусловили задачу осуждения мелкобуржуазных партий как предостережение коммунистам об опасности альянса с ними.

Компромиссным выходом из создавшейся дихотомической ситуации явился тезис о двойственной природе мелкой буржуазии и поэтому двойственной политике партий, ее представляющих. С одной стороны, мелкий буржуа как человек труда тяготеет к пролетариату, с другой, как собственник – к буржуазии. Этим объяснялась политика колебаний эсеров и анархистов, непоследовательность, идейный эклектизм, отсутствие внутреннего единства и т.п. Предлагался вывод, что в российских условиях эсеры в конечном счете пошли по второму пути, психология «хозяйчика» оказалась

¹⁰⁶ Гусев К.В. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М., 1966. С. 3.

¹⁰⁷ Габуня В.К. Тактика революционных компромиссов и соглашений (исторический опыт КПСС). М., 1964; Ленинская тактика использования левых блоков и компромиссов в борьбе за единый революционный фронт // Вопросы истории КПСС, 1965. № 7; Тихонова А.В. Большевицкая тактика компромиссов и соглашений в первый период революции 1905–1907 гг. // Из истории борьбы Коммунистической партии за победу буржуазно-демократической и социалистической революций и построение социализма в СССР. М., 1968; Решетов В.А. Некоторые вопросы ленинской тактики по отношению к мелкобуржуазным партиям, организациям и течениям в революции 1905–1907 гг. и современность // Вопросы истории. Челябинск, 1968; Бабаева Н.П. Ленинская тактика «левого блока» в революции 1905–1907 гг. Л., 1977.

преобладающей. «Превращение эсеров в контрреволюционную белогвардейскую банду убийц, – резюмировал В.М. Мухин итог эволюции бывших революционных террористов, – явилось логическим следствием субъективно-идеалистического мировоззрения и авантюристической тактики, оторванной от масс, не имеющей опоры в массах»¹⁰⁸. Но российский исторический опыт не означал, что в международном социалистическом движении невозможен был альтернативный вариант. Показательно, что В.М. Мухин в качестве выдающегося борца с мелкобуржуазными инновациями в международном социалистическом движении называл Мао Цзэдуна: «За свою многолетнюю историю, например, Коммунистическая партия Китая неоднократно сталкивалась с ошибками субъективно-волюнтаристского характера. Субъективистские оценки политической обстановки, субъективизм в руководстве работой неизбежно ведут либо к оппортунизму, либо к путчизму. Основным источником этих ошибочных взглядов субъективистского порядка Мао Цзэдун, в полном соответствии с ленинским положением, видит в преобладании во многих партийных организациях крестьянских и других мелкобуржуазных элементов»¹⁰⁹. Автор, цитируя Мао, называл общие черты, присущие мелкобуржуазным партиям: «нежелание учитывать субъективные и объективные условия; революционный зуд; нежелание вести упорную, незаметную, кропотливую работу в массах; мечтания о великих подвигах, увлечение иллюзиями; зазнайство в случае победы; излишняя вера в военные силы и неверие в силы народных масс»¹¹⁰. В работах последующего времени именно Мао Цзэдун преподносился в качестве жупела мелкобуржуазной идеологии. В международном коммунистическом движении СССР перестал играть роль вдохновителя леворадикальных террористических организаций. Среди последних заговорили о буржуазном перерождении СССР. Роль вдохновителя перешла к КНР. Идеи о тотальной

¹⁰⁸ Мухин В.М. Критика В.И. Лениным субъективизма и тактического авантюризма эсеров. Ереван, 1957. С. 163.

¹⁰⁹ Там же. С. 106.

герилье, борьбе мирового города и мировой деревни, опора на крестьянство, тактика индивидуального террора, концепция национального социализма, феномен Че Гевары и т.п. для советских историков, исходящих из представления об универсальности мирового развития, означали принятие вывода о рецидивах «эсеровщины» в освободительном движении. В книге М.Г. Шестакова «Борьба В.И. Ленина против идеалистической социологии эсеров» в контексте критики социалистов-революционеров осуждается «идеалистическая социология новых левых Г. Маркузе и Р. Миллса», служащая знаменем различного рода террористических «красных бригад»¹¹¹.

К тому же правое крыло в коммунистическом движении, особенно после событий 1968 г. в Чехословакии, было разочаровано в демократическом потенциале советской системы и эволюционизировало от идей «социализма с человеческим лицом» к отрицанию социализма как такового. Для советских теоретиков это подтверждало тезис о закономерности трансформации «мелкобуржуазных», псевдосоциалистических партий в контрреволюционные организации. Дифференциация партии социалистов-революционеров на террористическое максималистское и реформистское энесовское крыло иллюстрировала данное положение. К.В. Гусев писал, что события в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г. обуславливают актуальность изучения истории ПСР в советской историографии: «Распаду эсеров способствовала не только их контрреволюционная политика, но и имевшие место попытки сыграть роль “третьей силы”. История краха эсеров, таким образом, свидетельствует об обреченности попыток в обстановке обостренной классовой борьбы встать между двумя борющимися классами, так как даже искреннее желание создать “третью силу” в классовой борьбе в условиях капиталистического общества неосуществимо. Либо с буржуазией против пролетариата, либо с рабочим классом против буржуа-

¹¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹¹ Шестаков М.Г. Борьба В.И. Ленина против идеалистической социологии эсеров. М., 1975. С. 5, 76–77, 83, 110–111.

зии – третьего не дано... События 1956 г. в Венгрии, 1968 г. в Чехословакии показали, что и антисоциалистические элементы начинали свое наступление, как и “демократическая контрреволюция” в России, с атак на коммунистические партии, на их руководящую роль... Немного времени понадобилось и антисоциалистическим силам в Чехословакии, чтобы вслед за заявлением о “гуманизации” социализма перейти к травле партийных кадров, созданию вокруг них семиосферы морального террора...История борьбы с попытками реставрации капитализма в СССР и других социалистических странах показывает, что на определенных стадиях развития социалистической революции, когда буржуазия уже не может идти к массам со своими реставраторскими лозунгами, контрреволюция надевает демократическую маску, принимает форму “демократической контрреволюции”. Она старается отравить сознание трудящихся реакционными идеями “чистой демократии” и “абсолютной свободы”, враждебная сущность которых была раскрыта В.И. Лениным и подтверждена в России историей партии социалистов-революционеров»¹¹². На международную актуальность изучения «мелкобуржуазного революционаризма» указывал также Н.М. Саушкин: «Ведь опасность рецидивов социал-революционном рабочем движении не миновала. Если представители различных школ мелкобуржуазного утопического социализма прошлого, в том числе эсеры, сошли с исторической арены, то идейные течения, враждебные научному коммунизму, продолжают распространяться, пытаясь оказать ему противодействие. Мелкобуржуазная революционность и поныне служит источником заскоков, головокружительных прыжков через незавершенные этапы борьбы, шараханий в крайности, быстрых переходов от увлечений к унынию, крикливому пустозвонству и огульному охаиванию организованной борьбы за социализм. Псевдореволюционные фразы, фальсификация ленинизма, тактика подтал-

¹¹² Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 378–381.

кивания революции – все это признаки мелкобуржуазного революционаризма»¹¹³.

Тенденция перенесения выводов и оценок по истории ПСР на практику современного общественного движения нашла наиболее полное воплощение в докторской диссертации В.Г. Хороса «Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. История и типология». Предложив в качестве перевода понятия «народничество» термин «популизм», автор посредством не вполне корректного перевода объявлял популистскую политику онтологическим принципом партии народнического типа. Терроризм рассматривался как одно из ярких проявлений неонароднического популизма¹¹⁴.

Вопреки марксистскому постулату, в странах третьего мира ведущей революционной силой выступил не пролетариат, а те слои населения, которые определялись советскими идеологами в качестве мелкобуржуазных. Опыт кубинской революции являлся классическим примером, подтверждающим данную тенденцию. А.Я. Манусевич писал: «Играя на всякого рода предрассудках, иллюзиях, заблуждениях, буржуазия не только сохраняла влияние на значительную часть средних слоев, но и умело превратила их в орудие самой реакционной, самой антинародной политики. Так было в 20–30-е годы в Италии, Германии и ряде других стран, где средние слои в большинстве своем оказались основной опорой фашизма. Но ход мирового революционного процесса убедительно свидетельствует о том, что ни союз средних слоев, их трудового и прогрессивного большинства с антипролетарскими силами, ни крах представляющих эти слои аграристских и других демократических политических партий и организаций вовсе не является исторической закономерностью. Гренада, Никарагуа, Куба свидетельст-

¹¹³ Саушкин Н.М. Критика В.И. Лениным программы и тактики партии эсеров. М., 1971. С. 4–5.

¹¹⁴ Хорос В.Г. Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. История и типология: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1980.

вуют, что средние слои являлись не только союзниками рабочего класса, но и “застрельщиками революции”. Часть средних слоев не только в социально-экономическом отношении, но и политически, и организационно все более обособляются от буржуазии. Зачастую идейно-политическая неустойчивость средних слоев, при их возрастающем разочаровании в капитализме, выливается в революционаризм и экстремизм, имеющий внешние черты сходства с эсеровщиной и, как правило, сочетающийся с крайним антикоммунизмом и антисоветизмом, троцкизмом и маоизмом»¹¹⁵. Перед советскими историками была поставлена задача организации идеологической борьбы за влияние в среде мелкой буржуазии, что нашло воплощение в теме борьбы большевиков и эсеров за крестьянство и иные социальные группы. Данной проблеме посвятили свои исследования А.Ф. Ненахов, А.А. Шишкова, Ж. Маурер, И.С. Горичев, П.И. Климов, П.Н. Абрамов, И.П. Шмыгин, Л.В. Завадская, М.М. Константинов, П.Н. Першин, В.И. Тропин, С.П. Трапезников, Д.А. Колесниченко, Г.И. Зайчиков и др.¹¹⁶ Пред-

¹¹⁵ Манусевич А.Я. Средние слои современного капиталистического общества. К вопросу о союзниках рабочего класса. // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Материалы конференций. М., 1982. С. 99.

¹¹⁶ Ненахов А.Ф. Борьба большевиков за союз рабочего класса и крестьянства накануне и в период революции 1905–1907 гг. Воронеж, 1955; Шишкова А.А. Из истории борьбы большевиков за союз рабочих и крестьян в годы первой русской революции // Вопросы истории. 1955. № 2; Маурер Ж. Особенности и движущие силы Первой русской революции. Тактика большевиков в борьбе за крестьянство // Вестник МГУ. Сер. обществ. наук. 1956. Вып. 1; Горичев И.С. Деятельность местных большевистских организаций по упрочению союза рабочего класса и крестьянства в период подъема буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. // Учен. зап. Калнинград. пед. ин-та. Калининград, 1957. Вып. 3; Климов П.И.: 1. Рабочий класс России в борьбе за союз с крестьянством // Вопросы истории. 1957. № 5; 2. Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905–1907 гг. М., 1960; Абрамов П.Н. О работе большевиков в деревне в 1905–1907 гг. в центрально-черноземных губ. // Сборник статей по вопросам истории КПСС. М., 1960; Шмыгин И.П. Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905–1907 гг., Уль-

лагался вывод, содержащий в себе противоречия, что ПСР, будучи мелкобуржуазной партией, интересы мелкой буржуазии не выражала. Кроме того, становилось очевидным, что партия, трактуемая прежде как исключительно террористическая, занималась, помимо организации терактов, массовой работой. В исследованиях, посвященных революции 1905–1907 гг., вооруженным восстаниям данного периода о роли революционных террористических организаций умалчивалось¹¹⁷. Хотя имеются все основания считать, что во многих случаях эта роль была ключевой.

Отказ от наиболее категоричных негативных суждений в освещении революционных террористических организаций был тесно связан с тем, что в 1950–1960-е годы с политической арены сошли последние эсеровские группировки за рубежом (последняя нью-йоркская группа эсеров прекратила существование в середине 1960-х).

Примерно с середины 60-х годов большинство авторов стали воспринимать террористические партии – эсеров, максималистов и анархистов – составной частью революционно-демократического лагеря¹¹⁸. Их перестали обвинять в предательстве интересов народа, в прислужничестве по-

яновск, 1962; Завадская Л.В. Аграрный вопрос в I Государственной Думе и борьба большевиков за крестьянство // Большевики во главе первой русской революции 1905–1907 гг. М., 1965; Константинов М.М. Борьба большевиков за создание революционных крестьянских комитетов в 1905 г. (на материалах Тверской губ.) // Вопросы истории КПСС. 1965. № 11; Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 1; Тропин В.И. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970; Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1974. Т. 1; Колесниченко Д.А. Из борьбы рабочего класса за крестьянские массы в 1906 г. // Исторические записки. 1975. Т. 95; Зайчиков Г.И. Думская тактика большевиков (1905 - 1907 гг.). М., 1975; Корелин А.П., Тютюкин С.В. Революционная ситуация начала XX века в России // Вопросы истории. 1980. № 10; и др.

¹¹⁷ Демочкин Н.Н. Советы 1905 года – органы революционной власти. М., 1963; Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957 и др.

¹¹⁸ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг.

мещикам и капиталистам всех времен, признали наличие некоего общего основания для совместных временных выступлений марксистов с ними в «буржуазно-демократической революции».

С начала 1960-х годов наблюдаются тенденции переосмысления историографического клише о революционных террористах как «кадетах с бомбой». Так, уже в 1961 г. Б.П. Козьмин подчеркивал, что революционное и либеральное течения в народничестве не сменяли друг друга, а существовали одновременно¹¹⁹. Социалисты-революционеры были представлены наследниками революционных, а не либеральных народников. Крупнейшая дискуссия по данной проблеме состоялась в 1966 г. в АН СССР. Главным сторонником прежней трехчленной периодизации выступил А.Ф. Смирнов, приверженцем нового подхода – Н.А. Троицкий¹²⁰. В монографии К.В. Гусева и Х.А. Ерицяна авторы объявляли социалистов-революционеров продолжателями дела «Народной воли», в то время как кадеты и социал-демократы отступили от народовольческой генеральной линии соответственно вправо и влево. Меньшевик К.В. Гусев считал идейными наследниками «экономизма». «Начался распад «Народной воли». В то время как одна часть народовольцев все больше ориентировалась на гегемонию буржуазии в русской революции и переходила в ряды либеральной буржуазной интеллигенции, другая (впоследствии составившая ядро партии социалистов-революционеров) оставалась на позициях радикальной мелкой буржуазии и колебалась между буржуазией и пролетариатом, наконец, третья часть начала склоняться к марксизму и ориентироваться на развивающийся и растущий класс наемных рабочих – пролетариат»¹²¹. Такая точка зрения

С. 11.

¹¹⁹ Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961.

¹²⁰ Либеральное народничество // Борьба ленинской партии Л., 1987. С. 45–89; Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 10 и др.

¹²¹ Гусев К.В., Ерицян Х.А. От соглашательства к контрреволюции:

стала в конечном счете преобладающей. Однако некоторые авторы, как, например, М.Г. Шестаков, и в более позднее время продолжали отстаивать прежнюю периодизацию и тезис о преемственности эсеров от либеральных народников. К.В. Гармиза и Л.М. Спирин в рецензии на монографию К.В. Гусева подвергли сомнению его утверждение об эволюции большинства народолюбцев к либеральному народничеству¹²². По мнению Н.А. Троицкого, большинство народолюбцев погибло в борьбе с самодержавием, оставшиеся в живых отошли от партийной работы, сохранившие свои убеждения вошли в партию эсеров, и лишь малая часть примкнула к социал-демократам¹²³. Согласно С.В. Семячко, чья точка зрения оказалась, правда, менее популярной, большинство левых народников перешли на позиции социал-демократии и меньшинство – к эсерам¹²⁴. Дифференциация народничества на социал-демократическое и эсеровское направление определялась главным образом отношением к террористической деятельности.

Табуизированной в соответствующий период развития советской историографии оказалась тема большевистского терроризма. Пожалуй, единственной фигурой, дозволенной для рассмотрения в террористическом ракурсе, был Камо (С.А. Тер-Петросян)¹²⁵. Сам В.И. Ленин именовал того в свое время «кавказским разбойником», а А.М. Горький – «артистом» революции.

Очерк истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. М., 1968, С. 19.

¹²² Гармиза К.В., Спирин Л.М. [Рецензия] // Вопросы истории КПСС. 1976. № 4.

¹²³ Троицкий Н.А. Народная воля перед царским судом (1880–1894). Саратов, 1983. С. 251–252.

¹²⁴ Семячко С.В. Партийная организация революционных народников пропагандировавших среди рабочих европейской части России в 80-х – первой половине 90-х гг. // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. М., 1983. С. 21–24.

¹²⁵ Камо. [Документы о жизни и деятельности в период 1907–1913] // Вестник архивов Армении. 1965. № 3 (12); Шаумян Л.С. Камо. Жизнь и деятельность профессионального революционера С.А. Тер-Петросяна. М.,

Одним из факторов, обусловивших рост интереса исследователей к проблеме взаимоотношений охранки и террористов, стало, по-видимому, убийство американского президента Дж. Кеннеди. Оно дало повод для проведения исторических ассоциаций с покушением на жизнь российского премьер-министра П.А. Столыпина в 1911 г. В обоих случаях обстоятельства указывали на определенную причастность к убийствам высших лиц государств охранных служб. Однако в написанной на основании документов Киевского военно-окружного суда и Киевского охранного отделения статье Б.Ю. Майского была представлена традиционная для советской историографии версия о том, что Д.Г. Богров, будучи формально агентом полиции, а по своим воззрениям – революционером, переиграл охранку. Отъезд его в 1910 г. в Петербург автор объясняет попыткой разорвать порочный круг, образовавшийся в результате вербовки Киевским охранным отделением. Вызов же к начальнику Петербургской охранки М.Ф. фон Коттену «Богров воспринял не только как необратимый крах его личных надежд и чаяний, но и как новое тяжкое покушение на его окрепшие политические и нравственные позиции. Он решил отомстить, хотя бы ценою собственной жизни. Для этого он должен был заручиться доверием фон Коттена. Такое доверие могло открыть ему ход в логово зверя»¹²⁶. В действительности Д.Г. Богров направился к М.Ф. фон Коттену по собственной инициативе. Игнорировался Б.Ю. Майским и фактор разоблачения провокаторства Д.Г. Богрова анархистами.

Контекстом изучения истории российского революционного терроризма стала новая террористическая волна, захлестнувшая в 1960-1970-е годы мировое сообщество. Многие из террористических организаций исповедовали леворадикальную революционную идеологию – «Фракция Красной Армии» (РАФ) в ФРГ, «Красные бригады» в Италии, «Красная

1959; Дубинский-Мухадзе И.М. Камо. М., 1974.

¹²⁶ Майский Б.Ю. Столыпинщина и конец Столыпина // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 144.

Армия» в Японии, «Прямое действие» во Франции и др. Параллели с российским революционным терроризмом напрашивались сами собой.

Крупной вехой в изучении истории эсеровского терроризма явилось издание ряда работ К.В. Гусева. В совместной монографии К.В. Гусева и Х.А. Ерицяна проводилась мысль о зависимости эсеровской тактики терроризма от идеологии ПСР. Индивидуальный политический террор рассматривался как отражение политического авантюризма эсеров. Авторы утверждали, что концентрация сил социалистов-революционеров на организации терактов оказало деморализующее влияние на всю партию. По их мнению, эсеры не извлекли ни каких уроков из дела Е.Ф. Азефа, что и предопределило их историческое поражение¹²⁷. К.В. Гусев и Х.А. Ерицян, в соответствии с советской историографической традицией, рассматривали ПСР как низменную в идейном и тактическом отношении организацию. В действительности же террористический период партии социалистов-революционеров был завершён в 1911 г., отражением чего стало упразднение Боевой организации. Роспуск последней как раз и свидетельствовал о пересмотре эсерами своей тактики на основе уроков азефовского дела.

Тема эсеровского терроризма неизменно присутствовала и в последующих исследованиях К.В. Гусева. Автор для обозначения ПСР использовал дефиницию «кадеты с бомбой». Политические последствия терроризма, по его мнению, были крайне ничтожны. Сама по себе террористическая тактика оценивалась как проявление эсеровского индивидуализма, а индивидуализм – как следствие увлечения терактами. Деструктирующее значение терроризма для самой ПСР усматривалась К.В. Гусевым в автономизации Боевой организации¹²⁸. Под сомнение ставилась даже революционная сущность эсеровского терроризма. Для обозначения террористи-

¹²⁷ Гусев К.В., Ерицян Х.А. От соглашательства к контрреволюции: Очерк истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. М., 1968.

¹²⁸ Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризм-

ческого направления борьбы применялся специальный термин «революционаризм».

Монография К.В. Гусева и Х.А. Ерицяна «От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров)» (1968) явилась первым трудом, в котором история образования эсеров рассматривалась на всем ее протяжении. Изучению истории начального террористического периода ПСР отводилась одна глава, тогда как периоду «банкротства» – шесть глав монографии. Тактика эсеров характеризовалась как авантюристическая. Социалисты-революционеры обвинялись в двух, казалось бы, противоположных грехах: с одной стороны, в авантюризме, с другой – в реформистской умеренности. Диалектический метод исследования, декларируемый в советской историографии, позволял эти противоположности представить как две стороны одного явления. Определенное расширение фактического материала по эсеровскому терроризму наблюдается в следующей книге К.В. Гусева «Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции» (1975).

Утверждение некоторых исследователей, что новый период в истории изучения истории социалистов-революционеров, а соответственно ассоциировавшейся с ними темы революционного терроризма начался с публикации в 1963 г. труда К.В. Гусева «Крах партии левых эсеров» (а по изучению начального периода ПСР – с издания в 1968 г. монографии В. Гусева и Х.А. Ерицяна «От соглашательства к контрреволюции»), не совсем точно. Ряд публикаций был издан до указанной даты. Другое дело, что во всех этих работах история ПСР изучалась не как самостоятельная тема, в чем первенство К.В. Гусева бесспорно, а через призму борьбы большевиков и ленинской критики эсеровской террористической тактики.

Общей отличительной особенностью трудов нового периода являлся отказ от однозначной трактовки эсеров как контрреволюционеров и разделение истории ПСР на два этапа – демократический и контрреволюционный. Причем, активная террористическая деятельность эсеров связывалась с демократической эпохой¹²⁹. Но критиковать, даже больше установленной нормы, было более идеологически безопасно, чем превзойти планку хвалебных отзывов, что грозило автору быть заподозренным в симпатиях к чуждой компартии системе взглядов. Данным обстоятельством был обусловлен тот факт, что большинство работ по истории эсеров посвящалось второму периоду, определяемому как «крах» или «банкротство» политики социалистов-революционеров. Тема же терроризма оказывалась на периферии исследовательских разработок.

На ортодоксальных позициях советской историографии в интерпретации индивидуального политического террора стоял Б.В. Леванов. По его мнению, терроризм поглотил всю остальную деятельность ПСР. Увлечение террористическими приемами ввиду необходимой для осуществления терактов конспирации создало почву для провокации. Разоблачение Е.Ф. Азефа, утверждал Б.В. Леванов, окончательно дискредитировало террористическую тактику, устранив героический ореол террористов, сохраняв-

¹²⁹ Соболева П.Н. Борьба большевиков с эсерами по тактическим вопросам в период первой русской революции // Вестник Моск. ун-та. 1956. № 1; Чунихина Г.Е. Из истории идеологической борьбы в период первой русской революции: Учен. зап. Краснодар. пед. ин-та. Вып. XXIII. Краснодар, 1958; Шугрин М.В. Борьба В.И. Ленина и большевистской партии против тактики заговора и индивидуального террора партии социалистов-революционеров (эсеров) (1901–1907 гг.): Учен. зап. Карельского пед. ин-та. Т. IV. Петрозаводск, 1957; Мухин В.М. Критика В.И. Лениным субъективизма и тактического авантюризма эсеров. Ереван, 1957 и др. пед. ин-та. Т. IV. Петрозаводск, 1957; Мухин В.М. Критика В.И. Лениным субъективизма и тактического авантюризма эсеров. Ереван, 1957 и др.

шийся со времен «Народной воли» в представлениях определенной части революционно настроенной интеллигенции¹³⁰.

Особенно плодотворным в изучении истории ПСР, включая опыт ведения ей террористической борьбы, был 1968 г. Таким же он оказался и в западной историографии. Подобную творческую активность можно объяснить актуализацией тематики партийной борьбы в Росси начала XX в. в связи с 50-летием Октябрьской революции. В 1968 г. по связанным с историей ПСР вопросам были защищены кандидатские диссертации З.З. Мифтахова, В.Г. Хороса, Б.В. Леванова¹³¹ (диссертации Хороса и Леванова переизданы в виде книг соответственно в 1972 и 1974 гг.). В исследовании З.З. Мифтахова доказывалось преобладание демократических и прогрессивных черт у социалистов-революционеров в годы формирования партии, а соответственно активной террористической деятельности. В заслугу В.Г. Хоросу можно поставить тот факт, что в качестве основного источника исследования он рассматривал произведения теоретиков эсеровского движения, а не их критиков из большевистского лагеря. Обычно история социалистов-революционеров преподносилась в хронологическом отрыве от развития общественного движения XIX века. Исследование В.Г. Хороса представляет собой один из редких случаев рассмотрения эсеровского движения через призму истории народничества. Автор ввел в научный оборот ставший впоследствии хрестоматийным термин «неонародничество». Если прежде в советской историографии эсеры преподносились как

¹³⁰ Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. 1903–1917 гг. Л., 1978.

¹³¹ Мифтахов З.З. Эволюция социалистов-революционеров и тактика большевиков по отношению к эсеровской программе в период первой революции в России: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1968; Хорос В.Г. Народнические социалистические теории конца XIX века в России и их отношение к марксизму (По материалам легальной печати): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968; Леванов Б.В. Борьба большевистской партии во главе с В.И. Лениным против политического авантюризма эсеров в годы первой русской революции: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.

наследники либерального народничества, то В.Г. Хорос писал о возрождении радикально-демократических идей в эсеровской среде: «Если в начале 90-х годов субъективистские теории народников выступали преимущественно своей консервативной, оппортунистической стороной, то теперь идеология народничества постепенно обретает радикально-демократический характер»¹³².

В отличие от работы В.Г. Хороса, в монографии Б.В. Леванова количество ссылок на произведения В.И. Ленина и документы эсеровского происхождения относятся как 3:1, а со ссылками на архив – как 15:1. Кроме того, цитировался И.В. Сталин, что, по-видимому, отражало неосталинские тенденции в политическом развитии страны. Как уже отмечалось, в хрущевское время И.В. Сталин рассматривался не как критик мелкобуржуазной идеологии, а как политическая фигура, оказавшаяся отчасти подверженная ее влиянию. Сопоставление исследований В.Г. Хороса и Б.В. Леванова, проведенных в одно время, свидетельствуют против упрощенной трактовки о полном единообразии мнений советских авторов. Другое дело, что спектр различий был ограничен едиными идеологическими предписаниями. Б.В. Леванов усилил негативные оценки ПСР периода ее формирования, а о прогрессивных и демократических чертах эсеровской идеологии, в отличие от других исследователей, речи не вел. Смысл деятельности эсеров в первой революции он видел в помехах революционной борьбе большевиков. Основной вред, по его мнению, приносила террористическая деятельность эсеров, сбивавшая народные массы с революционного пути борьбы. «Решению задач революции,- писал Б.В. Леванов,- мешали мелкобуржуазные партии и группы, которые своей идеологией и практической политикой дезорганизовывали революционные силы, отрывали крестьянство от участия в борьбе пролетариата с самодержавием, одурманивали крестьян внесением в их сознание идей мелкобуржуазного социализма. В

¹³² Хорос В.Г. Народническая идеология и марксизм (конец XIX ве-

связи с этим разоблачение мелкобуржуазного мировоззрения, псевдосоциалистической теории и авантюристической тактики мелкобуржуазных партий накануне и в ходе революции 1905–1907 гг. стало одной из главных задач большевистской партии. Большевизм окреп и закалился в неуклонной борьбе на два фронта – как против оппортунизма в рядах социал-демократии, так и против мелкобуржуазной революционности. Наиболее концентрированное выражение мелкобуржуазная антимарксистская теория и волонтаристская политика получили в деятельности партии социалистов-революционеров (эсеров)¹³³. Ленинские определения эсеров, применяемые автором, больше походили на политическую брань, чем на научный анализ: «Авантюризм и маниловщина, громкие фразы и пустозвонство, истерия и кликушество, хвастливость и взвинченность, безыдейность и беспринципность, расплывчатость и неустойчивость, крикуны, герои революционного визга»¹³⁴. В 1978 г. Б.В. Леванов выпустил новую книгу «Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в 1903–1917 гг.», расширив хронологические рамки исследования, но систему оценок начального террористического периода истории ПСР оставив без изменений.

Другой исследователь В.Н. Гинев обратился к изучению начального террористического периода истории ПСР после анализа событий 1917 г. Говоря об актуальности исследования истории социалистов-революционеров, он ссылаясь на постановление Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы 1976 г., что «компартии «считают необходимым диалог и сотрудничество между коммунистами и всеми другими демократическими и миролюбивыми силами. В этом плане они исходят из того, что их всех объединяет, и выступают за устранение недоверия и укоренившихся предубеждений, которые могут воспрепятствовать

ка). М., 1972, С. 160.

¹³³ Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции. Л., 1974. С. 3–4.

¹³⁴ Там же. С. 143.

их сотрудничеству»¹³⁵. В.Н. Гинев призывал при изучении истории ПСР руководствоваться ленинским предписанием «выделять из неонароднической псевдосоциалистической шелухи реальное, здоровое демократическое зерно, отделять “плевелы от пшеницы”»¹³⁶.

Хотя тактика индивидуального террора входила в арсенал средств различных политических партий России начала XX века, еще в дореволюционные годы сложился стереотип оценок ПСР как главной террористической организации. В советской историографической традиции данные оценки были закреплены в качестве догмы. Некоторые исследователи говорили об индивидуальном терроре не только как о главной, а как о единственной форме борьбы ПСР. В.М. Мухин писал: «Т. к. эсеры не могли рассчитывать на активную поддержку со стороны народа, то им ничего не оставалось как сосредоточить все свои помыслы на самих себе. Единственным возможным средством борьбы для них являлся террор»¹³⁷. Историков не смущало, что в программных документах эсеров и в статьях эсеровских теоретиков индивидуальный террор был определен в качестве вспомогательного средства. Так, В.М. Чернов заявлял: «Мы - за применение в целом ряде случаев террористических средств. Но для нас террористические средства не есть какая-то самодовлеющая система борьбы, которая одною собственной внутренней силой неминуемо должна сломить сопротивление врага и привести его к капитуляции... Для нас террористические акты могут быть лишь частью этой борьбы, частью, неразрывно связанной с другими частями... (и) должны быть переплетены в одну целостную систему со всеми прочими способами партизанского и массового, стихийного и целесообразного напора на правительство. Террор – лишь одни из родов оружия... только один из технических приемов борьбы, который лишь во взаи-

¹³⁵ Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России. Л., 1977. С. 292–293.

¹³⁶ Гинев В.Н. Борьба за крестьянство... С. 18.

¹³⁷ Мухин В.М. Критика В.И. Лениным субъективизма и тактического

модействии с другими приемами может проявить все то действие, на которое мы рассчитываем»¹³⁸. В программной статье, помещенной в «Революционной России», эсеры уверяли: «Мы первые будем протестовать против всякого одностороннего, исключительного терроризма. Отнюдь не заменять, а лишь дополнить и усилить хотим мы массовую борьбу смелыми ударами боевого авангарда...».¹³⁹ Данное противоречие советские историки разрешали указанием на несоответствие эсеровской фразеологии и реальных дел. Комментируя вышеприведенную выдержку из «Революционной России», Б.В. Леванов писал: «Стараясь модернизировать народническую тактику террора, теоретики партии эсеров не скупилась на выдачу “гарантий” против ограниченности терроризма. Они утверждали, что террор якобы выдвинут только в “дополнение”, а не “в замену”, “вместе”, а не “вместо” работы в массах. Но это были лишь слова. На деле же главное внимание эсеров было сосредоточено на организации террористических актов, тогда как прочие методы политической деятельности объявлялись “мелкой работой”, не заслуживающей внимания “истинного” революционера»¹⁴⁰.

Хотя представление о приоритете террористического направления в работе ПСР было преобладающим в советской исторической науке, но все-таки не всеобщим. Еще в 1968 г. З.З. Мифтахов посвятил свою кандидатскую диссертацию доказательству иной точки зрения. В автореферате, подытоживая предпринятое исследование, он писал: «Нами предпринята попытка доказать необоснованность утверждения некоторых историков о том, что все силы и средства ПСР были направлены исключительно только на подготовку и совершение террористических актов и что вся деятельность этой политической партии сводилась лишь к одиночным политиче-

авантюризма эсеров. Ереван, 1957. С. 113.

¹³⁸ Гарденин Ю. (Чернов В.) Террор и массовое движение // Революционная Россия. Вып. 2. 1903. С. 79.

¹³⁹ По вопросам программы и тактики // Революционная Россия. Вып. 1. 1903. С. 80–83.

¹⁴⁰ Леванов Б.В. Из истории борьбы ... С. 96.

ским убийствам. Мы предприняли попытку обосновать мысль, что политическим террором занималась не вся партия, а только определенная ее часть, другая часть членов эсеровской партии вела пропагандистскую агитационную работу»¹⁴¹. А.Л. Афанасьев полагал, что в период революции 1905–1907 гг. террор перестал быть для эсеров ведущим средством борьбы, отойдя на второй план перед агитационно-пропагандистской работой¹⁴². Правда, он аргументировал свое мнение в основном ссылками на то обстоятельство, что В.И. Ленин не высказывался об эсерах как исключительно о террористах.

В конце концов прежнее восприятие ПСР как террористической организации было пересмотрено. В 1980 г. Д.Б. Павлов констатировал о преобладании в отечественной историографии взгляда на индивидуальный террор эсеров как о важном, но не первостепенном пункте тактики¹⁴³.

Специальным историографическим вопросом в изучении истории ПСР являлась проблема взаимоотношений ЦК ПСР и Боевой организации эсеров. Хрестоматийной была точка зрения, согласно которой в БО царил дух обособления, отсутствовала отчетность боевиков Центральному Комитету, игнорировались постановления руководства партии. Данное положение было обусловлено сакрализацией террора в эсеровской партии. Сложившаяся ситуация послужила источником развития феномена «азефщины». Одним из первых данную точку зрения высказал в 1922 г. В.Н. Мещеряков, который подчеркивал, что своеобразие организационной структуры

¹⁴¹ Мифтахов З.З. Эволюция социалистов-революционеров и тактика большевиков по отношению к эсеровской партии в период первой революции в России: Автореф. ... канд. ист. наук. Казань, 1968. С.20.

¹⁴² См.: Афанасьев А.Л. В.И. Ленин об эволюции и деятельности партии социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976.

¹⁴³ См.: Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности накануне и в годы революции 1905–1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 144.

ПСР и источником будущих бед партии являлось отсутствие контроля ЦК за деятельностью БО¹⁴⁴. Данная трактовка стала доминирующей в трудах отечественных историков. Так, А.Ф. Жуков писал: «Боевая организация действовала автономно от партии, была совершенно бесконтрольна, что породило азефщину»¹⁴⁵.

Взаимоисключающими тезисами критики ПСР являлись указания на ее организационный нигилизм и сектантство боевиков. Понятно, что при «организационном нигилизме» законспирированные террористические группы эсеров попросту не могли бы существовать¹⁴⁶.

Студенческие анархистские беспорядки во Франции 1968–1969 гг. пробудили интерес к анархизму в советском обществе. Однако фактически единственной в советской историографии работой, частично реконструирующей канву анархистского терроризма в России, стал сборник лекций В.В. Комина, прочитанных им в рамках соответствующего спецкурса на историческом факультете педагогического института г. Калинина. Будучи в 1964–1985 гг. ректором Калининского Государственного педагогического института (с 1971 г. переименован в университет), он внес колоссальный вклад в развитие историографии «непролетарских» партий России. Применительно к исследованию темы анархистского терроризма В.В. Комин привел интересную статистику, из которой следовало, что почти половина терактов осуществлялась несовершеннолетними. Автор отмечал тенденцию перехвата анархистами у эсеров знамени индивидуального террора.

¹⁴⁴ Мещеряков. В.Н. Партия С.-р. (социалистов – революционеров). Пг.; М., 1922. Ч. 1; М., 1922. Ч. 2.

¹⁴⁵ Жуков А.Ф. Индивидуальный террор в тактике мелкобуржуазных партий в Первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 139.

¹⁴⁶ См.: Канищева Н.И. Буржуазные историки ФРГ о крахе партии эсеров в 1917 г. Критика советологических концепций // Там же. С. 192; Леванов Б.В. Из истории борьбы... С. 138–139.

Некоторые эсеровские террористические группы, как, например, в Белостоке, почти в полном составе переходили к анархистам¹⁴⁷.

В работах других советских авторов анархизм преподносился главным образом в свете борьбы с ним большевистской партии и ленинской критики. Поэтому фактическая сторона анархистского терроризма так и не была репродуцирована¹⁴⁸.

Долгое время единственным исследуемым неонародническим течением являлись эсеры. Только в конце 1970–1980-х годов были опубликованы монографии, посвященные эсерам (Н.Д. Ерофеев), максималистам (А.Ф. Жуков, Д.Б. Павлов), трудовикам (Д.А. Колесниченко). Опосредовано в них, особенно в трудах, посвященных максималистам, рассматривались некоторые проблемы истории революционного терроризма¹⁴⁹.

Левым течением внутри ПСР в период ее становления в отечественной историографии принято считать группу, впоследствии образовавшую партию максималистов. Она именовалась советскими авторами не иначе как бандой разбойников и отождествлялась с анархистами. С точки зрения А.Ф. Жукова, максималистские теории периода первой революции были «реакционной утопией», не приближавшей, а отдалявшей социализм, учением, «в корне враждебным марксизму»¹⁵⁰.

¹⁴⁷ См.: Комин В.В. Анархизм в России. Калинин, 1969. С. 114, 68–69.

¹⁴⁸ Полянский Ф.Я. Социализм и современный анархизм. М., 1973; Канев С.Н. Октябрьская революция и грех анархизма. (Борьба партии боевиков против анархизма, 1917–1922 гг.) М., 1974; Полянский Ф.Я. Критика экономических теорий анархизма. М., 1976; Пономарев В.Н. Критика анархистской концепции власти и современность. Казань, 1978; Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981; Канев С.Н. Революция и анархизм. Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917 гг.) М., 1987.

¹⁴⁹ См.: Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской литературе. М., 1979; Жуков А.Ф. Борьба большевиков против эсеровского максимализма (1906–1922): Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1980; Павлов Д.Б. Эсеры максималисты в первой российской революции. М., 1989.

¹⁵⁰ Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализ-

Индивидуальному террору эсеров отводилось столь же пристальное внимание, как и эсеровской аграрной программе социализации земли. Террористическая тактика оценивалась как следствие оторванности эсеров от масс. З.З. Мифтахов лишь намекал на то, что терроризм социалистов-революционеров, в отличие от народовольцев, сочетался с организацией массового рабочего движения. Тем самым устранялось одно из главных отличий эсеров и социалистов-демократов. В провинции местные группы эсдеков и эсеров зачастую выступали в качестве единой организации. З.З. Мифтахов писал: «Во второй половине 80-х годов и в особенности в 90-х годах среди теоретиков народнического и народовольческого толков, происходила своеобразная переоценка ценностей».

В указанный период шел процесс пересмотра прежнего «идейного багажа», поиск новых путей, форм и методов борьбы. Это было вызвано, с одной стороны, тем, что потерпело неудачу «хождение в народ», была разгромлена «Народная воля», с другой стороны, в 90-х годах осязательно дало о себе знать рабочее движение, был сделан существенный шаг вперед к цели распространения марксизма в России. В этот период мучительных поисков новых идейных форм и методов борьбы народники и уцелевшие народовольцы стали интересоваться марксизмом, начались повальные увлечения рабочим движением. Этот своеобразный период повышенного интереса к движению пролетариата не был продолжительным, но все же наложил определенный отпечаток на социально-политические взгляды некоторой части сторонников народничества и народовольчества. Определенная их часть сделала попытку «примирить» народничество с отдельными положениями марксизма, выполнить заветы деятелей «Народной воли» с учетом новых условий¹⁵¹.

ма. Л., 1979. С. 5, 34, 154.

¹⁵¹ Мифтахов З.З. Эволюция социалистов-революционеров и тактика большевиков по отношению к эсеровской партии в период первой революции в России: Автореф. ... канд. ист. наук. Казань, 1968. С. 18.

Террористическая тактика мелкобуржуазных партий противопоставлялась доктрине вооруженного восстания большевиков. Считалось, что терроризм и восстания несовместимы, хотя в международной практике они весьма часто дополняют друг друга. О.В. Волобуев отмечал, что курс на подготовку масс к восстанию плохо согласовывался с одновременно проводимым курсом на развитие индивидуального террора, имея в виду, что массовое движение и индивидуалистическая борьба являлись противоположными векторами революционной деятельности¹⁵². Правда, сами эсеры такого противоречия не видели, полагая, что индивидуальный террор способен подтолкнуть народ к выступлению.

В советской историографии господствовала тенденция преуменьшения роли мелкобуржуазных партий в революционных событиях 1905–1907 гг. Зачастую доходило до откровенной фальсификации материала. Как, например, когда пытались уверить рабочих – участников баррикадных боев на Пресне, что руководство восстанием осуществляли большевики, в то время как они точно знали, что их вели в бой эсеры. Во многих монографических работах, посвященных Первой русской революции, отсутствовало даже упоминание о каком-либо участии эсеров в декабрьском вооруженном восстании в Москве. Резюме деятельности ПСР, вынесенное Н.М. Саушкиным, гласило, что участие эсеров в революционной работе фактически сводилось к нулю: «В период вооруженного выступления рабочих Петрограда, а затем Москвы эсеры оказались застигнутыми врасплох. Предшествующая их деятельность не была направлена на подготовку к организованной вооруженной борьбе с царизмом. Хотя эсеры и называли себя революционерами, в период революции они не осуществили ни одного

¹⁵² Волобуев О.В. Либеральные и народнические партии в их самооценке и взаимных оценках (1905–1909) // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. С. 81.

сколь-нибудь значительного, серьезного революционного акта»¹⁵³. Правда, В.Н. Гинев признавал участие отдельных членов эсеровской партии в вооруженных боях, но представлял эти факты случайным явлением и утверждал, что деятельность такого рода осуществлялась вопреки предписаниям эсеровского руководства¹⁵⁴. Даже в 1989 г. Д.Б. Павлов, приводя многочисленные примеры революционной активности эсеров, давал, по сути, ту же оценку: «Что касается эсеровского комитета, то в ходе восстания он ничем себя не проявил, причем такая линия полностью соответствовала пониманию происходящего партийной верхушкой»¹⁵⁵. По традиционной интерпретации событий 1905 г., эсеры выступали и против октябрьской стачки, и против восстания в Москве, и против введения явочным порядком 8-часового рабочего дня, но в конечном счете вопреки своей воле примкнули к революционным силам¹⁵⁶. Данным оценкам роли ПСР, в частности во Всероссийской октябрьской стачке, противоречит свидетельство большевика Н. Ростова: «Руководство стачкой очутилось в руках с.-р. и радикальствующей мелкобуржуазной интеллигенции»¹⁵⁷. В докладе Штутгартскому конгрессу II Интернационала представители эсеров ставили себе в заслугу, что только члены их партии приняли активное участие в работе Московского отделения ВЖС и в течение Великой железнодорожной забастовки в октябре месяце несколько железнодорожных линий московского района были в их руках. Привлеченные к следствию по делу об участниках декабрьского вооруженного восстания 1905 г., они в один голос показывали о безальтернативности руководящей роли эсеров в ходе подготовки и осуществления восстания. Но после окончания боев социал-демократическая

¹⁵³ Саушкин Н.М. Критика В.И. Лениным программы и тактики партии эсеров. М., 1971. С. 19.

¹⁵⁴ См.: Гинев В.Н. Борьба за крестьянство... С. 31–32, 38.

¹⁵⁵ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С. 68–69.

¹⁵⁶ См.: История политических партий России. М., 1994. С. 166.

¹⁵⁷ Ростов Н. Железнодорожники в первой революции // Пролетариат в первой революции. М., 1923. С. 156.

печать, в отличие от эсеровской, многое сделала для мифологизации образа эсдеков на фоне героических событий. Подобным мифотворчеством занимались люди типа Н.А. Рожкова, который, по язвительному замечанию Е.Я. Кизеветтера, «ждал-ждал революцию, даже на бутылку шампанского пари держал, призывал на митингах к вооруженному восстанию, а когда оно началось, остался в стороне, цел и невредим»¹⁵⁸. Для современного понимания природы терроризма и выработки контртеррористической стратегии вопрос о том, эсеры или социал-демократы руководили вооруженными восстаниями, имеет принципиальное значение. Советские историографические стереотипы лишь нивелировали проблему. Анализ же фактической канвы революции 1905-1907 гг. позволяет утверждать, что именно «террористы», а не «массовики» возглавляли массовые вооруженные выступления.

Утверждению советской историографии об исключительно интеллигентской природе терроризма противоречат факты, когда при осуществлении боевой практической деятельности предпочтение отдавалось партиям из крестьянской или рабочей среды. К примеру, Г.А. Гершуни, руководствуясь только доводом о принадлежности к пролетариату столяра Ф. Качуры, поручил именно ему убийство харьковского губернатора князя И.М. Оболенского, не удавшееся вследствие психологической неподготовленности исполнителя теракта¹⁵⁹.

Признавал также особую популярность эсеровских террористов в среде молодежи И.И. Рогозин. Объясняя эту популярность, он писал: «Террористическая деятельность эсеров в условиях нарастания революционно-го натиска пролетариата создавала эффектные сцены борьбы одиночек с царизмом и привлекала неопытную, неискушенную в политике, неподго-

¹⁵⁸ Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов // Российский архив. М., Т. 4. С. 342–343.

¹⁵⁹ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997. С. 74–75.

товленную к революционной борьбе молодежь. На самом деле отвлекала от революционной борьбы, дезориентировала и дезорганизовывала юношей и девушек»¹⁶⁰. По-видимому, радикализм индивидуальных форм эсеровской борьбы придавал ПСР романтический ореол, что привлекало молодежь. А.Н. Ацаркин выделял в рабочей молодежи города три слоя: 1) фабрично-заводская молодежь крупных предприятий; 2) молодежь, работавшая на средних и мелких промышленных предприятиях; и 3) молодежь, «забитая нуждой, чудовищной эксплуатацией, бесправием в десятках тысяч мастерских, лавок, помещичьих имениях, у кулака, на работе прислугой»¹⁶¹. С его точки зрения, ПСР получила преобладающее влияние среди двух последних из названных категорий. Именно они, по мнению исследователя, тяготели к культу революционного терроризма.

Сомнение вызывает корректность традиционно выдвигаемой в советской историографии дихотомии: индивидуальный террор – массовая работа. Сами эсеры тактику индивидуального террора рассматривали не как народовольцы – в отрыве от массовой работы, а в тесной взаимосвязи с ней. Попытаемся выяснить, какие цели в интерпретации отечественных историков ставили эсеры.

Во-первых, на террор возлагалась эксцитативная функция, т.е. агитационное воздействие. Б.В. Леванов писал: «В аргументации эсеров была и так называемая теория эксцитативного значения террора. Каждый террористический акт «приковывает к себе всеобщее внимание, будоражит всех... возбуждает всеобщие толки и разговоры», заявляли эсеры. Это значит, что «агитационный», или «эксцитативный», террор сводился к известному воздействию на психику человека. Но «агитационный» террор имел будто бы

¹⁶⁰ Рогозин И.И. Из истории борьбы большевиков с эсерами за молодежь в годы первой российской революции // Ленинская партия в борьбе против мелкобуржуазной революционности в дооктябрьский период. Смоленск, Брянск. 1988. С. 49.

¹⁶¹ Ацаркин А.Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России. 1900. Октябрь 1917 года. М., 1976. С. 102–103.

еще и другую сторону, он мог служить орудием распространения политических идей, он «заставляет людей политически мыслить, хотя бы против их воли», он вернее, чем месяцы словесной пропаганды, и способен изменить взгляды тысяч людей. Террор, стало быть, предпочтительнее, по мнению эсеров, политической агитации устным и печатным словом, потому что он развивает политическое сознание масс гораздо скорее, чем всякие там «бумажные», «говорильные» средства»¹⁶². Таким образом, в эсеровском понимании индивидуальный террор являлся катализатором массовой работы.

Во-вторых, функцией индивидуального террора эсеровские теоретики считали дезорганизацию деятельности привилегированного аппарата, что достигалось посредством ликвидации отдельных чиновников и вследствие запугивания остальных угрозой расправы. Даже над рядовыми полицейскими и лакеями видных государственных сановников, как над служителями реакции, должен был висеть дамоклов меч революции. Интерпретация данного тезиса эсеров Н.М. Саушкиным, который объяснял их склонность к террору намерением запугать царя, дабы тот отрекся от престола, выглядит как упрощение эсеровской позиции. Он писал: «Свою историческую миссию в борьбе с самодержавием эсеры видели в организации террористических актов силами небольшой группы заговорщиков. Они полагали, что таким путем можно заставить царя отказаться от власти в пользу Учредительного собрания. Из ошибочной эсеровской теории о решающей роли выдающихся личностей в истории вытекал и ошибочный тезис о том, что бедственное положение народных масс якобы целиком зависит от царя, - стоит лишь его устранить или хотя бы припугнуть, и положение изменится в корне: будут введены политические свободы, уничтожена эксплуатация и т. д.»¹⁶³. По мнению Н.Д. Ерофеева, до 3-июньского перево-

¹⁶² Леванов Б.В. Из истории борьбы... С. 95.

¹⁶³ Саушкин Н.М. Критика В.И. Лениным программы и тактики партии эсеров. М., 1971. С. 22.

рота эсеры не выдвигали задачи проведения центрального акта, от которого отказывались по причине существования царских иллюзий у населения и в силу пренебрежительного отношения революционеров к Николаю II, рассматриваемому ими как марионеточная фигура. «Эсеры не считали террор “единоспасающим и всеразрешающим средством” борьбы, но видели в нем одно из самых “крайних и энергичных средств борьбы с самодержавной буржуазией”». С помощью террора они надеялись сдерживать административный произвол, дезорганизовать правительство. Вместе с тем террор рассматривался ими как эффективное средство агитации и возбуждения общества, мобилизации революционных сил. Особое значение придавалось центральному террору, направленному против влиятельных, крайне реакционных государственных деятелей. В то же время, вплоть до третьеиюньского государственного переворота, в партии официально не ставился вопрос о покушении на царя. Доводы при этом приводились различные, но прежде всего принималось во внимание то, что народовольческий опыт цареубийства не нашел надлежащего отклика в обществе; отмечались и ничтожность, марионеточность фигуры Николая II, якобы полная зависимость от окружающих лиц»¹⁶⁴. С этой же оценкой солидаризировался впоследствии М.И. Леонов: «Убийство царя практически не ставилось непосредственной задачей. Лишь на закате эсеровского террора пошли разговоры о цареубийстве, причем до 1908 г. настолько неопределенные, что даже члены ЦК не верили в серьезность этих планов»¹⁶⁵. Но запреты ЦК на проведение цареубийства рассматривались боевиками как указание на желательность его осуществления при сохранении видимости неучастия в нем ПСР. Еще в декабре 1904 г. БО пыталась организовать покушение на императора, убийство которого возлагалось на Т. Леонтьеву, должную присутст-

¹⁶⁴ История политических партий России. М., 1994. С. 159.

¹⁶⁵ Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XXв.) // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996. С. 34.

зовать на балу с участием Николая II. Б.В. Савинков заявлял: «Царя следует убить даже при формальном запрещении Центрального комитета»¹⁶⁶.

В-третьих, в пользу применения индивидуального террора эсеры выдвинули довод о неуязвимости террористов. К.В. Гусев и Х.А. Ерицян писали: «Дезорганизирующее влияние эсеровской тактики индивидуального террора заключалось также в том, что, пропагандируя и защищая ее, социалисты-революционеры доказывали бессилие «толпы» перед самодержавием. Против «толпы» у него есть полиция, заявляли они, против революционной организации - полиция и жандармерия, а против отдельных «неуловимых» террористов не поможет никакая сила. Эта «теория неуловимости» переворачивала вверх дном весь исторический опыт революционного движения, ясно доказавший, что единственная сила революции есть «толпа» и бороться с полицией может лишь революционная организация, которая не на словах, а на деле этой «толпой» руководит»¹⁶⁷. Сходную интерпретацию предложил Б.В. Леванов: «Для обоснования якобы существующей целесообразности индивидуального террора эсерами выдвигалась и так называемая теория неуязвимости. Если против войны у самодержавия есть солдаты, против революционных организаций – тайная и явная полиция, заявляли эсеры, то ничто не спасет его от отдельных личностей или небольших кружков, непрерывно и в тайне друг от друга готовящихся к нападению и нападающих. Нет такой силы, которая могла бы противостоять неуязвимости»¹⁶⁸.

Помимо рассмотрения аргументов выдвигаемых самими эсерами, отечественные историки попытались выявить скрытую мотивацию эсеровского террора. Главным побудительным мотивом советские историки счи-

¹⁶⁶ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997. С. 79.

¹⁶⁷ Гусев К.В., Ерицян Х.А. От соглашательства к контрреволюции: Очерк истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. С. 53.

тали осознание руководителями ПСР, что массы следуют за социал-демократами, а потому остается рассчитывать на успех лишь в индивидуальных формах работы. Утверждалось также, что эсеры боялись работы в массах и обращались к террору как деятельности технически более легкой. Индивидуалистическое мировоззрение рассматривалось в качестве производного от социального положения мелкобуржуазного собственника, которому чужды коллективизм, а значит и массовые формы борьбы. Кроме того, индивидуальный террор был объявлен следствием своеобразия идеологической доктрины ПСР.

Во-первых, он был представлен как производное теории «героев и толпы». Б.В. Леванов писал: «Унаследованная эсерами от народовольцев тактика индивидуального террора строилась на основе субъективной, волюнтаристической теории активного «инициативного меньшинства» и пассивной массы, толпы, ожидающей подвига от «героя». Считая, что тактика определяется волею «героев», «критически мыслящих» личностей, эсеры пришли к выводу о необходимости подгонять тактические приемы под бунтарские вылазки авантюристических элементов. Начертав на своем знамени призыв к террору, идеологи эсеров сделали немало попыток теоретически обосновать необходимость и целесообразность возврата к народовольческой тактике индивидуального террора. Этот возврат эсеры аргументировали чисто субъективистскими доводами, подчиняя выбор приемов и методов борьбы воле, желаниям и возможностям отдельных личностей»¹⁶⁹.

Во-вторых, Г.В. Чунихина считала индивидуальный террор эсеров логическим выводом из их представлений о государстве как созданном под действием насилия в истории. Если государство не имеет социальной опоры и возникло посредством волевого акта горстки людей полагали они, то

¹⁶⁸ Леванов Б.В. Из истории борьбы... С. 96.

¹⁶⁹ Леванов Б.В. Из истории борьбы ... С. 94.

таким же образом возможно и его упразднение¹⁷⁰. С ней соглашался Б.В. Леванов: «Таким образом, эсеры пытались подменить марксистский анализ сущности государства разглагольствованием об индивидуальной психологии, которая и принималась в расчет при проведении террористической тактики. Эсеровские рассуждения сводились к тому, что царизм не имеет прочных классовых корней, представляет из себя лишь касту поработителей, поэтому классовая борьба тут не при чем и нужно только «злой воле» кучки поработителей противопоставить добру волю «героических личностей», т. е. террористов. Этим самым, по мнению эсеров, можно было достигнуть равновесия сил, так как ход борьбы будет предрешать личный, психологический момент. После же уничтожения наиболее вредных и влиятельных лиц русского самодержавия будет достигнут перевес сил в пользу революции»¹⁷¹.

Другим доводом критики тактики индивидуального террора служило указание, что борьба велась террористами не против системы в целом, а против отдельных ее представителей¹⁷². По оценкам советских историков, успешные террористические акты эсеров приводили к еще более негативным последствиям, чем неудавшиеся покушения, поскольку создавали иллюзию, что только посредством террора возможно решить какие-либо политические задачи. Советские авторы обвиняли эсеров в ориентации на сенсацию, которая, вызвав временный эффект, приводила в конечном счете к апатии¹⁷³. Эсеровская теория дезорганизации посредством террора правительственного аппарата отвергалась указанием на тот факт, что ответные репрессии правительства в гораздо большей степени дезорганизовывали

¹⁷⁰ См.: Чунихина Г.Е. Из истории идеологической борьбы в период первой русской революции: Учен. зап. Краснодар. пед. ин-та. Вып. XXIII, Краснодар, 1958. С. 14.

¹⁷¹ Леванов Б.В. Указ. соч. С. 97.

¹⁷² Рогозин И.И. Из истории борьбы большевиков с эсерами за молодежь в годы первой российской революции // Ленинская партия в борьбе. С. 49.

революционные ряды. К тому же большая часть терактов, спланированных БО, завершалась неудачей. Кроме физических потерь арестованных или казненных боевиков, обращалось внимание на моральное опустошение лиц, посвятивших свою жизнь террористической деятельности. Наконец, подчеркивалось, что эсеровский террор находился в принципиально ином временном континууме, чем террор народовольческий. Последний происходил в условиях отсутствия массового движения и являлся, таким образом, единственно возможным способом борьбы. Эсеровский же террор осуществлялся на фоне выступлений пролетариата и крестьянства, и потому социалисты-революционеры отставали от динамики освободительной борьбы в России. Так, Ю. Давыдов писал: «Вернемся к тактике. Продолжая народовольческую, эсеры не замечали капитальное различие стратегической ситуации. Террор народовольцев – шаровая молния. Террор эсеров – спички, чиркающие во время грозы. Народовольцам досталась пора ледостава. Эсерам – досталась пора ледохода. Но нет, эсеры не отрекались от тактики предшественников. А социал-демократы признавали героизм народовольцев, писали и говорили: нам повторить их нельзя»¹⁷⁴.

Порицая эсеровскую тактику, советские историки не отвергали индивидуальный террор как метод борьбы в принципе. Вопрос, по сути, стоял о более рациональном его применении¹⁷⁵.

Определенную лепту в советскую историографию революционного терроризма внесли труды философов. Террористическая тактика эсеров преподносилась следствием субъективного идеализма. Г.Е. Чунихина писала о синтезе в теории социалистов-революционеров идей бернштейнианства, эмпириокритицизма и народничества¹⁷⁶. Террористические увлечения

¹⁷³ См.: Гусев К.В, Ерицян Х.А. Указ. соч. С. 52–53.

¹⁷⁴ Давыдов Ю. Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин // Савинков Б.В. Избранное. М., 1990, С.12-13.

¹⁷⁵ См.: Саушкин Н.М. Указ. соч. С. 23–24.

¹⁷⁶ Чунихина Г.Е. Критика В.И. Лениным социологических взглядов эсеров (1901–1909 гг.): Автореф. ... канд. филос. наук. Киев, 1961. С. 5, 7.

объяснялись наличием народнического компонента, в частности «субъективного метода» Н.К. Михайловского. Положение об эсеровском гибриде воззрений Н.К. Михайловского и Э. Бернштейна стало постулатом в советской историографии. Б.В. Емельянов видел в индивидуализме эсеров, коррелировавшемся с их террористической тактикой, влияние Ф. Ницше¹⁷⁷. Анализ воззрений террористов, входивших в эсеровскую Боевую организацию, не подтверждает всеобщего увлечения ими трудами вышеназванных мыслителей.

Одной из главных тем «исторического материализма» являлось определение соотношения между категориями «народ» и «личность» в истории. В марксистской философии отдавалось аксиологическое предпочтение «народу», а «герой» был представлен не творящим историю субъектом, а лишь носителем общественной воли и умонастроений. Революционные террористы использовались в качестве иллюстрации понятия «псевдогероизм».

Большинство советских авторов, писавших об идеологии ПСР, приписывали эсерам приверженность теории «героя и толпы», которая и оценивалась в качестве концептуального основания для террористической тактики. Согласно интерпретации исторических взглядов эсеров М.М. Марагиным «все в истории зависит исключительно от воли героев, критически мыслящих личностей»¹⁷⁸. В советской историографии теория «героев и толпы» применительно к неонародничеству трансформировалась в концепцию «критически мыслящих личностей» как движущей силы исторического процесса. Понятие «критически мыслящие личности» стало неотъемлемым атрибутом литературы о ПСР. Но сами эсеры данный термин не

¹⁷⁷ Ильин Н.Ф. Критика В.И. Лениным мелкобуржуазного социализма партии социалистов-революционеров: Автореф. ... канд. филос. наук. М., 1983. С. 13–14; Емельянов Б.В. Этические идеи эсеров // Очерки этической мысли в России конца XIX – нач. XX в. М., 1985. С. 277–278.

¹⁷⁸ Марагин М.М. Борьба В.И. Ленина против идеалистической теории культа личности народников и эсеров. Л., 1957. С. 7.

использовали. Его ввел Н.М. Михайловский, который, как известно, никогда в ПСР не состоял¹⁷⁹.

Воззрения Н.М. Михайловского, таким образом, приписывались социалистам-революционерам, а критика его взглядов распространялась и на них. К тому же теория «критически мыслящих личностей» никакого отношения к идеологии терроризма не имела. На некорректность экстраполяции взглядов Н.М. Михайловского не только на эсеровскую, но и на народническую среду XIX века указывал В.Ф. Антонов: «Трудно сказать, чего здесь больше: рассчитанной клеветы или элементарного невежества. Вся оценка народничества сведена к будто бы исповедуемой ими теории «героев» и «толпы». Эту проблему разбирал лишь Михайловский»¹⁸⁰.

Революционный терроризм трактовался также советскими авторами как проявление авантюризма, а тот, в свою очередь, объявлялась следствием мировоззренческой эклектики. «Отсутствие у эсеров последовательных, принципиальных теоретических взглядов,- утверждал Б.В. Леванов,- вели к авантюризму»¹⁸¹.

Аграрный террор

Советские историки критиковали революционные террористические организации за то, что практика террора осуществлялась в отрыве от массового движения рабочих и крестьян. Но «аграрный» и «абричный» (или «промышленный») террор был построен как раз на участии широких слоев населения.

Согласно общепринятой в отечественной историографии датировке направление аграрных террористов сформировалось усилиями главным образом Е.К. Брешко-Брешковской. Ерофеев впоследствии писал: «Осенью

¹⁷⁹ Михайловский Н.К. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб, 1913.

¹⁸⁰ Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности. С. 9.

¹⁸¹ Леванов Б.В. Из истории борьбы... С. 36.

1904 г. в партии эсеров в условиях нарастающей революционной ситуации усилились разногласия. Под опекой Е.К. Брешковской в эмиграции сформировалось течение так называемых аграрных террористов, явившееся предтечей эсеровского максимализма. Представители этого течения, главным образом молодежь, настаивали на том, что необходимо воспользоваться сложившейся обстановкой, двинуться в деревню и призвать крестьян к немедленному разрешению земельного вопроса “снизу”, захватным путем, используя те приемы и средства, к которым прибегали крестьяне в своей вековой борьбе с помещиками, в руководстве партии преобладающей оказалась иная тенденция – стремление к сближению с активизировавшимся в это время либеральным движением»¹⁸². Данная датировка противоречила тезису, выдвинутому в советской историографии, что революция 1905 г. оказалась совершенно неожиданной для ПСР. В действительности уже в 1904 г. перед эсеровскими террористами была поставлена задача ее непосредственной подготовки, к чему они и приступили, направив из эмиграции в Россию группу боевиков во главе с будущим лидером максималистов М.И. Соколовым («Каином»)¹⁸³.

Экономический террор подразумевал следующие виды насильственных действий: отравы, порубки, разрушения, захваты имущества, в том числе земли, поджоги, уничтожение документации, убийства и увечья помещиков, владельцев предприятий, представителей администрации. Из исследователей только Б.В. Леванов считал экономический террор разновидностью индивидуального, делая этот вывод на том основании, что генезис первого предопределен философией субъективного идеализма эсеров. «Необходимо, – писал он, – особо выделить вопрос о так называемом аграрном терроре, который эсеры пропагандировали в своих печатных изданиях и широко применяли в годы революции. (Исходя из субъективистской, идеа-

¹⁸² История политических партий России. М., 1994. С. 160.

¹⁸³ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 104–105.

листической подоплеки, террор этого рода можно рассматривать как разновидность индивидуального террора)»¹⁸⁴.

Проблема фабричного террора не получила рассмотрения в отечественной историографии и только ждет своего исследователя. По мнению Б.В. Леванова, он не имел столь широкого распространения, как террор аграрный. «Наряду с “аграрным террором”, указывал он, – левым крылом эсеров и анархистами практиковался другой вид экономического террора – “фабричный”, или “промышленный”, подразумевающий поджоги и разрушения промышленных ценностей, убийство их владельцев и представителей администрации. Но если “аграрный террор”, подхлестываемый эсерами, в первые годы революции был широко распространен в целом ряде российских губерний, то “промышленный террор” не получил столь массового распространения. Случаи “промышленного террора” прослеживаются на Урале, в Закавказье, в Одессе – и везде при подстрекательстве эсеровских агитаторов»¹⁸⁵.

В работах 1950-х годов господствовала точка зрения, представленная в трудах А.З. Кузьмина и А.А. Шишковой, согласно которой, аграрный террор являлся исключительно следствием агитации эсеров,¹⁸⁶ что даже не решались утверждать сами социалисты-революционеры. Поэтому оценка аграрного террора предлагалась крайне негативная. Данная тактика характеризовалась преобладанием стихийности и противопоставлялась большевистской установке на вооруженное восстание. Причем тезис о стихийности вступал в противоречие с утверждением об эсеровском тотальном контроле за движением аграрного террора.

¹⁸⁴ Леванов Б.В. Из истории борьбы... С. 107.

¹⁸⁵ Там же. С. 111.

¹⁸⁶ См.: Кузьмин А.З. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Пенза, 1955; Шишкова А.А. Из истории борьбы большевиков за союз рабочего класса и крестьянства в годы первой русской революции // Вопросы истории. 1955. № 2.

По мнению А.А. Шишковой, большевики контролировали те аграрные регионы, где имели место организованные выступления крестьянства, а эсеры – те, в которых преобладали стихийные формы борьбы. Эсеры, с ее точки зрения, поощряя стихийность, сознательно обрекали «тем самым крестьянское движение на гибель»¹⁸⁷. Д.Б. Павлов обращал внимание на другое противоречие в выводах А.А. Шишковой. С одной стороны, обвинения ПСР в соглашательской политике, сдержанной и осторожной тактике, пропаганде мирных способов борьбы, а с другой, – указание на авантюризм, апологетику стихийности и неорганизованности. «В результате, – писал Д.Б. Павлов, – остается неясным, что же, по мнению А.А. Шишковой, определяло политику эсеров периода первой русской революции в целом: готовность ли идти на сговор с буржуазией или же стремление следовать авантюристической левацкой тактике»¹⁸⁸.

В последующее время сторонником указанного подхода выступал Б.В. Леванов. Он расценивал деятельность ЦК ПСР как «потворство стихийности в крестьянском движении лишь с ограниченными попытками руководства им»¹⁸⁹. Автор сделал подборку высказываний В.И. Ленина, якобы косвенно осуждавшего аграрный террор, хотя тот непосредственно против него никогда не выступал. Д.Б. Левановым была представлена картина последовательной борьбы большевиков против любых проявлений аграрного террора. Он приводил и новые доводы, служившие подтверждением оценки о порочности эсеровской тактики в деревне: «Большевики отрицали целесообразность “аграрного террора”, так как стихийный разгром помещичьих экономий с уничтожением скота, хлебных запасов, построек, порчей сельскохозяйственного инвентаря не давал никакого выигрыша крестьянству, ибо уничтожаемые материальные ценности могли бы быть

¹⁸⁷ Кузьмин А.З. Указ. соч.; Шишкова А.А. Указ. соч. № 2. С. 6, 11, 14, 16.

¹⁸⁸ Павлов Д.Б. Эсеры – максималисты... С. 31.

¹⁸⁹ Леванов Б.В. Из истории борьбы... С. 108.

обращены на нужды того же крестьянства. Усиление стихийности в крестьянском движении дезорганизовывало революционную борьбу крестьянства и могло привести к деморализации его участников»¹⁹⁰.

Многочисленные факты участия большевиков в экономическом терроре замалчивались. Об их существовании свидетельствовал в начале 1930-х годов видный деятель большевистского крыла социал-демократии Н.М. Ростов: «Вся наша боевая и террористическая работа ныне - удел истории. Если двадцать пять лет тому назад по тактическим соображениям мы не афишировали эту часть своей деятельности, то теперь эти соображения, полагаю, отпали. Актов партизанской войны в 1906–1907 гг. социал-демократы совершили много, в том числе и большевики»¹⁹¹. В.И. Тропин, ссылаясь на работу А.А. Шишковой, выражал сожаление о наличии в советской историографии работ, где аграрный террор: «рассматривается как результат влияния эсеров на крестьян»¹⁹². Он рассматривал аграрно-террористические выступления в деревне в качестве одной из форм решительной борьбы крестьянства в конкретных условиях революции 1905–1907 гг. Однако сам автор доказывал, что именно эсеры являлись проводниками аграрной террористической тактики в деревне. «Организуя аграрный террор (убийство отдельных помещиков, поджоги их имений и т. д.), эсеры наводили большой страх на поместное дворянство». Ниже он порицал эсеров за «попытку подменить массовое крестьянское движение аграрным террором»¹⁹³. Таким образом, указывая на эсеровское руководство аграрным террором и считая аграрно-террористическую деятельность принципиально отличной от революционного движения крестьян, В.И. Тропин фактически сам становился на ту же точку зрения, наличие которой

¹⁹⁰ Там же. С. 108.

¹⁹¹ Ростов Н.М. Еще о взрыве трактира «Тверь» // Красная летопись. 1931. №1 (40). С. 246.

¹⁹² Тропин В.И. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970. С. 44–45.

¹⁹³ Там же. С. 54–55.

фактически сам становился на ту же точку зрения, наличие которой в советской историографии он с сожалением констатировал.

В отличие от предшествующей историографической традиции, К.В. Гусев давал положительную оценку аграрному терроризму, считая его выражением революционного движения масс. Тезис о руководстве эсеров данным процессом был подвергнут им пересмотру. Более того, отказ их от тактики аграрного террора К.В. Гусев рассматривал как неоправданное отступление от революционной борьбы в сторону соглашательства с буржуазией. В одном из своих ранних исследований в 1963 г. он писал: ««Аграрный террор», который на заре деятельности эсеры считали действенным средством борьбы за «землю и волю», означал практически насильственный захват крестьянами помещичьих земель. Однако если признание террора вообще сохранилось у эсеров всех мастей, и правых, и левых, вплоть до полной гибели этих партий, то как раз от единственного более или менее разумного метода – “аграрного террора” эсеры отказались уже в первые годы своего существования»¹⁹⁴. В более поздних работах К.В. Гусева оценка аграрного террора как единственно разумного метода борьбы уже не встречается, но общий вывод остается по существу прежним. Отказ эсеров от аграрно-террористических способов борьбы – это «практически был шаг назад, принятый в угоду правому крылу партии и означавший начало отхода эсеров от собственной аграрной программы»¹⁹⁵.

Другой исследователь, А.Ф.Жуков, считал, что к 1904 г. «(времени образования “аграрно-террористического” течения) эсеры фактически отказались от поддержки революционного крестьянского движения... Реакцией на это было стремление “аграрных террористов” повернуть партию к поддержке массовой борьбы крестьян»¹⁹⁶. Он полагал, что зарождение эсе-

¹⁹⁴ Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М., 1963. С. 27.

¹⁹⁵ Гусев К.В., Ерицын Х.А. От соглашательства к контрреволюции... С. 55.

¹⁹⁶ Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализ-

ровского максимализма произошло вследствие отказа ПСР от тактики аграрного террора левого течения партии. Но утверждение об отказе от аграрного террора в 1904 г. предполагало, что прежде такая тактика эсерами проводилась, а это не соответствует фактическому материалу. Следовательно, по интерпретации А.Ф. Жукова, получалось, что социалисты-революционеры никогда аграрно-террористического движения не поддерживали.

К сходным оценкам пришел и В.Н. Гинев, писавший о преобладании в ПСР неодобрительного отношения к аграрному террору. Правда, автор зафиксировал наличие разных мнений в партии. Неодобрение экономического террора в руководстве ПСР он представил не как категорический запрет, а как сдерживающую рекомендацию. Несмотря на то что в Программе ставились такие ближайшие цели, как «устранение царского правительства» и «созыв всенародного Земского собора», упоминалось о восстании, как раз в рекомендациях о переходе к решительным действиям проявлялась нерешительность, граничащая с умеренностью. Так, братствам давался совет «удерживать крестьянскую борьбу по мере возможности на почве мирных средств». Такие насильственные формы крестьянского движения, как потравы, порубка, поджоги, избиения чиновников или управляющих, вооруженные нападения, т. е. все то, что получило у эсеров название «аграрного террора», можно было только в крайнем случае поддерживать, если они возникали стихийно. Местным кружкам рекомендовалось при решении о переходе от мирных средств борьбы к актам аграрного террора проявлять «величайшую сдержанность и осторожность» и делать такой шаг лишь тогда, когда это представится «абсолютно необходимым»¹⁹⁷.

Исследователи крестьянского движения В.М. Горхлернер, С.М. Дубровский, А.Ф.Кугузова, А.В. Шестаков и др. были склонны видеть в аграр-

ма. Л., 1979. С. 12.

но-террористических выступлениях одно из главных проявлений крестьянской революции. Эсеры, с точки зрения перечисленных авторов, стремились направить борьбу крестьян по мирному пути. Участие отдельных эсеровских организаций в аграрно-террористических акциях представляло собой исключение. По сути, аграрная политика эсеров отождествлялась с политикой в деревне конституционных демократов.

Если в 1950-е годы в советской историографии неоправданно преувеличивалась роль эсеров в аграрном терроре, то к началу 1980-х годов она неоправданно преуменьшалась.

Статья М.И. Леонова «Аграрный террор в программе и тактике эсеров» является пока единственной работой в отечественной историографии, специально посвященной указанной проблеме. Автор характеризовал аграрных террористов как приверженцев анархистского метода. Отношение к ним руководства ПСР он представлял как непоследовательное. Основной ошибкой лидеров партии он считал нежелание их идти на организованный разрыв с аграрными террористами¹⁹⁸.

Особенно много нового фактического материала по деятельности террористических групп было выявлено провинциальными историками, изучавшими историю революционного движения применительно к собственному региону. Значительная часть этого материала, из-за слабого знакомства с краеведческими изысканиями, остается до сих пор невостребованной в центральной исторической печати. Правда, тема революционного терроризма ни в одном из этих исследований не имела самостоятельного значения.¹⁹⁹

¹⁹⁷ Гинев В.Н. Борьба за крестьянство... С. 31–32.

¹⁹⁸ См.: Леонов М.И. Аграрный террор в программе и тактике эсеров // Великий Октябрь и революционное движение в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1978.

¹⁹⁹ См.: Меликян С.Г. Борьба большевистских организаций Закавказья против идеологии и политики мелкобуржуазной партии эсеров (1903–

Теоретическому осмыслению накопленного фактического материала и обмену мнений в немалой степени способствовали научные конференции по истории непролетарских партии, регулярно проводимые с 1975 г. в региональных центрах – Калинин (1975, 1979 и 1981), Куйбышеве (1976), Тамбове (1983), Орле (1985), Риге (1986). Содержание конференций подробно освещалось в советских исторических журналах. По материалам выступлений было издано несколько сборников. Правда, непосредственно об истории революционного терроризма как самостоятельной проблеме никто из выступавших не говорил.

В коллективной монографии «Непролетарские партии России: Урок истории» тема революционного терроризма рассматривалась в параграфе с характерным названием «Оживление старчески дряхлого народничества». Основным объектом исследования в ней стали взаимоотношения ЦК ПСР и Боевой организации. Отмечалось, что партийный контроль над боевика-

11918): Дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1983; Надеева М.И. Банкротство эсеровских организаций Поволжья (1902–1923гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1986; Леонов М.И. Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905–1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в 1905–1907гг. Куйбышев, 1985; Черняк Э.И. Эсеры в Сибири между буржуазно-демократическими революциями // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1986; Капцугович И.С. Историография политической гибели эсеров на Урале // Ученые записки Пермского ун-та им. Горького. Вып. 5. Пермь, 1976.; Афанасьев А.Л. Эсеры в Восточной Сибири в период революции 1905–1907 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1979; Суслов М.Г. Народничество на Урале в 90х годах и борьба с ним В.И. Ленина // В.И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. Вып. 1. Свердловск, 1970; Плотников Н.И. Борьба искровцев против эсеров на Урале // Борьба местных партийных организаций против мелкобуржуазных групп и течений. Пермь, 1988; Калинин А.А. Влияние политической ссылки на деятельность эсеровских организаций Западной Сибири накануне первой российской революции // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XXв. Новосибирск, 1988; Шиловский М.В. Взаимоотношения сибирских областников с эсерами и кадетами в годы первой русской революции // Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. Новосибирск, 1976; Солошенко В.И. Большевики в борьбе с мелкобуржуазными

ми был упрочен после ареста Г.А. Гершуни и прихода к руководству БО Е.Ф. Азефа, стремящегося превратить ее в свою вотчину. Сам эсеровский ЦК проявлял непоследовательность, давая директивы то об усилении терроризма, то о его приостановке. Авторы монографии видели в этой непоследовательности колебания руководства ПСР между максимализмом и реформизмом. В целом же, резюмировали они, ставка эсеров на терроризм как на орудие расстройств правительственной системы и устранения верховной власти себя не оправдала²⁰⁰.

В той же монографии в разделах, составленных А.Д. Степанским и В.Н. Гиневым, в концентрированном виде сосредоточен фактический материал по неонародническому терроризму, что выгодно отличает данную работу от многих предшествующих исследований, в которых преобладали общетеоретические рассуждения. Название «непролетарские» свидетельствует, что авторы попытались избавиться от рассмотрения российских партий через призму истории большевиков²⁰¹.

Определенный интерес в развитии изучения истории революционного терроризма представляет книга О.В. Волобуева «Идейно-политическая борьба по вопросам истории революции 1905–1907 гг.». В ней автор рассматривал практику терактов, не перенося в нее категории современной эпохи, а исходя из особенностей социокультурной среды России начала XX века. Применение данного подхода означало частичное преодоление марксистской методологии исторического творчества.

Несмотря на господство схематизма, все-таки советские историки в 1970 – первой половине 1980-х годов сумели ввести в научный оборот зна-

партиями в Белоруссии (1903, март; 1917 гг.). Минск, 1981.

²⁰⁰ См.: Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984.

²⁰¹ Там же. С. 27–33, 69–84.

чительное количество новой информации по истории революционного терроризма²⁰².

Однако господство идеологического схематизма препятствовало приращению исторических знаний. В советской историографии в контексте критики мелкобуржуазных партий даже в конце 1970–начале 1980-х годов по-прежнему утверждалось о контрреволюционной сущности террористической тактики. По мнению В.В. Витюка, терроризм лишь сбивал пролетариат с истинного пути классовой борьбы. «Кучка героев» не смогла бы нанести истинного вреда самодержавию, поскольку трудящиеся массы играют в этом случае лишь роль зрителей²⁰³. «Без рабочего класса, – констатировал В.В. Витюк, – все бомбы бессильны априори». А потому террористические акции наносят вред «не правительству, а революционным силам»²⁰⁴.

В целом же встречаемая экстраполяция выводов о стагнации социально-экономического развития страны на сферу науки выглядит упрощенно и не соответствует действительности. Изучение истории революционного терроризма в советской историографии шло хоть и медленно, но поступательно, год от года увеличивая темпы и объемы работы. Однако дальнейшему качественному развитию препятствовали идеологические схемы, с которыми вступал в противоречие собранный фактический материал.

²⁰² См., например: Леонов М.И. Из истории образования партии эсеров // Вопросы истории СССР. М., 1972.

²⁰³ Витюк В.В. К анализу и оценке эволюции терроризма // Социологические исследования. 1979. № 2. С. 143–144.

²⁰⁴ Там же. С. 145–146.

Глава 3

РОССИЙСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

3.1. Освещение истории российского революционного терроризма в литературе русского зарубежья

Оказавшись в эмиграции, бывшие революционеры, представлявшие небольшевистские партии, продолжали сводить счеты друг с другом. Обращение к истории революционного движения дооктябрьской эпохи осуществлялось через призму вопроса: кто виноват? Одни приходили к выводу о порочности самой политической платформы, на которой они находились, что предопределило эволюцию воззрений многих бывших социалистов и либералов в направлении разного рода этатистских концепций. Другие объясняли причину своего поражения обстоятельствами частного и субъективного характера. К таким обстоятельствам было, прежде всего, отнесено провокаторство.

Неизменно ассоциировавшееся с «делом Е.Ф. Азефа», оно так или иначе подводило исследователей к рассмотрению феномена революционного терроризма. Правда, по большей части исследования эмигрантских авторов базировались лишь на личных воспоминаниях, что снижало уровень репрезентативности представленных концепций¹. Взаимные обвинения политических эмигрантов в провокаторстве и иных грехах, совершенных на ниве служения террору, были лишь на руку большевикам. Не случайно книга В.Л. Бурцева «В погоне за провокаторами» и отрывок из бурцевских мемуаров «Как я разоблачил Азефа» увидели свет в конце 1920-х годов в СССР². И это несмотря на то, что автор к тому времени зарекомен-

¹ См.: Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. (1882–1922 гг.) Берлин, 1924. Т. 1.

² См.: Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928; Бурцев

довал себя как злейший враг советской власти. В.Л. Бурцев активно под- держивал версию о германском финансировании большевистской партии в 1917 г., пытался вести борьбу с коминтерновской агентурой в среде русской эмиграции, выпустил антисоветскую брошюру – памфлет «Юбилей преда- телей и убийц. (1917–1927 гг.)»³.

Псевдоагент царской охраны Е.Ф. Азеф настолько эпатировал рос- сийскую общественность, что даже по прошествии значительного количе- ства лет ему приписывали какие-то дьявольские, сверхъестественные воз- можности. За ширмой любого теракта подозревалось присутствие его зло- вешней фигуры. Так, даже посвященный во все тайные стороны деятельно- сти охранного отделения, многолетний полицейский руководитель Л.А. Ра- таев утверждал, что некто иной, как Е.Ф. Азеф, «придумал и проделал вме- сте с армянами покушение на султана»⁴. В действительности ни к покуше- нию на турецкого султана Абдул-Хамида в июле 1905 г., ни к армянским террористическим организациям он никакого отношения не имел. Сами армянские боевики категорически отвергали его причастность к этому те- ракту. Но даже лично получив опровержение ратаевского утверждения со стороны последних, М.А. Алданов все же допускал возможность участия Е.Ф. Азефа в заговоре против султана⁵. Таким же образом и в современную эпоху в любом теракте американцы непременно обнаруживают след Бен Ладена, а россияне – Шамиля Басаева.

Большинство исследователей полагали, что движущим мотивом двойной игры Е.Ф. Азефа являлись эгоизм и корыстолюбие. В каждом кон- кретном случае между службой охране и революции он выбирал ту, кото-

В.Л. Как я разоблачил Азефа // Провокатор. Воспоминания и документы о разоблачении Азефа. Л., 1929.

³ См.: Бурцев В.Л. Юбилей предателей и убийц. (1917–1927). Париж, 1927.

⁴ Ратаев Л.А. История предательства Евно Азефа // Провокатор. Л., 1991. С. 140.

⁵ См.: Алданов М.А. Азеф. Париж, 1931. С. 219.

рая приносила больше финансовых дивидендов. Революционная работа зачастую была более выгодной, чем полицейская, поскольку через кассу БО проходили огромные суммы, бывшие в полном распоряжении Е.Ф. Азефа. Одним из первых данную точку зрения на феномен «азефщины» сформулировал А.И. Спиридович: «Азеф – это беспринципный и корыстолюбивый эгоист, работавший на пользу иногда правительства, иногда революции; изменявший и одной и другой стороне в зависимости от момента и личной пользы; действовавший не только как осведомитель правительства, но и как провокатор в действительном значении этого слова, то есть самолично учинявший преступления и выдававший их затем частично правительству корысти ради»⁶.

Другая тенденция оценок, обнаруживаемая в эмигрантской историографии, – попытка объяснить феномен Е.Ф. Азефа через призму психологии игрока. В.М. Зензинов, отвечая на вопрос, какие цели преследовал Е.Ф. Азеф, писал: «Эта тайна осталась с ним. Я могу лишь высказать предположение: по натуре своей он был игроком – он играл головами других и своей собственной, и эта игра, в которой он должен был себя чувствовать мастером, давала ему в руки ту власть, которая его опьяняла, – власть над правительством и революцией. Но за эту игру никогда он не забывал получать от правительства свои тридцать серебряников»⁷. В целом же делался вывод, что роль Е.Ф. Азефа как сотрудника полиции превышала его роль как революционера.

Фигура Е.Ф. Азефа являлась подлинной находкой для литераторов. Одним из первых его образ в художественном произведении использовал Андрей Белый, представив под фамилией Липченко в романе «Петербург». Широкий резонанс в литературных кругах вызвала изданная в 1929 г. в

⁶ Спиридович А.И. При царском режиме: записки начальника охранного отделения. М., 1926. С. 14.

⁷ Цит. по: Городницкий Р.А. Три стиля руководства боевой организацией... М., 1998. С. 59.

Берлине на русском языке книга Романа Гуля «Генерал БО». (Переработанный вариант опубликован в 1959 г. под названием «Азеф»). Художественная канва основывалась на проработке автором значительного круга источников, а потому гулевский роман сыграл не последнюю роль в развитии историографии дела Азефа.⁸ Книга была переведена на многие языки и получила высокую оценку со стороны ряда видных писателей, включая Андре Мальро и Альбера Камю. Именно под влиянием «Генерала БО» французский философ-экзистенциалист увлекся темой русского революционного терроризма⁹. А. Камю апробировал сюжет об убийстве великого князя Сергея Александровича в качестве театральной постановки. Р. Гуть также адаптировал сюжетное изложение своей книги для сценической постановки. Написанная им пьеса «Азеф» была поставлена в 1937 г. на сцене Русского театра в Париже известным актером Григорием Хмарой, который, помимо режиссерской работы, исполнил роль Б.В. Савинкова. Пьеса имела кассовый успех и получила благожелательное освещение со стороны театральных критиков, хотя сам Р. Гуть оценивал свою пробу пера на драматической ниве довольно скептически¹⁰. Впрочем, состоялось лишь четыре представления. Спектакль был исключен из репертуара театра под давлением эсеров, заявлявших, что будирование азефовской темы ввиду еврейского происхождения главного героя выглядит аморально на фоне преследования евреев в нацистской Германии. В действительности социалистов-революционеров раздражало само упоминание имени провокатора вне зависимости от его национального происхождения. Даже по прошествии тридцати лет после азефовского дела эсеры весьма болезненно относились даже к упоминанию имени бывшего руководителя эсеровской Боевой организации.

⁸ См.: Гуть Р. Генерал БО. Берлин, 1929; Гуть Р. Азеф. Нью-Йорк, 1959.

⁹ См.: Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.

¹⁰ См.: Гуть Р. Я унес Россию // Новый журнал. 1983. № 152. С. 65–66.

Эмигрантские авторы имели довольно смутное представление о происходящем в СССР и поэтому восприняли сообщения советской пропаганды о терактах против партийных деятелей, как отражение реальных террористических потрясений. Этим во многом объясняется сохранение интереса к истории терроризма в историографии русского зарубежья.

Столь же значительное раздражение, как и гулевская пьеса, вызвала у эсеров публикация в 1930 г. в парижской газете «Последние новости» эссе М.А. Алданова «Азеф». «Эсеры, – писал в этой связи В. Ходасевич Н. Берберовой, – в лютой обиде на Алданова за «Азефа», как и следовало ожидать»¹¹. Эссеист представил Е.Ф. Азефа как дегенеративную личность, «переходной ступенью к удаву»¹². При чтении алдановского эссе у читателя невольно возникал вопрос, почему эсеры долгое время преклонялись перед столь ничтожным в нравственном отношении человеком. Репутация ПСР при этом, естественно, не выигрывала. М.А. Алданов обнаруживал в перипетиях азефского дела мотивы Ф.М. Достоевского¹³. Впоследствии тезис о «достоевизме» русского терроризма стал весьма распространенным в экзистенциалистской литературе.

Попытку представить сюжет азефского дела в форме драматического произведения предпринимали также П.Е. Щеголев и А.Н. Толстой. Не написанная ими совместная пьеса, ввиду сравнительно невысоких художественных достоинств, так и не была поставлена в театрах¹⁴.

Проживавший во Франции известный режиссер А. Грановский вел в начале 1930-х годов работу по съемкам фильма об Е.Ф. Азефе. В качестве сценариста кинокартины был приглашен И.Э. Бабель, научного консультанта – Б.И. Николаевский. Однако участие в подготовке фильма И.Э. Ба-

¹¹ Письмо В. Ходасевича к Н. Берберовой // Минувшее. 1991. № 25. С. 253.

¹² Алданов М.А. Азеф. Париж, 1931. С. 223.

¹³ См.: Там же. С. 179–180.

¹⁴ См.: Толстой А., Щеголев П. Азеф: (орел или решка). М., 1926.

беля как гражданина СССР не нашло поддержки у советского руководства. И тот прервал свое сотрудничество с французской кинокомпанией. От своего проекта А. Грановский был вынужден отказаться. Впрочем, по возвращении в Советский Союз И.Э. Бабель надеялся реализовать замысел создания фильма о террористах на родине¹⁵. Журнал «За большевистский фильм» сообщал в 1934 г. о работе писателя над сценарием кинокартины «Азеф» для Второй фабрики¹⁶.

Первое издание фундаментальной книги Б.И. Николаевского «История одного предателя» состоялась в 1932 г. в Берлине. По оценке О.В. Будницкого, эта книга остается на настоящее время лучшим и наиболее адекватно трактующим личность и революционно-полицейскую карьеру Азефа исследованием.

К изучению феномена «азефовщины» Б.И. Николаевский приступил оставаясь на позициях социал-демократа. С одной стороны, он стремился осудить корпоративность эсеровских террористов, дистанцировавшихся от массовой работы, с другой – не бросить при том тень на революционное подполье в целом. Так, срыв азефовой операции царубийства на пароходе «Рюрик» в октябре 1908 г. объяснялся запретом его осуществления матросским революционным комитетом, готовившим в то время всеобщее вооруженное восстание на Балтийском флоте¹⁷. В действительности теракт не был осуществлен не из-за какого бы то ни было запрета, а потому что, выражаясь словами М.А. Натансона, «сдрейфил» исполнитель¹⁸.

Признавая значительную источниковую фундированность исследований Б.И. Николаевского, особенно впечатляющую на фоне публикации других очерковых работ, посвященных революционному терроризму, сле-

¹⁵ См.: Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 416–417.

¹⁶ См.: За большевистский фильм. 1934. № 22.

¹⁷ См.: Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С. 283.

дует отметить довольно упрощенный концептуальный подход, предложенный автором. Интерпретация мотивов провокаторской деятельности Е.Ф. Азефа была редуцирована до банального стяжательства. Деньги, выплачиваемые агенту охранкой, и деньги партийной кассы составляли координаты азефовской мотивации. Осуществление терактов зависело от соотношения дивидендов, приносимых Е.Ф. Азефу, соответственно на службе революции и охранного отделения. Об источниках азефовских революционных доходов Б.И. Николаевский писал следующее: «В безотчетном распоряжении главы БО находилась касса последней [организации], а через эту кассу проходили многие тысячи, и из этой кассы становилось возможным извлекать доходы более значительные, чем те 500 рублей в месяц, которые платила касса Департамента»¹⁹. Историк одним из первых в отечественной историографии указал на высокую доходность занятия террористической деятельностью. Следует думать, что доходы от терроризма в течение XX века имели тенденцию к росту, а соответственно дивиденды современной генерации боевиков несоизмерно выше, чем у азефского поколения.

Книга Л.П. Николаевского «Конец Азефа» была посвящена обстоятельствам жизни провокатора после его разоблачения, а потому непосредственного отношения к теме революционного терроризма не имела²⁰.

Несмотря на собрание Б.И. Николаевским богатой документальной коллекции, в «Истории одного предателя» отсутствуют ссылки на источники, что придает исследованию беллетристическую форму. Впрочем, такой недостаток был характерен для большинства эмигрантских изданий, посвященных проблемам революционного терроризма²¹.

¹⁸ ГАРФ, ф, 1699, оп. 1, д. 123, л. 53.

¹⁹ Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С. 77–78.

²⁰ Николаевский Б.И. Конец Азефа. Л., 1926.

²¹ См.: Николаевский Б.И. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. Берлин, 1932.

При написании своей книги об Е.Ф. Азефе Б.И. Николаевский вел активную переписку с В.М. Черновым. Эсеровский теоретик упрекал своего респондента, равно как и других исследователей революционного терроризма, за преувеличение в нем роли центральной Боевой организации. Помимо азефовой БО, существовало множество иных террористических групп. «“Героических одиночек” и “героических ударных групп”, – свидетельствовал В.М. Чернов, – становилось все больше и больше. Мы в то время говорили: скоро не останется ни одного местного комитета и очень мало таких местных, еще не доросших до звания комитета групп, которые не будут иметь своей боевой дружины. Мы говорили о прежнем периоде как об эпохе одиноких отшельников террора, и о новом - как о периоде “обмирщения” террора в рамках партии. Террор индивидуальный перерастал в групповой и обещал перерасти в массовый, граничащий с прямым восстанием»²².

Говоря о терроризме, историки, по его мнению, гипертрофировали субъективную составляющую. В частности, роль Е.Ф. Азефа, да и самого эсеровского ЦК, в выборе жертв терактов не была определяющей. «Когда идет у Вас речь об осведомлении, против кого партия готовит акты, - писал В.М. Чернов Б.И. Николаевскому, - мне кажется, Вы не всегда учитываете, что мишени террористических ударов партии были почти всегда, так сказать, самоочевидны. Весь смысл террора был в том, что он как бы выполнял неписанные, но бесспорные приговоры народной и общественной совести. Когда это было иначе, когда террористические акты являлись сюрпризами, – это было ясным показателем, что то были плохие, ненужные, неоправданные терр[ористические] акты»²³.

²² Архив Гуверовского института (АГИ). Собрание В.И. Николаевского. 206-6. В.М. Чернов – Б.И. Николаевскому, 7.10.1931.

²³ Архив Гуверовского института (АГИ). Собрание В.И. Николаевского. 206-6. В.М. Чернов – Б.И. Николаевскому, 7.10.1931.

Действительно, Б.И. Николаевский преувеличивал статус Е.Ф. Азефа в ПСР. Сосредоточившись в своем исследовании на феномене «азефиады», он смотрел через его призму на все движение социалистов-революционеров. К примеру, специальное заявление эсеров о непричастности к взрыву на Аптекарском острове и об осуждении такого рода терактов он приписывал непременно давлению Е.Ф. Азефа, боявшегося нежелательной для него реакции Департамента полиции. С монографией Б.И. Николаевского было связано формирование историографической традиции руководствоваться канвой азефского дела в изложении истории революционного терроризма.

Не менее популярной темой, чем «азефщина», в контексте изучения революционного терроризма эмигрантской историографией стала «савинковщина». В.М. Чернов описывал Б.В. Савинкова как попутчика партии, полного презрения к людям и не имеющего никакой определенной идеологической позиции. Одно время, по его свидетельству, Б.В. Савинков объявлял себя сторонником «Народной воли», но потом, после визита к Петру Кропоткину, провозгласил себя анархистом. Какое-то время он даже склонялся к «духовно-религиозному революционизму»²⁴. В индифферентности к политическим программам признавался и сам террорист²⁵.

Организационная неряшливость приводила Б.В. Савинкова к срывам операций БО, перечень которых был более значительным, чем число успешных терактов. Личное мужество оставалось единственным положительным качеством, отличающим Б.В. Савинкова как руководителя. Но данная оценка выглядит односторонней. К примеру, У. Черчилль, политическая компетенция которого не подлежит сомнению, говорил о Б.В. Савин-

²⁴ Чернов В.М. Савинков в рядах П.С.-Р // Воля России. Прага, 1924. №14-15. С.157.

²⁵ См.: Савинков Б.В. Конь бледный // Избранное. М., 1990. С. 312, 370.

кове совершенно иначе: «Савинков сочетал в себе мудрость государственного деятеля, качества полководца, отвагу героя и стойкость мученика»²⁶.

Вопреки современному историографическому стереотипу о ПСР как партии «с откровенно протеррористической позицией», эсеровский теоретик В.М. Чернов, оказавшись в эмиграции и осмысливая исторический опыт социалистов-революционеров, неоднократно подчеркивал о разрыве же эсеров с террористической тактикой народовольцев. Ни в одном из партийных документов терроризм не признавался в качестве главного средства революционной борьбы. При разработке тактики ему отводилась второстепенная роль. Клеймо террористов, согласно В.М. Чернову, было возложено на ПСР по недоразумению²⁷. Действительно, терроризм в России начала XX в. не был связан лишь с какой-то определенной партией и ее идеологией, а представлял некую надпартийную субкультуру. Эсеровская Боевая организация оказалась лишь удачливее других, предопределив успехом своей деятельности соответствующее восприятие всей партии.

Впрочем, оказавшиеся за границей экс-революционеры отнюдь не сразу приступили к написанию мемуаров. Некоторое время они еще сохраняли надежду взять политический реванш. Весьма ценные для изучения генезиса революционного терроризма воспоминания В.М. Чернова были собраны и отредактированы лишь в последние годы жизни автора – в конце 1940–начале 1950-х годов, и увидели жизнь вообще после смерти эсеровского публициста в 1952–1953 годы²⁸. Так же в конце 1940–начале 1950-х годов были написаны мемуары В.М. Зензинова²⁹. Изданные книги не вызвали того общественного резонанса, который они могли бы иметь в 1920-е годы. Тема терроризма в 1940–1950-е годы не воспринималась исследователями как особо злободневная.

²⁶ Там же. С.15.

²⁷ См.: Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. Берлин, 1922. С. 143; Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк. 1953. С. 77–78.

²⁸ См.: Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.

Наиболее детальными в фактическом отношении и целостными при восстановлении содержательной канвы истории террористических организаций в России стали труды бывшего жандармского генерала А.И. Спиридовича³⁰. А. Гейфман оценивает их как «единственное обобщающее изложение событий», хотя и не отличающееся аналитичностью³¹. Показательно, что опубликованные в Германии воспоминания генерала переиздавались даже в СССР, – случай беспрецедентный в советской историографической практике³². Наиболее подробно А.И. Спиридовичем освещался начальный период истории Боевой организации эсеров, что предопределило последующую историографическую традицию. Впоследствии многие исследователи российского революционного терроризма шли лишь в канве содержательных рамок, обозначенных А.И. Спиридовичем. В результате систематизация источников по постазефовскому периоду истории революционного терроризма, то есть работа, аналогичная исследованиям генерала по эпохе Г.А. Гершуни и Е.Ф. Азефа, была проделана лишь в 1990-е годы. Для трудов А.И. Спиридовича характерен присущий в целом аналитикам охранного отделения своеобразный эсероцентризм при интерпретации террористического движения. В тени эсеровской БО оказывались многие другие революционные террористические организации. Психологическая установка на обнаружение едва ли не в каждом теракте участия наиболее известных террористов (синдром Бен-Ладена) зачастую негативно влияет и на современную розыскную деятельность.

Решающими факторами, приведшими к свертыванию террористической деятельности эсеров, А.И. Спиридович называл, наряду с провокатор-

²⁹ См.: Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953.

³⁰ См.: Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928.

³¹ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1804–1917. 1997. С. 357.

³² См.: Спиридович А.И. При царском режиме. Записки начальника охранного отделения. М., 1926; Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928.

ством Е.Ф. Азефа, предательство Ю.Н. Татарова, выдавшего охранке почти полный состав Боевой организации, и арест одного из ведущих теоретиков терроризма Е. К. Брешко-Брешковской. В действительности, вопреки сложившемуся в историографии мнению об Е.Ф. Азефе как крупнейшем провокаторе за всю историю революционного движения, практический урон для ПСР от осведомительской деятельности Ю.Н. Татарова был значительно масштабнее.

Помимо описания деятельности террористических групп, А.И. Спиридович восстанавливает общую семиосферу терроризма, в которую погружилась Российская Империя в начале XX в. Терракты становятся повседневным, бытовым явлением «Несколько крупных случаев террора, - писал генерал, - сопровождалось положительно десятками мелких покушений и убийств среди низших чинов администрации, не считая угроз путем писем, получавшихся чуть ли не всяким полицейским чиновником; ...бомбы швыряют при всяком удобном и неудобном случае, бомбы встречаются в корзинах с земляникой, почтовых посылках, в карманах пальто, на вешалках общественных собраний, в церковных алтарях... Взрывалось все, что можно было взорвать, начиная с винных лавок и магазинов, продолжая жандармскими управлениями (Казань) и памятниками русским генералам (Ефимовичу в Варшаве) и кончая церквами»³³.

Картину перманентной вакханалии убийств и революционных грабежей на территории Польши представил П.П. Заварзин³⁴. Польская социалистическая партия являлась наиболее крупной и активной в террористическом отношении организацией региона. Будущий лидер польского государства Юзеф Пилсудский непосредственно руководил партийной террористической группой «Боювки». Жертвами террористов, свидетельствовал П.П. Заварзин, становились в основном мелкие гражданские чиновники —

³³ См.: Спиридович А.И. История большевизма в России. Париж, 1922. С. 120–121.

³⁴ См.: Заварзин П.П. Работа тайной полиции. Париж, 1924. С. 137.

безликие слуги режима³⁵. Этим боевая организация польских социалистов отличалась от эсеровской, направлявшей свои теракты против крупных знаковых фигур самодержавной власти.

Определенные аспекты деятельности террористических организаций на Кавказе получили освещение в мемуарах либерального юриста А. Рождественского. Указывалось, в частности, на существование практики терактов против православного духовенства³⁶. Описывался беспрецедентный случай сотрудничества властей и террористов во время кровавых армяно-азербайджанских столкновений 1905 г. Отчаявшись в попытках остановить бойню, наместник Кавказа решил обратиться за помощью к революционерам. По его приказу местные социал-демократы получили две тысячи берданок³⁷.

Как известно, непосредственным шефом Е.Ф. Азефа являлся начальник петербургского охранного отделения А.В. Герасимов. Поэтому опубликованные в Париже его мемуары фактически сразу же стали одним из главных источников по раскрытию темы «азефиады»³⁸, и после всех скандальных разоблачений – двойной игры провокаторов – А.В. Герасимов оставался убежден, что Е.Ф. Азеф был честным полицейским агентом и никогда не работал на революцию. На доказательство азефовских агентурных заслуг направлено основное содержание книги А.В. Герасимова. Ведь реабилитация Е.Ф. Азефа подразумевала профессиональную реабилитацию и его шефа. Впрочем, сопоставление хроники террористической деятельности эсеровской БО и сведений о замыслах террористов, переданных в петербургское охранное отделение Е.Ф. Азефом, заставляет усомниться в репрезентативности выводов автора. В частности, никакой информации не было представлено им о террористических группах, готовивших покушения про-

³⁵ См.: Там же. С. 27–28, 108–100, 115–119, 128–130, 137–139.

³⁶ См.: Рождественский А. Десять лет службы в Прокурорском надзоре на Кавказе. Сантьяго, 1961. С. 21.

³⁷ Там же. С. 49.

тив князя Владимира или Д.Ф. Трекова. А.В. Герасимов предпочитал не замечать фактов, отзываясь об Е.Ф. Азефе как об образцовом и наиболее выдающемся сотруднике охраны. «Его сообщения, – писал А.В. Герасимов о своем агенте, – были исключительно ценны, и произведенные им выдачи, в частности выдача Савинкова, окончательно разбили возникшую между нами стену недоверия. Вскоре Рачковский отошел от дел политического розыска, передав Азефа целиком мне. Я проверял все сообщения Азефа при помощи других источников, и они постоянно подтверждались. Прошло не более двух месяцев, и мое доверие было постепенно полностью завоевано Азефом»³⁹. Для А.В. Герасимова, указывал Б.И. Николаевский, «задача бережения Азефа» являлась «одной из главнейших задач охранной политики»⁴⁰.

Мотивы, побудившие А.А. Лопухина «сдать» Е.Ф. Азефа революционерам, А.В. Герасимов объяснял мстью того охранному отделению. С его точки зрения, в основе лопухинского предательства лежала банальная обида за отказ в выплате пенсии. А.В. Герасимов даже признавал, что с А.А. Лопухиным обошлись крайне несправедливо: «Он был единственным директором ДП, который после отставки не был назначен сенатором и за которым даже не сохранили оклада»⁴¹. Однако материалы лопухинского следственного дела позволяют заключить, что бывший директор Департамента полиции сам отказался подавать прошение о пожаловании ему пенсии, несмотря на гарантию министра внутренних дел П.Х. Дурново о ее безусловном предоставлении⁴².

Версию А.В. Герасимова попытался оспорить в примечаниях к его книге Ю. Фильштинский, выдвинувший более детективный вариант рекон-

³⁸ См.: Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж, 1985.

³⁹ Там же. С. 84.

⁴⁰ Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С.240.

⁴¹ Герасимов А.В. Указ. соч. С.132.

⁴² См.: Дело А.Лопухина. Стенографический отчет. СПб., 1910. С. 48,

струкции «дела А.А. Лопухина». Лейтмотивом лопухинской истории стало, в его изложении, похищение в Лондоне дочери бывшего директора Департамента полиции Варвары. В обмен на ее освобождение В.Л. Бурцев и предложил якобы А.А.Лопухину назвать имя полицейского агента, внедренного в руководство ПСР⁴³. А. Гейфман дополняет реконструкцию Ю. Фильштинского сообщением «о том, что операцию похищения осуществляют не то сторонники террористической тактики из бурцевского окружения, не то некие малоизвестные эсеры из парижской группы социалистов-революционеров»⁴⁴. Действительно, похищение дочери А.А. Лопухиной – реальный исторический факт, нашедший отклик в английской прессе и зафиксированный в документах Департамента полиции⁴⁵. Часть из этих документов, хранящихся в настоящее время в ГАРФ, была опубликована в 1984 г. Ю. Давыдовым⁴⁶. Однако никаких сведений о причастности В.Л. Бурцева к похищению дочери А.А. Лопухина в них не содержится. Ю. Фильштинский основывал свою версию на записке двоюродного брата бывшего директора Департамента полиции А.С. Лопухина, воспроизводившего признание своего знаменитого родственника. Но ни Ю. Фильштинский, ни А. Гейфман не указывают на выходные данные мемуаров А.С. Лопухина, которые, кроме них, оказываются никому из исследователей не известны. Причем А. Гейфман ссылается не на сам источник, а на сведения о нем Ю. Фильштинского. Это дало основание израильскому историку Л.Г. Прайсману выразить свое скептическое отношение к самому факту существования мемуаров А.С. Лопухина⁴⁷. Впрочем, похищение Варвары Лопухиной и последующая затем сдача ее отцом Е.Ф. Азефа не могли не быть связаны между собой. Отсутствие мемуаров А.А. Лопухина

⁴³ См.: Герасимов А.В. Указ. соч. С. 197.

⁴⁴ Приложение А. Гейфман к книге Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С. 349.

⁴⁵ См.: ГАРФ, ф. 102, дп ОО, оп. 237, д. 611, л. 1–4.

⁴⁶ См.: Давыдов Ю. Герман Лопатин. Его друзья и враги. С. 154–156.

⁴⁷ См.: Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и

не опровергает концепции Ю. Фильштинского, хотя и бросает тень на научную принципиальность самого исследователя.

По мнению Л.Г. Прайсмана, А.А. Лопухин мстил не столько министерству внутренних дел, сколько Е.Ф. Азефу. Двойная игра агента Департамента полиции стоила тому директорского кресла. А.А. Лопухину не могли простить того, что он не мог воспрепятствовать убийству революционерами великого князя Сергея Александровича. С точки зрения Л.Г. Прайсмана, к бывшему директору Департамента полиции пришло запоздавшее прозрение⁴⁸.

В правомонархическом спектре русской эмиграции утвердился взгляд, согласно которому революционные террористические организации в России кооптировались главным образом из евреев. Такой взгляд популяризировал, в частности, харбинский историк В.Ф. Иванов⁴⁹.

В рассуждениях А.И. Спиридовича также прослеживаются черносотенные мотивы. Согласно мнению жандармского генерала, в террористические организации шли, прежде всего, представители еврейской молодежи.

Тема анархистского терроризма в историографии русского зарубежья оказалась столь же мало разрабатываемой, как и в советской. Причина, по видимому, заключалась в отсутствии соответствующих партийных структур, которые бы поддерживали подобного рода исследования. В анархистах, применительно к российскому политическому контексту, не видели серьезной силы. Редким исключением в историографической канве стали работы по истории анархистских организаций в России А. Горелика⁵⁰.

провокаторы. М., 2001. С. 340.

⁴⁸ См.: Там же. С. 321–344.

⁴⁹ См.: Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра до наших дней. М., 1998. С. 376–377.

⁵⁰ См.: Горелик А. Анархисты в российской революции. Буэнос-Айрес, 1922; Горелик А., Комов А., Волин. Гонения на анархизм в Советской России. Берлин, 1922; П.А. Кропоткин и его учение // Интернацио-

В советской историографии к психологическому объяснению терроризма относились настороженно, как к отступлению от классового подхода. Исследователи русского зарубежья были, естественно, свободны от такого рода идеологической установки. Многие из них обращали внимание, что в террористы шли люди определенного психологического типа, вне зависимости от их социального происхождения. Еще Н.А. Бердяев оценивал их как людей специфического душевного склада. «Я, – признавался философ, – не мог примкнуть к социалистам-народникам или социалистам-революционерам, как они стали наименоваться. Мне был чужд психологический тип старых русских революционеров»⁵¹.

Многие из либералов, оказавшись в эмиграции, пересмотрели свой прежний тезис о том, что наиболее действенным способом предотвращения терактов является проведение демократических реформ⁵². А. Тыркова-Вильямс признавала, что своего апогея революционный терроризм достиг после опубликования Манифеста 17 октября, т.е. когда, по либеральной логике, от террористической тактики следовало бы вообще отказаться⁵³. Террористы – люди совершенно другого психологического типа, чем либералы. Реформы воспринимаются ими как уступки и, значит, проявление слабости.

В 1957 г. один из бывших эсеровских теоретиков М.В. Вишняк выступил в «Новом русском слове» со статьей с симптоматичным названием «Трагедия террора». Автор пытался переложить ответственность за террор с партии социалистов-революционеров на все оппозиционное к самодержавию движение, включая либералов. Никогда, отмечал он, не ощущалось

нальный сборник. Чикаго, 1931.

⁵¹ Бердяев Н.Д. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 7–8.

⁵² Струве П.Б. Наши непримиримые террористы и их главный штаб // Освобождение. 1904. № 55. 2 сентября.

⁵³ См.: Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 57–58.

нехватки лиц, желавших участвовать в террористической деятельности. Запал выступления М.В. Вишняка был направлен против представителей либеральных кругов интеллигенции, аплодировавших в свое время убийству эсерами царских министров, а через сорок лет после революции выступающих с порицанием практики революционного терроризма. «Ивана Каляева, – возмущался М.В. Вишняк, – А. Тыркова за террор осуждает, а вот единомышленником своим кн. Д.И. Шаховским всячески – и по заслугам – восторгается. А какая, собственно, разница между Шаховским и Каляевым?... Только та, что Шаховской, по словам Тырковой, то и делал, что кричал «Плеве надо убить», а Каляев, придя к тому же выводу, вступил в БО и принял практическое участие в подготовке убийства Плеве»⁵⁴.

Развенчание морального облика террористов, в противоположность революционному идеомифу о жертвенном героизме боевиков, было осуществлено в печати русского зарубежья. Мотив инфернализации облика террористов неизменно присутствовал, к примеру, в работах, посвященных П.А. Столыпину. Кровавые подробности взрыва в Аптекарском переулке, как и убийство премьера-реформатора, предопределили резко негативное отношение к революционным террористическим организациям. Новый тип экстремиста, указывалось в книге нью-йоркского издания «Убийство Столыпина», предполагал «слияние революционера с разбойником, освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек»⁵⁵.

Терроризм в первое послереволюционное десятилетие еще сохранял свой сакральный ореол в определенных кругах русской эмиграции. Членство героя-боевика в той или иной партии, безусловно, поднимало ее авторитет. Зачастую между представителями различных партийных организаций шел спор за право считать какого-либо террориста своим. Известный

⁵⁴ Вишняк М.В. Трагедия террора // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1957. 24 марта.

⁵⁵ Убийство Столыпина. Свидетельства и документы / Под ред. А. Серебрянникова. Нью-Йорк, 1986. С. 319.

деятель партии эсеров Е.Е. Лазарев, в целом разделяя версию Г.Б. Сандомирского, утверждал, что Д.Г. Богров был ближе к эсерам, нежели к анархистам. Еще в 1910 г., вспоминая он, будущий убийца премьера вел с ним беседу о совершении теракта против П.А. Столыпина от имени партии социалистов-революционеров. В остальном же эсеровский мемуарист солидаризировался с точкой зрения Г.Б. Сандомирского. «Я убежден, – подводил Е.Е. Лазарев итог своим воспоминаниям об Д.Г. Богрове, – что он вошел в сношения с фон Коттенем для лучшего достижения своей цели... что покушение на Столыпина и готовность умереть объясняются не боязнью каких-то малоизвестных анархистов, внутренней драмой, поздним сознанием загубленной жизни своей; что свидание с членами “ревизионной комиссии” лишь подлило масло в огонь и привело к дерзкому решению использовать царский приезд в Киев и поставить карту “ва-банк” на жизнь свою и Столыпина..., войдя в определенных целях [в контакт] с фон Коттенем уже после свидания со мною, он ничего компрометирующего меня, кроме “безделиц”, не сообщал. Для меня несомненно, что Дмитрий Богров переживал свой страшный “психологический момент”, который был для него мучительнее, чем у Петрова, ибо Петров, открывшись товарищам, шел на борьбу и смерть с радостью, тогда как Богров затаил свое преступление в глубине души: он не признался передо мной и, таким образом, не облегчил тяжести своего мучительного настроения...Богров, сидевший изолированно в тюрьме, собственной душой своей пытался облегчить свое настроение, став под защиту партии, решив своим поведением и смертью искупить свое преступление. Но, будучи морально запачкан, он не хотел сказать мне всей правды, основательно предполагая, что мой отрицательный ответ был бы более решителен. И Богрову пришлось смертью умереть, героической смертью, изолированным и непонятым»⁵⁶. В мемуарах Е.Е. Лазарева имеется и весьма любопытное свидетельство о национальном

⁵⁶ Лазарев Е.Е. Дмитрий Богров и убийство Столыпина // Воля России. Прага, 1926. № 8–9. С. 63–65.

факторе как доминирующем мотиве теракта Д.Г. Богрова. Своему собеседнику он приписывал следующее признание: «Я – еврей и позвольте вам напомнить, что мы и до сих пор живем под господством черносотенных вождей. Евреи никогда не забудут Крушеванов, Дубровиных, Пуришкевичей и тому подобных злодеев. А Герценштейн? А где Иоллос? Где сотни и тысячи растерзанных евреев, мужчин, женщин и детей с распоротыми животами, с отрезанными носами и ушами? Если в массах и выступают иногда активно против таких злодеяний, то расплачиваться в таких случаях приходится “стрелочникам”, главные же виновники остаются безнаказанными. Указывать массам действительных виновников лежит на обязанности социалистических партий и на интеллигенции вообще. Вы знаете, что властным руководителем идущей теперь реакции является Столыпин. Я прихожу к вам и говорю, что я решил устранить его, а вы мне советуете вместо этого заняться культурной адвокатской деятельностью»⁵⁷.

К двадцатилетию киевского теракта в Берлине была опубликована книга В.Г. Богрова, родного брата убийцы премьера, составленная на основе копий следственных дел, снятых им в 1918 г. в Комиссариате публичного обвинения в Историческом музее Москвы. На настоящее время просмотренные автором дела рассредоточены по разным архивам России и ближнего зарубежья. В.Г. Богров призывал исследователей киевского инцидента отречься как от точки зрения «буржуазной морали», так и от «партийной этики». Для анархистов же, в отличие, к примеру, от эсеров, использование этически непривлекательных средств, каковой являлось, в частности, поступление на службу в охранку, оправдывалось высшей революционной целесообразностью. «Именно этот путь, а не какой-либо иной, – утверждал автор, – дал ему возможность достигнуть того, что являлось целью его жизни и революционной работы»⁵⁸. Д.Г. Богров «в конце кон-

⁵⁷ Там же. С. 51.

⁵⁸ Богров В.Г. Дм. Богров и убийство Столыпина: Разоблачение действительных и мнимых тайн. Берлин, 1931. С. 57.

цов... осуществил давно задуманный план совершенно один и не вовлек в свое дело невинной жертвы»⁵⁹. Террорист, согласно выдвинутой интерпретации, использовал охранное отделение для успешного осуществления задуманного теракта.

Следует отметить, что В.Г. Богров указал на действительно весьма важную для историографии и понимания природы современного терроризма проблему. Этика террористических групп, несмотря на универсальные черты, не есть явление гомогенное. В рамках единой революционной семиосферы России существенно варьировались между собой этические императивы эсеровских, большевистских, максималистских и анархистских боевиков. Впрочем, вопреки утверждению В.Г. Богрова о том, что сведения, предоставляемые его братом охранке не приносили реального ущерба революционерам, опровергаются рядом документов. Именно на основании сведений Д.Г. Богрова о деятельности анархистской организации полиция в 1907 г. осуществила серию арестов.

За кулисой теракта 1 сентября, предполагал В.В. Шульгин, мог находиться Григорий Распутин, ненавидевший премьера. Старец жаждал мести за свое изгнание из Петербурга. Его пророчество смерти П.А. Столыпина было не столько предсказанием, сколько осведомленностью⁶⁰. По другой распространенной в эмигрантских кругах версии, теракт мог быть инициирован С.Ю. Витте. По свидетельству Арона Симановича, весной 1911 г. состоялась организованная им встреча С.Ю. Витте и Г.Е. Распутина. Секретарь старца сообщал, что С.Ю. Витте намеревался при помощи того вновь занять руководящий пост в государстве. Но для реализации этого замысла имелось существенное препятствие в лице действующего премьера⁶¹.

⁵⁹ Там же. С. 110.

⁶⁰ См.: Шульгин В.В. Дни. Л., 1925. С. 75–76.

⁶¹ См.: Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин: Жизнь за Отечество: Жизнеописание (1862–1911). Саратов, 2002. С. 382.

В рамках конспирологической интерпретации особой популярностью пользовалась ссылка на сообщение Киевского генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова, сделанное уже после похорон премьера. Согласно ему в день осуществления теракта Д.Г. Богров обедал в ресторане «Метрополь», находящийся напротив здания драматического театра, не с кем иным, как с Л.Д. Троцким. Используя данный аргумент Н.Ю. Пушкарский со страниц эмигрантской газеты «Русская жизнь» отстаивал версию о масонской подоплеке теракта 1 сентября. «Не в этой ли организации русских масонов, — спрашивал он, — надо искать тех, кто стоял за спиной Дм. Богрова? Не принадлежал ли к русским масонам подполковник жандармского управления Кулябко, допустивший присутствие агента-осведомителя Дм. Богрова на парадном спектакле в присутствии Государя Императора? Не принадлежал ли к русским масонам жандармский полковник Иванов, производивший допрос Дм. Богрова после совершения им убийства и заявивший, что “Дм. Богров — один из самых замечательных людей, которых я встречал”»⁶². Распространению конспирологических ассоциаций не в последнюю очередь способствовали подозрительные обстоятельства следствия по делу Д.Г. Богрова. Вынесение смертного приговора и казнь террориста осуществились в поразительно быстрые для столь запутанного дела сроки. Уже 12 сентября приговор был приведен в исполнение. Примечательно, что и близкие Д.Г. Богрова, и родственники П.А. Столыпина призывали в целях выяснения истины с казнью не спешить. По-видимому, кто-то боялся так и не прозвучавшего богровского признания. В последние часы жизни Д.Г. Богров пожелал открыть некую тайну раввину. Но в просьбе на аудиенцию раввина ему было отказано.

Прерванную войной и послевоенными катаклизмами «эпохи ди-пи» дискуссию о теракте 1 сентября возобновил Г.Я. Аронсон. Свои взгляды на обстоятельства убийства П.А. Столыпина он первоначально изложил в га-

⁶² Пушкарский Н.Ю. Кто стоял за спиной убийцы Столыпина // Рус-

зете «Новое русское слово», а затем – опубликовав книгу исторических этюдов «Россия накануне революции». Согласно версии Г.Я. Аронсона, мотивом убийства премьер-министра стало для Д.Г. Богрова тяжелое раскаяние за его сотрудничество с охранкой. Являясь агентом охранных отделений, он, как утверждал автор, предоставлял полиции сведения на соратников по партии – максималистов и анархистов, но затем решил искупить свое позорное прошлое⁶³.

Однако Г.Я. Аронсона фактически сразу же поправила газета «Наша страна». Впрочем, поправка относилась не к общей аронсоновской концепции, а к определению партийной принадлежности Д.Г. Богрова. Автор публикации Лунин утверждал, что на момент совершения теракта тот не состоял и ни в максималистской, и ни в анархистской организации, а являлся членом партии социалистов-революционеров. Г.Я. Аронсону как бывшему эсеру приписывалось намерение снять со своей партии ответственность за убийство великого государственного человека⁶⁴.

Партийная принадлежность Д.Г. Богрова до сих пор является дискуссионным вопросом. Маловероятно, чтобы он состоял в ПСР, иначе бы эсеры, крайне негативно относящиеся к П.А. Столыпину и сами готовившие на него покушение, по-видимому, как и в других подобных случаях, взяли бы на себя ответственность за теракт.

А вот А.И. Солженицын выводил мотивы покушения Д.Г. Богрова на жизнь П.А. Столыпина даже не из чувства национальной мести, а объяснял их рациональным стремлением защитить интересы евреев от угрожавшей им перспективы построения «Великой России». Логику рассуждений Д.Г. Богрова писатель моделировал следующим образом: «Столыпин ничего не

ская жизнь. Сан-Франциско, 1961. 29 августа.

⁶³ См.: Аронсон Г.Я. Загадка убийства Столыпина // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1956. 30 октября; 5, 12 ноября; Аронсон Г.Я. Загадки убийства П.А. Столыпина // Аронсон Г.Я. Россия накануне революции. Исторические этюды. Б.м., 1962. С. 3–23.

сделал прямо против евреев и даже провел некоторые помягчения, но все это – не от сердца. Врага евреев надо уметь рассмотреть глубже, чем на поверхности. Он слишком назойливо, открыто, вызывающе выставляет русские национальные интересы, русское представительство в Думе, русское государство. Он строит не всеобщее-свободную страну, но – национальную монархию. Так еврейское будущее в России зависит не от дружественной воли, столыпинское развитие не обещает расцвета евреям»⁶⁵. Если отстраниться от антисемитского вектора рассуждений А.И. Солженицына, следует признать версию о национальной мотивации теракта заслуживающей внимания. Контекстом убийства П.А. Столыпина являлось проводимое в Киеве «дело Бейлиса», на которое Д.Г. Богров как еврей не мог не реагировать.

Впрочем, после ознакомления с документальными и мемуарными источниками, Александр Исаевич стал склоняться к версии «заговора охранки». Наибольшую ответственность за убийство премьера он возлагал на начальника Киевского охранного отделения Н.Н. Кулябко. Теракт, по его мнению, предопределила семиосфера антипатии, сложившаяся вокруг П.А. Столыпина вследствие негативного отношения к нему царя и царицы⁶⁶.

В эмигрантской литературе предпринимались попытки выявить глубинные культурологические истоки революционного терроризма. М.С. Агурский высказал предположение, что радикальные направления русского революционного движения связаны с маргинальными религиозными течениями – хасидизмом, нетовщиной и т.п. Проблема терроризма, таким образом, разрешалась им на уровне религиозных разногласий. Очевидно, что парадигма конфессионального (в частности, исламского) терроризма экстраполировалась им на принципиально иную в ментальном отношении ре-

⁶⁴ См.: Наша страна. 1957. 21 марта.

⁶⁵ Солженицын А.И. Красное колесо: Узел I. Август четырнадцатого. Париж, 1983. Ч. 2. С. 126.

⁶⁶ См.: Солженицын А.И. Столыпин и царь. М., 2001. С. 02.

волюционную семиосферу. Хотя, действительно, среди профессиональных террористов было довольно много людей истово верующих⁶⁷.

Канонизированные в соответствии с революционной традицией образы героев-террористов подвергались в эмигрантской печати десакрализации. Так, заключение немецких психиатров о тяжелой форме психиатрического недуга у Камо, включая невосприимчивость его к боли, расценивалось как точный диагноз. В то же время в советской историографии утверждалось, что революционер, обладавший железной силой воли, смог ввести врачей в заблуждение. В диссонансе с последней из интерпретаций находятся факты покушения Камо на самоубийство во время осуществления медицинского обследования.

Согласно гипотезе Е. Брейтберт, «эсеровская богородица» Мария Спиридонова пошла на убийство главного советника томского губернатора Гаврилу Луженовского отнюдь не из-за желания отомстить тому за жестокое обращение с крестьянами, а по личным мотивам. Только затем по совету либерального адвоката она объяснила свои действия, исходя из революционных соображений, и сразу же оказалась переквалифицирована из уголовной преступницы в политическую⁶⁸. Революционная террористическая фразеология, таким образом, оказывалась ширмой для тривиальной уголовщины.

В противовес советской историографии в эмигрантской литературе террористическое прошлое И.В. Сталина являлось одним из излюбленных сюжетов. Б.Суворин даже утверждал о принятии областным съездом закавказских социал-демократических организаций решения исключить будущего вождя из партии за причастность того к тифлисской экспроприации⁶⁹.

⁶⁷ См.: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1979.

⁶⁸ См.: Бретбарт Е. «Окрасился месяц багрянцем...», или Подвиг советского террора // Континент. 1981. № 28. С. 321–342.

⁶⁹ См.: Souvarine B. Stalin (A Critical Study of Bolshevism). New York, 1939. P. 99–100.

В целом для историографии «третьей волны» русской эмиграции тема революционного терроризма перестала быть столь же животрепещущей как для двух предыдущих поколений исследователей. Уходили из жизни люди, воспринимавшие перипетии революционной борьбы в качестве личной драмы. После падения «железного занавеса» творчество историков, исследовавших проблемы революционного терроризма и писавших на русском языке, осуществлялось в рамках единого отечественного историографического процесса.

3.2. Основные направления исследований российского революционного терроризма в западной историографии

Интерес к российскому политическому терроризму на Западе был обусловлен волной террористических актов, захлестнувших западное общество. Для Советского Союза, огражденного от ударов международного терроризма, проблемы истории экстремистских организаций не являлись столь же актуальными. Поэтому применительно к практическим выводам в отношении современно терроризма, при некоторой отстраненности советских историков, работы западных исследователей по проблемам изучения российского политического экстремизма начала XX в. приобретают особый интерес. Многие концептуальные положения западных авторов оказались без существенной коррекции заимствованы отечественной историографией в постсоветский период.

По оценке А. Гейфман, западная историография, так же, как и советская, обошла тему индивидуального политического террора в России начала XX в. молчанием. Ученые на Западе, утверждала американская исследовательница, смотрели на террористическую деятельность эсеров и анархистов глазами большевиков. Впрочем, такого рода заявления выполняли, по видимому, в большей степени роль анонсирования собственной «деболь-

шевизированной» монографии, нежели констатации реальной историографической ситуации⁷⁰.

Тема террора, хотя и опосредованного, была довольно широко представлена в работах, посвященных революции 1905–1907 гг.⁷¹

Можно ли согласиться с мнением об игнорировании научной общественностью Запада темы российского терроризма, если она даже стала предметом диссертационного исследования в Мичиганском университете США? Стоит отметить, что в то же время в Советском Союзе защит диссертаций по проблемам террористического направления в революционном движении начала XX в. не проводилось. Впрочем, автора защищенной в 1976 г. диссертации американского историка Дж. Ф. Макдэниэла можно упрекнуть в смешении эпох, недостаточной обоснованности хронологических рамок. Единую террористическую линию он проводил от 1878 до 1938 г. Автора, по-видимому, ввели в заблуждение материалы советской печати о террористических диверсиях в СССР⁷².

Особый смысл для исследования деятельности российских революционных террористических организаций имела дискуссия о датировке происхождения самого феномена терроризма. У. Лакер представлял точку зрения, что терроризм эквивалентен любому политическому убийству, а потому возможно говорить о его существовании уже применительно к античной эпохе⁷³. Впрочем, оговаривался американский исследователь, «кон-

⁷⁰ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 14.

⁷¹ См.: Harcave S. *First Blood: The Russian Revolution of 1905*, New York, 1964; Bushnell J. *Mutineers and Revolutionaries: Military Revolution in Russia, 1905-1907*. Bloomington. Indiana, 1985; Sablinsky W. *The Road to Bloody Sunday*. Princeton, New-Dgersi, 1976; Galai S. *Liberation Movement in Russia 1900-1905*. Cambridge, 1973; Ascher A. *The Revolution of 1905: Russia in Disarray*. Stanford, 1988.

⁷² См.: Me Daniel J.F. *Political Assassination and Mass Execution: Terrorism in Revolutionary Russia, 1878–1938*. Michigan U., 1976.

⁷³ См.: *The Terrorism Reader: A Historical Anthology*. E.J. by W. Laqueur.

цепция систематического террора и его использования в революционной стратегии впервые появилась между 1869 и 1881 годами в сочинениях русских революционеров»⁷⁴. Нижняя из указанных хронологических границ совпадала с появлением «Катехизиса революционера» С.Г. Нечаева, верхняя – с народовольческими программными документами.

Итальянский историк М. Ферро относил возникновение терроризма к средним векам. Его генезис он связывал с специфической исламской традицией Хошашии XI – XII вв.⁷⁵

Возникновение феномена терроризма Н. Нэймарк соотносил со временем перехода к «идеологическому обществу» нового времени. Терроризм, справедливо полагал американский историк, всегда идеологичен. Непосредственно его оформление в качестве особого направления общественного движения Н. Нэймарк относил ко времени постнаполеоновской реставрации⁷⁶.

Особо широкое распространение приобрела датировка генезиса терроризма периодом конца XIX–начала XX в. Активными приверженцами такого подхода выступали, в частности, З. Ивиански⁷⁷ и Р. Фредландер⁷⁸. В качестве парадигмы террористической борьбы определялось зарождение элементов «информационного общества». Организация теракта всегда сориентирована на его информационное освещение, а соответственно на ту или иную форму воздействия на общественное сознание. Изобретение телеграфа оценивается важнейшим фактором в становлении террористиче-

London, 1979. P. 1–2.

⁷⁴ *Op. cit.* P. 48.

⁷⁵ См.: Ферро М. Терроризм // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 313.

⁷⁶ См.: Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence. Vol. 2. № 2. Summer 1990. P. 171.

⁷⁷ См.: Iviansky Z. Individual Terror: Concept and Typology // Journal of Contemporary History. 1977. January. Vol. 12. № 1. P. 43.

⁷⁸ См.: Frenlander R. The Origins of International Terrorism // Terrorism: Interdisciplinary Perspectives. N.Y., 1977. P. 34–35.

ских организаций. Естественным практическим выводом из этой гипотезы для предотвращения террористической деятельности, до которого, впрочем, не договорились западные исследователи, является создание вакуума информации вокруг совершенного теракта. Поскольку данное логическое следствие бросает тень на сами принципы гражданского открытого общества, концепция оказалась незавершенной. Но именно при последней из представленных датировок особо актуализировалась российская составляющая генезиса терроризма.

Уже на стадии формирования терроризма З. Ивиански выделяет в нем три основные направления, каждое из которых было представлено собственной идеологией и приемами осуществления. Главными очагами распространения террористической борьбы, соотносящимися с предложенной автором типологией, стали: 1. Европа и США; 2. Россия; 3. Ирландия, Польша, Балканы, Индия. Первый тип терроризма ассоциировался с анархизмом, второй – с социальной революцией, третий – с движением за национальное освобождение. Таким образом, социально-революционное направление в терроризме имело, по интерпретации З. Ивиански, российское происхождение. Впрочем, оговаривался он, в начале XX в. в Российской Империи получил распространение и терроризм двух других типов. Национально-освободительное направление террористической деятельности было характерно для окраин Российской Империи, в частности территории Польши, Армении и, в несколько меньшей степени, Финляндии⁷⁹.

В отличие от советской историографической традиции, западные историки не дифференцировали народовольческий и неонароднический террор. Они рассматривали их как явления по существу своему однопорядковые.

⁷⁹ См.: Iviansky Z. Individual Terror. P. 43, 50.

Наследниками «Народной воли» определяли революционных террористов начала XX в. Б. Адама, Ф. Вентури, А. фон Борке и др.⁸⁰ Н. Нэймарк пытался даже доказать факт организационного преемства между террористами народовольческой и эсеровской генераций. В своем исследовании он акцентировал внимание на идеологии и деятельности террористических групп периода правления Александра III. Находясь между двух волн революционного террора, этот период, как правило, оказывался вне хронологических рамок соответствующих исследований. По мнению Н. Нэймарка, к середине 1890-х годов начался процесс партийной консолидации различных террористических групп революционного подполья⁸¹.

Россия часто именовалась западными авторами «родиной террора», а «Народная воля» – первой террористической организацией. В действительности российский индивидуальный политический террор конца XIX–начала XX в. осуществлялся в контексте мирового террористического синдрома. Народовольцы отнюдь не являлись изобретателями террористической тактики, используемой теми или иными организациями едва ли не на всем протяжении политической истории. Афоризм о России как родине террора соотносится с устойчивой идеомой западной историографии об имманентном российском тоталитаризме. Проводилась мысль о том, что революционный терроризм как нецивилизованный метод разрешения политических противоречий посредством насилия генетически связан с тоталитарными режимами. Россия, при такой интерпретации, несла ответственность перед мировым сообществом за заражение его вирусами террора.

⁸⁰ См.: Adam B. Ulam, *In the Name of the People, Prophets and Conspirators in Prerevolutionary Russia*. N.Y., 1977; Venturi F. *Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movement in Nineteenth-Century Russia*. N.Y., 1970; Borcke A. *Violence and Terror in Russian Revolutionary Populism: The Narodnaya Volya, 1879–1883* // Wolfgang J. Mommsen and Gerhard Hirschfeld, eds., *Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth-and Twentieth – Century Europe*. N.Y., 1982. P. 48–62.

⁸¹ См.: Naimark N.M. *Terrorists and Social Democrats. The Russian Revolutionary Movement under Alexander III*. Cambridge, 1983.

Попытка дистанцироваться от тактических принципов «Народной воли» при утверждении, что не несколько бомб, не кружок конспираторов, а только политическая партия (под которой понималась социал-революционная партия народного права) сможет уничтожить самодержавие, осталась лишь декларацией о намерениях. Созданная в конечном итоге партия социалистов-революционеров придерживалась прежней народо-вольческой тактики индивидуального террора⁸².

В западной историографии российского революционного терроризма доминировала теория «двух зол». Политическая трагедия России виделась в столкновении радикальных и авторитарных по своей сути сил – самодержавного режима и революционного подполья. Ни к одному из них западные историки симпатий не испытывали. Следствием имманентных качеств обеих сил и стало применение политического насилия в виде государственного террора и революционного терроризма. Либерализм же оказался невостребованным российским обществом ввиду отсутствия гражданского правосознания и доминации правового нигилизма.

Революционный терроризм, в оценках западных исследователей, коррелировался с правительственным шовинизмом. Смерть К. Ф. Плеве и вел. кн. Сергея Александровича, по мнению Л. Прайсмана, была расплатой за санкционирование ими еврейских погромов⁸³. После убийства министра внутренних дел лидеры эсеров подчеркивали: «Это за Кишинев!».

Хрестоматийным в западной историографии стало мнение, что революционный терроризм в России является следствием бесправия и беззакония. На культурологический аспект российский террористической традиции обратил внимание Дж. Билингтон в книге с характерным дихотомиче-

⁸² См.: Naimark N.M. Terrorists and Social Democrats. P. 237.

⁸³ См.: Прайсман Л. Феномен Азефа // Индивидуальный политический террор в России. XIX– начала XX в. М., 1996. С. 68–69.

ским названием «Икона и топор». Терроризм рассматривался им как крайний угольный компонент русской интеллигентской рефлексии⁸⁴.

Одной из дискуссионных проблем стал вопрос об оправданности актуализации изучения истории российских террористических организаций начала XX в. применительно к контексту международного терроризма современного мира. В этой дискуссии преломлялась общая историографическая полемика об универсальности и специфичности в истории. Сторонником мнения о сущностной идентичности террористических актов в начале и конце XX столетия выступал американский историк Н. Нэймарк. «Как современники и свидетели террористических актов во всех уголках мира, – писал исследователь, – мы можем оценить гипнотизирующее воздействие терроризма на российское государство. Структура террористических нападений, реакция публики и властей и типология поведения преступников не изменились сколь-нибудь существенно»⁸⁵. Противоположной позиции придерживался У. Лакер, отстаивавший тезис о культурно-исторической поливариантности терроризма «Никого не должен сдерживать тот факт, – пояснял он, – что не существует «общей научной теории» терроризма. Общая теория a priori невозможна, потому что у этого феномена чересчур много различных причин и проявлений»⁸⁶.

Возможность проведения интенсивной исследовательской работы по изучению истории российского революционного терроризма была обусловлена наличием в Европе и США соответствующих архивных фондов. В Гуверовском институте в Стэнфорде базируются Архив заграничной агентуры Департамента полиции и коллекции Б.И. Николаевского, в Международном институте социальной истории – архив ПСР. Так что в источ-

⁸⁴ См.: Bilington J.H. *The Icon and Axe: An Interpretative History of Russian Culture*. N.Y., 1967.

⁸⁵ Naimark N. *Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence*. Vol. 2. № 2. Summer 1990. P. 172.

⁸⁶ *The Terrorism Reader A Historical Anthology // Ed. By W. Laqueur*. Philadelphia, 1983. P. 183.

никоведческом отношении труды отечественных и зарубежных историков могли бы дополнить друг друга.

На Западе преобладало психологическое объяснение генезиса террористической деятельности. Выдвигался тезис о том, что в террористы идут люди особого психологического типа, с повышенной раздражимостью и гипертрофированным самомнением. В террористических организациях, в частности в боевых группах российских революционеров, обнаруживалось значительное число лиц с нарцисстическими и пограничными отклонениями. Целью исследований терроризма в таком случае становилось выявление патологий⁸⁷. Методология психосемантического анализа истории террористических организаций в конце 1980–начале 1990-х годов была заимствована и отечественными исследователями.

Тема суицидальной парадигмы русского терроризма стала на Западе своеобразным историографическим клише. У. Лакер писал об особой «мистике смерти» в террористической семиосфере⁸⁸. Э. Найт отмечала, что «склонность к самоубийству была частью менталитета террористов, поскольку террористический акт часто был и актом самоубийства»⁸⁹. «Террор, – продолжала она, – становился их целью, их способом существования. Далекие политические и социальные цели отодвигались на задний план необходимостью участвовать в боевых акциях»⁹⁰. В Гарвардском университете был даже подготовлен сборник трудов, посвященной проблеме самоубийств в русской революционной семиосфере⁹¹. Э. Найт иллюстрирует суицидальную патологию терроризма посредством реконструкции

⁸⁷ См.: Post J.M. Terrorist Psycho-Logic: Terrorist Behavior As a Product of Psychological Forces // *Origins of Terrorism*. Cambridge, 1990. P. 27–28, 31; Laqueur W. *Terrorism*. Boston-Toronto. P. 119.

⁸⁸ Laqueur W. *Terrorism*. Boston-Toronto, 1977. P. 127.

⁸⁹ Knight A. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party // *Russian Review*. 1979. April. № 38(2). P. 150.

⁹⁰ *Op. cit.* P. 152.

⁹¹ См.: *Russian Intellectual Perceptions of Suicide, 1900–1904*. Garvard U., 1988.

психического состояния и ценностных ориентаций эсеровских террористок Зинаиды Коноплянниковой, Марии Школьник, Евстилии Rogozниковой, Марии Селюк, Фрумы Фрумкиной, Татьяны Леонтьевой, Софьи Хренковой и др. У всех них автор обнаруживает симптомы тяжелых психических недугов, сублимировавшихся в предрасположенность к суициду. С точки зрения А. Мерари, суицидальные мотивы являются не русской революционной спецификой, но универсальным феноменом при осмыслении природы международного терроризма. Террористы всех стран и народов не только были готовы умереть, а страстно желали этого⁹².

Эсерка Ф.Фрумкина признавалась: «Меня всегда привлекала мысль о совершении террористического акта. Я думала и думаю до сих пор только об этом, желала и желаю только этого. Я не могу себя контролировать»⁹³. Когда руководство ПСР, усомнившись в ее психологической устойчивости, запретило совершение терактов, она решила действовать самостоятельно, придумывая вооруженные нападения, и даже пытаясь их осуществить в тюремном заключении. Участница эсеровских заговоров по убийству царя и генерала Д.Ф. Трепова боевик Татьяна Леонтьева, несмотря на тяжесть обвинений, была вскоре после ареста выпущена под опеку родителей, поскольку проявляла «серьезные признаки душевной болезни». Родители же сочли необходимым отправить ее в психиатрическую лечебницу в Швейцарию. Но там она вступила в группу максималистов и в состоянии умопомрачения, приняв семидесятилетнего рантье из Парижа за министра внутренних дел П. Дурново, убивает его выстрелом из браунинга⁹⁴.

К психиатру обращался культовый герой подпольной семиосферы, убийца Великого князя Сергея Александровича Иван Каляев, ибо товарищи по партии высказывали серьезные сомнения по поводу его нормальности —

⁹² Mereri A. The Readiness to Kill and Die: Suicidal Terrorism in the Middle East // *Origins of Terrorism*. W. Reich, ed. Cambridge, 1990. P. 193.

⁹³ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 236.

⁹⁴ См.: Там же. С. 237.

в буквальном смысле этого слова⁹⁵. Несмотря на легенду большевиков, что Камо притворялся сумасшедшим, дабы избежать осуждения, есть все основания считать его действительно душевнобольным. Постоянные избиения в детстве со стороны отчима привели к развитию психических комплексов. Даже среди экспроприаторов Камо отличался крайней неуравновешенностью и импульсивностью. Он и прежде являлся постоянным клиентом психиатрических клиник⁹⁶.

По словам исследовательницы Э. Найт, «склонность к самоубийству была частью менталитета террористов, поскольку террористический акт часто был и актом самоубийства»⁹⁷. Террористы не только готовы были умереть, но и желали этого. Член Северного летучего боевого отряда ПСР Евстилия Рогозинникова отправлялась для совершения убийства начальника Петербургского тюремного управления А.М. Максимовского, будучи обвешанной тринадцатью фунтами нитроглицерина вместе со взрывным устройством, что хватило бы для уничтожения всего здания. Застрелившая генерала, но не успевшая использовать взрывчатку, на суде она казалась совершенно безумной и прерывала свое молчание лишь истерическим хохотом.⁹⁸ Многие из экстремистов убивали себя, дабы не попасть в руки властей. Другие выражали явную радость при вынесении ими судом смертного приговора. Убившая генерала Г. Мина эсеровская террористка Зинаида Конопляникова, по словам свидетеля казни, так сильно желала умереть, что шла на смерть, как на праздник⁹⁹.

⁹⁵ См.: Е. Сезонов, И.П. Каляев: из воспоминаний // Памяти Каляева. М., 1918. С. 12.

⁹⁶ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 233.

⁹⁷ Knight A/ Female Terrorists in the Russian Socialists Revolutionary Party // The Russian Review. 1979. № 38. P. 150.

⁹⁸ См.: Курлов Г.П. Гибель императорской России. М., 1991. С. 90–91.

⁹⁹ См.: Knight A. Op cit. P. 150.

Другая американская исследовательница А. Шур утверждала, что движущими мотивами деятельности российских террористок являлись умственные расстройства и суицидальная патология¹⁰⁰.

Таким образом, угроза физической расправы с боевиками оказывается сама по себе малоэффективным приемом борьбы с ними. Террористы всегда готовы к такому исходу, а зачастую и желают его. Испугает ли шахида электрический стул, если он и сам приговорил себя к смерти. Угроза репрессий должна, по-видимому, подразумевать не самих террористов, а близких к ним лиц. Одно дело, когда боевик распоряжается собственной жизнью, и совсем другое, когда обрекает на смерть своих родственников или товарищей. Самодержавие в XX в. с успехом сдерживало терроризм в колонизируемых азиатских регионах, широко используя практику заложничества. Но варварские методы не могли быть применены по отношению к собственной интеллигенции.

Революционное сознание являлось сублимацией психологических комплексов, а потому преодолеть его было возможно не полицейской методой подавления, к которой безуспешно прибегало правительство, а семиотическим воздействием на подсознательную сферу. Даже Вера Фигнер констатировала связь между революционным террором и слабой организацией нервной системы его адептов¹⁰¹. Довольно значительное представительство в революционном подполье было лиц с половой аномалией. То, что известная во всероссийском масштабе террористка и глава банды Маруся Никифорова являлась гермафродитом, не могло не сказаться на революционаризации ее сознания. Обращает на себя внимание едва ли не преобладающее представительство в русском терроризме женщин, что объяснимо их большей склонностью к экзальтации.

¹⁰⁰ Шур А. У террора женское лицо? // Родина. 1998. № 3.

¹⁰¹ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 232.

Трансформация экзальтированности подпольного человека в манию преследования иллюстрирует эпизод с эсеркой Марией Селюк, подготавливаемой к покушению на Плеве. Ожидание момента теракта привело ее к полной потере душевного равновесия. Боязнь полицейской слежки переросла у нее в тяжелую форму паранойи, и она видела агентов даже в детях на улице. В конце концов Селюк заперлась у себя в квартире, но, не выдержав самозаключения, впала в панику и сдалась полиции¹⁰². Другой представитель подполья неизменно носил темные очки, объясняя это тем, что иначе «по выражению лица, могут угадать его революционные мысли». Причем следили за ним, как он считал, не рядовые шпионы, а лично С.Ю. Витте и министр внутренних дел П.Н. Дурново. Интересно, что в оценках окружающих его по революционному подполью он представлялся совершенно нормальным¹⁰³. Даже такого опытного террориста, как Б.В. Савинков, после убийства губернатора, постоянно преследуют видения, что губернатор все еще жив. Его требуется убивать вновь и вновь, бесконечно пребывая в состоянии борьбы с самовосстанавливающейся системой. И оказавшиеся у власти бывшие подпольщики так и не смогли изжить шпиономании, о чем свидетельствует их самоистребление в партийных чистках.

Многими из революционеров двигало тривиальное чувство мести, которое переносилось с непосредственного обидчика на целый класс или даже государство. О мотиве мести за брата при вступлении в революцию молодого Владимира Ульянова писалось довольно часто. Многие террористы – выходцы из еврейской среды – объясняли свое участие в терроре мезтью за кишиневские погромы. «Я жажду мести, – писал один из эсеров. – Я готов на террор из личной мести. Я хочу убивать этих клопов, чтобы показать им их ничтожество и трусость. Если бы ты только знал, как они издевались на-

¹⁰² См.: Там же. С. 235–236.

¹⁰³ См.: Рыбаков Ф.Е. Душевные расстройства в связи с современными политическими событиями // Русский врач. 1906. № 3. С. 65–66.

до мной и как мое самолюбие страдало. Я против террора, но одного мерзавца я решил убить, и убью»¹⁰⁴.

Террор при отсутствии квалифицированных реабилитационных средств являлся психотерапевтическим механизмом преодоления комплекса неполноценности. Так, не проявившая себя, несмотря на все старания, в «мирной» революционной работе эсерка Лидия Езерская решает убить могилевского губернатора Клингенберга для оправдания своего существования¹⁰⁵. Согласно мнению Э. Найт, причины, приведшие известную эсерку Фруму Фрумкину к террористической деятельности, проистекали из комплекса неполноценности и стремления самоутвердиться как личности¹⁰⁶.

У многих представителей революционного подполья проявлялись симптомы клептомании. Члены организации анархистов обвинялись не только в хищениях денег из партийной кассы, но и персонально у своих соратников. Процветало мелкое воровство. Причем незначительность украденного приводила к предположению о склонности к маниакальным недугам. Подобного рода революционеров эффективнее было бы лечить, нежели наказывать¹⁰⁷.

Другим психиатрическим мотивом революционного подполья являлась патологическая жестокость. Радикально настроенные киевские железнодорожные рабочие бросали бывших своих товарищей, уличенных в провокаторстве, в баки с кипящей водой. Прибалтийские революционеры в 1905г. уродовали даже тела жертв и на трупах убитых ими российских военных вырезали ругательства. Повсеместно революционными радикалами апробировались изощренные пытки политических противников. В качестве символического жеста у полицейских агентов вырезались языки. Предста-

¹⁰⁴ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 218.

¹⁰⁵ Там же. С. 218–219.

¹⁰⁶ Knight A. *Op cit.* P. 153.

¹⁰⁷ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 223.

вители Польской социалистической партии по заранее разработанному плану отрезали заподозренному в провокаторстве товарищу нос и уши, после чего труп разрубили на куски и спрятали в сундук, где он и был найден властями. Стоит ли удивляться садистской жестокости тех же людей в гражданскую войну и в период сталинских репрессий¹⁰⁸.

Пьянство, наркотики, разврат также входили в нормативную семиосферу контркультуры подполья. По воспоминаниям одного из революционеров, каторжная жизнь в Якутске состояла из сплошного пьянства. Так, во время попойки пятнадцати радикалов, продолжавшейся весь день, один из ссыльных умер от алкогольного отравления. Когда же приехал врач, он увидел, что один из политических лежит без сознания рядом с трупом, другой пытается заставить своего мертвого товарища выпить еще стакан, а остальные продолжают возлияние¹⁰⁹. Удивительно то, что в российских тюрьмах начала XX в. политические вели себя более экспрессивно, чем уголовники, и, как правило, побеждали тех в стычках. По разгулу пьяных дебошей и легкости в совершении убийств уголовники также оказались потеснены политическими.

Традиционный механизм тюремного заключения вел не к исправлению, а лишь к рецидиву. Пенитенциарная система царской России сохраняла у введенных в нее маргиналов изоляцию от внешнего мира и двухмерное, биполярное мышление. Поэтому в тюрьмах динамика самоубийств еще более возрастала. Многие политические переводились из мест заключения в психиатрические лечебницы. По признанию сокамерников, они боялись спать в присутствии своих душевнобольных товарищей из опасения, что те впадут ночью в буйство и набросятся с ножом на спящего соседа. Самоубийство совершила, к примеру, член Боевой организации ПСР Софья Хренкова, несмотря на то, что являлась матерью троих детей. Даже

¹⁰⁸ См.: Там же. С. 238–239.

¹⁰⁹ См.: Там же. С. 229–230.

характеризовавшийся железной волей Г.А. Гершуни, пытался во время заключения наложить на себя руки¹¹⁰.

Несмотря на преобладание в западной историографии психолого-семантической интерпретации генезиса терроризма, его объяснение через призму социологических факторов также находило много сторонников. Так, М. Перри определяла социальную базу террористических организаций в России начала XX в. состоящей из неадаптированных к условиям городской жизни рабочих масс. Вырванные из контекста традиционного уклада, бывшие крестьяне с трудом переносили тяготы жизни в городах. По подсчетам М. Перри, не менее 50% организованных эсерами террористических актов было совершено рабочими¹¹¹. В этом отношении российский революционный терроризм начала XX в. принципиально отличался от интеллигентского по своей социальной подоплеке терроризма народовольцев. Теория о терроризме как реакции на процесс урбанизации нуждается в дальнейшей разработке.

Как в советской, так и в зарубежной историографии утвердилось мнение о том, что революционные террористические организации в России кооптировались преимущественно из интеллигенции. Хотя М. Перри и продемонстрировала динамику роста представительства рабочих среди боевиков, эти изменения, согласно ей, так и не привели к социальной трансформации. Особое внимание британский историк, в сравнении с другими авторами, уделяла практике экспроприаций. В этой связи не случаен ее интерес к партии социалистов-революционеров максималистов. По мнению М. Перри, максималистский терроризм соответствовал умонастроениям люмпенизированных слоев российского города периода урбанизации.

¹¹⁰ См.: Там же. С. 237–238.

¹¹¹ Perrie M. Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist Revolutionary Party before 1914 // Mommsen and Hirschfeld, Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth and Twentieth Century Europe. New-York, 1982. P. 68.

Практика фабричного терроризма, полагала английская исследовательница, превалировала у максималистов над аграрным терроризмом¹¹².

При отсутствии столь же определенно выраженной методологии классового анализа и соответствующего понятийного инструментария, как в советской историографии, попытки западных исследователей определить социальную базу революционного терроризма часто приводили к противоречиям. Так, Ф. Вентури связывал генезис терроризма в России с отсутствием опоры у революционных организаций в массах¹¹³. Выдвигался общий применительно к изучению истории террористических организаций подход, что «неспособность тех, кто принимает близко к сердцу участь бедняков или жертв дискриминации, заручиться поддержкой именно тех слоев общества, которые в первую очередь страдают от подобных обстоятельств, заставила многих радикалов в разных частях мира стать террористами»¹¹⁴. Вместе с тем ПСР, прославившаяся рядом громких терактов, традиционно определялась в западной историографии как самая массовая из политических партий предреволюционной России.

Катализаторам зарождения новой волны революционного терроризма Р. Роббинс определял голод и эпидемии 1891–1892 гг. Крестьяне с благодарностью воспринимали правительственную помощь, называя ее «царским пайком» и в то же время крайне враждебно относились к содействию со стороны образованного класса. Медицинских работников, например, подозревали в намерении извести сельских жителей. Разочарование интеллигенции в перспективах организации массового революционного движения

¹¹² См.: Perrie M. Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist – Revolutionary Party before 1914 // *Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth – and Twentieth – century Europe*. New-York, 1982. P. 71–72, 76; Perrie M. *The Agrarian Policy of the Russian Socialist Revolutionary Party: From Its Origins through the Revolution of 1905–1907*. Cambridge, 1976.

¹¹³ См.: Venturi F. *Roots of Revolution: A History of the Populists and Socialist Movement in Nineteenth Century Russia*. New-York, 1970. P. 505, 577.

¹¹⁴ Weinberg L., Eubank W. *Political Parties and the Formation of Terrorist Groups // Terrorism and Political Violence*. 1990. № 2 (2). P. 126.

и привело, с точки зрения Р. Роббинса, к переориентации ее на террористическую тактику¹¹⁵. Однако вопреки мнению американского исследователя, когда к участию в революции были привлечены широкие народные массы, терроризм не только не прекратил своего существования, но получил дополнительные импульсы развития.

Напротив, немецкий историк М. Хильдермайер полагал, что революционные террористы пользовались если не поддержкой, то сочувствием в различных слоях российского общества «Как правило, – писал он, – террористы добиваются наибольшего успеха, если им удастся заручиться пусть небольшой практической, но зато широкой моральной поддержкой в уже нестабильном обществе»¹¹⁶. Следовательно, для развития терроризма в России имелась довольно широкая социальная база, а потому объяснять его генезис оторванностью от масс не вполне корректно.

Германская историография российского революционного терроризма была представлена, главным образом, трудами М. Хилдермейера, специализировавшегося на изучении истории эсеровского движения. Согласно его мнению, эсеровский терроризм следует рассматривать через призму характерных для социалистов-революционеров моральных и этических соображений. «Эсеров, – писал немецкий историк, – отличали «примечательный иррационализм и почти псевдорелигиозное преклонение перед «героями-мстителями». Среди мотивов совершения терактов назвались отнюдь не политические аргументы, а «ненависть», «дух самопожертвования», «чувство чести». Использование бомб утверждало существование у эсеров внутренней дифференциации между террористами, на которых распространялась особая аура, и «гражданскими членами партии». Последние в восприятии боевиков являлись людьми низшего, по революционным мер-

¹¹⁵ См.: Robbins R.G. *Famine in Russia 1891–1892*. New-York, 1975. P. 1–8, 168.

¹¹⁶ Hildermeier M. *The Terrorist Strategies of the Socialist – Revolutionary Party in Russia* // Mommsen and Hirschfeld *Social Protest, Violence and*

кам, сорта. Боевики с большим скепсисом относились к любой абстрактной теории, игнорировали межпартийные и внутрипартийные дебаты. Теоретизированию они противопоставляли «настоящее дело», под которым подразумевали исключительно терроризм¹¹⁷.

Само создание Боевой организации М. Хилдермейер считал эсеровским изобретением. В «Народной воле» одни и те же люди выступали в качестве как идеологов, так и террористов. Эсеры первыми привнесли в партийное структурирование принцип разделения труда, выделив из своего состава группу, единственной обязанностью которой являлась организация политических убийств¹¹⁸.

Значительное влияние на российскую историографию постсоветского периода оказали труды по истории революционного терроризма в России американской исследовательницы А. Гейфман. Целевой установкой своей работы она провозгласила «демифологизировать и деромантизировать русское революционное движение, самое революцию и ее участников, которых столь облагородили и возвысили далеко не беспристрастные мемуаристы»¹¹⁹. Именно терроризм, с ее точки зрения, а не массовое движение играл главную роль в революции 1905–1907 гг. и – шире – во всей политической истории начала XX в. При том, что в действительности ни одна крупная политическая партия, включая эсеровскую, не выдвигала террористическую тактику в качестве основного направления деятельности, соотнося ее с более широкими формами классовой борьбы. Но А. Гейфман даже массовый террор большевистского государства сводила к революционному терроризму начала века, объясняя преемственностью от последнего все коллизии советской истории. «Советский режим, – утверждала она, –

Terror. New-York, 1982. P. 84.

¹¹⁷ См.: Hildermeier M. The Terrorist Strategies of the Socialist – Revolutionary Party in Russia, 1900–1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth – and Twentieth – century Europe. New-York – London, 1979. P. 81.

¹¹⁸ См.: Там же. С. 84, 85.

¹¹⁹ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 16.

был действительно наследником террористической патологии»¹²⁰. Сталинизм, в ее интерпретации, преломлялся через личность «бывшего кавказского бандита»¹²¹. Основой для такого рода выводов служило смешение автором природы политического терроризма и государственного террора.

В содержательном отношении А. Гейфман сосредоточилась на раскрытии феномена «изнанки» или «накипи» революции. Ею была представлена яркая картина повсеместной ротации в террористические организации уголовников и психически неуравновешенных лиц. Именно они составили костяк революционных сил. Так называемое новое поколение русских экстремистов, пришедших на смену народовольческой генерации, характеризовалось ею необычайно низким идейным уровнем и почти полным отсутствием политического сознания. «Изнанка революции», в интерпретации А. Гейфман, оказывалась ее лицевой стороной¹²².

«Многие акты экспроприации, – констатировала А.Гейфман, – были далеко не бескровными, поскольку в провинции немногие эсеры действительно пытались сохранить жизни случайных свидетелей. Особой же опасности подвергались лица, которых эсеры считали эксплуататорами. В эту категорию экстремисты заносили не только землевладельцев, владельцев магазинов и других собственников, но и тех, кто, не будучи сам зажиточным, оказывался препятствием на пути революционеров по долгу службы у богатых лиц и в полиции. Некоторые эсеры не щадили и бедняков, иногда даже грабя и убивая крестьян. Более того, сбывались наихудшие опасения некоторых лидеров ПСР: многие эсеровские боевики, развращенные частым применением насилия и легкой наживой, и думать забыли о каких-либо идеалах и целях партии и просто вели распутный образ жизни на деньги, конфискованные якобы для дела революции»¹²³.

¹²⁰ См.: Там же. С. 351–352.

¹²¹ Там же. С. 354.

¹²² См.: Там же. С. 216–249.

¹²³ Цит. по: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917.

Среди спектра российских оппозиционных партий, утверждала американская исследовательница, не нашлось ни одной антитеррористической. Социал-демократы, как большевистского, так и меньшевистского направления, осуждая терроризм в теории, активно применяли террористическую тактику на практике. Терракты в исполнении эсдеков имели в большей степени прагматическую направленность решения неотложных задач текущего момента, нежели окутанные ореолом романтизма действия эсеровских боевиков. Даже кадеты, несмотря на все давление со стороны правительственных кругов, категорически отказывались осудить революционный терроризм, тайно сочувствуя боевикам¹²⁴.

Ярким представителем психологического направления в интерпретации природы терроризма является А. Гейфман. Террорист в этом понимании есть не носитель какой-то социальной идеи, а персонаж, сублимирующий через теракты собственные психологические комплексы. Внутренняя мотивация «идейного» террориста репродуцируется А. Гейфман следующим образом: «Люди, обуреваемые жадой разрушительной общественной деятельности, зачастую достаточно тонкокожи и уязвимы, чтобы ощущать грубость, грязь, пошлость, уродство и прочие несовершенства окружающего их мира. Даже неисправимым оптимистам, не склонным к меланхолии и унынию, но обладающим чувствительностью, свойственно видеть и ужасаться порочности и глубоким нравственным (и эстетическим) изъянам во всем, что их окружает. И, пожалуй, особенно травмирует их то, что, вопреки даже самому сильному желанию человека не соприкоснуться с этими отвратительными сторонами жизни, самое существование его в мире не только постоянно сталкивает его с пороком, но как бы пропитывает им человека, не умеющего противостоять давлению извне. И вот такой человек, не злодей и не проходимец вовсе, а наоборот, личность с уязвленной душой, чутко реагирующей на соприкосновение с любым видом уродства,

приходит к отчаянной мысли о возможности искоренить мировое зло за счет изменения внешних обстоятельств. В разные эпохи такие рассуждения поддерживались различными философскими идеями, как бы оформлявшими мировоззрение человека, уже одержимого жаждой общественной деятельности. И, вооружившись схемами, описывающими несовершенство миропорядка, равно как и пути к его исправлению, такой человек начинает бороться с социально-политическими, экономическими, религиозными и прочими устоями, ломая их, чтобы изменить мир по своему вкусу (самому благородному, естественно) и – для себя. Вместо того чтобы призвать на помощь мудрость и, быть может, грустную иронию, дабы не заблуждаться (и не обольщаться) по поводу глубины и уникальности собственных страданий (и... достоинств), вместо того чтобы – как следствие развития самооценки и самоиронии – увидеть, наконец, рядом с собой ближнего, заметить с удивлением, что ему (этому отдельному, живому, дышащему человеку, а не абстрактной народной массе) тоже больно и страшно, вместо того чтобы затем, не унижая его снисходительной жалостью и не самоутверждаясь за счет его страданий, просто понять, почувствовать его боль, как если бы она была своя, и, понимая даже, что, может быть, выхода-то и нет и быть не может, разделить его тоску, – вместо всего этого революционер, обремененный жаждой спасти мир, забывает и себя, и своего ближнего ради уже неотделимой от него идеи»¹²⁵.

Советская историография много внимания уделяла борьбе большевиков по разоблачению псевдореволюционной сущности других оппозиционных партий. Западные исследователи, по-видимому, под влиянием антибольшевистских выступлений представителей левого спектра российской эмиграции долго полагали, что революционеры ненавидели друг друга так же, как ненавидели самодержавие¹²⁶. Со временем тезис об абсолютном

¹²⁴ Там же. С. 121–174, 285–308.

¹²⁵ Там же. С. 7–8.

¹²⁶ См.: Алданов М.А. Азеф. Париж, 1924.

внутреннем расколе революционных сил стал пересматриваться. Появились многочисленные сведения о совместных террористических операциях, организованных боевыми группами различных социалистических партий. Большой интерес для понимания природы терроризма представляют межпартийные террористические объединения. В то время когда партийные идеологи обличали друг друга, боевики объединялись. Следовательно, терроризм имел собственную идеологию и программу, отличную от партийного канона. Не случайно организатор большевистских боевых групп Л.Б. Красин резко критиковал антиэсеровскую кампанию в «Искре», полагая, что она приносит значительный вред на местах, где террористическая деятельность ведется совместными усилиями эсдеков и эсеров¹²⁷. Н. Нэймарк, вопреки сложившемуся стереотипу, утверждал, что взаимоотношения между радикалами отличались идеологической гибкостью, терпимостью и взаимопомощью. В тактике объединения усилий на террористическом поприще он видел идущее от народников «наследие революционного движения»¹²⁸. М. Мелансон полагал, что когда дело доходило до решительных действий, к каковым, прежде всего, и относился терроризм, представители левых партий забывали о былых разногласиях. Социалисты различных партий и фракций, писал он, «неформально согласовывали свои действия и в критические моменты заключали официальные межпартийные соглашения»¹²⁹. Вероятно, в такого рода объединениях не последнюю роль играли этические мотивы. Участие в терактах предполагало угрозу смерти для боевиков, а потому отказ от объединенной террористической операции мог быть воспринят как проявление трусости.

¹²⁷ См.: Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. М.; Л., 1928. С. 159.

¹²⁸ Naimark N.M. Terrorists and Social Democrats. The Russian Revolutionary Movement under Alexander III. Cambridge, 1983. P. 244.

¹²⁹ Melancon M. Marching Together!: Left Block Activities in the Russian Revolutionary Movement, 1900 to February 1917 // Slavic Review. 1990. № 49 (2). P. 239.

При табуизации в СССР темы участия большевиков в организации террористических актов особое значение приобретают разработки проблемы отношения социал-демократии к терроризму в западной историографии. Впрочем, и среди западных историков сообщение об организованных социал-демократами террористических актах были не столь уж часты. Так, Р. Вильямс, хотя и уделяет внимание большевистской практике экспроприаций, обходит молчанием участие большевиков в политических убийствах¹³⁰. Дж. Л.Х. Кип лишь упоминает о феномене большевистского терроризма, не раскрывая его содержания¹³¹. Г. Дж. Тобиас рассматривает официальную позицию Бунда по отношению к терроризму в период, предшествующий первой русской революции. Правда, практическое участие бундовцев в террористической деятельности осталось за рамками его исследования. Бундовский терроризм до настоящего времени остается белым пятном в историографии революционного терроризма.

Непосредственно теме эсдековского терроризма была посвящена докторская диссертация Дэвида Алена Ньюэлла, защищенная в 1981 г. в Стэнфорде. Однако в ней автор главным образом исследовал терроризм через призму социал-демократической идеологии, а не практическую деятельность эсдековских боевых организаций¹³². Среди прочих доводов, используемых в пользу терроризма, Д.А. Ньюэлл указывал на рассмотрение социал-демократами терактов как средства самозащиты от полицейского произвола, без которых абсолютно ничем не сдерживаемое насилие со стороны самодержавного режима перейдет все границы¹³³.

¹³⁰ См.: Williams R.C. *The Other Bolsheviks: Lenin and His Critics*. Bloomington, 1986.

¹³¹ См.: Keep J.L.H. *The Rise of Social Democracy in Russia*. Oxford, 1963.

¹³² См.: Newell D.A. *The Russian Marxist Response To Terrorism: 1878–1917*. Stanford, 1981.

¹³³ См.: Newell D.A. *The Russian Marxist Response To Terrorism: 1878–1917*. Stanford, 1981, С. 308.

Террористическая практика как большевиков, так и меньшевиков была представлена в наиболее развернутом виде А. Гейфман. В отличие от Д.А. Ньюэлла, она доказывала фактическое расхождение террористической деятельности эсдеков с антитеррористическими идейными установками¹³⁴.

Западная историография была свободна от традиционного для советской исторической науки ленинцентризма. Согласно Р. Вильямсу, «не Ленин, а Л.Б. Красин начал разрабатывать большевистские планы создания вооруженных отрядов, способных наносить удары по российскому правительству в 1905»¹³⁵. Именно усилиями Леонида Борисовича Красина, в январе 1905 г. при Центральном Комитете была организована «Военно-техническая группа», функция которой заключалась в координации нелегальных действий партии, в том числе по покупке и изготовлению взрывных устройств. Он сам, утверждал Р. Вильямс, участвовал в проектировании бомбы.

Согласно гипотезе Р. Пайпса, первоначально Владимир Ульянов состоял в народовольческих кружках и с пиететом относился к революционной террористической практике. Утверждение М.И. Ульяновой о критике будущим вождем большевиков тактики, которую пытался реализовать старший брат народоволец (слова о «другом пути»), американский исследователь считает недостоверным. Со временем интеллектуальная эволюция привела В.И. Ульянова к социал-демократам, но определенные симпатии к народовольческому терроризму, полагает Р. Пайпс, у него сохранились. Большевики же, отвергая официально террористическую тактику, довольно часто к ней прибегали¹³⁶.

¹³⁴ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 121–1174.

¹³⁵ Williams R.C. *The Other Bolsheviks: Lenin and His Critics*. Bloomington, 1986. P. 62.

¹³⁶ См.: Pipes R. *The Origins of Bolshevism: The Intellectual Evolution of Young Lenin* // Pipes R. *Russia Observed: Collected Essays on Russian and Soviet History*. Boulder – San Francisco – London, 1989. P. 123–149.

На исследовании анархистского направления в русском терроризме специализировался П. Аврич. Особенно широкое распространение, по оценке исследователя, он получил в западных областях России (главным образом в Риге, Вильно, Варшаве). Анархистских боевиков, согласно интерпретации П. Аврича, отличала безмотивность при осуществлении терактов. По теории безмотивного терроризма, политическое убийство не требовало какого бы то ни было обоснования. Принципы безмотивников предоставляли широкое поле деятельности для экстремистов всех мастей. Именно ввиду специфической идеологии, писал П. Аврич, анархисты призывали своих адептов бросать бомбы в театры и рестораны, поскольку такие места были созданы специально для увеселения буржуазии, и представители пролетариата их не посещали¹³⁷.

На изучение проблем истории террористических организаций оказало влияние развитие гендерной историографии. Одним из наиболее излюбленных сюжетов у западных авторов в тематике российского революционного экстремизма стало участие в террористической деятельности представительниц слабого пола. Согласно статистике Н. Нэймарка, женщины составляли почти треть в Боевой организации эсеров и четверть по российским террористическим организациями в целом¹³⁸.

Феномен женского терроризма в России в контексте процесса эмансипации женщин рассматривала Э. Найт. При существовании многочисленных препон для образовательной, профессиональной и политической самореализации женщин терроризм как раз являлся той нишей, в которой они ощущали свой равноправный статус. Дамоклов меч смерти уравнивал террористов-мужчин и террористок-женщин¹³⁹.

¹³⁷ См.: Avrich P. *The Russian Anarchists*. Princeton, 1967. P. 43, 44, 48.

¹³⁸ См.: Naimark M. *Terrorism and the Fall of Imperial Russian*. Boston, 1986. P. 5.

¹³⁹ См.: Knight A. *Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party* // *The Russian Review*. 1979. № 38 (2). P. 144–145.

Особенно, отмечает Э.Найт, политический терроризм привлекал еврейских женщин. По ее подсчетам, они составляли 30% от женской части партии социалистов-революционеров. Еврейка находилась в гораздо большем семейном закреплении, чем русская женщина. Поэтому, полагала Э. Найт, уход еврейской девушки в террор являлся актом личного освобождения. Отвергалась одна из фундаментальных основ еврейской гендерной системы, предписывающей женщине роль матери семейства¹⁴⁰.

Современный контекст актуализации образа шахидки-смертницы заставляет скорректировать некоторые концептуальные положения, выдвинутые Э. Найт. Представительницы исламских террористических организаций менее всего ратуют за социальную эмансипацию женщин. Однако психологический мотив их самоутверждения посредством участия в терактах в патриархальной по своему характеру субкультуре представляется очевидным.

Примерно 22% всех террористов-эсеров было в возрасте от 15 до 19 лет, а 45% – от 20 до 24 лет. Возникали террористические организации школьников. Известны случаи, когда ученики школ и гимназий убивали реакционных учителей, взрывали портреты Николая II, совершали покушения на полицейских. Но власти не смогли посмотреть на проблему через призму подростковой психологии, а потому вместо социализации учащихся, происходила их маргинализация¹⁴¹.

Студенческая молодежь выступала в качестве авангардной силы и в других революциях. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на средний возраст руководящего революционного звена. А.С. Изгоев ссылался в этом отношении на опыт революции младотурок. В современном мире находящееся на слуху исламское движение «Талибан» даже этимологически восходит к наименованию студентов (талибы – уча-

¹⁴⁰ См.: *Op. cit.* P. 145–146.

¹⁴¹ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С.

щиеся медресе). Поэтому сам феномен революции должен быть исследован через призму молодежной девиантологии.

Для советской историографии терроризм как одно из проявлений классовой борьбы имел социальную природу. Национальный фактор в генезисе террористических организаций нивелировался. Напротив, в западной историографии национальным мотивам революционного терроризма в России уделялось весьма пристальное внимание. Э. Найт, Н. Нэймарк, Л. Шапиро и др. подчеркивали непропорционально большое представительство в российских террористических организациях выходцев из еврейской среды. Указывалось, что побудительным мотивом вступления евреев на ниву террористической деятельности являлись не только притеснения со стороны властей, но и авторитарно-нормативный характер бытия замкнутых иудейских общин¹⁴². По еврейским отпрыскам, примкнувшим к революционному движению, правоверные родители-иудеи подчас соблюдали недельный траур – шиву, как по умершим.

Повышенное внимание в западной историографии традиционно уделялось мотиву царубийства в революционном терроризме. По мнению Дж.Ф. Макдэниэла, убийство монарха рассматривалась террористами не только в политическом, но и в этническом аспекте¹⁴³. Кровь царя оправдывала, по их представлениям, все совершенные на революционной ниве преступления. Христианское учение об искуплении кровью Христа людской греховности странным образом преломлялось в идее искупления посредством убийства помазанника Божьего. А. Гейфман даже утверждала, что царубийство неизменно являлось центральным пунктом планов всех левых

240–249.

¹⁴² См.: Knight A. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party // *Russian Review*. 1979. April. № 38 (2). P. 146; Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // *Terrorism and Political Violence*. 1990. Summer. Vol. № 2. P. 4–5, 16; Schapiro L. *Russian Studies*. New-York, 1988. С. 273–285.

¹⁴³ См.: Mc. Daniel J.F. Political Assassination and Mass Execution: Ter-

радикальных организаций. Оно продолжало представлять актуальность на всем протяжении царствования Николая II¹⁴⁴.

Определенная лепта была внесена западными историками в историографию киевского теракта 1 сентября 1911 г. Р. Пайпс считал версию о причастности охранки к убийству П.А. Столыпина несостоятельной. Премьер-министра и так ожидала скорая отставка, а потому его врагам не было нужды прибегать к насилию. К тому же Д.Г. Богров мог бы выдать на допросе своих сообщников. Однако сам факт распространения слухов о заговоре охранки свидетельствовал, по оценке Р. Пайпса, о «ядоточивой семиосфере, царившей в Российской империи перед самой ее кончиной»¹⁴⁵.

Долгие годы пугалом западного общества на уровне массового восприятия являлся Комитет государственной безопасности СССР. Поэтому особой популярностью среди западных историков, специализирующихся на изучении досоветского периода российского прошлого, пользовалась разработка темы об исторических предшественниках КГБ в императорской России. Борьба охранных структур с террористическими организациями служила узловым сюжетом исследовательской работы в данном направлении¹⁴⁶.

Провокаторство среди эсеровских террористов стало предметом изучения израильской исследовательницы Н. Шлейфман. Ею детальнейшим

rorism in Revolutionary Russia, 1878–1938. Michigan U., 1976. P. 89.

¹⁴⁴ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 26.

¹⁴⁵ Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 214.

¹⁴⁶ См.: Daly W. Jonathan. Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia. 1866–1905. Northern Illinois University Press, 1998; Hingley R. The Russian Secret Policy: Muscovite, Imperial Russian and Soviet Political Security Operations: 1565–1970. L., 1970; Schneiderman I. Sergej Zubatov and Revolutionary Marxism. The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. N.Y., 1976; Schleifman N. Undercover Agents in the Russian Revolutionary Movement. The SR Party. 1902–1914, London, 1988; Squire P.S. The Department: The Establishment and Practice of the Political Police in the Russia of Nicholas I.L., 1968; Zukerman F. The Tsarist Secret Police in Russian Society. 1880–1917. New-York, 1996.

образом рассмотрены дела по разоблачению провокаторской деятельности Е.Ф. Азефа, Н.Ю. Татарова, А.А. Петрова и др. Основным мотивом азефовского поведения она считала лишь его финансовые соображения. Сосредоточившись на выявлении механизмов манипуляции боевиками Е.Ф. Азефом, Н. Шлейфман оставляет в тени фигуры других лидеров БО. Исследовательница прибегает и к статистическим подсчетам, позволившим ей выявить социальный состав террористов и определить масштабы внедрения в их среду провокаторов. Именно в боевые структуры революционного движения, неоднократно подчеркивала она, охранное отделение наиболее охотно внедряло своих агентов. И, конечно же, в работе Н. Шлейфман не обошлось без рассмотрения традиционной для западной историографии российского революционного терроризма проблемы морального фактора в поведении терроризма и провокации¹⁴⁷.

Ряд нетривиальных характеристик был предложен в западной историографии при реконструировании психологического образа видных террористов. Так, американская исследовательница А. Гейфман развенчивала романтический миф о создателе эсеровской Боевой организации Г.А. Гершуни. «Героический, почти мифический образ Гершуни, нарисованный эсерами (особенно после его смерти в 1908 году), – констатировала она, – требует пересмотра. В противоречии со своей репутацией великого знатока характеров Гершуни часто неудачно выбирал сторонников, которые явно вздыхали с облегчением, освободившись от его чар, как только он уходил от них и не мог лично их контролировать. Даже Мельников, заместитель Гершуни в Боевой организации, оказался не готовым к самоотверженной жертве. Более того, Гершуни был наконец арестован в Киеве в мае 1903, года и ему грозил смертный приговор, сам он был вполне согласен пожертвовать своим революционным идеализмом перед лицом угрозы собственной жизни, несмотря на его прославленные смелость и силу воли. В то

¹⁴⁷ Schleifman N. Undercover agents in the Russian revolutionary move-

время как предыдущие представители поколений русских революционеров использовали суды для прославления революции, не одобряли тех, кто подавал прошения о помиловании в адрес царя, Гершуни, как и многие другие террористы нового типа, отчаянно отрицал свое причастие к каким бы то ни было политическим убийствам, а потом послал Николаю II прошение о помиловании. Ему удалось добиться замены смертной казни пожизненной каторгой, но, согласно данным полиции, многие его соратники по партии считали такое поведение недостойным и трусливым, и им было трудно спорить со своими социал-демократическими критиками, утверждавшими, что фигура Гершуни была дутой и его репутация незаслуженной»¹⁴⁸.

А. Гейфман внесла свою лепту и в развитие историографии азефского дела. Она представила редуцированную, в контексте развития историографии терроризма, версию азефиады. Американский историк выступила с критикой концепции Б.И. Николаевского о двойной игре Е.Ф. Азефа. Исследовательница пыталась не вполне успешно доказать, что Е.Ф. Азеф на протяжении всей своей деятельности оставался преданным агентом Департамента полиции и никогда не организовывал террористических актов¹⁴⁹. По ее мнению, предоставляемая им информация подвергалась фальсификации его непосредственными полицейскими начальниками¹⁵⁰.

Точка зрения А. Гейфман на обстоятельства азефского дела не получила широкого распространения. В российской историографии аргументы А. Гейфман были подвергнуты убедительной критике С.В. Тютюкиным.

Вокруг биографии Е.Ф. Азефа строится сюжетная канва монографии израильского историка Л.Г. Прайсмана «Террористы и революционеры, охранники и провокаторы». В своем исследовании автор ставит задачу отсечь

ment: The SR party. 1902–1914. Oxford, 1988.

¹⁴⁸ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 75–76.

¹⁴⁹ См.: Гейфман А. [Приложение] // Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С. 334–344.

¹⁵⁰ См.: Гейфман А. Три легенды вокруг «дела Азефа» // Николаев-

шлейф демонизации, тянущийся в историографии за агентом царской охраны, представить его живым человеком, с собственными пристрастиями и симпатиями. Согласно интерпретации Л.Г. Прайсмана, Е.Ф. Азеф являлся в значительно большей степени революционером, нежели охранником. Его ответственность за убийство К.Ф. Плеве и великого князя Сергея Александровича не вызывает у автора сомнений. Основным мотивом азефовской игры им определяется чувство национального отмщения. Воспитанный в еврейской среде, Е.Ф. Азеф воспринимал все проявления антисемитизма в российском обществе как личную драму. Жертвами терактов руководимой им в основном становились чиновники, подозреваемые в причастности к погромным акциям¹⁵¹.

Будучи евреем, Е.Ф. Азеф испытывал благожелательное отношение и уважение в революционной среде как представитель угнетенной национальности. В то же время ощущал на себе пренебрежение и даже насмешки в шовинистических охранных кругах. Замысел убийства К.Ф. Плеве и великого князя Сергея Александровича был обусловлен организацией обоими еврейских погромов¹⁵². Сосед Е.Ф. Азефа по даче Я. Мазе свидетельствовал: «Я не сомневаюсь, что он обманул правительство, на которое работал, только в том, что касается Сергея Александровича и Плеве. Это не случайно. Это месть со стороны еврея по отношению к большим ненавистникам еврейского народа. Не зря говорили наши мудрецы: “Мир его праху. Еврей, даже согрешив, остается евреем”»¹⁵³.

Безусловно, для израильского гражданина Л.Г. Прайсмана вопрос о национальных чувствах еврея-террориста представлял особый интерес. Но помимо субъективного аспекта исследования, историку удалось выявить

ский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С. 330–361.

¹⁵¹ См.: Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.

¹⁵² См.: Прайсман Л. Феномен Азефа // Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. М., 1996. С. 67–69.

¹⁵³ Мазе Я. Воспоминания. Тель-Авив, 1936. Т. 4. С. 98.

универсальную этнофобскую парадигму формирования террористического менталитета. Одним из важнейших факторов, определяющих склонность к террористической деятельности, являются различного рода национальные комплексы, а потому путь предотвращения такого рода предрасположенности видится в модуляции механизмов этнотолерантности.

В контексте рассмотрения семиосферы русского революционного терроризма А. Келли сосредоточила внимание на ее преломление в романах Б.В. Савинкова. С точки зрения исследовательницы, они отражали реальный процесс деморализации деятельности боевиков, фиксировали рубеж прихода новой генерации революционеров-циников. «Конь бледный», – писала А. Келли, – был откровенной демистификацией цельного героя»¹⁵⁴. «Этот роман, – продолжала она, – очерчивает возникновение нового типа, в котором моральная устойчивость превратилась в равнодушие к морали, – высокоспециализированного техника революции»¹⁵⁵. Впрочем, выдвинутые А. Келли оценки были традиционны и для интерпретации савинковских произведений отечественными историками.

Особое внимание западных исследователей привлекал этический аспект в развитие терроризма. По мнению У. Лакера, доминирующей тенденцией в истории мирового террористического движения стала дегуманизация насилия. «Если ранние террористические группы, – писал американский историк, – воздерживались от актов намеренной жестокости... с изменением характера терроризма, как левого, так и правого, гуманное поведение больше не является нормой.... Политический террорист наших дней ... освободился от угрызений совести»¹⁵⁶. Дегуманистическая трансформация российского терроризма датировалась периодом революции 1905–1907 гг. Если в начале революции преобладал каляевский тип рефлексующего

¹⁵⁴ Kelly A. Self – Cencoship and the Russian Intelligentsia, 1905–1914 // *Slavic Review*. 1987. № 46 (2). P. 201.

¹⁵⁵ Там же. С. 201–202.

¹⁵⁶ Laqueur W. *Terrorism*. Boston-Toronto, 1977. P. 222.

террориста, то менее чем за год он оказался вытеснен образом боевика-экспроприатора.

Апробированная экзистенциалистами модель Ф.М. Достоевского в интерпретации русского терроризма оказала влияние и на западных историков. Психологическая драма террористов обнаруживалась в столкновении революционной этики и аморальности убийства. У русских террористов «дух разрушения соседствовал с высоким моральным сознанием», – писал О. Рэдки. Грех убийства, полагал он, ими искупался посредством неременного ритуала самопожертвования¹⁵⁷.

В философии экзистенциализма террористы-народовольцы и эсеры служили излюбленными персонажами, иллюстрирующими правильность экзистенциалистской концепции. Философы экзистенциалистского направления определяли эсеров как русских экзистенциалистов¹⁵⁸.

«Разборчивые убийцы» – так метко и точно названы русские революционеры-террористы в книге французского экзистенциалиста А. Камю «Бунтующий человек»¹⁵⁹. Книга увидела свет в 1951 г. Сообразно со своими иррациональными воззрениями. А. Камю видел в эсеровском терроре попытку обретения онтологической свободы, бунт против объективизации. В СССР роман обвинялся не больше и не меньше, как в пропаганде террористических актов против советского руководства. Рассуждая о судьбе И. Каляева и его сподвижников, А. Камю писал: «С помощью бомбы и револьвера, а также личного мужества, с которым эти юноши, жившие в мире всеобщего отрицания, шли на виселицу, они пытались преодолеть свои противоречия и обрести недостающие им ценности. До них люди умирали во имя того, что знали, или того, во что верили. Теперь они стали жертво-

¹⁵⁷ Radkey O.H. The Agrarian Foes of Bolshevism. New-York, 1958. P. 70.

¹⁵⁸ См.: Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 245–251.

¹⁵⁹ См.: Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.

вать собой во имя чего-то неведомого, о котором было известно лишь одно: необходимо умереть, чтобы оно состоялось. До сих пор шедшие на смерть обращались к Богу, отвергая человеческое правосудие. А знакомясь с заявлениями смертников интересующего нас периода, поражаешься тому, что все они, как один, взывали к суду грядущих поколений. Лишенные высших ценностей, они смотрели на эти поколения как на свою последнюю опору. Ведь будущее – единственная трансцендентальность для безбожников. Взрывая бомбы, они, разумеется, прежде всего стремились расшатать и низвергнуть самодержавие. Но сама их гибель была залогом воссоздания общества любви и справедливости, продолжением миссии, с которой не справилась церковь. По сути дела, они хотели основать церковь, из лона которой явился бы новый Бог»¹⁶⁰.

Весьма перспективной представляется разработка лишь сформулированной в западной историографии проблемы религиозных истоков русского революционного терроризма. Многие из террористов действительно являлись глубоко верующими людьми. Ряд ярких представителей революционного подполья пришли к терроризму через особое истолкование христианского учения. Отмечалась ментальная изоморфность террористических и религиозных организаций. Русских террористов, писал З. Ивиански, характеризовал «дух религиозного Ордена». Он сравнивал Боевую организацию эсеров с сектой, члены которой полагали, что, осуществляя теракты, несут некую сакральную миссию¹⁶¹.

Если советские историки классифицировали террористическую тактику как проявление индивидуализма, то ряд западных авторов усматривали в терроризме отражение коллективистской ментальности. В Боевой организации эсеров, утверждал В. Рейч, боевики идентифицировали себя с

¹⁶⁰ ТПМ же. С. 246.

¹⁶¹ См.: Ivanski Z. Fathers and Sons: A study of Jewish Involvement in the Revolutionary Movement and Terrorism in Tsarist Russia // Terrorism and Political violence. 1989. № 2. P. 154.

группой, растворяя собственную индивидуальность в коллективном разуме¹⁶².

Симптоматично, что советские историки даже не предпринимали попыток подсчитать количество жертв революционного терроризма. Масштабы крови, проливаемой в российской истории, по-видимому, нивелировали в сознании трагедии терактов. Зато статистические расчеты численности пострадавших от терроризма в России активно велись в западной историографии. По данным А. Левина, начиная с октября 1905 г. в течение года было убито и ранено 3611 государственных чиновников¹⁶³. Согласно цифрам Л.И. Страховского, за 1906 г. было убито 738 чиновников и 645 частных лиц, ранено соответственно 948 чиновников и 777 частных лиц. На 1907 г. цифры убитых составили не менее 1231 чиновника и 1768 частных лиц, раненых – 1284 и 1734¹⁶⁴. Добавив к расчетам А. Левина и Л.И. Страховского статистику жертв за 1905 г., А Гейфман определяла численность пострадавших от революционных терактов за Первую русскую революцию как превышающую рубеж в 9000 человек. Интересно, что ежедневное количество жертв терактов к концу 1907 г. составляло 18 человек, соответствуя, таким образом, уровню 1905 г. Да и за период с января 1908 г. по середину мая 1910 г. динамика терроризма не изменилась принципиально, составив 19957 терактов и революционных грабежей, в результате которых пострадало 7634 человека (убиты 732 государственных чиновника и 3051 частных лиц, ранено 1022 государственных чиновника и 2829 частных лиц). Таким образом, положение о спаде революции и торжестве реакции в соответствующий период оказывается не подтверждено статистикой терро-

¹⁶² См.: Reich W., ed. *Origins of Terrorism*. Cambridge, 1990. P. 31, 33.

¹⁶³ См.: Levin A. *The Second Duma. A study of the Social-Democratic Party and the Russian Constitutional Experiment*. New-Haven, 1940.

¹⁶⁴ См.: Strakhovsky L.I. *The Statesmanship of Stolypin: A Reappraisal* // *Slavonic and Eastern European Review*. 1958–1959. № 37. P. 357.

ристических актов. Общее же количество жертв революционного терроризма составило, согласно А. Гейфман, цифру в 17000 человек¹⁶⁵.

Столь же впечатляющими являлись масштабы революционного грабежа. Не в традициях советской историографии было подсчитывать убытки от террористических актов коммерческих структур. По приводимым А. Гейфман данным, на период с начала 1905 г. и до середины 1906 г. ущерб имперских банков от революционного терроризма превысил 1 миллион рублей. С октября 1905 г. за годичный срок революционеры совершили 1951 грабеж, из которых 940 представляли собой ограбление государственных и частных финансовых учреждений. Доходы экспроприаторов за соответствующий период оцениваются исследовательницей в 7 миллионов рублей. «В прежнее время банком назвалось хранилище денег», – давалось определение банка в анекдотическом Новейшем энциклопедическом словаре. Статистика экспроприаций, как и покушений на убийство по революционным мотивам, оставалась довольно высокой и в эпоху, традиционно определяемую как отступление революций. Только за две недели – с 15 февраля по 1 марта 1908 г., утверждает А. Гейфман, в руки экспроприаторов попало приблизительно 448000 рублей¹⁶⁶.

Естественно, не все концептуальные положения западной историографии в отношении российского революционного терроризма следует признать в достаточной степени аргументированными. Так, Ф.Б. Рэндал в своей докторской диссертации, защищенной в Колумбийском университете, связывал террористический ореол партии социалистов-революционеров с фактом включения тактики терроризма в эсеровскую программу, от чего иные политические организации воздерживались¹⁶⁷. В действительности соответствующая популярность эсеров определялась не программными документами, а резонансом терактов против столпов реалии, таких как В.К. Плеве.

¹⁶⁵ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 31–32.

¹⁶⁶ См.: Там же. С. 32–33.

¹⁶⁷ См.: Randall F.B. The Major Prophets of Russian Peasant Socialism: A Study in the Social Thought of N.M. Mikhailovskii and V.M. Chernov. Columbia, 1961. P. 148.

Более права М. Перри, писавшая, что «жертвы 1902–1904 годов были хорошо выбраны как символы государственных репрессий... Убийство Сипягина и Богдановича принесли определенную поддержку эсерам в массах»¹⁶⁸.

Многие концептуальные положения, апробированные в западной историографии российского революционного терроризма, были аккумулированы отечественными исследователями в постсоветский период.

¹⁶⁸ Perrie M. Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist – Revolutionary Party before 1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nine teenth – and Twentieth – century Europe. Нью-Йорк, 1982. P. 69.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА

4.1. Переходный историографический период второй половины 1980-х годов изучения истории революционного терроризма в России

Во второй половине 1980-х годов образовался разрыв между стремительно меняющимися тенденциями общественной жизни и консервативным подходом в изучении истории революционного терроризма. Определение Т.Н. Маслинниковой социалистов-революционеров как «кадетов с бомбой», обвинение их в «холопстве, раболепстве и трусости»¹ по отношению к либеральной буржуазии соотносились с общим характером оценок, преобладающих в советской историографии данного периода. Такое положение объяснимо тем обстоятельством, что научная работа не могла быть сиюминутной, ее проведение требовало прошествия некоторого времени, необходимого для систематизации фактов и переосмысления подходов.

Тем не менее некоторые новые веяния общественной жизни все-таки нашли отражение в работах 1987–1990 гг. Прежде всего это относится к трудам М.И. Леонова, Д.Б. Павлова, сборнику «Непролетарские партии в России в трех революциях» и др. Пропагандируемый с политической трибуны принцип плюрализма привел к окончательному отказу от трактовок представителей мелкобуржуазных партий как контрреволюционеров. Идеологические новации, заключавшиеся в признании существования разных вариантов социалистического устройства (от «казарменного» до «шведского» социализма), подразумевали обращение к изучению альтернативных моделей построения социализма. М.В. Спирина перечисляла со-

¹ Маслинникова Т.Н. Большевистский опыт осуществления тактики единства действий левых сил в революции 1905–1907 гг. // Ленинская партия в борьбе против мелкобуржуазной революционности в дооктябрьский период. Смоленск, Брянск, 1988. С. 36.

циалистические мероприятия, предусмотренные в эсеровской программе: уничтожение частной собственности на основные средства производства, и прежде всего на землю, обобществленное, планомерно развивающееся производство, отсутствие анархии и конкуренции, коллективная форма организации труда². А.Д. Степанский писал об идентичности эсеровской и социал-демократической программы-минимум в революции 1905–1907 гг.³ В контексте пропаганды принципов построения социализма с «человеческим лицом» тема революционного терроризма со стороны социалистов, идейных оппонентов большевиков представлялась не вполне желательной.

Статьи А.Ф. Жукова и Д.Б. Павлова, посвященные революционному терроризму, содержались в сборнике «Непролетарские партии в трех революциях». Д.Б. Павлов писал о двойственности эсеровского индивидуального террора, с одной стороны, являвшегося составным компонентом массового движения, с другой – находящегося в арьергарде революционных сил⁴. Видное место в освещении истории эсеров-максималистов он уделял террористическому компоненту их деятельности. Несмотря на то, что его крупнейшее исследование было опубликовано в 1989 г., авторские оценки в соответствии с советской традицией определялись отношением к массовой работе. Сообразно с этой шкалой координат «аграрный терроризм» оценивался исследователем как прогрессивная форма классовой борьбы, тогда как «индивидуальный» преподносился в сугубо негативном ракурсе.

По мнению Д.Б. Павлова, максималисты, с одной стороны, возвращались от эсеровской эклектичности к идеологии старого народничества, с другой, заведенные в тупик абсолютизацией террористической тактики, выхолостили в своей деятельности революционное содержание. Впрочем,

² См.: Спирина М.В. Представление эсеров об экономике социалистического общества (по работам В.М. Чернова (1905–1914 гг.) // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 152.

³ См.: Степанский А.Д. Проблемы политического строя в программах русских непролетарских партий // Там же. С. 30.

⁴ См.: Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989.

вопреки постулатам павловской концепции, «Народная воля», как известно, практиковала именно индивидуальный террор, ничего не предприняв на счет организации «аграрного террора».

Причины исторического поражения эсеров-максималистов Д.Б. Павлов объяснял следующим образом: «Если в ранний, «аграрно-террористический» период своего существования максимализм имел шансы опереться на крестьянские массы, то переход к террористическим средствам борьбы, бойкотизм привели максималистов к отрыву от массового движения в том виде, в каком оно проявлялось на различных этапах развития революции. Ультрареволюционная теория, выдвигание левацких лозунгов толкало максималистов на применение крайних форм политической борьбы. Но было и обратное влияние. Сам характер террористической деятельности заставлял максималистов в своей практике отказаться от постулатов, сформулированных их теоретиками. Строго законспирированные группы террористов, вопреки провозглашенному в печати желанию максималистов возглавить движение масс, не стремились к установлению связей с ним, да и не нуждались в этих связях»⁵. Максимализм, констатировал исследователь, сближался с анархизмом, обнаруживая тем самым единую мелкобуржуазную природу обоих течений.

Не характерным для предшествующей советской историографической традиции доводом критики максимализма, навеянным, по-видимому, семиосферой перестроечных лет, стало указание Д.Б. Павлова на неоправданность массовых жертв революционных терактов. Речь однако не шла о предосудительности самого теракта, а лишь об умеренном использовании террористических средств. «Партизанские методы борьбы, – рассуждал Д.Б. Павлов, – закономерные и необходимые в период революции, в условиях отсутствия массового движения были борьбой, обреченной на неуспех».

⁵ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С. 214–215.

пех. В результате терроризированным нередко оказывалось не столько местное «начальство», сколько население»⁶.

Форму памфлета носил раздел монографии Д.Б. Павлова, посвященный С.Я. Рыссу. Ведущим фактором для характеристики максималистского боевика стало предательство тем товарищей по партии. Предположение о какой-то двойной игре С.Я. Рысса затушевывается масштабностью сведений о членах максималистских террористических групп, предоставляемых им в Департамент полиции. В частности, его провокаторская деятельность сыграла, в интерпретации Д.Б. Павлова, решающую роль в разгроме максималистской Боевой организации, возглавляемой М.И. Соколовым («Медведем») во второй половине 1906 г.⁷

В монографии «Эсеры-максималисты в первой российской революции» Д.Б. Павлов предлагал сравнительно сдержанную критику революционного терроризма и при сопоставлении эсеров и максималистов отдавал предпочтение последним. Автор указывал на некорректность выводов А.Ф. Жукова, являвшихся экстраполяцией оценок деятельности партии в послеоктябрьское время. «Тот факт, – писал он, – что максималисты в послеоктябрьский период часто выступали под противобольшевистскими лозунгами и что их теории тогда были “реакционной утопией”, совсем не означает, что таковыми же они являлись и в период первой революции, когда речь шла об установлении буржуазно-демократической республики, а отнюдь не о построении социализма»⁸.

По мнению Д.Б. Павлова, не максималисты отступили от идеологии ПСР, а эсеры отошли от постулатов народничества, которым максималисты остались верны. Максималистская партия, с его точки зрения, возникла на

⁶ Там же. С. 198.

⁷ См.: Там же. С. 167–188; Павлов Д.Б., Пересудова З.И. Страницы истории эсеров-максималистов // Вопросы истории. 1988. № 5. С. 85–101.

⁸ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С. 8.

основе так называемой московской оппозиции в ПСР. Правда, из предлагаемого автором перечня лидеров московского комитета (Н.Д. Авксентьев, М.В. Вишняк, Я.О. Гавронский, А.Р. Гоц, В.М. Зензинов, В.В. Руднев, И.И. Фундаминский) все остались после раскола членами ПСР. В максималистскую организацию вошли второстепенные в политическом плане представители «московской оппозиции»: Н.В. Архангельский, А.И. Бердников, В.Д. Виноградов, В.В. Мазурин, Г.А. Ривкин, Н.А. Терентьева, А.Г. Троицкий и др.⁹

В отличие от предшествующей историографической традиции, Д.Б. Павлов писал об эсеровском призыве к восстанию, как об основном лозунге партии в первую половину 1905 г. Однако, он, как и прежде В.Н. Гинев, считал эти лозунги в устах эсеров бессодержательной декларацией¹⁰.

Д.Б. Павлов, анализируя высказывания В.И. Ленина по отношению к аграрно-террористической деятельности в деревне, пришел к выводу противоположному интерпретации ленинских работ Б.В. Левановым. «Таким образом, – писал он, – В.И. Ленин не только признавал целесообразность аграрно-террористических форм крестьянской борьбы, но и считал размах этой борьбы явно недостаточным для победы революции»¹¹. Оценка Д.Б. Павловым аграрного террора даже близка к его апологетике: «Ход событий в местах наибольшей организованности и широты крестьянских выступлений подтверждает, что не бойкот, не стачка, а только насилие в отношении помещика или реальная угроза такого насилия могли заставить его бросить свое хозяйство. Ясно также, что не отказ от поставки рекрутов, неплатежей податей и тому подобные меры, а лишь вооруженные выступления крестьян и, как следствие этого, насильственные действия в отношении чинов местной администрации могли закрыть для властей доступ в ту или иную

⁹ См.: Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 65, 87.

¹⁰ См.: Там же. С.42, 46, 68–69.

¹¹ См.: Там же. С. 25.

область, охваченную восстанием»¹². Такое прославление революционного насилия автором тем более удивительно, что его работа была опубликована в 1989 г., когда в исторической науке преобладали тенденции гуманистического переосмысления прошлого. По мнению исследователя, ни одна из партий, включая и ПСР, и РСДРП, полностью не контролировала крестьянское движение. Аграрный террор осуществлялся и без эсеров, как форма революционного творчества масс. Эсеры либо шли за массовым движением, либо от него откращивались. Последняя тенденция и стала, с точки зрения Д.Б. Павлова, преобладающей в ПСР. «Несмотря на указанную двойственность взглядов эсеров на захватное движение крестьян,- резюмировал он свои выводы,- уже в годы первой революции их отношение к нему было скорее отрицательным, а рекомендации в пользу поддержки захватов были вызваны пониманием бесплодности “переть против рожна» (выражение Чернова) крестьянского движения”¹³.

В рамках советской историографической традиции интерпретации эсеровского терроризма находились и первые работы по истории ПСР М.И. Леонова. Автор утверждал, что характерными особенностями террористических организаций социалистов-революционеров являлись склонность к либерализму и отчуждение от масс. Заслугой М.И. Леонова стало существенное расширение спектра архивных источников при освещении истории российского терроризма. Его труды ознаменовали установление нового вектора развития отечественной историографии революционных террористических организаций, заключающегося в переходе от социологизаторских схем к восстановлению фактической канвы событий.

В историографии перестроечных лет реабилитировался жанр создания исторических портретов террористов. В книге М.И. Леонова давались краткие портретные зарисовки руководителей Боевой организации. Попытки персонафикации террористического движения соотносились с горбачев-

¹² Там же. С. 25–26.

ской идеологемой о более внимательном отношении к роли человеческого фактора в истории¹⁴.

В исследованиях предшествующего времени ПСР была представлена как заговорщическая, интеллигентская организация, оторванная от массового движения. Во второй половине 1980-х годов, благодаря применению клиометрики, использованию статистики (особенно в работах М.И. Леонова)¹⁵ аргументировалось утверждение о массовом характере партии социалистов-революционеров, значительной ее популярности среди крестьян, части рабочих, в профсоюзах (О.И. Горелов)¹⁶, среди молодежи (И.И. Рогозин)¹⁷. Историки перестали считать терроризм единственным и даже главным методом эсеровской борьбы, признавались иные ее формы. Но на все эти качественно новые подходы исследователи, при изложении материала не акцентировали внимание читателей, предлагали их в осторожной форме, с многократными оговорками и цитатами В.И. Ленина, М.С. Горбачева и постановлений XXVII съезда КПСС.

Новым явлением в историографии стало изучение истории революционного терроризма в рамках краеведческих исследований. Если истории центральной Боевой организации социалистов-революционеров в отечественной историографии уделялось сравнительно много внимания, то местные террористические группы, входившие в структуру ПСР, фактически не исследовались. Исключение представляет работа М.В. Идельсон, посвя-

¹³ Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 56–57.

¹⁴ См.: Леонов М.И. Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987.

¹⁵ См.: Леонов М.И. Численности и состав партии эсеров в 1905–1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987.

¹⁶ См.: Горелов О.И. Политика эсеров и анархистов по вопросу о профессиональных союзах (на примере профсоюзного движения Москвы. 1905–1907 гг.) // Ленинская партия в борьбе против мелкобуржуазной революционности в дооктябрьский период. Смоленск, Брянск, 1988.

¹⁷ См.: Рогозин И.И. Из истории борьбы эсеров за молодежь в годы первой российской революции // Там же.

щенная деятельности Летучего боевого отряда Северной области. Обнаруживалось, что помимо центральной Боевой организации ПСР, эсеровский терроризм представляли и другие, не менее сильные террористические группы. Автор пришла к заключению, что, подобно БО, региональные боевые группы пребывали в состоянии автаркии по отношению к ПСР, не допуская активного контроля и вмешательства ЦК в их работу. Летучий боевой отряд Северной области, в отличие от центральной Боевой организации, не находился в прямом подчинении Центральному Комитету, и хотя иногда и выполнял его приказы, чаще действовал под общим руководством петербургского комитета партии¹⁸. Однако исследования, в котором обобщался бы опыт организации местных эсеровских террористических групп, в отечественной исторической литературе не предпринималось.

Одновременно в исторической науке в конце 1980–начале 1990-х годов обнаруживаются тенденции антиперестроечной направленности. Среди некоторых советских идеологов возникло опасение, что при ослаблении партийного руководства и демократизации политической системы приоритет в общественной жизни получают возрождающиеся партии мелкобуржуазного типа, родственные эсерам. Популярность движения Народный фронт, казалось бы, подтверждала такие опасения. Мелкобуржуазный социализм эсеровского образца, которым, по их мнению, заменялась советская система, являлся уже не социализмом, а прологом реставрации капиталистического общества. В концентрированном виде эти умонастроения были отражены в монографии Г.Д. Алексеевой «Народничество в России в XX в. Идеиная эволюция». Автор посредством апелляции к истории социалистов-революционеров осуждала современные ей тенденции политического развития страны как рецидивы неонародничества. Г.Д. Алексеевой

¹⁸ См.: Идельсон М.В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993. С. 7–22.

реанимировался взгляд о контрреволюционной природе эсеровского терроризма¹⁹.

Хотя в целом в советской историографии роль эсеровского террора действительно была преувеличена сравнительно с остальной работой ПСР и ему было уделено много внимания, но в основном преобладали общетеоретические рассуждения, без анализа эмпирического уровня. В западной историографии, наоборот, как правило, оценивали значение террора в тактике ПСР более сдержанно зато описание подробностей осуществления терактов было одним из излюбленных сюжетов литературы, посвященной эсерам. Показательно, что долгое время западные исследователи критиковали советских коллег за преувеличение фактора террора в тактической линии, проводимой социалистами-революционерами. Но уже в 1989 г. отечественные авторы Н.И. Канищева, М.И. Леонов, Д.Б. Павлов, С.А. Степанов, В.В. Шелохаев критиковали М. Хильдермайера и Ж.Бейнака за такое же преувеличение террора при неоправданном замалчивании информации о массовой работе эсеров²⁰.

Тенденция осуждения индивидуального политического террора, не в силу его недостаточной радикальности, а как проявление насилия, неприемлемого самого по себе, возобладала в отечественной историографии с конца 1980-х годов. Из спектра политических партий начала XX в. предпочтение стало отдаваться конституционным демократам. Многие исследователи смотрели на терроризм глазами кадетов.

Развитие исторической науки шло не параллельно изменению идеологических установок, а с некоторым отставанием, поскольку требовалось время для проведения исследований и переосмысления материала. Поэто-

¹⁹ См.: Алексеева Г.Д. Народничество в России в XX в. Идеиная эволюция. М., 1990. С. 246.

²⁰ См.: Канищева Н.И. Леонов М.И., Павлов Д.Б., Степанов С.А., Шелохаев В.В. Политические партии России в 1905–1907 годах (обзор новейшей немарксистской историографии) // История СССР. 1989. № 6. С. 186–187.

му перестроечный период в историографии российского революционного терроризма возможно классифицировать как переходный. Концептуальные компоненты советской исторической науки превалировали в ней над модернизационными тенденциями.

4.2. Постсоветский период историографии российского революционного терроризма

Конец XX столетия, как и его начало, ознаменовался волной террористических актов. Историческая наука не могла не отреагировать на этот вызов.

Первоначально большое влияние на развитие историографии российского революционного терроризма оказывали тенденции политической деструкции. С позиций теории правового государства критиковал практику внедрения провокаторов в террористические организации Ф.М. Лурье. «Провокация, – писал он, – одна из самых темных сторон природы живых существ. Провокация не просто темная, но зловещая сила. Еще страшнее, когда в провокации участвуют не частные лица, а крупные чиновники, ведомства, учреждения, превращающие провокацию в инструмент своей деятельности, вводя ее в сферу политики. Правительства использование провокации всегда тщательно скрывают от непосвященных; если же не удается избежать огласки, пытаются объяснить ее благими намерениями. Но даже самые соблазнительные светлые цели не могут оправдать грязных средств для их достижения».

Провокаторство, по оценке Ф.М. Лурье, коррелировалось с отсутствием общественного правосознания широких масс населения в Российской Империи. Уничжительные характеристики дает он фигурам самих провокаторов. «Все, что касается Азефа, – писал, к примеру, Ф.М. Лурье в отношении самого известного агента полиции, – потрясает глубиной падения человеческого духа. Кровь, предательство, безграничный цинизм, грязные деньги, липкая ложь образовали сплошную зыбкую трясику, в которой по-

гребены жизни сотен людей. Единственный случай в истории русского освободительного движения, когда одно и то же лицо в течение нескольких лет одновременно занимало самое высокое положение в революционной партии и Департаменте полиции, к голосу которого внимательно прислушивались руководители политического сыска империи и лидеры революционной партии, когда одно и то же лицо одновременно руководило убийствами крупных царских администраторов и выдавало полиции членов революционной партии. Азеф использовал худшие приемы борьбы политического сыска с революционерами, в нем произошло ядовитое «кровосмешение» этих противоборствующих проявлений человеческой деятельности, самое его существо источало погибель». О каких то сентенциях в отношении героизма сотрудников Департамента полиции, ежедневно рисковавших жизнью, выполняя свой долг перед государством, не могло быть и речи.

Советская историографическая традиция интерпретации народовольческого террора была в постсоветские годы применена в ряде публикаций при объяснении тактики революционных партий начала XX в. Ф.М. Лурье полагал, что эсеровский красный террор был вызван к жизни террором государственным. Если бы существовали демократические институты власти, то революционный терроризм был бы невозможен, ибо он являлся следствием безысходности, отсутствия альтернативы самодержавию. «Была ли в этом вина властей? – спрашивал Ф.М. Лурье. – Бесспорно. Вместо того, чтобы разрешить студентам устраивать кассы взаимопомощи, библиотеки и клубы, где без опасений репрессий можно было бы обсуждать любые политические и экономические проблемы, правительство запретило все, что могло способствовать развитию в молодых людях истинного патриотизма, умения самостоятельно мыслить и анализировать. То, что давно вошло в традиции европейских университетов, российские власти старательно искореняли, не ведая, что тем самым подталкивали студенчество в объятия революционеров и выбивают почву из-под своих же ног. Если бы не чрезмерные правительственные запреты, запреты любой оппозиции, револю-

ционеров было бы меньше, да и повадки были бы иными. У несогласных с властями отсутствовал выбор, им оставили всего один путь, путь в конспирацию, а она чаще всего формировала революционное сообщество. Итак, индивидуальный политический террор второй половины XIX–начала XX в. возник в результате преступно-ошибочных воздействий российских властей на радикально настроенных молодых людей»²¹. Впрочем, редакция сборника «Индивидуальный политический террор в России XIX - начало XX в.», в котором была помещена данная работа, объявляла о своем несогласии с интерпретацией автора как с объяснением, упрощавшим социокультурный контекст развития России начала XX в. Но в силу того, что аргументация, приводимая в статье, пользуется популярностью в современной историографии, редакторский коллектив посчитал необходимым включить работу Ф.М. Лурье в указанный сборник.

В постсоветский период развития изучения истории революционного терроризма при плюрализме мнений и отсутствии идеологической детерминанты исторического творчества, в отличие от предшествующего времени, существовала не одна, а несколько тенденций и направлений исследования. Во многих работах, включая те, в которых декларировался отказ от прежних советских подходов, наследие марксистской идеологии преодолеть не удалось. Так, К.В. Гусев, признавая, в отличие от своих предшествующих работ, здравые идеи в доктринах эсеров (например, о своеобразии исторического пути развития России), по-прежнему повторял ленинскую оценку социалистов-революционеров как «кадетов с бомбой» и утверждал, что террор для ПСР являлся главным средством свержения монархии. Показательны названия новых книг К.В. Гусева «Рыцари террора» и «Эсеровская богородица», которые звучат диссонансом к наименованиям его преж-

²¹ Лурье Ф.М. Индивидуальный политический террор: что это? // Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. М., 1996. С. 127–130.

них произведений, в которых ни о каком рыцарстве эсеров и их святости речи идти не могло²².

За неправильную, с его точки зрения, оценку задач первой русской революции, неверные воззрения на расстановку классовых сил в России, ошибочную программу «социализации» и т. п. критиковал эсеров Г.Г. Касаров Он признавал: «Партия эсеров внесла определенный вклад в свержение российского самодержавия, в борьбу за демократические и политические свободы. Совместные действия рабочего класса и крестьянской демократии приближали освобождение масс из под царской монархии, отставшей на целые столетия от мировой цивилизации»²³. (Словосочетание «иго царской монархии» также переключало из терминологического аппарата советских историков прежних лет). Вместе с тем, вынося резюме деятельности партии эсеров в начальный период ее существования, автор писал: «В общеполитической борьбе эсеры, признав гегемоном революции отечественную буржуазию, оказались в хвосте у последней. Своей тактикой индивидуального террора они помогли либералам, способствовали впоследствии кадетам торговаться с представителями царской власти»²⁴.

По-прежнему, значительная часть работ, затрагивающих проблемы российского революционного терроризма, была представлена в рамках классового подхода понимания истории²⁵. Террористическая тактика определялась как проявление классового сознания мелкобуржуазных слоев населения, в частности интеллигенции. Негативной чертой является не само по себе использование методологии классового анализа, имеющего право на существование, а такое положение, когда появлявшиеся редкие исследо-

²² См.: Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992. С. 3, 9.

²³ Касаров Г.Г. Партия социалистов-революционеров. (Конец XIX в. – февраль 1917 г.). М., 1995. С. 23.

²⁴ Там же. С. 31.

²⁵ См.: Артемов А.А., Дербенев Н.Е, Политические партии России в период подготовки и хода первой русской революции. Пенза, 1994. С. 4.

вания, написанные в нетрадиционном ракурсе, обделяются вниманием профессиональных историков и считаются ими несерьезными.

Противоположной тенденцией 1990-х годов явилось построение ряда работ по принципу «от противного». А. Литвин писал об эсерах как о «бескомпромиссных демократах», готовых защищать демократические идеалы до конца, но обреченных на поражение из-за своей приверженности демократическому социализму, социализму без насилия²⁶. Об эсеровском терроризме в данном случае не говорилось ни слова.

Уже само название указанной новой монографии К.В. Гусева «Рыцари террора» отражало тенденцию смены оценок в отношении политических оппонентов большевиков. Автор писал о БО ПСР как рыцарском ордене, членов которого характеризовало самопожертвование и личное бескорыстие. Такой подход был принципиально отличным от оценок, даваемых К.В. Гусевым террористам в работах советского периода, где доминировала мысль о сомнительности героизма, да и вообще высоких моральных качества боевиков.

Вместе с тем историк не отказался от прежнего тезиса об исторической обреченности и авантюризме террористического движения в России. Любая боевая деятельность рассматривалась им как благоприятная среда для провокаторства. К.В. Гусев повторял мысль, апробированную им еще в работах 1960-1970-х годов о том, что именно террористическая тактика способствовала политическому угасанию ПСР. Эффект же от индивидуального террора эсеров оценивался автором как нулевой²⁷.

В постсоветских исследованиях Н.Д. Ерофеева о народных социалистах автор писал об их «особой мудрости, недоступной для поверхностного взгляда», постановке ими во главу угла интересов личности, выражение

²⁶ См.: Литвин А. «В борьбе обретишь ты право свое!» Судьба самой многочисленной партии России // Н и ж. 1991. № 3.

²⁷ См.: Гусев К.В. Указ. соч.

воли всего народа, «глубокое знание русской действительности, жизни народа, его положения, быта, психологии, интересов, настроений»²⁸. Большевики и эсеры критиковались за их радикальность, выражающуюся в увлечении боевыми предприятиями, а умеренность народных социалистов, считавшаяся прежде их главным грехом, превращалась в добродетель.

Еще в большей степени вектор подобных умонастроений был усилен в статье Л. и О. Протасовых²⁹. Н.Д. Ерофеев полагал, что эсеров отличало от большевиков стремление сохранить моральный облик, тогда как для последних была характерна беспринципность в решении политических задач. Но мораль и политика – плохо совместимые друг с другом понятия, и потому большевики в конечном счете переиграли социалистов-революционеров. «Логически, в России, тогда преимущественно крестьянской стране, – писал Н.Д. Ерофеев, – успех должен был бы быть на стороне эсеров, их учения, социально ориентированного, прежде всего, на крестьянство и более притягательного для широких масс своей демократичностью и гуманностью.

Однако логическое и историческое не всегда совпадают. Историческое же, в данном случае, понять и объяснить не просто. Сыграли здесь определенную роль факты и обстоятельства случайного и субъективного характера: в частности, личные качества лидеров партий, особенно такие их черты, как решительность, политическая воля и целеустремленность, желание считаться с нормами права и морали. Эсеры были менее фанатичны в своей утопии, более привержены принципам законности, особенно в условиях демократии и общечеловеческой морали»³⁰. Но указанная позиция автора, по-видимому, была predeterminedena не научными выводами, а

²⁸ Ерофеев Н.Д. Народные социалисты // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 75–78.

²⁹ Протасов Л., Протасова О. Народные социалисты // Родина. 1994. № 19. С. 77.

³⁰ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1907 гг. М., 1996. Т. 1. С. 8.

политической конъюнктурой, когда от апологетики большевистских лидеров многие историки перешли к их демонологизации, и наоборот, негативная оценка политических оппонентов большевиков сменилась неоправданной идеализацией их душевных качеств. Конечно, в череде деятельности эсеров были поступки, которые возможно оценивать по высшим критериям нравственности, как, к примеру, отказ И.П. Каляева бросить бомбу в карету великого князя Сергея Александровича на том основании, что в ней находились дети. Но вместе с тем факты экспроприаций, двойной игры политического руководства и т.п. действий расходятся с представлениями о морали.

Зачастую в современных отечественных исследованиях предлагается даже более упрощенное объяснение генезиса революционного терроризма, чем в советской исторической литературе. Так, Р.А. Городницкий объяснял создание эсеровских террористических организаций следующим образом: «Углубившиеся противоречия между идейными запросами общества и политикой государства, игнорировавшей объективные потребности в реформах, привели к ужесточению протеста со стороны революционеров, побудили их применять крайние методы противодействия. Радикалами были продолжены традиции народовольческого террора 1870–1880-х годов»³¹.

Другая тенденция, вызванная пресыщением господства схематизма в советской историографической традиции, выразилась в позитивистском походе к построению работ. Главным становилось фактическое содержание. Особенно наглядно это проявилось в соответствующих главах учебного пособия «История политических партий России», статьях энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века», в монографии Р.А. Городницкого «Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг.» и др.

³¹ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 3.

Попытку перейти к цивилизационному подходу в интерпретации истории эсеровского движения предпринял М.И. Леонов. Внутренний конфликт России начала XX в. он видел в несовместимости двух культурологических моделей: агрессивного технологического бытия европейски образованной части общества и космологического бытия традиционалистских низов. С точки зрения М.И. Леонова, эсеры, в отличие от социал-демократов, предлагали путь развития на основе традиционной, восточно-христианской земледельческой модели. «Устойчивая традиция двух модификаций социализма, – писал он, – не случайна, в России сосуществовали две культуры: традиционная космоцентрическая (крестьянская) и утверждавшаяся технологическая промышленно-городская (индустриальная). Марксисты мечтали о социалистическом обществе чисто индустриальном, основанном на рафинированных тенденциях промышленной капиталистической культуры, в которой нет места ни явлениям земледельческой цивилизации, ни массовому представителю ее – крестьянину. Российский крестьянский социализм в изначальном виде пытался смоделировать будущее на основе некапиталистических структур земледельческой цивилизации; он основывался на вере в исключительную самобытность России, возможность благодаря нерасчлененному патриархальному крестьянству и общине прийти к социализму, минуя капитализм. Нравственный императив, протест против неравенства, эксплуатации решительно преобладал над объективным анализом действительности; приговор существующему строю, так же, как и капитализму, выносился с точки зрения несоответствия разуму, справедливости, идеалу. Эсеровский социализм был синтезом концептуальной сути крестьянского социализма А.И. Герцена - Н.Г. Чернышевского и эволюционно-реформистского марксизма бернштейнианской интерпретации»³². Однако такой трактовке противоречило увлечение неонародников террористическими методами борьбы. Сам по себе терро-

³² Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 87–88, 90.

ризм, предполагавший определенную оторванность боевиков от массового движения, плохо коррелировался с восточно-христианской системой ценностей. Это противоречие разрешалось пересмотром функционального назначения терактов. Эсеровский терроризм рассматривался М.И. Леоновым как компонент массовой революционной работы. Он не противопоставлялся широкому общественному движению, а определялся в качестве его индикатора. Характеризуя специфическую тактику социалистов-революционеров, М.И. Леонов писал: «Особая роль в повышении революционного настроения масс, приобщении их к политической деятельности на примере самопожертвования героя отводилась террору. Террористические покушения, по мысли эсеров, ослабляли, устрашали, дезорганизовывали, сдерживали произвол правительства, воспитывали в массах умение бороться. Много говорилось о слиянии индивидуального террора и массового движения»³³.

По-видимому, многие положения своей теории М.И. Леонов заимствовал из трудов М. Хильдермайера, который еще в 1970-е годы предложил аналогичное объяснение смысла эсеровского движения. Как и немецкий историк, он связывал терроризм с интеллигентской мировоззренческой парадигмой, что вступало в противоречие с утверждением о приверженности эсеров к земледельческой, крестьянской культуре. Впрочем, для самого М. Хильдермайера, не разделявшего идею о социально-классовой детерминации генезиса терроризма такого противоречия не существовало. Но для М.И. Леонова эта доминанта являлась определяющей. Поэтому он критиковал М. Хильдермайера за неточность в определении классового состава ПСР, доказывал ее преимущественно крестьянскую социальную базу и тем снимал указанное противоречие хильдермайеровской теории. Таким образом, получалось, что террористическую деятельность осуществляло главным образом интеллигентское крыло партии, тогда как крестьянские пар-

³³ Леонов М.И. Указ. соч. С. 125–126.

тийные массы тяготели к иным формам борьбы. Подобный концептуальный эклектизм являлся следствием совмещения элементов цивилизационного и формационно-классового подходов³⁴.

Несмотря на попытку М.И. Леонова посмотреть на историю ПСР через призму цивилизационного подхода, по-прежнему в отечественной историографии революционного терроризма преобладает принцип «объяснения», а не «понимания» материала. Герменевтический анализ, дешифровка текстов с учетом ментального контекста, распространенные в западной историографии, в отечественной науке пока не получили широкого распространения. Одно из редких исключений представляет исследование семиосферы революционного подполья М. Могильнера³⁵.

С нашей точки зрения, атеистическое мировоззрение и западническое воспитание большинства лидеров эсеровского движения не позволяет судить о ПСР как о партии восточно-христианских традиционалистов. Возможно, эсеры и играли такую роль, но не осознавали собственного предназначения³⁶.

Таким образом, М.И. Леонов окончательно отказался от советского стереотипа противопоставления тактики терроризма и вооруженного восстания. Теракты начала XX в. осуществлялись в фарватере курса на всеобщее восстание. «Подтвердив устоявшееся представление о грядущей революции, как “демократической и в известной степени политической”, –

³⁴ См.: Хильдермайер М. Возможности и рамки аграрного социализма в русской революции // Реформы или революция? Россия, 1861–1917. СПб, 1992; Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994; Леонов М.И. Пролетарский и крестьянский социализм в России на рубеже XIX–XX веков // Самарский исторический ежегодник. Самара, 1993.

³⁵ См.: Могильнер М. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.) М., 1997.

³⁶ См.: Леонов М.И. Пролетарский и крестьянский социализм в России на рубеже XIX–XX веков; он же. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг.

писал М.И. Леонов о социалистах-революционерах, – они выдвинули лозунг пропаганды всей программы целиком, “расширения не только политического, но и социального содержания надвигающейся революции”, призывали к вооружению всех членов партии и народа, слиянию борьбы в городе и деревне, индивидуального террора и массовых выступлений, к “прямому захвату земли по предварительному стовору”, к привлечению армии на сторону революции, к согласованию усилий всех сил освободительного движения и прекращению “братоубийственной войны” между социалистами. Лозунг “Вооруженное восстание” заполнял в те дни страницы партийных изданий, им заканчивались прокламации ЦК, местных организаций, “братств”. При этом, подобно большевикам, лидеры эсеров бичевали меньшевистскую “Искру”, поскольку та игнорировала пропаганду технической подготовки восстания. Так же, как большевики, они старательно внедряли мысль о взаимообусловленности политической и технической подготовки восстания»³⁷. Действительно, эсеры не только говорили, но и создавали боевые дружины, участвовавшие затем в вооруженных столкновениях, закупали оружие за границей, затратив на его приобретение за 1904–1905 гг. от 400 до 500 тыс. рублей только из кассы Центрального комитета³⁸.

Необходимо отметить, что все доводы за и против наличия у эсеров тактической установки на вооруженное восстание исходят из рассмотрения ПСР как некой законсервированной во времени организации, при этом игнорируется историческая динамика ее развития. Партия эсеров периодически выдвигала лозунг восстания и вновь снимала его, что зависело от сопутствующих обстоятельств. После 9 января враждебность режима народам России предстала столь очевидным фактом, что лозунг восстания был

³⁷ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 153–154.

³⁸ См.: Революционная Россия. 1905. № 58. С. 2–3, 17; № 59. С. 14, 19–22; № 60. С. 23; № 61. С. 6.

немедленно поднят на щит. После 17 октября, когда возникла перспектива создания конституционного государства, призыв к восстанию был снят. Кроме того, внутри партии не существовало единства мнений. Петербургский комитет после издания Манифеста 17 октября был против восстания, а Московский – отстаивал необходимость его проведения. Таким образом, следует признать, что лозунг восстания, конечно, существовал в эсеровской среде, но не всегда и не при любых условиях считался актуальным.

В советской историографии зигзаги эсеровских политических установок объяснялись мелкобуржуазной природой эсеров, для которой свойственны колебания в сторону как буржуазии, так и пролетариата. В постсоветские годы принципиально иных попыток объяснения тактической неустойчивости ПСР не предпринималось. М.И. Леонов представил палитру идейно теоретических расхождений внутри эсеровского движения, свидетельствующую о том, что к террористической тактике апеллировала лишь часть социалистов-революционеров. Отношение к терроризму со стороны эсеров не было константным, корректируясь в зависимости от преобладания в партии той или иной группы. «В процессе самоопределения, – писал исследователь, – возникло три разветвления. За ними закрепились названия «северных эсеров» (Союз социалистов-революционеров, наиболее видными деятелями которого были А.А. Аргунов, С.И. Барыков, В.Н. Переверзев, М.Ф. Селюк), «южных эсеров» (Партия социалистов-революционеров во главе с В.А. Вознесенским, И.А. Дьяковым, М.М. Мельниковым, А.О. Сыцялко), а также Рабочей партии политического освобождения России (РППОР) во главе с Л.М. Клячко, А.О. Бонч-Осмоловским, А.П. Кудрявцевым³⁹. Именно «Союз», который настойчиво подчеркивал идейное родство с «Народной волей», выступал с пропагандой террора, «приближался скорее к организациям старого конспиративного образца». «Партия» эсеров, несмотря на то, что ее составляли довольно разноликие элементы, более

³⁹ См.: Большинство исследователей называли лидером РППОР Г.А.

всего отошла от идей традиционного народничества, удалив из своего программного заявления упоминание об идейной связи с ним и о терроре, чем вызвала недовольство остальных эсеров, как в России, так и в эмиграции.

Идеологи РППОР в своей программной брошюре «Свобода» уклонились от изложения социальной концепции, анализа социально-экономического положения России, разорвали связь между борьбой за политическую свободу, на первоочередной необходимости которой они настаивали, и борьбой за экономические преобразования и за социализм. Среди средств достижения политической свободы они на первое место ставили террор. Эмигрантские народнические организации (Аграрно-социалистическая лига, Союз русских социалистов-революционеров) и теоретики, группирующиеся вокруг журнала «Русское богатство», искали выход на путях модернизации концепции таких авторитетных народников-экономистов, как В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон, посредством оплодотворения ее неомарксистскими трактовками «ревизионистов», «оппортунистов», теоретиков и практиков «новой волны», в том числе Ф. Герца, Э. Да-вида, Э. Вандервельда»⁴⁰.

Возможно, более оправданом было бы деление не на четыре, а на два направления. Рабочая партия политического освобождения России имела общность позиций с Северным союзом социалистов-революционеров, Южная партия социалистов-революционеров – с эмигрантскими группировками. Поэтому Н. Ерофеев и Г. Аноприева писали о существовании двух течений в эсеровском движении. «Представителей левого крыла характеризовала преданность народовольческой традиции. Они акцентировали внимание на революционной работе среди интеллигенции и городских рабочих, скептически смотрели на работу в крестьянстве, большое значение придавали террору, являлись сторонниками принципа централизма в

Гершуни.

⁴⁰ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 27–28.

организации партии, первостепенную роль в деле создания партии отводили печатному органу. Представители правого крыла проявляли большую тягу к марксизму и социал-демократии, однако, в отличие от последних, признавали вполне возможной революционную работу в деревне, считали, что сохранившаяся земская община облегчит усвоение крестьянами социалистической идеи, занимали осторожную позицию в отношении к террору, в организационном же вопросе отдавали предпочтение федеративному принципу. Из-за имевшихся разногласий, слабых связей друг с другом, переговоры об объединении между южными эсерами и северными (Союзом социалистов-революционеров) велись, но они протекали очень вяло, и положительный их итог был проблематичен»⁴¹. Таким образом, вопрос о террористической тактике был краеугольным камнем в российском партстроительстве.

Исследователи, акцентирующие внимание на терроризме и деятельности БО, отводили ведущую роль в образовании ПСР Российской политической партии освобождения России⁴². М.И. Леонов одним из первых попытался применить к изучению революционного терроризма статистические методы. Посредством их привлечения пересматривается тезис об эсеровской БО как руководящей силе всего террористического движения в России. По расчетам М.И. Леонова, в террористической деятельности было задействовано лишь 1,5–2% социалистов-революционеров⁴³. Террористические настроения, полагал М.И. Леонов, преобладали в верхах партии вплоть до 1907 г., после чего большинство в партии социалистов-

⁴¹ Политические партии России. Конец XIX–первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 434.

⁴² См.: Еремин А.И. Так начиналась партия эсеров // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 145; Егоренкова О.В. Разработка В.М. Черновым аграрной программы партии социалистов-революционеров: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 13; Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.

⁴³ Леонов М.И. Эсеры и революция 1905–1907 гг. Самара, 1992. С. 157.

революционеров дистанцировалось от прежней тактической линии. Таким образом, упадок терроризма, согласно М.И. Леонову, не являлся прямым последствием разоблачения Е.Ф. Азефа, будучи состоявшимся фактом еще до азефовского скандала. В целом же эсеровский терроризм преподносился им как нечто инородное по отношению к крестьянской природе Партии социалистов-революционеров⁴⁴.

В постсоветское время М.И. Леонов отказался от прежнего отождествления аграрных террористов с анархистами. Вместе с тем общий характер выводов остался прежним. Автор подчеркивал тенденцию трансформации аграрного террора в практику экспроприации, ничем не отличающуюся от уголовного грабежа⁴⁵. Данная оценка в целом стала доминирующей в постсоветской литературе, освещавшей проблему аграрного террора.

Действительно, такой взгляд имеет под собой серьезные фактические основания. Не случайно одним из противников экономического террора являлся Г.А. Гершуни, которого отнюдь не заботила так называемая буржуазная мораль. С его точки зрения, партия должна была бороться с «эксами» не потому, что признавала неприкосновенность частной собственности, а потому, что эти акты «разрушают и развращают наши организации, унижают революцию и ослабляют ее силы»⁴⁶. Эсеры не гнушались и вымогательством. Любой гражданин, причисляемый к классу эксплуататоров, мог получить записку от местного комитета ПСР, к примеру, такого содержания: «Рабочая организация партии социалистов-революционеров в Белостоке требует от Вас немедленно пожертвовать... семьдесят пять рублей... Организация предупреждает, что в случае, если Вы не передадите эту сум-

⁴⁴ Леонов М.И. Эсеры и революция 1905–1907 гг. Самара, 1992; Леонов М.И. Политическое руководство партии эсеров в революции 1905–1907 гг. // Общественно-политические движения в России XIX–XX вв. Самара, 1993. С. 59–71.

⁴⁵ См.: Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 160–162.

⁴⁶ Гершуни Г.А. Об экспроприациях. Б.г., б.м. С. 2.

му, она примет суровые меры против Вас и Ваше дело будет передано в Боевой отряд»⁴⁷.

Переосмыслению прежних выводов способствовало также издание в отечественной печати трудов лидеров террористического движения, зарубежных историков, представителей русского зарубежья⁴⁸. Складывание многопартийной системы в России в 1990-е годы послужило импульсом к изучению партийности начала XX века. Партии террористического направления стали рассматриваться не автономно и не в рамках истории РСДРП(б), а в контексте партийно-политической системы России. Согласно преобладающей в исследованиях последних лет трехчленной классификации (консервативные, либеральные и социалистические партии) эсеры, максималисты и анархисты оказались в одном лагере с большевиками. В некоторых работах, как, например, в кандидатской диссертации О.А. Черемных «Революционно-демократический фронт в годы первой российской революции 1905–1907 гг.», акцент был сделан на совместной, в том числе боевой деятельности российских организаций левого толка⁴⁹. В рецензии на изданную под редакцией А.И. Зевелева книгу «История политических партий России» А.И. Уткин отмечал, что при параллельном рассмотрении истории эсеров, анархистов и большевиков обнаруживается немало общего в тактике партий⁵⁰.

В постсоветский период получила развитие тема «изнанки революции». Обратной стороной индивидуального террора определялась люмпенизация революционного подполья. Участие в нем уголовников, психиче-

⁴⁷ Цит. по: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 111.

⁴⁸ Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991; Савинков Б.В. Воспоминания. М., 1990; Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993; Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917.

⁴⁹ См.: Черемных О.А. Революционно-демократический фронт в годы первой российской революции (1905–1907 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

⁵⁰ См.: Уткин А.И. [Рецензия] // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 164.

ски неуравновешенных личностей, несовершеннолетних дискредитировало саму революцию. «Изнанка» террора преподносилась в качестве его имманентного содержания. Утверждалась изоморфность политического терроризма с тривиальной уголовщиной. Так, А. Гейфман ссылалась на характерный для начала XX века анекдот:

- Когда убийца становится революционером?
- Когда с браунингом в руке он грабит банк.
- А когда революционер становится убийцей?
- В том же случае⁵¹.

Применение в отечественной историографии революционного терроризма в России подходов, апробированных прежде в западной исторической литературе, связано с именем О.В. Будницкого. Он, по существу, первым среди российских историков приступил к разработке этой темы в качестве самостоятельного, а не опосредованного в связи с изучением той или иной партии сюжета. Его внимание привлекли, главным образом, не столько описательная канва терактов, сколько идеологические, психологические и этические стороны террористической борьбы⁵². С одной стороны,

⁵¹ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 10.

⁵² См.: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX–начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX–начало XX в.) М., 2000; Женщины-террористки в России. Становление, вступит. статья и примечания О.В. Будницкого. Ростов н/Д., 1996; Будницкий О.В. Кровь по совести: терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX в.) // Отечественная история. 1994. № 6; Будницкий О.В. П.А. Кропоткин и проблема революционного терроризма // Известия высших учебных заведений: Северо-Кавказский регион: Общественные науки. 1993. № 4; Будницкий О.В. Последние народовольцы: к истории южно-русской организации // За строкой учебника истории. Ростов н/Д., 1995; Будницкий О.В. «Теоретическое убийство» // За строкой учебника истории. Ростов н/Д., 1992; Будницкий О.В. Проблема террора в русской

О.В. Будницкий солидаризировался с мнением А. Гейфман о том, что ни одна из российских оппозиционных партий не выступила на деле против терроризма, а с другой в отличие от американской исследовательницы, он не склонен усматривать ханжеское противоречие между теорией и практикой революционеров. О.В. Будницкий убедительно доказывает, что на уровне идеологии ни одна из революционных партий вовсе не отвергала террористической тактики в принципе. «Проблема политического убийства, – писал он в главе, посвященной отношению к терроризму российской социал-демократии, – была для Ленина лишь вопросом целесообразности. В этом отношении он был законным наследником революционной традиции, достойный вклад в которую внесли и полуобразованный фанатик Нечаев, и рафинированный “европеец” Плеханов»⁵³.

В своих исследованиях О.В. Будницкий развивает популярную среди западных историков теорию о суицидальной мотивации поведения террористов. Для многих из них, полагает историк, участие в террористической борьбе объяснялось тягой к смерти. Не решаясь покончить самоубийством, в том числе и по религиозным мотивам (ведь христианство расценивает самоубийство как грех), они нашли для себя такой нестандартный способ расстаться с жизнью, да еще громко хлопнув при этом дверью⁵⁴.

К террористической деятельности проявляли повышенную склонность лица, вытесненные на периферию правового поля в существовавшей государственной системе. О.В. Будницкий иллюстрирует это положение на примерах широкого представительства в террористических организациях женщин и евреев. По-видимому, при разработке автором обеих сюжетных

эмигрантской публицистике конца XIX–начала XX века // Россия в XIX–начале XX века. Ростов н/Д., 1992.

⁵³ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) М., 2000. С. 335.

⁵⁴ См.: Будницкий О.В. Терроризм: происхождение, типология, этика // Россия в условиях трансформаций. Вып. 15–16. М., 2001. С. 66.

линий не обошлось без влияния трудов западных авторов, в первом случае – Э. Найт, во втором – Н. Нэймарка⁵⁵. Женщины составляли треть участников Боевой организации эсеров, а некоторые максималистские или анархистские террористические группы были почти полностью кооптированы из евреев. Данный феномен автор объясняет крайней, при отсутствии легальных средств, формой борьбы за эмансипацию соответственно женской части общества и еврейского населения⁵⁶.

Традиционный тезис советской историографии о неэффективности террористической тактики в революционной борьбе опровергает О.В. Будницкий. Террористические акты действительно оказывали воздействие на политику царского правительства. В частности, следствием такого влияния автор считает политическую оттепель П.Д. Святополка-Мирского, наступившую после убийства его предшественника на посту министра внутренних дел В.К. Плеве. Существенно повысило эффективность терактов в сравнении с народовольческой эпохой использование динамитов. Тенденция, приведшая к использованию современными террористами пластиковых взрывчаток и радиоуправляемых ракет, отмечается О.В. Будницким уже применительно к началу XX века⁵⁷. Уже эсеры пытались взять на вооружение передовые достижения военно-инженерной мысли, позволившей бы, по словам В.М. Чернова, вести уже борьбу «в воздухе и под водой»⁵⁸.

⁵⁵ См.: Knight A. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party // *Russian Review*. 1979. April. № 38(2). P. 139–159; Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 2. № 2. Summer 1990. P. 171–192.

⁵⁶ См.: Будницкий О.В. Женщины-террористки: политики, психология, патология // *Женщины – террористки в России*. Ростов н/Д., 1996. С. 3–28; Будницкий О.В. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция. М.; Иерусалим, 1999. С. 3–21; *Россия в условиях трансформаций*. М., 2001. С. 78.

⁵⁷ См.: Будницкий О.В. Терроризм: происхождение, типология, этика // *Россия в условиях трансформаций*. Вып. 15–16. М., 2001. С. 61–62.

⁵⁸ Морозов К.Н. *Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг.* М., 1998. С. 376, 423–426.

Какие же контртеррористические мероприятия О.В. Будницкий считал наиболее эффективными? Являясь сторонником модели гражданского общества, довольно предосудительно историк относится к «столыпинскому кровопусканию»⁵⁹. «Вследствие введения военно-полевой скорострельной юстиции, – полагает он, – подрывалось само понятие законности и государственности..., а сумма насилия в обществе достигла критического предела»⁶⁰. Основу для терроризма, считает О.В. Будницкий, подорвали не репрессивные меры, а гражданское реформирование. «Реформы, хотя и запоздалые, – писал он, – позволили общественному недовольству найти легальные пути для своего выражения; возможности самореализации помимо власти и независимо от нее заметно возросли»⁶¹. Возможно, на характере оценок исследователя сказалось в данном случае значительная историческая удаленность рассматриваемых событий. Ответом же на современный теракт 11 сентября 2003 г. должны были, по его мнению, стать отнюдь не реформы, а действия государства, не ограниченные релятивистскими сентенциями⁶².

Оценки О.В. Будницким феномена терроризма в исторической ретроспективе и применительно к сегодняшнему дню, по сути, противоположны друг к другу. В преамбуле к своей монографии «Терроризм в российском освободительном движении» он декларирует намерение воздержаться от однозначных суждений в отношении террористов. «Очевидно, что подход к объяснению исторических явлений с позиций уголовного кодекса, – замечает автор, – вряд ли поможет что-либо в них понять»⁶³. Но как только про-

⁵⁹ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX–начало XX в.) М., 2000. С. 356.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² См.: Будницкий О.В. Терроризм: происхождение, типология, этика // Россия в условиях трансформаций. Вып. 15–16. М., 2001. С. 50, 100.

⁶³ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX–начало XX в.) С.

гремел теракт 11 сентября, О.В. Будницкий провозгласил о том, что эра постмодернизма, выраженного в релятивистском отношении к подобным действиям, с этого момента завершена. Терроризм есть однозначное зло, без какого бы то ни было сослагательного направления. «Очевидно, – говорил он в заключение доклада на историко-политологическом семинаре Фонда развития политического центризма, – что можно смотреть на предмет с разных сторон. Разумеется, терроризм – явление историческое и как таковое подлежит толкованию. Историк обязан объяснить (точнее, попытаться понять и объяснить) мотивы, которые двигали террористами, многие из которых лично отнюдь не были монстрами и убивали, как им казалось, из вполне благородных побуждений. Однако понять не значит оправдать. Нравственный релятивизм не доводил до добра ни одно общество. Отнестись “с пониманием” в конце концов можно ведь к любому убийце. Убийства же из “политической целесообразности” относятся к числу наиболее отвратительных. Это и есть постмодернизм, который умер 11 сентября»⁶⁴.

Расширению объема фактических знаний способствовало открытие доступа к архивным фондам, публикация источников, связанных с деятельностью террористических организаций.

Широкий пласт закрытых прежде архивных источников по истории эсеровского терроризма вводится в научный оборот в трудах Р.А. Городницкого и К.Н. Морозова. Терроризм стал у Р.А. Городницкого предметом статистического анализа. Приводимые данные реконструировали облик Боевой организации эсеров по половому, возрастному, сословному, образовательному составу. Причем некоторые из цифр противоречили сложившимся в историографии представлениям. Вопреки мнению о смертельной опасности деятельности террористов, Р.А. Городницкий указывал, что при

17.

⁶⁴ Будницкий О.В. Терроризм: происхождение, типология, этика // Россия в условиях трансформаций. Вып. 15–16. С. 109.

совершении терактов за все время существования БО погиб лишь один человек. Тезису о ее сектантском характере противоречили цифры значительного оттока из организации. Эсеровскую БО в момент своего членства в ней покинули по разным причинам 23 человека, что составляло четверть всего состава. Воспетый в революционной традиции героизм террористов сочетался на практике с проявлениями малодушия. Пятая часть всех арестованных боевиков либо предоставляла откровенные показания полиции, либо подавала прошения о помиловании. В противоречии с популярной в настоящее время теорией о психопатологической парадигме терроризма Р.А. Городницкий отмечал, что в момент членства в БО ни один из ее участников психическими болезнями не страдал. Лишь пребывая в тюремном заключении, лишились рассудка трое боевиков.

Вместе с тем Р.А. Городницкий оговаривается, что покончили жизнь самоубийством 10 человек, принадлежавших к Боевой организации. Но не свидетельствует ли высокая динамика самоубийств по меньшей мере о психической аномальности? Статистика развенчивает и ореол эсеровской БО как наиболее эффективной из террористических групп революционеров. Процент совершенных ею боевых операций был крайне низок, даже по сравнению с другими структурами ПСР, не говоря уже о максималистах и анархистах. За десять лет своего существования эсеровская БО смогла успешно осуществить лишь четыре террористических акта: против министра внутренних дел Д.С. Сипягина, уфимского губернатора Н.М. Богдановича, министра внутренних дел В.К. Плеве и великого князя Сергея Александровича. Еще при двух состоявшихся покушениях намеченные жертвы – харьковский губернатор И.М. Оболенский и московский генерал-губернатор Ф.В. Дубасов – остались живы. Правда, Р.А. Городницкий оговаривался, что эффективность работы БО определялась не столько числом терактов, сколько самим фактором угрозы правительству. Но очевидно, что десятилетняя деятельность Боевой организации не соответствовала как финансовым затратам, так и статусу в революционном движении. Р.А. Го-

родницкий солидаризировался с мнением, что основной причиной заката эпохи терроризма стала не контртеррористическая деятельность полиции, а «грязь предательства Азефа». После азефовского скандала к руководству ПСР пришли люди, однозначно решившие отказаться от террористической тактики. Однако, оговаривается Р.А. Городницкий, их отказ мотивировался не этическими соображениями, а политической конъюнктурой. Боевая организация для новой эсеровской партии представлялась инородным телом, чем и было продиктовано решение о ее роспуске в апреле 1911 г.⁶⁵ Р.А. Городницкий предложил принципиально новый подход к рассмотрению проблемы взаимоотношений ЦК ПСР и Боевой Организации. Он доказывал, что определенный автономизм БО полностью соответствовал уставным принципам построения партии и был практически оправдан.

Первоначально БО возникла как частная инициативная группа Г.А. Гершуни, не получавшая однозначного одобрения и покровительства партийного руководства. В первое время своего существования БО не получала денег от ЦК, и более того, нередко были случаи, когда финансы, пожертвованные для БО, шли на общепартийные нужды. Р.А. Городницкий опровергал превратившийся в клише тезис об отсутствии партийного контроля за деятельностью БО, указывая, что представители ЦК входили в непосредственное руководство Боевой организации. «Очень легко оступиться и сделать вывод об изначальной обособленности БО от партийных учреждений, о ее каком-то “надпартийном” характере, – писал исследователь. – При конкретном же анализе получается другая картина. Сам Гершуни, один из отцов-основателей ПСР, был авторитетнейшим членом ЦК. В ЦК 1902г. входил также Азеф, прекрасно осведомленный почти о всех делах БО. Был членом ЦК и Крафт – помощник Гершуни №1. Думается, что члены ЦК Брешко-Брешковская и Чернов также не могли пожаловаться на плохую осведомленность в сфере боевых мероприятий ПСР. То есть полу-

⁶⁵ См.: Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-

чается, что почти весь состав ЦК и был реальным руководителем террористической кампании, разворачивавшейся в России в 1902–1903 гг.»⁶⁶.

Говоря о конфликтах между БО и ЦК ПСР, отечественные историки, как правило, становились на сторону последнего, обвиняя боевиков в снобизме, в создании нездоровой обстановки внутри партии. Конфликт заключался в онтологическом различии деятельности, а отсюда в различном восприятии жизни: цекисты разрабатывали руководящие директивы, а боевики рисковали жизнью. Исходя из данной моральной антитезы внутрипартийной жизни ПСР, Р.А. Городницкий писал: «В конечном итоге, что мешало любому члену ЦК пойти поработать в БО (для этого не требовалось быть обязательно исполнителем террористических актов) и развеять этот, казавшийся непростительным, дух обособления? Чем рисковал член ЦК, идя в БО? Безусловно, в случае ареста ему грозила бы по меньшей мере каторга, а не несколько месяцев заключения с последующей ссылкой. Но если у цекистов не было решимости “пострадать”, то от них никто и не требовал этого. Только ведь тогда бесчестно и нелепо было требовать от рядовых членов БО, которые, вступая в организацию, шли на смерть, того, чтобы они тщательно штудировали книги и брошюры по земельному вопросу и, таким образом, не отставали от общепартийных задач. Однако члены ЦК не желали вникнуть в психологию боевиков, их интересовало одно: насколько БО подчиняется любым распоряжениям ЦК. Если член ЦК находил малейшее проявление самостоятельности мысли у члена БО, то его раздражению не было предела⁶⁷. В отличие от эгалитарных принципов «Народной воли», где каждый был и теоретик и бомбометатель, в БО существовало строгое распределение функций и иерархическая структура подчиненности: «Уже в процессе подготовки к первым покушениям была вы-

революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 235–239.

⁶⁶ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. С. 57.

⁶⁷ См.: Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-

работана структура БО, которая оказалась оптимальной и за все время эсеровского террора изменению не подвергалась. БО делилась на три части: первая, так называемые холуи, – люди, которые занимались собственно наружным наблюдением за намеченными к уничтожению лицами; они жили в полной нищете и работали с напряжением, невыносимым в какой-либо другой области дел партии. Вторую часть составляли химические группы, занимавшиеся изготовлением взрывчатых веществ и снаряжением бомб; их материальное положение было средним, они могли позволить себе существовать в условиях конспирации. И, наконец, третью, весьма немногочисленную, группу составляли лица, жившие на барских ролях. Они организовывали и координировали работу двух остальных частей организации. Само собой разумеется, что образ жизни этих людей был достаточно широк. В последней группе состояло обычно три-четыре человека. Думается, что в целом такая постановка боевого дела была близка к идеальной в том смысле, что гарантировала успех намеченных предприятий. Сплачивала БО единая воля, персонифицированная в Азефе»⁶⁸. Впрочем, и после выхода в свет исследования Р.А. Городницкого кардинального пересмотра взглядов на взаимоотношения ЦК ПСР и БО в отечественной историографии не произошло. В монографии К.Н. Морозова по истории ПСР 1907–1914 гг., автор критикует новационный подход своего оппонента в данном вопросе.

Белым пятном в историографии революционного терроризма долгое время оставался постазефовский период эсеровской боевой о деятельности 1909–1911 гг. Первопроходцем в разработке этой темы выступил К.Н. Морозов. Многих историков ввели в заблуждение директивы эсеровского ЦК

революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 57.

⁶⁸ Городницкий Р.А. Три стиля руководства Боевой организацией партии социалистов-революционеров: Гершуни, Азеф, Савинков // Индивидуальный ... С. 55–56.

и II съезда ПСР о приостановлении террора. Но практического значения, как это иллюстрирует К.Н. Морозов, они почти не имели⁶⁹.

Авангардом террористических сил по-прежнему считается ПСР. Самоидентификация неонародников как «социалистов-революционеров» объяснялась стремлением дистанцироваться и от народничества, ставшего к тому времени синонимом умеренности, и от социал-демократии, также воздерживавшихся от террористической деятельности. Видный исследователь неонароднического движения Н.Д. Ерофеев писал: «В условиях смены этапов в российском освободительном движении, перехода приоритета в нем от разночинцев к пролетариату популярность народовольчества, ориентировавшегося преимущественно на террористическую борьбу одиночек и заговоры интеллигентских организаций, быстро таяла. Все менее привлекательным становилось и само название “народоволец”. При таких обстоятельствах и обратились революционные народнические элементы к названию “социалист-революционер”. Новым названием они, во-первых, хотели дистанцировать себя, с одной стороны, от народовольцев и либеральных народников с их теориями “малых дел”, а с другой – от социал-демократов, которые, по их мнению, в своем увлечении пролетариатом забывали о крестьянстве и якобы игнорировали политическую борьбу, являлись в своей сущности не революционерами, а эволюционистами. Во-вторых, они были намерены продолжать традиции революционного народничества 70-х годов, для которого исходной посылкой была идея массового революционного движения и социальной народной революции»⁷⁰.

⁶⁹ См.: Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров 1907–1914 гг. М., 1998; Морозов К.Н. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1909–1911 гг. и загадки «дела Петрова» // Индивидуальный политический террор в России: XIX–начало XX века. М., 1996; Морозов К.Н. Б.В. Савинков и Боевая организация партии эсеров (1909–1911 гг.) // Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993. С. 94–113.

⁷⁰ История политических партий России. М., 1994. С. 144.

В отечественной литературе ПСР по-прежнему обвиняли в противоположных грехах, хотя признание одного из них, означало отрицание другого. С одной стороны, о ПСР говорили как о заговорщической, бланкистской организации, подчеркивали ее конспиративный характер. С другой, заявляли, что это была аморфная организация, в которой преобладали центробежные тенденции. Но если партия социалистов-революционеров была аморфным формированием, она не могла быть заговорщической. М.И. Леонов писал: «Отсутствие демократических свобод вызывало нелегальный (в редкие моменты полулегальный) характер действий революционеров и предопределяло явно выраженную организационную ранжированность с элементами заговорщичества»⁷¹. На следующей странице своего исследования он продолжал: «Сравнительно с большевистской установкой на монолитную партию, делающую революцию, организация эсеров была более рыхлой»⁷². Впрочем, в исследованиях западных историков присутствовали подобные же противоречия. Так, М. Хильдермайер писал об эсерах как об интеллигентской заговорщической организации и вместе с тем приходил к заключению, что в силу своей организационной слабости ПСР нельзя называть партией в собственном смысле слова, и определял ее как нечто среднее между партией и социальным движением⁷³.

Представление об эсерах как о заговорщической, и по преимуществу террористической, партии противоречили исследования организации печатного дела в ПСР. Согласно картине, нарисованной М.И. Леоновым, она была весьма обширной: «Почти все губернские и некоторые уездные комитеты имели свои типографии. Только за 1906г. их было арестовано 26. Многие прокламации издавались тиражом в тысячи, порой десятки тысяч

⁷¹ Леонов М.И. Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992. С. 153.

⁷² Там же. С. 154.

⁷³ Хильдермайер М. Возможности и рамки аграрного социализма в русской революции // Реформы или революция? Россия, 1861–1917. СПб, 1992.

экземпляров, а важнейшие общепартийные («Манифест ко всему Российскому крестьянству» (июль 1905г.), «К партийным организациям» (июль 1906г.) – в 100–150 тыс. экземпляров. Типографии крупных организаций выпускали листовки периодически, указывая порядковый номер и тираж. Суммарное количество листовок за 1905–1907 гг. исчислялось скорее миллионами экземпляров. Издавали листовки и братства. Свои газеты были почти у всех областных комитетов. Всего выявлено 196 повременных партийных и околопартийных периодических изданий, из них 152 – местных организаций. Это не исчерпывающие данные. По ориентировочной оценке Н.А. Рубакина, эсеры за годы революции выпустили не менее 24 млн экземпляров книг. Для сравнения: социал-демократы издали не менее 26 млн экземпляров. В ноябре 1905г. был образован «Союз издателей с.-р.», в который вошли крупные издательства: «Молодая Россия», «Новое товарищество», «Земля и воля», «Сеятель», «Народная мысль», «В. Распопов». Легальная литература распространялась через широкую сеть книжных складов и магазинов⁷⁴. Высокая печатная активность является свидетельством ориентации партии на массовое движение.

В постсоветское время отечественные историки, занимавшиеся эсеровской проблематикой, пришли к выводу, что деятельность БО не корректно было бы экстраполировать на ПСР в целом, так же, как и образ эсера-боевика, представленный в творчестве Б.Д. Савинкова, не следует переносить на партийные массы. М.И. Леонов подчеркивал, что в терроре было задействовано лишь 1,5–2% членов эсеровской партии⁷⁵. А.Ф. Жуков предлагал статистические выкладки, согласно которым в 1905 г. эсерами был

⁷⁴ См.: Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 54–55.

⁷⁵ См.: Леонов М.И. Эсеры и революция 1905–1907 гг. Самара, 1992. С. 157.

совершен 51 теракт⁷⁶. Д.Б. Павлов насчитывал 59 предприятий такого рода⁷⁷.

Детализируя позицию ПСР, М.И. Леонов, Р.А. Городницкий, К.Н. Морозов и др. указывали, что среди эсеровского руководства имелись как сторонники усиления террористической борьбы, так и противники, были периоды, когда эсеровский ЦК поощрял террор и когда вводил на него табу⁷⁸. Таким образом, место индивидуального террора в тактике ПСР не являлось неизменной величиной.

Впрочем, не все историки в постсоветский период разделяют данную позицию. К.В. Гусев, как в своих ранних трудах, так и в 1990-е годы по-прежнему отстаивал мнение, что индивидуальный террор занимал перво-степенное положение в тактике ПСР⁷⁹. Более того, когда маховик террора был запущен, террористическая деятельность превратилась в самодовлеющее средство, функционирующее по своим законам. Даже когда у эсеровского ЦК возникло намерение ее приостановить, это завершилось безрезультатно. Действительно, для точки зрения К.В. Гусева имелись серьезные основания. Тот факт, что в историографии 1980–1990-х годов преобладал взгляд на террор как подчиненное средство в тактике ПСР, еще не означает, что данное мнение априори более правильно, чем трактовка советских авторов более раннего времени. Вопреки программным документам, ставившим эсеровский террор в подчиненное положение, для многих эсеров он являлся не только главным, а порою и единственно возможным методом борьбы и даже превращался в самоцель. По свидетельству Е.К. Брешко-

⁷⁶ См.: Жуков А.Ф. Индивидуальный террор в тактике мелкобуржуазных партий в первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 140.

⁷⁷ См.: Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905–1907гг // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 149.

⁷⁸ См.: Индивидуальный политический террор в России, XIX–начало XX в. М., 1996.

⁷⁹ См.: Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992. С. 9.

Брешковской, в ПСР шла молодежь на условиях участия исключительно в террористической деятельности, оставаясь равнодушной к любой другой форме работы⁸⁰. И.П. Каляев заявлял: «Социалист-революционер без бомбы уже не социалист-революционер»⁸¹. Б.В. Савинков вообще договорился до того, что не сможет не продолжать террор и после революции, при установлении социализма, борясь уже с социалистической системой⁸².

Восстановить социальный портрет анархистского террориста удалось В.Д. Ермакову. За основу своих расчетов он взял формальные биографические данные 300 анархистов из числа политкаторжан и ссыльно-переселенцев. Итоговый вывод автора сводился к следующей характеристике: «Человек, считавший себя представителем анархизма в 1905–1907 гг., выглядел приблизительно так: мужчина, неквалифицированный рабочий, еврей по национальности, с низшим или домашним образованием, в возрасте примерно 18 лет с довольно неустойчивыми политическими взглядами»⁸³.

Ведущим на настоящее время специалистом по изучению анархистского терроризма является В.В. Кривенький. Террористическим формам борьбы и экспроприациям, по его оценке, отдавали предпочтение все направления анархизма. Именно анархистский терроризм в наибольшей степени отличала тенденция трансформации в уголовщину. «Наряду с отдельными героическими эпизодами борьбы, - утверждал В.В. Кривенький, - в движении все больше процветали уродливые отклонения - убийства из удачества, грабежи с целью обогащения и наживы. Значительная часть анархистов предпринимала подобные акции по личной инициативе, не со-

⁸⁰ См.: Партийные известия. 1907. 7. С. 2.

⁸¹ Савинков Б.В. Воспоминания террориста // Избранное. М., 1990. С. 46.

⁸² См.: Партийные известия. 1907. № 7. С. 2; Савинков Б.В. Избранное. М., 1990. С. 46.

⁸³ Ермаков В.Д. Портрет российского анархиста начала века // Социс. 1992. № 3. С. 98–99.

гласуя их с решениями организаций или съездов»⁸⁴. Всероссийскую известность приобрели такие анархистские теракты, как ранение Нисаном Фарбером текстильного фабриканта А. Кагана за «неуступчивость в отношении стачечников», подрыв им же ценой собственной жизни полицейского участка в Белостоке, бомбометание, устроенное польской чернознаменной группой «Интернационал» в банковской конторе в Варшаве и ресторане «Бристоль», ограбление казначейства в г. Думети Тифлисской губернии на сумму 250 тыс. рублей и др. Только у анархистов, отмечает В.В. Кривенький, вопреки характерной для революционеров этики партийной солидарности, фиксируются инциденты поножовщины и перестрелки друг с другом. Такого рода конфликты происходили на почве отнюдь не идейных разногласий, а раздела полученных от грабежей средств.⁸⁵

Попытку контекстуализировать анархистский терроризм в созданной революцией 1905–1907 гг. семиосфере «всеобщего боевизма» предпринимает И.О. Трубачев. Автор утверждает, что количество жертв от анархистских терактов существенно превосходит все другие партии. Каждый анархист являлся потенциальным боевиком. Специфику анархистского терроризма И.О. Трубачев видит в его направленности не на отдельных представителей власти, а буржуазного строя в целом. Анархисты совершали нападения на полицейские патрули (в крупных анархистских центрах городские стояли на посту под защитой солдат), устраивали буржуазии взрывы в кафе – «обжорке» и театрах, ибо пролетарии такого рода учреждения не посещают, нападали на буржуазные семьи (например, убийство сына владельца булочной), бросали бомбы в трамваи и поезда, продолжавшие работать во время забастовок, и т.п. Жертвой анархистских терактов становился главным образом обыватель, а не крупный сановник, столп реакции. В этом

⁸⁴ Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 219.

⁸⁵ Кривенький В.В. Анархисты – «подносчики снарядов» // Полис. М., 1993. № 2; Кривенький В.В. Анархисты (Из истории политических

отношении изучение феномена анархистского терроризма более актуально для современной эпохи, чем, к примеру, эсеровского. Терракты новейшего времени, так же, как и анархистские в начале XX в., не имеют персонифицированной цели, будучи направлены против обезличенных масс.

Другую специфическую особенность анархистских терактов И.О. Трубачев видит в их спонтанности. Предотвратить же «безмотивное» поощрение охранным службам гораздо сложнее, чем разработанную операцию. Просчитать действия «безмотивника» фактически невозможно. «Вместе с характерным выбором мишеней, – указывает И.О. Трубачев, – терроризм, исповедуемый анархистами, отличался и особой мотивацией действий. Так как анархисты не признавали организованные политические объединения и во главу угла ставили свободное развитие личности, то они чаще, чем приверженцы других революционных направлений, совершали теракты по личной инициативе, спонтанно, используя любой подходящий случай, не советуясь и не отчитываясь перед какими-либо местными анархистскими лидерами»⁸⁶.

Если В.В. Кривенький приводил факты единения анархистов с другими революционными партиями, то И.О. Трубачев указывал на гораздо большую близость их к уголовникам, нежели к революционерам. При столкновениях в тюрьме между политическими и уголовными, анархисты часто предпочитали поддерживать последних. «Анархисты, отбывшие тюремное заключение, – пояснял И.О. Трубачев идейные основы их альянса с уголовным миром, – часто занимались агитацией среди уголовников, считая, что антиправительственной борьбе очень поможет то, что убийцы и воры, пошедшие на преступление по эгоистическим мотивам, объявят себя

партий) // Родина. 1993. № 5.

⁸⁶ Трубачев И.О. Анархизм в атмосфере «всеобщего боевизма» // Духовность. Сергиев-Посад. 2003. № 3. С. 84.

революционерами и будут совершать те же поступки во имя освобождения пролетариата»⁸⁷.

В работах С.В. Тютюкина, В.В. Шелохаева, М.И. Леонова и др. было пересмотрено соотношение роли большевиков и эсеров в вооруженных восстаниях революции 1905–1907 гг.⁸⁸ Так, кардинально различалась с советской историографической традицией предложенная М.И. Леоновым интерпретация декабрьского восстания в Москве: «Члены Московского комитета эсеров командовали боевыми дружинами, возводили баррикады, участвовали в сражениях, кое-кто был легко ранен (например, В.В. Руднев – “Бабкин”). Эсеры участвовали в вооруженных выступлениях во многих местах Москвы; активнее всего – на Пресне, где почти все дружины были эсеровскими и командовали ими эсеры. “Душой” восстания был М.И. Соколов – “Медведь”, в скором будущем практический лидер максималистов. Его приказания выполнялись беспрекословно и с энтузиазмом. Видную роль играл также «сотенный начальник боевых дружин, единственный из рабочих Трехгорной мануфактуры революционер-профессионал эсер В.С. Морозов. Командовали дружинами рабочие эсеры И.М. Куклев, Н.Н. Иванов, П.М. Тюльпин, С.Н. Дмитриев, И.С. Чернов и др. Выделялись активностью женщины-эсерки: А.С. Быкова – “разведчица боевой дружины”, Е.С. Старостина, Д.К. Абрилова, И.И. Комисарова»⁸⁹. Напротив, говоря о роли социал-демократической партии, С.В. Тютюкин и В.В. Шелохаев заявляли: «ЦК РСДРП непосредственно не руководил восстанием в Москве»⁹⁰. С ними солидаризировался М.И. Леонов: «Документально подтверждаемых решений ЦК о грядущем московском восстании исследователи не

⁸⁷ Там же. С. 87.

⁸⁸ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 190.

⁸⁹ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 211.

⁹⁰ Тютюкин С.В. , Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 96–97.

имеют. Если бы они существовали, то нет сомнений, что за столько лет армия историков их бы обнаружила. 12–17 декабря, в дни, когда проходило восстание в Москве, Харькове, Ростове-на-Дону и в других местах В.И. Ленин и остальные члены ЦК, а также видные функционеры находились в безопасной Финляндии на партийной таммерфорской конференции. В Москве (Харькове, Ростове-на-Дону и т. д.) остались представители «второго» или «третьего» эшелона партийной иерархии»⁹¹. Данные выводы позволяют заключить о террористическом по преимуществу формате революции 1905–1907 годов.

Традиционный вывод советской историографии гласил о безрезультатности революционной террористической деятельности в широкой исторической перспективе. Уже в постсоветское время К.В. Гусев писал: «Однако ничто не оправдывает индивидуальный террор как средство политической борьбы. Тактика индивидуального террора несет на себе печать авантюризма. И историческую обреченность этого явления подтвердила тактика индивидуального террора в России. При внешней эффективности она показала свою беспомощность в качестве средства решения политических задач...»⁹².

В противоречии с данным выводом оказалась информация, собранная М.И. Леоновым, И.М. Пушкаревой и др. исследователями. Угроза террора, действительно, дезорганизовывала работу властей.

В народе формировался культ террориста-мученика. И.М. Пушкарева констатировала: «Люди содрогались от разрывов бомб террористов, но пока на брусчатых мостовых просыхала кровь, в обществе проявлялись симпатии и сострадание (вот вам парадокс!) не столько к жертвам, сколько к погибшими или арестованным террористам. Организаторы политического террора, истерзанные сомнениями в правильности избранного пути, с

⁹¹ Леонов М.И. Указ. соч. С. 208.

⁹² Гусев К.В. Рыцари террора. С. 5.

удивлением отмечали, что, например, после убийства в июне 1904 г. министра внутренних дел В.К. Плеве в их боевую организацию разными путями стали поступать “многочисленные денежные пожертвования”, люди предлагали свои услуги для организации “террорной работы”. Даже надзиратель тюремной камеры, где сидел арестованный ранее Гершуни, рассуждая о покушении на Плеве, связывал это событие с возможным вскоре объявлением конституции в России и учреждением Государственной Думы»⁹³.

Крупные суммы эсерам передавали: известный судовладелец Н.Е. Мешков, миллионер Н.Е. Парамонов, представители богатейших купеческих семей Высоцких, Гавронских, Зензиновых, Фондаминских, писатели Н.А. Рубакин и А.М. Горький (считавший себя ницшеанцем, «буревестник революции» первоначально делал ставку на эсеров, а не на РСДРП), и, наконец, японцы и американцы. Подход М.И. Леонова и И.М. Пушкаревой противоречил сложившейся советской историографической традиции, трактовавшей индивидуальный террор эсеров как крайне неэффективный метод борьбы⁹⁴.

Терроризм играл существенную роль в партийном финансировании. Если М.И. Леонов считал главным источником финансовых поступлений ПСР членские взносы, то, по мнению Н.Д. Ерофеева, они складывались, прежде всего, из пожертвований и экспроприаций. Согласно исследованию И.М. Пушкаревой, эти пожертвования шли в основном на эсеровский терроризм, нашедший сочувствие (как это ни парадоксально) среди некоторых русских миллионеров⁹⁵.

⁹³ Пушкарева И.М. Российское общество начала XX в. Индивидуальный политический террор // Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. М., 1996. С. 44.

⁹⁴ См.: Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 31; Пушкарева И.М. Российское общество начала XX в. и индивидуальный политический террор // Индивидуальный...

⁹⁵ См.: Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 56–58; Пушкарева И.М. Российское общество начала

Опыт борьбы с международным терроризмом свидетельствует, что длительное и успешное функционирование террористических организаций внутри страны возможно лишь при определенной их поддержке извне. Не случайно, что США в целях искоренения внутреннего терроризма предпринимает внешнюю экспансию. Применительно к русскому революционному терроризму начала XX в. эта модель объяснения также действует. Д.Б. Павлов и С.А. Петров в статье «Японские деньги и русская революция» частично приоткрывают завесу над внешними источниками финансирования террористических групп эсеров и большевиков⁹⁶.

Важнейшей вехой развития постсоветской историографии российского революционного терроризма стало издание сборника «Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в.». Традиционный тезис советских историков об оторванности террористов от широких общественных слоев подвергся в нем пересмотру. Симптоматично, что, в отличие от сборников советского времени, он не имел единой концептуальной заданности, и зачастую суждения разных авторов по одной проблеме были противоположны. В большинстве публикаций затрагивалась проблема о моральной стороне террористического акта. Характерно, что в работах советского времени революционный терроризм осуждался не по причине аморальности, а в силу нецелесообразности. Общим лейтмотивом исследований 1990-х годов было признание субстанционального отличия террориста-эсера и террориста наших дней, романтика в первом случае и прагматика во втором⁹⁷.

XX в. Индивидуальный политический террор // Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. М., 1996. С. 44; История политических партий России. М., 1994. С. 161.

⁹⁶ См.: Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция // Тайны русско-японской войны. М., 1993.

⁹⁷ Индивидуальный политический террор в России XIX–начало XX в.: Материалы конференции. М., 1996.

Справедливо замечали М.И. Леонов и Н.М. Пушкарева, что без соответствующей поддержки в обществе терроризм не стал бы столь популярным методом борьбы. Нравственная мотивация к теракту усматривалась в «явно выраженной отчужденности от власти значительной части общества, которая не только считает действия террористов морально оправданными, но и приветствует их, поддерживает материально»⁹⁸. Сообщалось о значительных денежных пожертвованиях в пользу террористов⁹⁹. Всеобщее сочувствие у интеллигенции, даже в консервативных кругах, встретили известия об убийствах таких столпов реакции, как Н.П. Боголепов, Д.С. Сипягин, К.В. Плеве. Даже Л.Н. Толстой, как указывает Н.М. Пушкарева, признавал убийство Д.С. Сипягина «целесообразным».¹⁰⁰ В целом же и М.И. Леонов, и Н.М. Пушкарева солидаризировались в мнении, что распространение революционного терроризма в России стало ответом на авторитарную политику царизма. Напротив, проведение правительством реформ стало, по их оценке, основой для угасания террористического движения. «Индивидуальный политический террор, – поясняла свою мысль Н.М. Пушкарева, – являлся не только средством борьбы революционеров, но и средством социальной защиты. Любой террор не может быть оправдан с нравственно-этической точки зрения, но он возникал из общественной психологии масс, из эмоций людей задавленных, вынужденных идти на ответный протест, на выраженное в форме индивидуального политического террора возмущение, способное, по их мнению, уничтожить сам источник бедствий»¹⁰¹.

⁹⁸ Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. С. 33.

⁹⁹ См.: Там же. С. 34.

¹⁰⁰ См.: Пушкарева Н.М. Российское общество начала XX в. Индивидуальный политический террор // Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. С. 46–47.

¹⁰¹ Там же. С. 49–50.

Такие выводы исследователей отражали доминировавшие в середине 1990-х годов в российском обществе идейные мотивы осуждения авторитарных режимов. При столкновении с реальным, а не книжным терроризмом, захлестнувшим Россию по мере разрастания чеченского конфликта, оценочные характеристики в историографии принципиально изменились.

Другой автор сборника самарский историк А.В. Сыпченко утверждал, что даже народные социалисты, традиционно определяемые в качестве принципиальных противников терроризма, относились к нему не столь уж негативно. Лидер эсеров А.В. Пешехонов не только считал террористические способы борьбы допустимыми, но и лично содействовал боевой деятельности эсеров¹⁰². Подводя итог своему исследованию об отношении народных социалистов к революционному терроризму, А.В. Сыпченко писал: «Первоначально непосредственные предшественники энесов (группа публицистов-неонародников, сформировавшаяся вокруг журнала «Русское богатство») вслед за эсерами придавали террору важное значение в подъеме общественного настроения и развитии массовой борьбы. Симпатизируя террористическим средствам борьбы, они оказывали определенное содействие БО ПСР. В период первой русской революции народные социалисты сочувственно относились к террору как к допустимому средству борьбы против той правительственной системы, которую он был порожден, однако исключали его из собственного арсенала. Предпочтение мирной тактики – логическое звено их концепции. После поражения революции 1905–1907 гг., разоблачения «азефовщины» и убийства П.А.Столыпина энесы пришли к полному отрицанию террора как допустимого средства политической борьбы. В основе этой позиции лежали идеи гуманизма, нравственности и морали, ставшие важнейшими компонентами социально-политической концепции народных социалистов»¹⁰³.

¹⁰² См.: Сыпченко А.В. Народные социалисты и террор // Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. С. 88–89.

¹⁰³ Там же. С. 94.

Развитие революционного терроризма в провинции реконструировал по материалам Смоленской губернии И.А. Кипров. Автор приходит к выводу, что увлечение терактами провинциальной интеллигенции было значительно выше, нежели в столичных городах. Данное положение он объясняет затянувшимся в регионах процессом дифференциации общей леворадикальной массы по партиям. Революционный терроризм в провинции был, по его оценке, лишен какой-либо партийной и политической окраски¹⁰⁴.

В другой статье, помещенной в сборнике «Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в.», украинскими историками А.В. Дубовиком и А.Вл. Дубовиком приводились факты анархистского терроризма в одном из главных центров анархизма Екатеринославле. По мнению авторов, многие из приписанных анархистам терактов не имели к ним отношения. Порою чалены анархо-коммунистической группы даже заступались за подвергавшихся ограблению со стороны экспроприаторов мелких ремесленников и лавочников. В одном случае дело дошло до перестрелки между анархистом и промышленявшими экспроприаторством безработными социал-демократами¹⁰⁵. Впрочем, такого рода оговорки авторов не опровергали общего вывода об анархистах как главной террористической силе в регионе.

Фактически на нулевом уровне долгое время находилась в отечественной историографии тема революционного терроризма со стороны польских национальных партий. Исследования в этом направлении велись главным образом польскими историками. Однако взгляды последних, как

¹⁰⁴ Кипров И.А. Политический террор в провинции: штрихи к портретам видных террористов накануне и в период революции 1905–1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. С. 97–103.

¹⁰⁵ См.: Дубовик А.В., Дубовик А. Вл. Деятельность «группы екатеринославских рабочих анархистов-коммунистов» в 1905–1906 гг. // Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. С. 107.

правило, не отличались беспристрастностью. Прослеживались явные симпатии к террористам, ведущим борьбу за национальное освобождение страны. Такого рода публикации на фоне роста движения «Солидарность» вызывали соответствующие исторические ассоциации. Царский и коммунистический режимы в обоих случаях представляли Россию¹⁰⁶.

Используя знания польского языка, Н.Д. Постников попытался в ряде своих статей восполнить соответствующий историографический пробел. В терроризме польских партий, в том числе социалистического лагеря, против русской администрации он обнаруживал не только мотивы национальной мести, но и русофобии. Н.Д. Постников продемонстрировал трансформацию в процессе террористической борьбы социалистической идеологии ППС в шовинистическую. Террористическое насилие против российской власти вызывало восторженную поддержку в польском обществе. В воодушевлении поляков терактами исследователь видит латентный комплекс страха перед государственной машиной подавления¹⁰⁷.

Как и в предшествовавшее время, выходит значительное число работ провинциальных историков, посвященных отдельным аспектам истории местных террористических групп: А.Л. Афанасьева, А.И. Еремина, М.В. Идельсон (ее работа о Летучем боевом отряде Северной области была написана еще в 1988 г., но увидела свет лишь в 1992 г., после смерти автора), Т. Камалова, И.В. Капитонова, В.И. Королева, П.З. Курусканова, С.В. Макаруча, И.В. Нарского, Н.И. Плотникова и др.¹⁰⁸

¹⁰⁶ См.: Pajak J. Organizacje bojowe partii politycznych w Krolewstwie Polskiem, 1904–1911. Warszawa. 1985.

¹⁰⁷ См.: Постников Н.Д. Террор польских партий против представителей русской администрации в 1905–1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. С. 112–117.

¹⁰⁸ Курусканов П.З. Вклад эсеровских организаций в книгоиздание Сибири (начало XX в.) // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1993; Капитонов В.И. Возникновение и деятельность организаций партии социалистов-революционеров на территории Мордовии в первой четверти XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Са-

Наиболее важные фрагменты истории террористических организаций и биографии их лидеров были представлены в ряде учебных и справочных изданий, посвященных политическим партиям России. В отличие от публикаций такого рода в советское время, авторы акцентировали внимание не на концептуальных обобщениях, а на детальной реконструкции фактической канвы революционного терроризма¹⁰⁹.

Наконец, складывающаяся система рыночных отношений также не могла не отразиться на историческом творчестве. В условиях рынка к литературе применяют критерий не только научности, но и рентабельности. Книги же о терроризме и провокаторах вызывали неизменно большой спрос у не относящейся к когорте историков читательской аудитории. Данная тенденция может привести к упрощению оценок, отказу от теоретических обобщений, к романтизации истории.

ранск, 1997; Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократизации в России): В 2 ч. Челябинск, 1995; Королев В.И. Возникновение политических партий в Таврической губернии, 1905–1911. Симферополь, 1993; Макарьчук С.В. Военные организации социалистических партий на Дальнем Востоке в период революции 1905–1907 гг. // Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995; Плотников Н.И. Идеиная борьба в революционном подполье Урала по вопросам террора накануне первой русской революции. Пермь, 1994; Курусканова Н.П. Листовки организации ПСР Западной Сибири в период первой российской революции 1905–1907 гг. Количественный анализ и хроника // Материалы и хроника общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994; Афанасьев А.Л. О деятельности социалистов-революционеров среди рабочих Иркутской губернии в 1905–1907 гг. // Из истории Сибири. Вып. 14. Томск, 1994; Идельсон М.В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведческие записки: исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993; Еремин А.И. Эсеровские организации центрально-промышленного района России в конце XIX–начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; и др.

¹⁰⁹ История политических партий России. М., 1994; Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; Политические партии России. Конец XIX первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996.

Явлением времени стала публикация популярных книг по истории российского терроризма. Автор одной из них П.А. Кошель тематически связывает ее с рассмотрением истории наказаний в России, объединяя, таким образом, как единосущные феномены государственный террор и индивидуальный политический терроризм. Первые теракты фиксируются им еще в Древней Руси, а убийство князя Бориса и Глеба преподносится в качестве изоморфного явления с убийством П.А. Столыпина. В соответствии с духом времени любая террористическая деятельность оценивается автором как однозначное зло. Он пишет о «черной славе» революционных террористов, таких как Г.А. Гершуни¹¹⁰. Наряду с прочими сомнительными в своей достоверности утверждениями в книге присутствует и тезис о том, что российские террористические организации целиком финансировались Японией и США¹¹¹.

О деятельности провокаторов в оппозиционных политических партиях появилось значительное число исследований, заставляющих пересмотреть традиционные оценки. Взаимоотношения охраны и революционных террористических организаций всегда представляли как борьбу двух крайне антагонистических сил. В силу практики индивидуального террора особый интерес для Департамента полиции представляло эсеровское движение. Отталкиваясь от материалов, опубликованных сотрудниками охраны А.И. Спиридовичем и Л.П. Меньщиковым, приобретает все большую популярность, на первый взгляд, казалось бы, парадоксальная версия, что истинным создателем ПСР являлся не кто иной, как именно Департамент полиции. С 1880-х годов в полиции сложилось убеждение, сформулированное начальником особого отдела Г.П. Судейкиным, что чем больше режим боится революционеров, тем больше будет полагаться на полицию, чей престиж и соответственно масштабы финансирования при такой си-

¹¹⁰ См.: Кошель П.А. История наказаний в России. История российского терроризма. М., 1995. С. 283.

¹¹¹ См.: Там же. С. 327.

туации возрастают. А поскольку правительство видело главную угрозу собственной безопасности в терроризме, то полиция и стремилась преувеличить его размах, тайно поддерживая некоторые террористические группы. Создание эсеровской Боевой организации позволяло охранке взять под свой контроль все прежде многочисленные, разрозненные и непредсказуемые террористические группы. Материалы дела Е.Ф. Азефа свидетельствуют, что охранка вела и собственную политическую игру. В последнее время получила распространение концепция, трактующая охранку в качестве особой структуры, стремящейся к политической власти¹¹².

Нетривиальную версию о решающей роли Департамента полиции в создании ПСР как ударной террористической силы представил А.И. Еремин. Но при этом он умалчивает о трудах израильской исследовательницы Н. Шлейфман, отстаивавшей аналогичную точку зрения¹¹³.

Азевщина предопределила формирование стереотипа о том, что провокаторством были заражены преимущественно террористические организации. Приоритет деятельности охранки усматривался в вербовке своих агентов среди социалистов-революционеров. Однако опубликованные в 1990-е годы статистические данные по внедрению агентов охранки в революционные партии позволяют поставить под сомнение тезис о провокаторстве как исключительно «эсеровской болезни». Так, в январе 1914 г. из 42 секретных сотрудников московского охранного отделения, 20 состояло в РСДРП и только 5 в ПСР. Другое дело, что террористы, в отличие от массовиков, однозначно преступая закон, были более уязвимы в случаях доноительства.

¹¹² См.: Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С.80 - 81; Меньшиков Л.П. Охрана и революция. М.; Л., 1930. Ч. 3. С. 34 - 35; Еремин А.И. Так начиналась партия эсеров. С. 145; Рууд Ч., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993; Головков Г.З., Бурлин С.Н. Канцелярия непроницаемой тьмы: Политический сыск и революционеры. М., 1994; Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992.

¹¹³ См.: Еремин А.И. Так начиналась партия эсеров // Вопросы исто-

Подъем социального статуса государственных спецслужб в общественном сознании в конце 1990 – начале 2000-х годов отразился в публикации ряда трудов и даже целых издательских серий, посвященных истории охранного ведомства в России. Деятельность же охраны включала в себя проведение контртеррористических операций¹¹⁴.

Признанным специалистом по изучению истории деятельности Департамента полиции является З.И. Перегудова. Правда, она в своих исследованиях сосредоточивала внимание не на борьбе охраны с террористами, а на структурных принципах и нормативах осуществления политического розыска. Впрочем, ряд ее ценных замечаний позволяет более детализировано посмотреть на контртеррористические операции Департамента полиции. В частности, З.И. Перегудова обращала внимание, что на борьбе с террористическими организациями, к которым относились партии эсеров, максималистов и анархо-коммунистов, специализировался 2-й отдел Департамента, тогда как социал-демократами и оппозиционными профсоюзами занимались соответственно 3-й и 4-й отделы¹¹⁵. В общем, напугав правительство своими терактами, эсеры приняли на себя основной удар репрессий и в некотором роде смогли отвести его от социал-демократов, представлявшихся властям менее опасными.

рии. 1996. № 1.

¹¹⁴ См.: Брачев В.С. Заграничная агентура Департамента полиции (1883–1917). СПб., 2001; Воронцов С.А. Правоохранительные органы. Спецслужба. История и современность. Ростов н/Д., 1998; Гавазин С. Охранные структуры Российской империи. Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001; Калпакиди А.И., Серяков М.Л. Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб.; М., 2002; Кравцев И.Н. Тайные службы империи. М., 1999; Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX–начало XX в.) Сб. документов. М., 2001.

¹¹⁵ См.: Перегудова З.И. Департамент полиции и местные учреждения политического розыска (1880–1917) // Жандармы России. М., 2002. С. 293.

В контексте современной практики проверки регистрации граждан, интересен описанный З.И. Перегудовой опыт деятельности учрежденных Департаментом полиции регистрационных бюро. Им вменялось в обязанности проверка жителей в местах «высочайшего проезда», установление личностей и выявление их благонадежности. В 1907 г. ежедневно проверялось от 6 до 12 тысяч паспортов. В ходе проверок обнаруживались не только подложные паспорта, но также оружие и взрывчатые вещества. Наблюдение велось буквально везде: на вокзалах, в буфетах, парикмахерских, туалетах. Сотрудникам регистрационных бюро предписывалось обращать внимание на встречи, переодевания, смену костюмов, читаемую литературу, мозоли на руках и т.п. Профессионализм работы регистрационных бюро был значительно выше, чем у аналогичных структур МВД Российской Федерации¹¹⁶.

О необходимости изучения опыта борьбы с терроризмом в Российской Империи стали говорить и сотрудники российских правоохранительных служб. Такой призыв звучал, в частности, в выступлениях на совместном российско-американском семинаре, организованном РАН в сотрудничестве с Национальными академиями США, «Высокотехнологический терроризм». «В Содружестве Независимых Государств правоохранительные органы почти не используют опыт спецслужб Российской империи, который был наработан ими в борьбе с терроризмом до 1917 года», – констатировал в своем выступлении старший инспектор Антитеррористического центра СНГ Д.М. Алексеенко¹¹⁷. Этот позитивный опыт антитеррористической деятельности докладчик аккумулировал в виде трех составляющих: 1) внедрение агентуры в революционные организации и вербовка в них провокаторов; 2) контроль основных информационных потоков посредством

¹¹⁶ См.: Там же. С. 307–309.

¹¹⁷ Алексеенко Д.М. Из опыта борьбы спецслужб Российской Империи с террористами // Высокотехнологичный терроризм: Материалы российско-американского семинара. М., 2002. С. 91.

отлаженного механизма перлюстрации; 3) военно-полевые суды для гражданских лиц. Однако, не являясь, как правило, профессиональными историками, сотрудники правоохранительных ведомств, оперируя историческим материалом, зачастую допускают некоторые неточности или некорректные суждения. «Терроризм для многих казался простым и понятным, наиболее рациональным и даже гуманным средством, а террористическая революция – более демократичной и даже гуманной. В самом деле – или тысячи жертв массовой революции, или точно нанесенный удар по конкретным виновникам народным страданий»¹¹⁸. В действительности ни одна из политических партий не использовала террористическую тактику по гуманным соображениям. Терракты рассматривались не как антитеза, а как составной компонент «массовой революции». Весьма упрощенной представляется и следующая трактовка: «Применение взрывных устройств объективно приводило к гибели не только «приговоренных к смерти» революционерами, но и охранников, адъютантов, кучеров и случайных прохожих, что считалось тяжким грехом даже среди революционеров, веровавших в Бога. Это давало полиции как моральную, так и религиозную основу для вербовки и перевербовки богобоязненных революционеров»¹¹⁹. Но ни одного факта вербовки провокаторов на основании религиозной мотивации исторической науке не известно. Впрочем, такого рода погрешности лишь свидетельствуют о необходимости привлечения к теоретической разработке в правоохранительных ведомствах профессиональных историков.

Призыв преодолеть обезличенное восприятие истории привел к появлению работ, написанных в жанре исторического портрета по биографиям видных представителей террористического движения: М.А. Спиридовой, Е.Ф. Азефа, Б.В. Савинкова, Г.А. Гершуни и др.¹²⁰ По поводу оценок

¹¹⁸ Там же. С. 92.

¹¹⁹ Там же. С. 94.

¹²⁰ См.: Соловьева И.А. Николай Васильевич Чайковский // Вопросы истории. 1997. № 25; Еремин А.И. Судьба Михаила Гоца // Вопросы истории. 1998. № 22; Тюкачев Н.А. Деятельность М.Н. Натансона в партии

личностей руководителей БО происходила непрекращающаяся дискуссия. Правда, популярная среди западных историков методика психоанализа так и не получила распространения в России. Исключение составляет статья О.В. Будницкого, в которой автор поставил вопрос о наличии психопатологических мотивов деятельности эсеров-террористов¹²¹.

Следует отметить тенденцию превращения биографических исследований в панегирики, едва ли не в апологетику террористической деятельности. Авторы, получая заказ от издательских компаний, стремились доказать значимость исследуемых фигур. Поэтому критика если и присутствует, то весьма умеренного характера, изучаемые политические деятели изображены как незаурядные во всех отношениях люди. И.Д. Кипров придавал черты мифологической героизации ряду эсеровских террористов второго звена: С.В. Балмашеву, М.И. Швейцеру, Г.А. Ривкину¹²². К.В. Гусев писал о М.А. Спиридоновой как об «эсеровской богородице». Конечно, он оговаривался, что богородицей она была для социалистов-революционеров, но представленный им идеализированный образ только аргументировал оценку эсеров. Само по себе определение террористки-убийцы, женщины, не ставшей матерью, в качестве богородицы является подменой не только исторического, но и морально-нравственного свойства¹²³.

эсеров // Из истории демократического движения и общественно-политической мысли конца XIX–второй половины XX века. Брянск, 1994; Морозов К.Н. Б.В. Савинков и Боевая организация партии эсеров в 1909–1911 гг. // Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993; Чанцев А.В. Каляев // Русские писатели. 1800–1917. М., 1992. Т.2; Тютюкин С.В. Вокруг современных дискуссий об Азефе // Отечественная история. 1992. № 5; Ерофеев Н.Д. В.М. Чернов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; Колесниченко Д.А. В.М. Чернов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991; и др.

¹²¹ См.: Будницкий О.В. «Кровь на совести»: Терроризм в России. Вторая половина XIX–начало XX в. // Отечественная история. 1994. № 6.

¹²² См.: Кипров И.А. Политический террор в провинции: штрихи к портретам видных террористов накануне и в период революции 1905–1907гг. / Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в.

¹²³ См.: Гусев К.В. Эсеровская богородица. М., 1992.

По мнению А.И. Еремина, особенно выдающаяся роль в организации революционного терроризма в России принадлежала М.Р. Гоцу¹²⁴. «Гоц, - писал он, - был идейным вдохновителем эсеровского террора и пользовался в партии социалистов-революционеров (ПСР) непререкаемым авторитетом. Вплоть до 1905г. он исполнял функции представителя Боевой организации партии и ее ЦК за границей, был соредактором центрального органа «Революционная Россия», членом литературной и транспортной комиссии, Заграничного комитета ПСР.... Ни одно сколько-нибудь заметное эсеровское дело тех лет не прошло без его воздействия»¹²⁵. Р.А. Городницкий также подчеркивал значение М.Р. Гоца как организатора террористической деятельности ПСР в период ее становления. Впоследствии, полагал он, вся полнота власти перешла к Е.Ф. Азефу. «Надо заметить, - констатировал историк, - что в 1903–1905 гг. положение Азефа в ЦК ПСР было центральным. М.Г. Гоц был прикован к постели и только раздавал директивы, Азеф же был самым деятельным членом партии. Его роль в организации всей работы ПСР после ареста Гершуни была глобальной. Вышло так, что ЦК фактически перестал существовать в России - все его члены были арестованы. Азеф остался почти один и своими собственными силами восстановил ЦК, причем одновременно создав на развалинах БО времен Гершуни крепкую, сплоченную организацию, способную добиться успеха в устранении центральных фигур правительственного аппарата»¹²⁶.

Из лидеров ПСР фигуры руководителей БО в постсоветской историографии оказались наиболее дискуссионными.

Полемика возникла по вопросу определения морального облика Г.А. Гершуни. Традиционной трактовке были свойственны определенная мистификация его образа, рассмотрение его как некоего гения революции, об-

¹²⁴ См.: Еремин А.И. Так начиналась партия эсеров. С. 146.

¹²⁵ Еремин А.И. Судьба Михаила Гоца // Вопросы истории. 1998. № 2. С.144.

¹²⁶ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-

разцового революционера-профессионала, рыцаря террора. Но ряд исследователей указывали, что существующая традиция оценки Г.А. Гершуни есть мифологема из арсенала эсеровской агитации, преследующая цель представить своих боевиков в качестве героев без морального изъяна.

Образцом партийного подхода явилась статья В.М. Зензинова «Гершуни – глава БО» В ней утверждалось, что Г.А. Гершуни «принимал личное участие во всех террористических актах, делил весь риск и ответственность с непосредственными исполнителями террористических покушений, вкладывая в эти дела весь свой высокий талант организатора, и на всем оставлял печать своего романтического идеализма. И – что, быть может, было всего важнее – эта печать его морального благородства и чистоты чувствовалась на всех этих страшных и трагических выступлениях»¹²⁷. В.М. Зензинову вторили иные лидеры партии. В.М. Чернов: «Гершуни заменить было нечем. Это был человек необыкновенной революционной интуиции»¹²⁸. Он признавался, что только одному Гершуни был готов безоговорочно уступить роль партийного лидера. В Н.Фигнер: «Широкий ум, организаторский талант и сильная воля, несомненно, расчищали Гершуни дорогу на верхи партии. Но за этими качествами стояло нечто другое, что сообщало ему великий нравственный авторитет. Это был аскетизм, физический и духовный. Для него революционное дело было не одно из многих дел в жизни и даже не главное дело - это было единственное его дело»¹²⁹. Е.С. Созонов: «Какой огромной величиной, каким человеком во всех отношениях казался мне Григорий Гершуни! Он мне казался почти воплощением того, чем человек должен быть – и будет через сотни лет»¹³⁰.

революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 94.

¹²⁷ Цит. по: Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 74.

¹²⁸ Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993. С. 273.

¹²⁹ Фигнер В.Н. ПСО. М., 1932. Т. 3. С. 251–252.

¹³⁰ Письма Егора Созонова к М.А.Прокофьевой // Воля России. 1930. № 3. С. 241.

Другие революционные соратники считали Гершуни «ловцом душ и сравнивали его с Мефистофилем, на чьем лице играла ироническая улыбка и чьи глаза проникали прямо в душу»¹³¹. Находясь в рамках установленного стереотипа, М.И. Леонов писал: «Г.А. Гершуни, основатель партии эсеров и Боевой организации, единственный член ЦК, сочетавший способности трибуна, публициста и организатора, пользовался исключительным авторитетом в партии. Его уму, стальной воле, хладнокровию, умению сплотить вокруг себя единомышленников отдавали дань уважения такие асы полицейского сыска, как С.В. Зубатов и А.И. Спиридович, которые верили даже в гипнотическое воздействие Гершуни на молодежь. Убежденный террорист, он уделял много внимания делу пропаганды, агитации и организации масс, хотя недоверие к собственным силам массового движения было свойственно ему со времени отхода от культурнической деятельности в конце 90-х годов. Он писал умно и образно. По складу мышления Г.А. Гершуни был тактиком. Стратегические, теоретические вопросы занимали его меньше, в дискуссиях по таким проблемам он участия не принимал, о каких-то концептуальных его разработках нам не известно. Возможно из всего руководства Г.А. Гершуни имел наибольшие шансы стать вождем партии. Однако заточение в крепости, а затем каторга подорвали его здоровье. Когда он вырвался на свободу, силы его были на исходе»¹³². Однако, Р.А. Городницкий подверг сомнению корректность данных оценок. Он осуществил подборку материалов, развенчивающих романтический образ Гершуни. Правда, автор столь увлекся критикой, что она приобрела у него черты пасквиля. Р.А. Городницкий обвинял Г.А. Гершуни в нарушении революционной этики: во время пребывания в заключении, когда тот обращался к властям с прошением о помиловании; на суде, где террорист отри-

¹³¹ Памяти С.В. Сикорского // Каторга и ссылка. 1928. № 41. С. 147; М.Спиридонова. Из жизни на Нерчинской каторге // Каторга и ссылка. 1925. № 15. С. 171.

¹³² Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 74–74.

цал свою принадлежность к ПСР; по отношению к товарищам, которых лидер Боевой организации готов был предать для спасения собственной жизни, и т.п. Автор подверг сомнению высокие моральные качества Г.А. Гершуни, полагая, что основу его характера составляли «хитрость, расчетливость, никогда его не покидавшие, сильная склонность к рекламе, большое честолюбие и гипертрофированное самолюбие, очень большая склонность к “позе” и “фразе”, большая предприимчивость и энергия, беззастенчивость в выборе средств, окрыляемая уверенностью: “ничего! вывернусь! и никто ничего не узнает!” – очень большая доля бесстыдства, хотя, быть может, и меньшая, сравнительно с Азефом»¹³³. Р.А. Городницкий отвергал и организаторские способности Г.А. Гершуни: «Говорят, что Гершуни был хорошим организатором. Это не совсем так. Он был хитрым и ловким дипломатом в сношениях с людьми, но что касается практической организации дел самих предприятий, то тут он обнаруживает поразительную слабость и какую-то мелодраматичность»¹³⁴. Но ведь самую лестную характеристику талантов Г.А. Гершуни давали не только идеологи партии, которых можно было обвинить в умышленной лакировке его образа, но и враги. Жандармский генерал А.И. Спиридович писал: «Убежденный террорист, умный, хитрый, с железной волей, Гершуни обладал исключительной способностью овладевать той неопытной, легко увлекающейся молодежью, которая, попадая в революционный круговорот, сталкивалась с ним. Его гипнотизирующий взгляд и краткая убедительная речь покоряли ему собеседников и делали из них его горячих поклонников»¹³⁵. С ним соглашался руководитель московского охранного отделения С.В. Зубатов: «Гершуни был художник в деле террора и мог действовать по вдохновению, без чьей-либо санкции и помощи, надобности в которых, кроме одного случая (за

¹³³ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. С. 81.

¹³⁴ Там же. С. 81.

¹³⁵ Спиридович А.И. При царском режиме // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 161.

элементарностью его), совершенно не представлялось»¹³⁶. Вызывает сомнение и репрезентативность критики. Для обоснования собственной позиции Р.А. Городницкий использовал только один источник – мемуары М.М. Мельникова, достоверность которых априори ставил вне сомнения. «И так, – заключал исследователь, – в эсеровских кругах, безусловно, превалировало положительное отношение к Гершуни. Нельзя сказать, что оно не имело под собой никаких оснований. Большие организаторские способности Гершуни проявил во всех делах общепартийной направленности. В конечном итоге, и в террористической практике нельзя не отметить его некоторых революционных достоинств – он лично сопровождал террористов фактически до места покушений, своей энергией вдохновляя их, заставляя подавить сомнения, ежели они имелись. Но объективного рассмотрения фигуры Гершуни в источниках, исходящих из эсеровской среды, мы практически не находим. Имя Гершуни было табуировано от всяческой критики, и мемуаристы, повинаясь негласному, но железному принципу партийной дисциплины, не приоткрывали завесу над истинной физиономией Гершуни. Эсеры видели в Гершуни, прежде всего, одного из авторитетных лидеров ПСР, руководителя БО, не наделенного никакими пороками, и мало-помалу Гершуни уже при жизни превратился в символ партийной чистоты и мощи. Сам Гершуни, конечно, только способствовал созданию подобного имиджа в глазах окружающих. Результатом подобного некритического отношения к Гершуни стало вольное или невольное сокрытие фактов из его биографии, замалчивание его многих ошибок и промахов, особенно в деле управления БО. Если у кого и появлялись сомнения в правильности поступков Гершуни – то люди предпочитали их или подавлять в себе, или не высказывать в открытую, опасаясь дискредитации самих эсеровских догм, не выносить сор из избы. Единственным исключением в этом беско-

¹³⁶ Письмо С.В. Зубатова А.И. Спиридовичу по поводу выхода в свет его книги «ПСР и ее предшественники» // Красный архив. 1922. № 2. С. 281.

нечном ряду является М.М.Мельников, чьи воспоминания имеют огромную историческую ценность. Сразу оговоримся, что, доверяя Мельникову на уровне фактов, ибо считаем его безусловно искренним, правдивым человеком, мы осторожно, а в отдельных случаях и негативно, относимся к его концепциям. Мемуары Мельникова абсолютно не были введены в научный оборот, поэтому следует подробно остановиться на той характеристике Гершуни, которая в них дана, тем более что создавались эти воспоминания человеком крайне наблюдательным и вплотную знавшим Гершуни на протяжении многих лет»¹³⁷. При этом большинство других, хорошо известных источников, расходящихся с оценками, предложенными М.М. Мельниковым, отвергались. Между тем М.М. Мельников, имевший личную обиду на Гершуни, а возможно, и завидовавший ему, мог представлять события в искаженном свете. Впрочем, автор не посчитал возможным принять наиболее сенсационные утверждения М.М. Мельникова, в частности о связи с С.В. Зубатовым не только Е.Ф. Азефа, но и самого Г.А. Гершуни. Впрочем, говорить о первенстве Р.А. Городницкого в историографической демифологизации образа Г.А. Гершуни не вполне корректно. В западной историографии такой пересмотр произошел несколько ранее. Так же некорректно выглядит утверждение о первенстве Р.Д. Городницкого в использовании мемуаров М.М. Мельникова, которые были известны историкам и прежде.

Крайне негативную оценку личности Г.А. Гершуни давал также О.А. Платонов. Но на позицию автора повлияли монархические симпатии. Являясь приверженцем монархии, он наделял ее врагов демоническими чертами. «Гершуни – деятель сродни Азефу, самый настоящий иезуит. Для достижения своих тайных целей он использовал любые средства. Арестованный в феврале 1900 года по делу “Рабочей партии политического освобождения в России”, первый во всем признался и отпущен без последст-

¹³⁷ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-

вий. На следствии он представил себя таким заблудшим евреем-идеалистом, работающим для блага своего народа. Однако, как показали дальнейшие события, это был один из самых страшных и циничных убийц»¹³⁸.

Реанимировались все прежние подходы к личности Е.Ф. Азефа.

В постсоветское время приверженцем интерпретации деятельности Е.Ф. Азефа как провокатора-революционера, руководствовавшегося в каждом частном случае соображениями материальной выгоды, выступал В. Жухрай¹³⁹.

Основные доводы, предложенные А. Гейфман в доказательство теории об Е.Ф. Азефе как верном сотруднике охранного отделения, подверг критике С.В. Тютюкин¹⁴⁰.

По мнению Р.А. Городницкого, Е.Ф. Азеф сделал для революции гораздо больше, чем для охраны. «Не вдаваясь в мотивы, обуславливавшие поведение Азефа, – писал он, – отметим следующее. Вступив на пост руководителя БО, Азеф фактически заново воссоздал эту организацию, наладил динамитные мастерские и организовал в июле 1904 г. убийство министра внутренних дел Плеве. В конце 1904 г. он направил боевиков в Россию для осуществления многочисленных террористических актов и был координатором всей работы БО. Члены БО, главой которой являлся Азеф, осуществили убийство великого князя Сергея Александровича в Москве, и только случайность (гибель Швейцера) помешала им расправиться со всей верхушкой государственного аппарата России в начале 1905 г. в Петербурге. К разгрому БО в марте 1905 г. Азеф фактически не имел касательства. Итак,

революционеров в 1901–1911 гг. С. 77–78.

¹³⁸ Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX веке. М., 1997. С. 159.

¹³⁹ См.: Жухрай В.М. Провокаторы. М., 1993. С. 47–73.

¹⁴⁰ См.: Тютюкин С.В. Вокруг современных дискуссий об Азефе // Отеч. история. 1992. № 5. С. 181.

за период с лета 1903 г. по весну 1905 г. Азеф не произвел ни одной выдачи террористов. Азеф, будучи в курсе всех боевых дел, фактически ничего не сообщал о них Департаменту полиции»¹⁴¹. Е.Ф. Азеф тяготился своей связью с полицией и искал способы от нее избавиться, например, вынашивая план взорвать Охранное отделение.

Еще дальше шел О.А. Платонов, отвергая какую бы то ни было игру Е.Ф. Азефа на руку полиции. Он утверждал, что Е.Ф. Азеф был изначально революционером, провокатором никогда не являлся и оказался введен в охранку с согласия руководства ПСР для дезорганизации политического сыска, что ему успешно удавалось воплотить в жизнь. Потрясение Департамента полиции было гораздо сильнее, чем моральный кризис революционной оппозиции, когда выяснилось, что его собственный агент руководил убийством привилегированных чиновников и чуть не убил царя¹⁴².

Вопреки установленному клише нравственного и физического уродства Е.Ф. Азефа М.И. Леонов обнаруживал у него многочисленные таланты, позволяющие оценить его как выдающегося человека: «Да, Евно Азеф не был красавцем. Но зато он был человеком сметливым, с хваткой памятью, великолепным психологом, умевшим подобрать ключ к любому, кто ему нужен, и расположить к себе. Его уважали товарищи по ЦК, боготворили члены БО. Генерал Герасимов, человек умный, проницательный, недоверчивый, писал о большом удовлетворении от регулярных (два раза в неделю) многочасовых бесед с Азефом, доверительных и товарищеских. Не прост, не примитивен был этот человек, прирожденный авантюрист, вероятно один из самых выдающихся, принесший так много горя и правым, и левым. Выходец из еврейских низов (сын бедного портного), он с детства познал нищету и только благодаря беспредельному упорству получил выс-

¹⁴¹ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. С. 127.

¹⁴² См.: Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX веке. С. 221.

шее образование. На партийных форумах он предпочитал отмалчиваться, посылая на трибуну, в случае необходимости, Б.В. Савинкова. Но когда было нужно, он умел веско и основательно высказать свою точку зрения»¹⁴³. Воззрения Е.Ф. Азефа М.И. Леонов идентифицировал с правым крылом в эсеровском движении, сближая с кадетами. Действительно, Е.Ф. Азеф заявлял, что ему по пути с эсерами только до ликвидации самодержавия, после чего он уйдет к либералам. Но вряд ли высказывания провокатора, ведшего двойную игру, можно априори воспринимать искренними.

Очередную попытку реабилитации Е.Ф. Азефа как преданного агента охраны предпринял журналист В.Г. Джанибемян. Правда, его гипотеза базировалась фактически исключительно на воспоминаниях А.В. Герасимова. Мемуары бывшего начальника Петербургского охранного отделения Департамента полиции были дополнены элементами художественного вымысла. Е.Ф. Азеф преподносился В.Г. Джанибемян в качестве «ангела-хранителя» П.А. Столыпина. Жизнь имевшего множество врагов премьер-министра не оборвалась значительно раньше только благодаря деятельности «лучшего агента Департамента полиции». Согласно В.Г. Джанибемян, сам П.А. Столыпин санкционировал курс «бережения» Е.Ф. Азефа, ради которого допускалось идти на едва ли не любые жертвы. Автор даже шел дальше А.В. Герасимова, реабилитируя «провокатора» не только по фактам деятельности, но и в моральном отношении. Он писал о джентльменском договоре между полицейским и революционером. Даже пресловутое стяжательство Е.Ф. Азефа объясняется не алчностью самого агента, а желанием А.В. Герасимова создать тому финансовую основу на случай возможного провала. В отличие от Е.Ф. Азефа, С. Рысс трактуется В.Г. Джанибемян преимущественно как революционер, нежели агент полиции. Впрочем, полицейские чины, полагает исследователь, сами были замешаны в совершении террористических актов. Убийство П.А. Столыпина преподносится

¹⁴³ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг.

им результатом заговора «трех» – Курлова – Кулябко – Спиридовича. В.Г. Джанибекян даже выдвигает предположение, что пуля Д. Богрова оказалась для премьер-министра не смертельной и тот был убит уже на больничной койке. В качестве основного источника своей теории автор оперировал некой «серой тетрадью», представлявшей собой стенографические записи бесед безымянного журналиста с П.Г. Курловым, состоявшихся в период эмиграции последнего в Германии. В книге «Тайна гибели Столыпина» В.Г. Джанибекян поведал поистине детективную историю обнаружения сенсационного источника¹⁴⁴. Следует ли говорить о репрезентативности основанных на такого рода документах гипотетических конструкций.

Специфический исследовательский стиль В.Г. Джанибекяна, заключающийся в апелляции к некому известному только ему источнику, хранителем которого он сам и является, раскрывается и в другой его книге «Провокаторы». На этот раз за основу были взяты воспоминания старой революционерки Изабеллы Георгиевны Морозовой, работавшей, по утверждению автора, в специальной комиссии по разоблачению секретных сотрудников царской охраны и полиции. Ей приписывалось близкое знакомство со многими лидерами российского революционного подполья, посвящение едва ли не во все закулисные сферы политической борьбы. Причем И.Г. Морозова не ограничивается характеристикой представителей большевистской партии, но посвящает своего респондента и в обстоятельства дела Е.Ф. Азефа, и в подробности убийства П.А. Столыпина, дает описание колоритной внешности С.Ю. Витте, будто бы неоднократно лицезрела премьера¹⁴⁵.

Ко всему прочему В.Г. Джанибекяном выдвигается теория о существовании у охранного отделения особого плана по дискредитации терро-

С. 76.

¹⁴⁴ См.: Джанибекян В. Тайна гибели Столыпина. М., 2001. С. 19–20.

¹⁴⁵ См.: Джанибекян В. Г. Провокаторы. М., 2000. С. 121.

ризма в глазах руководства революционных партий. Было принято решение не ликвидировать обнаруженные террористические группы, а последовательно подрывать веру революционеров в перспективность самой террористической тактики. Вследствие внедрения в боевые организации полицейских агентов те будут «работать, как машина на холостом ходу с большим напряжением, но с низкими результатами. У боевиков должно появиться ощущение, что они совершают нечеловеческие усилия, но все их попытки наталкиваются на стену принятых полицией мер, которую, оказывается, преодолеть невозможно. Они поймут ... от террора надо отказаться и распустить Боевую организацию»¹⁴⁶. Азефско-герасимовский план был одобрен самим П.А. Столыпиным. По этому плану, полагает В.Г. Джанибекян, премьер вел рискованную игру, выступая в качестве приманки для террористов. Таким образом, смертельный исход для премьера был фактически неизбежен.

Распространенный в историографии взгляд на историю терроризма через призму феномена азефовщины вел к существенному искажению общей картины деятельности охранки и террористических организаций. Двойная игра Е.Ф. Азефа использовалась многими историками как аргумент бесперспективности методов борьбы с революционными организациями посредством внедрения в их состав секретных агентов. Более взвешенную оценку деятельности служб секретной агентуры Департамента полиции дает З.И. Перегудова. Она справедливо замечает, что многие террористические организации были разгромлены именно благодаря сведениям агентов охранки. Да и факт сотрудничества с Департаментом Е.Ф. Азефа розыскные органы сумели сохранять втайне в течение 16-летнего периода. По мнению З.И. Перегудовой, в деятельности полиции по организации работы с секретной агентурой подъемы чередовались спадами, что определялось изменениями в кадровом составе работников и обстановкой в стране.

¹⁴⁶ Там же. С. 155–156.

В целом же после революции 1905–1907 гг. розыскная деятельность имела тенденцию к свертыванию. Попытки ее реанимации предпринимались в периоды заведывания Департаментом полиции М.И. Трусевичем и П.И. Курловым. Политический розыск был фактически сведен на нет при руководстве Отдельным корпусом жандармов генералом В.Ф. Джунковским, отвергавшим провокаторство по этическим соображениям. Некоторое его оживление происходит в 1915–1917 гг., когда революционные организации выходят из подполья и наблюдение за ними существенно упрощается¹⁴⁷.

Специальную статью Р.А. Городницкий посвятил анализу показаний Б.В. Савинкова Судебно-следственной комиссии ПСР, заседавшей по делу Е.Ф. Азефа. «В них, – пишет историк-архивист в нехарактерном для себя афористическом стиле, – голос Савинкова звучит как гимн умирающему террору, как лебединая песня боевого движения, как оправдание перед судом истории и немногих уцелевших, и навсегда умолкнувших бунтовщиков. Показания Савинкова – последний в истории эсеровского террора «панегирик» участникам безнадежной борьбы, слепцам и фанатикам – словом всем тем, кто, по признанию Ивана Каляева, хотел свести свой идеал с неба своей души на землю»¹⁴⁸. Последствия азефовского дела, полагает исследователь, могли бы быть для эсеровского терроризма не столь катастрофическими, вынеси Судебно-следственная комиссия несколько иной вердикт. Р.А. Городницкий высказал предположение, что за кулисы комиссии стоял М.А. Натансон, стремившийся занять руководящее положение в партийной организации, для чего следовало оттеснить на задний план других членов ЦК, связанных с Е.Ф. Азефом, а соответственно и с Боевой организацией. Результатом работы Судебно-следственной комис-

¹⁴⁷ См.: Пересудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000; Пересудова З.И. Организация службы секретной агентуры // Жандармы России. М., 2002.

¹⁴⁸ Городницкий Р.А. Б.В. Савинков и Судебно-следственная комиссия по делу Азефа // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1995. С. 242.

сии, – пишет Р.А. Городницкий, – стало то, что «партия эсеров с молчаливого одобрения ее руководства перестает практиковать центральный террор»¹⁴⁹. Таким образом, истинным «гробовщиком» эсеровского терроризма оказывается вовсе не Е.Ф. Азеф, а М.А. Натансон.

Оспаривает версию Р.А. Городницкого, упрекая того в подмене причины следствием, О.В. Будницкий. «На самом деле, – писал он, резюмируя критический разбор теории оппонента, – в прекращении “практики” центрального террора главную роль сыграли не происки Баха или Натансона, а, как уже говорилось выше, разочарование и усталость общества от насилия, деморализация партии и, в этих условиях, постоянные неудачи попыток восстановить БО и предпринять нечто на практике. Разумеется, ничего странного не было и в том, что в Судебно-следственную комиссию включили старых революционеров с незапятнанной репутацией, не связанных с БО и прежним составом ЦК; их выводы об обособленности БО от общепартийной деятельности, об особой, “цеховой” психологии террористов, о приоритете террора по сравнению с другими видами партийной работы трудно было оспорить»¹⁵⁰. Расхождения между О.В. Будницким и Р.А. Городницким объяснимы в данном случае различием методологических подходов, соответственно применением макро – и микроисторических масштабов при выявлении причин отказа революционных партий от террористических методов борьбы.

По утверждению К.Н. Морозова, в качестве жертв савинковской Боевой организации были выбраны Николай II, великий князь Николай Николаевич и П.А. Столыпин¹⁵¹. Исследователь выдвигает нетривиальную ги-

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX–начало XX в.) М., 2000. С. 207.

¹⁵¹ См.: Морозов К.Н. Боевая организация Партии социалистов-революционеров в 1909–1911 гг. и загадки «дела Петрова» // Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. М., 1996. С. 78.

потезу о том, что член эсеровской БО А.А. Петров, разоблаченный впоследствии как провокатор, подготавливался охранкой еще в 1909 г. на роль убийцы премьер-министра. Моделировалась ситуация, при которой подозреваемый в двойной игре секретный сотрудник, вооруженный браунингом и одетый в «адский жилет», должен был оказаться в Мариинском театре, где присутствовал и П.А. Столыпин. Менее чем через два года Д.Г. Богров совершит покушение на жизнь премьера целиком по сценарию, составленному для А.А. Петрова¹⁵². К.К. Морозов в деталях восстанавливает эпопею попыток реализации Боевой организации эсеров проектов «авиационного» и «подводного» покушения на Николая II. В рамках плана авиационного теракта социалисты-революционеры пытались организовать сооружение сверхбыстрого летательного аппарата конструкции С.И. Бухало, развивавшего скорость 140 км в час. Работа по его созданию, проводимая на территории Германии, была приостановлена уже на стадии монтажа. Е.Ф. Азеф и Б.В. Савинков со своим замыслом авиационного теракта по существу предвосхитили авианалет на нью-йоркские небоскребы 11 сентября.

Проект подводного покушения предусматривал создание в Лондоне сверхмалой подводной лодки нового типа. Она должна была иметь следующие технические характеристики: длина – 6 м, диаметр – 2 м, водоизмещение – 11 т, погружение – до 30 м, экипаж – 3 чел., наличие динамомашин, бензомотора и ручного двигателя¹⁵³. Обращение эсеровских террористов к передовым достижениям научно-технического прогресса было, по оценке К.Н. Морозова, предопределено тремя факторами: 1) неудачами БО при применении тактики бомбометания, к которой охранка уже смогла приспособиться; 2) постановкой задачи теракта против императора; 3) угрозой разоблачения Е.Ф. Азефа и стремление того посредством убийства

¹⁵² См.: Там же. С. 80–85.

¹⁵³ См.: Морозов К.Н. Научно-технический прогресс на службе у террора: планы «авиационного» и «подводного» покушения БО ПСР на Николая II (1907–1911 гг.) // Духовность. Сергиев-Посад, 2003. № 3. С. 23–51.

царя отвести от себя подозрения в провокаторстве¹⁵⁴. В целом неудачи Б.В. Савинкова в намерениях восстановить прежнее значение БО и реабилитировать террористическую тактику исследователь объясняет комплексом причин, выстроенных им в зависимости от степени важности следующим образом.

«1. После революции 1905–1907 гг. в российском обществе (по крайней мере в тех его слоях, которые формировали общественное мнение) коренным образом изменилось отношение к революционному насилию, в том числе к террору.

2. После «дела Азефа» и «дела Петрова» общественное мнение (и даже в самой эсеровской партии) стало воспринимать террор как обратную сторону провокации.

3. Высокая степень деморализации в революционных партиях, в том числе и в ПСР, разочарование в терроре, усиление в руководстве ПСР анти-террористических настроений, неверие в успех БО.

4. Неблагоприятные условия кадрового комплектования БО, не сравнимые с предшествующими годами.

5. Наличие во всех революционных партиях большого числа провокаторов, что создавало предпосылки для их проникновения в БО.

6. Неверие в Савинкова как руководителя БО и его невысокий авторитет в различных кругах партийной эмиграции.

7. Финансовые трудности»¹⁵⁵.

В своем исследовании К.Н. Морозов реконструирует семиосферу постазефовского синдрома всеобщей подозрительности среди боевиков. Наряду с разоблачениями действительных сотрудников охраны (Т. Цейтлин,

¹⁵⁴ Там же. С. 23.

¹⁵⁵ Морозов К.Н. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1909–1911 гг. и загадки «дела Петрова» // Индивидуаль-

И.П. Кирюхин), имелись многочисленные случаи неоправданных обвинений в провокаторстве. Так, безосновательно заподозренные в провокации боевики Эсфирь Лапина и Ян Бердо покончили жизнь самоубийством.

Впрочем, и после исследований В.А. Городницкого и К.Н. Морозова в истории постазефовского эсеровского терроризма остаются существенные лакуны. Абсолютно неосвещенными являются попытки воссоздания Боевой организации эсеров в 1912 и 1914 гг. Вне внимания исследователей оказалась и организаторская деятельность по созданию альтернативной по отношению к савинковской БО террористической структуры группой «инициативного меньшинства» В.К. Агафонова и Я.Л. Юделевского¹⁵⁶.

Параллель между А.А. Петровым и Д.Г. Богровым проводит также С.А. Степанов. Он пишет об удивительном совпадении режиссуры покушения на П.А. Столыпина в 1911 г. и убийства начальника Петербургского охранного отделения С.Г. Карпова. Автор дает яркий психологический портрет А.А. Петрова, остававшегося прежде для отечественной историографии в тени фигуры более знаменитого провокатора Е.Ф. Азефа¹⁵⁷. К сожалению, К.Н. Морозову, во время его работы над соответствующей статьей, книга С.А. Степанова осталась не известной, что еще раз свидетельствует об актуальности исторического обобщения

В написанной им в соавторстве с Ч. Руудом книге «Фонтанка, 16» раскрываются некоторые аспекты вербовки Департаментом полиции провокаторов в среде террористов. Авторы акцентировали также внимание на феномене диссидентства в полицейском ведомстве. Ряд видных чинов Департамента полиции предоставлял революционерам имена многих тайных

ный политический террор в России. XIX–начало XX в. С. 80.

¹⁵⁶ См.: Там же. С. 77.

¹⁵⁷ См.: Степанов С.А. Загадки убийства Столыпина. М., 1995.

агентов. Такого рода сведения позволяют принципиально по-иному посмотреть на причину неудач царских властей в борьбе с терроризмом¹⁵⁸.

Личность Б.В. Савинкова рассматривалась, как правило, через призму его произведений. М. Могильнер сравнивал произведенное ими впечатление на читающую Россию с выходом «Вех». «Безусловно, – писал он, – старый герой – общественный герой – не был способен строить новую жизнь. Уже поверженный, он был окончательно добит с выходом в свет повести В. Ропшина “Конь бледный” (“Русская мысль”, 1909). Повесть эту вполне можно назвать литературными “Вехами”, так как эффект, произведенный “Конем бледным”, количество читательских откликов и рецензий, а главное – глубина поставленных писателем проблем, сопоставимы с феноменом “Вех”»¹⁵⁹.

Другой исследователь, М.И. Леонов, помещал Б.В. Савинкова, как и Е.Ф. Азефа, на правый фланг эсеровского движения и определял как «либерала с бомбой»¹⁶⁰. Вряд ли это оправданно. Б.В. Савинкова в меньшей степени, чем кого-либо из высшего руководства ПСР, можно представить в образе кадета. М.И. Леонов сам противоречил данному утверждению, говоря о безразличии Б.В. Савинкова к программным дискуссиям. К.Н. Морозов также подчеркивал политическую индифферентность Б.В. Савинкова, чуждость ему любой теоретической работы¹⁶¹.

Предпринималась попытка рассмотрения Б.В. Савинкова в качестве экзистенциалиста, романтического поэта-бунтаря, восставшего против законов объективизации мещанского мира. Для него, согласно данной интер-

¹⁵⁸ См.: Рууд Ч., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993.

¹⁵⁹ Могильнер М. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.). М., 1997. С. 15.

¹⁶⁰ См.: Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 77.

¹⁶¹ См.: Морозов К.Н. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1909–1911 гг. и загадки «дела Петрова» // Индивидуаль-

претации, более важна была не идея, а бунт против системы как таковой, в любом ее облики. А.Г. Дугин описывал психологическое состояние Б.В. Савинкова после убийства губернатора, когда террориста преследуют видения, что губернатор жив и его требуется убивать вновь и вновь, бесконечно пребывая в состоянии борьбы с самовосстанавливающейся «системой». «Служителя Системы разрывает взрывом. Радостно и покорно, жертвенно и прекрасно, торжествуяще убийца сдается палачам. Казалось бы, цель достигнута. Меч темного ангела упала. Тиран повержен. И в этот момент самому Савинкову, готовившему всю операцию, в голову приходит страшная мысль. Ему кажется, что “губернатор все еще жив”. Конечно жив. Дурацкая личность монархического чиновника, подонка и угнетателя – лишь маска. Сущность Системы не в нем, и даже не в Царе. Злой Демиург неуловим. Он – по ту сторону социальных марионеток. Достать его не так просто. Страшное прозрение ведет Савинкова во все новые и новые политические группы. Он, ревностный сторонник свободы Труда, героический мститель за обездоленных и угнетаемых крестьян и рабочих, в какой-то момент приходит к белым, к “барам”, которых он сам в свое время взрывал и резал десятками. Потом его влечет к фашизму, к Муссолини. Потом в большевистской России он обнаруживает свою близость к коммунистам. Смена политических пристрастий выдает в нем органического национал-большевика. Он по ту сторону узкопартийных доктрин. Герой, преданный метафизической идее. Палладин Смерти. Холодный убийца с душой агнца. Его враг – за пределами обычных политических баррикад. Это – Система и ее скрытая сущность. Злой Демиург, тайный агент Отчуждения. Чтобы понять это, надо обойти весь политический спектр по кругу. Причем ценностью это станет лишь в том случае, если за каждый шаг будет заплачено

кровью. “Белые”, “красные”, “черные”, “коричневые”, “зеленые”... Какая, в сущности разница?! Главное – переступить черту»¹⁶².

Один из лидеров национал-большевистской партии, А.Г. Дугин, определял Савинкова в качестве приверженца гностицизма, его революционную борьбу рассматривал как восстание против Бога, творца – Демиурга. Апокалиптические символы в его произведениях («Конь бледный», «Конь вороной», «Ангел Авадон» и др.), которые традиционно рассматривались как стилизация, А.Г. Дугин считал выражением истинных воззрений Б.В. Савинкова. «В Савинкове явно доминирует апокалиптический мотив. “Я дам тебе звезду утреннюю”. Гипнотически повторяется эта строчка у автора дневника террориста. “Утренняя звезда” по-латински Lucifer, Денница. Павший, но не сломленный ангел, первотворение Божие, вневременной архетип истинного революционера»¹⁶³. А.Г. Дугин объявил себя и своих единомышленников наследниками дела эсеровских террористов. Но при этом он ни словом не обмолвился об эсеровской программе, имеющей существенные расхождения с программными установками национал-большевиков, сведя дело к терроризму, интерпретируемому в качестве бунта против системы. Объясняя актуальность эсеровской тематики для современной России, он писал: «Борис Савинков – это практик той глубокой мысли, которую развил великий Достоевский. Той в принципе не решаемой проблемы. Той великой мечты. Родион Раскольников убийством старухи-процентщицы нанес удар по черепу Капитала, космополитической банковской системы, разрубив цепи “процентного рабства...”. В эту же “старушонку” всаживал свои пули Борис Савинков. Большевики посчитали в какой-то момент, что они окончательно “били губернатора”. Что Отчуждение преодолено. Что Демиург повержен. Но дух тления вселился в них самих. Боль и риск забылись в наивном оптимизме. Революция и кровь были

¹⁶² Дугин А.Г. «Мне кажется, что губернатор все еще жив...» // Тамплиеры пролетариата. М., 1997. С. 320–321.

¹⁶³ Там же. С. 318.

проданы, преданы, сданы. С каким непониманием, омерзением, презрением и безразличием писали они в последние десятилетия своего правления о терроре, о Савинкове, об эсерах, о народниках. Бюрократы стерли память о зигзаге плеча, метящего бомбу. Они поплатились за это. И снова сволочь празднует на развалинах социализма свой триумф. Снова сияет рожа торговца: лениво потягивается сутенер, торгующий девочками малолетками; потирает руки гадина, вырубившая последний вишневый сад... Мы открываем книги Бориса Савинкова. «Конь бледный». Вдыхаем описание его жизни, его эротизма, его борьбы. И нам снова и снова кажется, что губернатор все еще жив»¹⁶⁴.

Но взгляды Б.В. Савинкова, как и любого другого боевика, нельзя экстраполировать на все террористическое подполье, как это традиционно осуществлялось. В рядах революционных террористов были и гностики, и ницшеанцы, и неокантианцы, и последователи Шопенгауэра, и христианские социалисты, и даже толстовцы. Члены БО Ф. Назаров и Д. Бриллиант, по их собственным признаниям, не разделяли основных постулатов эсеровских теоретиков. Б. Моисеенко был человеком независимых и оригинальных взглядов, а с точки зрения партии, еретиком. А.Гоц объявлял себя последователем И. Канта. М. Беневская была христианкой толстовского учения и никогда не расставалась с Евангелием, что не мешало ей являться одной из наиболее видных террористок. И. Каляев сочинял молитвы в стихах, прославляя в них христианского Всевышнего.

Другой боевик Е. Созонов также обратился к терроризму, руководствуясь своим пониманием христианского вероучения. В письме из тюрьмы он объяснял своим родителям: «Мои революционные социалистические верования слились воедино с моей религией... Я считаю, что мы, социалисты, продолжаем дело Христа, который проповедовал братскую любовь между людьми... и умер как политический преступник за людей...

¹⁶⁴ Дугин А.Г. Указ. соч. С. 321.

Требования Христа ясные. Кто их исполняет? Мы, социалисты, хотим исполнить их, хотим, чтобы царство Христово наступило на земле... Когда я слышал, как мой учитель говорил: “Возьми свой крест и иди за мной»... Не мог я отказаться от своего креста”¹⁶⁵. Таким образом, объяснение террористических увлечений на основании какой-либо единой мировоззренческой парадигмы представляется не вполне корректным.

В 1990-е годы лейтмотивом публикаций о революционных террористах было рассуждение об аморальности террора в принципе, вне зависимости от целей, им преследуемых. И.М. Пушкарева в качестве вывода своего исследования о терроре писала: «Индивидуальный политический террор, как и революции в России в начале XX в., был порожден насилием и одновременно направлен на одоление государственной машины насилия - авторитарно-самодержавного режима. Но, ставя проблему отношения общества к индивидуальному политическому террору, необходимо сразу же определиться и заявить о том, о чем мы писали ранее: насилие любого рода – тупиковый путь, оно не может сопутствовать прогрессу. В понятие прогресса всегда вкладывали и вкладывают высокое нравственное начало. Только опираясь на нравственные постулаты, можно построить цивилизованное государство, противостоящее традициям произвола и насилия. В основу такого общества непременно должны быть положены закон неприкосновенности человеческой личности, требование нравственного и духовного усовершенствования политического и социального строя. История учит, и эти уроки следует учитывать всем правительствам, выдвигающим лозунги демократии и свободы человека. Всякий протест против насилия вообще и против убийства человека имеет политическую окраску. Призывы к действиям, влекущим кровопролитие, с какой бы стороны они ни исходили – сверху, снизу, справа, слева, какими бы соображениями ни мотивировались, всегда имеют негативное значение. Политическая культура –

¹⁶⁵ ГАРФ, ф. 5831 (Б.В. Савинков), оп.1, д. 559, л. 5.

это способность разума преобладать над эмоциями»¹⁶⁶. Аналогично оценивал терроризм Ф.М. Лурье: «С позиций сегодняшнего дня, когда хорошо известны результаты деятельности всех российских революционных партий, мы обязаны причислить индивидуальный политический террор к уголовно наказуемым деяниям. Какие бы соблазнительно-привлекательные цели ни преследовали террористы, любой террор есть самосуд и не может быть оправдан благими намерениями. Совершивший уголовное преступление должен понести наказание только от рук правосудия, даже если оно несовершенно. Самосуд ничем оправдан быть не может. Террор – один из элементов вседозволенности, в то время как в борьбе за светлые цели следует использовать только соответствующие им средства. Цель не оправдывает средства, цель определяет средства. Негодные средства деформируют цель, делают ее неузнаваемой. Уж в этом-то нам дали убедиться. По средствам можно судить о цели. Если применяются такие средства, как индивидуальный политический террор, под предлогом, что другими средствами поставленная цель достигнута быть не может, нужна ли такая цель? Уголовники не в состоянии создать справедливое государственное устройство, даже если вдруг искренне этого захотят. И национально-освободительные движения должны обходиться без террора»¹⁶⁷.

Правда, некоторые исследователи допускали оговорки о существовании ситуации, когда индивидуальный террор является единственным способом борьбы за человеческое достоинство, а потому проявлением высокой нравственности. Так, В.Ф. Антонов писал: «Аморально всякое насилие над человеком, но бывают такие исторические обстоятельства, среди которых едва ли не на первое место следует поставить господство репрессивного режима власти, когда ответные меры революционеров (если признавать

¹⁶⁶ Пушкарева И.М. Российское общество начала XX в. Индивидуальный политический террор // Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. М., 1996. С. 50.

¹⁶⁷ Лурье Ф.М. Индивидуальный политический террор: что это? //

право народа на революцию) на его насилие становятся неизбежными и необходимыми средствами защиты или нападения. Народовольцы с негодованием откликнулись на террористический акт против президента США Дж. Гарфилда: “В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей, в такой стране политическое убийство как средство борьбы есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия”¹⁶⁸.

Образ борца против системы как таковой, против мира объективации, пытающегося посредством террора разрешить глобальные вопросы человеческого бытия, становится все более популярным и в отечественной литературе последних лет. Терроризм в России и терроризм на Западе рассматриваются как антиподы, русский террорист метафизик противопоставляется западному террористу-прагматику. А.Г. Дугин в статье о Б.В. Савинкове писал: «“Убить”» для русского террора значит разрешить глубинный мучительный философский вопрос Бытия. Революционный террор существовал и на Западе. Но французские (шире, европейские) анархисты - это нечто совсем иное. У них иная культурная, духовная среда. Зная фатальную ограниченность французов да, и вообще людей Запада, – их одномерность, мелкоту, убогую рациональность, можно себе представить, что и террор в Европе имеет столь же поверхностный, узкорациональный смысл. Убить, чтобы решить социальные вопросы; убить, чтобы заявить о своих политических взглядах. И только. Русский убивает иначе. За ним глубинный пласт национальной православной метафизики, вся трагическая драма апокалипсиса, раскола, страдания, истерически и пронзительно осознанно-

Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. С. 80.

¹⁶⁸ Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 13.

го христианского парадокса. Русский террорист – жертва. Он совершает магический акт, призванный спасти не только общество, народ, класс, но всю реальность»¹⁶⁹. Индивидуальный террор существовал и на Западе, но там он решал ясно осознанные прагматические задачи, проходил без «достоевщины», без размышлений об этической оправданности убийства. У эсеров террор являлся этической категорией. Эсеровские убийства были не просто способы устранения политических противников, но актом самоутверждения личности»¹⁷⁰. Б.В. Емельянов и М.И. Леонов указывали на ницшеанский компонент в воззрениях российских террористов¹⁷¹.

В западной историографии психоаналитические объяснения давно уже стали тривиальным и неотъемлемым атрибутом любого исследования по историческим персоналиям. В российской исторической науке школа психоанализа так и не получила широкого распространения. Однако, первые попытки ее применения в контексте темы революционного терроризма уже были осуществлены. О.В. Будницкий, анализируя мотивы самопожертвования и суицида эсеровских женщин-террористок, приходил к выводу о наличии у них психопатологических комплексов.

Все большую популярность приобретают психологические мотивы интерпретации терроризма. Из историков постсоветского времени показательны высказывания Н.Д. Ерофеева: «Эсеров отличало от других течений не только мировоззрение, но в какой-то мере даже склад ума, психология. Марксизм, как правило, притягивал натуры рассудочные, уравновешенные, не склонные к бурным проявлениям чувств, а народничество (особенно его экстремистское крыло) объединяло людей более эмоциональных, постоян-

¹⁶⁹ Дугин А.Г. «Мне кажется, что губернатор все еще жив...» // Тамплиеры пролетариата. С. 319–320.

¹⁷⁰ Савинков Б.В. Конь бледный // Избранное. М., 1990. С. 317.

¹⁷¹ См.: Емельянов Б.В. Этический идеал эсеров // Очерки этической мысли в России конца XIX–начала XX в. М., 1995. С. 284–285. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 91.

но испытывавших духовную и нравственную неудовлетворенность»¹⁷². В появившихся в последнее время биографиях Б.В. Савинкова и других представителей эсеровского террора создан тип социалиста-революционера как экзальтированного бунтаря, борющегося против «системы» в любом ее облике. По-видимому, психологический портрет элиты ПСР некорректно распространять на партию в целом. Кроме того, Боевая организация, требующая иного вида деятельности, чем прочие партийные структуры, предполагала контингент, обладающий принципиально иными психологическими качествами, и потому типаж эсера-боевика неоправданно экстраполировать на социалистов-революционеров, занимающихся массовой работой.

На данное различие обращал внимание Р.А. Городницкий: «Была, действительно, особая психология боевика, отличная от склада массовика. Вся воля боевика должна быть крайне сосредоточенна, ибо любой его неверный шаг грозит не ссылкой и тюрьмой, а гибелью. И здесь никакая ошибка не прощается и не может быть исправлена. Подпольная работа не дает и морального удовлетворения – слежка за лицами, назначенными к истреблению, делает из человека филера, хотя бы и революционного филера, но не все же любой интеллигентный, пусть даже среднего развития, человек ощущает это дело как очень неприятное. Массовик всегда находится на людях, рядом с товарищами, его работа приносит ему отдачу – он сразу видит результаты от его агитации, от его влияния на рабочую массу. Реальность выдвинула правило, согласно которому хороший массовик всегда оказывался плохим боевиком, именно потому, что он был хороший массовик. Боевик понимал, что любая неосторожность приведет к провалу не только его, но и всех лиц, составлявших организацию. Все вещи он рассматривает под особым углом зрения, и выталкивать его в массовую работу – значит обезглавливать террор, устраняя из БО хорошего боевика и попол-

¹⁷² История политических партий России. М., 1994. С. 150.

няя и так многочисленные ряды эсеровских агитаторов довольно средним массовиком. Конечно, психологическая разница между членами партии, когда работа одного построена на конспирации и сужении, а другого - на расширении и, следовательно, уничтожении конспирации, неустранима»¹⁷³.

Ведущим мотивом индивидуального террора И.М. Пушкарева считала чувство мести. Большинство террористических актов не решало прагматических задач и являлось возмездием государственным карателям и провокаторам¹⁷⁴. М.А. Спиридонова, хотя и отрицала мотив мести, в 1905 г. говорила: «Террор – есть только ответ. Нет ни одного крестьянина, у которого спина не была бы в рубцах».

Генезис индивидуального террора в России М. Могильнер объяснял следствием распространения суицидальной патологии в революционном подполье¹⁷⁵. Семиосфера подполья выдвигала в качестве нормативного типа человека экзальтированную фигуру. Нормой являлось то, что в обывательском мире понималось как отклонение от нормы. Комплекс революционной неполноценности должен был преследовать любого психически здорового человека, отождествляющего себя с подпольем. Логика данной семиосферы приводила его либо к самоубийству, т. е. признанию собственного несоответствия его революционному идеалу, либо к убийству предполагаемого противника, т. е. возложению на себя маски героя. Политический террор эсеров являлся также вопросом танатологии. «Бог умер», а потому абсурд бытия толкал к желанию смерти. Эсеров, идущих на террористические предприятия, в большей степени интересовала не технология убийства жертвы, а собственное восхождение на эшафот.

¹⁷³ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. С. 121–122.

¹⁷⁴ См.: Пушкарева И.М. Российское общество начала XX в. Индивидуальный политический террор // Индивидуальный политический террор в России. XIX–начало XX в. М., 1996. С. 43–51.

¹⁷⁵ Могильнер М. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.). М., 1997.

Для подпольной семиосферы нормой являлось то, что в естественной культуре оценивалось в качестве аномалии. Поэтому демаргинализационная реабилитация прежде всего предполагает апробацию механизмов аксиологической переориентации по принципу от противного. Характерно, что многие бывшие представители подпольной семиосферы не просто выходили из нее, но и переходили в ряды консерваторов. Представителей подполья выдавало не вполне нормальное поведение в быту, тогда как в рамках революционной семиосферы (например, на митингах) они вели себя совершенно адекватно. «Мир для меня не существовал», – признавалась террористка Мария Школьник¹⁷⁶. Никогда не принимавшая даже косвенного участия в революционной деятельности казанская дворянка Вера Жебровская попала в психиатрическую лечебницу после того, как объявила родным и знакомым, что она революционерка, распространительница прокламаций Вера Бендавид. Больная идентифицировала себя с евреями потому, что, по ее объяснению, они «умные и добрые люди». И это показательно: если для «естественной культуры евреи являлись изгоями», в подпольной семиосфере их образ «нормативен»¹⁷⁷.

Показательно и то, что после потрясений революции 1905-1907 гг. шкала самоубийств в столицах стала постепенно снижаться, тогда как в провинции оставалась на прежнем высоком уровне. Причина, по видимому, банальна: в Москве или Петербурге гораздо легче было найти новую нишу в социальной или культурной сфере, чем в провинции. В столицах можно было записаться на лекции религиозных философов или пойти на выступления модных поэтов, чего провинциальные городки оказывались преимущественно лишены¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917. С. 236.

¹⁷⁷ Могильнер М. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.). М., 1997.

¹⁷⁸ См.: Могильнер М. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.). М., 1997. С. 37.

Потоком публикаций в отношении теракта 1 сентября 1911 г. отмечена историографическая ситуация постсоветского времени. Такой исследовательский бум объясним фактом использования фигуры П.А. Столыпина в качестве символа экономических реформ в 1990-е и политических – в 2000-е годы.

В наиболее целостном виде концепция «заговора охранки» при осуществлении теракта в Киевском драматическом театре была представлена в трудах А.Я. Авреха. По мнению историка, покушение являлось делом рук «великолепной четверки» или «банды четырех» в составе товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова, начальника дворцовой охранной агентуры А.И. Спиридовича, исполняющего обязанности вице-директора Департамента полиции М.Н. Веригина, начальника Киевского охранного отделения Н.Н. Кулябко. Действительно, при отсутствии прямых доказательств в пользу версии А.Я. Авреха говорит удивительная поспешность расправы над Д.Г. Богровым. Подсудимому отказали в выдаче бумаги и ручки, запретили оставаться с глазу на глаз с раввином. Очевидно, что кто-то стремился избежать раскрытия истинных обстоятельств дела¹⁷⁹. Основным недостатком авреховского исследования явилась недоступность автору материалов расследования комиссии М.И. Трусевича и Н.З. Шульгина.

К сходным по существу выводам пришел П.Н. Зырянов. Однако, в отличие от А.Я. Авреха, он не считал, что четверка ставила перед собой цель убийства премьера. Но желая распутать цепочку связей Д.Г. Богрова, охранка явно заигралась. Рискованную игру, залогом которой стала жизнь премьера, П.Н. Зырянов объясняет фактом нависшей над П.А. Столыпиным отставки. Вследствие очевидной близкой смены руководителя его ближайшие подчиненные и не проявляли особого служебного рвения¹⁸⁰.

¹⁷⁹ См.: Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьба реформ в России. М., 1991. С. 221–223.

¹⁸⁰ См.: Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992. С. 120.

Условия, сделавшими возможным теракт Д.Г. Богрова, С.А. Степанов также объяснял не заговором, но преступной халатностью охраны. Правда, в отличие от П.Н. Зырянова, он ставил под сомнение профессионализм руководства полиции. По его мнению, работу чиновников охранного отделения характеризовали несоблюдение основных инструкций, профессиональная некомпетентность, панибратство и кумовство¹⁸¹.

Теории «халатного равнодушия» в интерпретации теракта 1 сентября придерживаются и составители изданного в РОССПЭН сборника архивных документов «Тайна убийства Столыпина» (под общей редакцией президента Фонда изучения наследия П.А. Столыпина П.А. Пожигайло, редакционная коллегия – И.И. Демидов, С.В. Мироненко, В.В. Шелохаев). Их вывод сводился к констатации «полного отсутствия у охраны не только служебного рвения, но и каких бы то ни было побудительных причин должным образом выполнять возложенные на них охранительные функции в отношении премьер-министра. Предвзятое отношение этих лиц к Столыпину, равно как и их осведомленность о подобном же отношении “верхов”, делали их равнодушными, если не сказать больше, к тем обязанностям, ради исполнения которых они и находились в Киеве. Можно с достаточной долей вероятности утверждать, что будь Столыпин одним из “своих”, причем не только по происхождению, карьере, но и взглядам, ментальности, даже “недоумок” Кулябко, не говоря уже о Курлове и Спиридовиче, действовали бы иначе и не допустили бы той череды “промахов”, которые и позволили Богрову водить их за нос и, что называется, обвести вокруг пальца»¹⁸².

Пролить свет на обстоятельства гибели премьер-министра пытаются не только профессиональные историки, но и политики, такие как Г.Х. Попов или Б.Г. Федоров. Последний из них видел причины случившегося в «традиционном российском ротозействе, тупости и безалаберности чиновников». С его точки зрения, говорить об организованном охранкой заговоре

¹⁸¹ См.: Степанов С.А. Загадки убийства Столыпина. М., 1995.

нет никаких оснований. Такой заговор против премьер-министра был, по оценке Б.Г. Федорова, в России попросту невозможен. Что же до убийцы П.А. Столыпина, то он даже не соответствовал планке террориста-революционера. Б.Г. Федоров характеризует Д.Г. Богрова как «вырожденца»... «психически и нравственно неустойчивого человека, без четких принципов и морали, который метался между друзьями-революционерами и службой охранки»¹⁸³. Однако вопрос, почему заговор против главы правительства Б.Г. Федоров считал в условиях России невозможным, хотя российская история дает множество примеров такого рода заговоров, остается без ответа.

Конспирологическая интерпретация теракта 1 сентября представлена в книге Г.П. Сидоровнина «П.А. Столыпин: Жизнь за Отечество». В ней автор намекает на причастность к заговору против премьера большевиков во главе с самим В.И. Лениным. Центральной фигурой в организации теракта определялся социал-демократ Н.В. Валентинов (Вольский) – человек близкий к лидеру большевистской партии. Тот самый Валентинов, автор широко растиражированных книг о Ленине. Согласно изысканиям Г.П. Сидоровнина, фамилия «Валентинов» являлась партийным псевдонимом двоюродного брата убийцы премьера С.Е. Богрова¹⁸⁴. Симптоматично, что нигде в своих многочисленных мемуарах он даже не оговаривается о столь примечательной родственной связи с убийцей премьера. А между тем, по утверждению Г.П. Сидоровнина, влияние того на двоюродного брата было всеобъемлющим. Сергей Богров проживал в том самом доме, из которого Дмитрий и отправился в Киевский театр. Примечательно, что В.И. Ленин лично помогает родному брату Дмитрия Владимиру Богрову уехать в 1918 г. из России в Германию, а Валентинова терпит на ответственной диплома-

¹⁸² Тайна убийства Столыпина. М., 2003. С. 45.

¹⁸³ Федоров Б.Г. Петр Аркадьевич Столыпин. М., 2002. С. 474–476, 478.

¹⁸⁴ См.: Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин: Жизнь за Отечество: Жиз-

тической работе, несмотря на оппозиционные взгляды. Только в 1930 г. Валентинов оставил работу советского дипконсула, перейдя в положение эмигранта. Не в благодарность ли за убийство премьер-министра, – вопрошает исследователь, – благоволили к родственникам Дмитрия Богрова большевики?¹⁸⁵

Однако факт родства Н.В. Валентинова и Д.Г. Богрова ставится под сомнение другими историками. Оценивая репрезентативность гипотезы Г.П. Сидоровнина, авторы-составители сборника «Тайна убийства Столыпина» указывают: «Версия звучит весьма оригинально, но, к сожалению, не подкрепляется документальными свидетельствами. Сидоровнин не доказал главного – идентичности Валентинова и С.Е. Богрова. Можно предположить, что автор создал собирательный образ из трех персонажей: Валентинова (Вольского) Николая Владиславовича, Сергея Евсеевича Богрова (партийный псевдоним «Фома») и Валентина Евсеевича Богрова (псевдонимы «Валентинов», «Валентиныч», «Русанов»). Все эти лица были связаны с Киевом. В частности, Валентин Евсеевич Богров одно время выступал с заметками в киевской печати. Но если даже гипотетически признать идентичность Валентинова (Вольского) и Сергея Богрова, то исследователям хорошо известно, что между Лениным и Валентиновым в 1904 г. произошел идейный разрыв и они на длительное время, вплоть до советского периода, прекратили взаимное общение»¹⁸⁶.

Вся историографическая дискуссия по поводу убийства П.А. Столыпина подводит к выводу, что истоки многих терактов следует искать не только в самих террористических организациях, но и в государственных, в том числе охранных, структурах.

Новый импульс в исследованиях истории терроризма был связан с резонансом терактов в Нью-Йорке и Москве. По проблемам истории тер-

неописание (1862–1911). Саратов, 2002. С. 486–488.

¹⁸⁵ См.: Там же. С. 486–488.

роризма в России проводятся конференции, семинары, круглые столы. Среди них в контексте изучения революционного террористического движения следует особо отметить конференцию «Терроризм и толерантность», проведенную на базе Сергиево-Посадского Гуманитарного института, и заседание историко-политологического семинара при Фонде развития политического центризма «Терроризм: происхождение, типология, этика»¹⁸⁷.

В целом отечественная историография истории революционного терроризма в 1990–2000-е годы оказалась на пороге качественных изменений, но пока этот порог еще не преодолен.

¹⁸⁶ См.: Тайна убийства Столыпина. М., 2003. С. 31.

¹⁸⁷ См.: Духовность. Сергиев-Посад, 2003. № 3; Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. М., 2001. № 15–16.

Заключение

Развитие историографии российского революционного терроризма соотносилось с динамикой отечественной исторической науки в целом будучи определяемым факторами идеологического и общественно-политического характера.

Начальный историографический этап был связан с первыми попытками осмысления российского революционного терроризма современниками. Разработка темы велась усилиями партийных идеологов и представителей охранных структур. Концептуальное содержание работ определялось, прежде всего, партийной принадлежностью авторов. Особое место в работах этого периода занимал вопрос о соотношении современного и народолюбивого этапов революционного терроризма.

Особенно богатым в фактографическом отношении историографическим этапом изучения истории российского революционного терроризма стал период 1920–первой половины 1930-х годов. Обстоятельства террористической деятельности реконструировались, прежде всего, в мемуарной литературе. Приводилась, в частности, подробная информация о подготовке и осуществлении терактов представителями большевистской партии. Вместе с тем терроризм мелкобуржуазных партий, к которым относились эсеры, максималисты и анархисты, рассматривался через призму идеологических клише марксизма-ленинизма. Важнейшим общественно-политическим фактором развития историографии революционного терроризма стал судебный процесс над партией социалистов-революционеров 1922 г.

Исследования по проблемам терроризма в советской исторической науке были табуизированы после убийства С.М. Кирова. Тема «аграрного террора» опосредовано изучалась в ракурсе дефиниции «революционного партизанского движения».

Советская историография российского революционного терроризма второй половины 1950–первой половины 1980-х годов определялась идео-

логемой о мелкобуржуазной сущности тактики индивидуального террора. Социалистические партии, использовавшие приемы террористической борьбы, характеризовались через призму идеологии о «кадетах с бомбой».

Историографический этап второй половины 1980-х годов являлся переходным в изучении российского революционного терроризма от советских идеологических установок к модернизационным концепциям постсоветской эпохи. Определяющим фактором становления новых историографических тенденций стала концепция гуманизации истории и общественной жизни.

Собственную логику развития имело изучение российского революционного терроризма на Западе и в кругах русского зарубежья. Лейтмотивом эмигрантской историографии по соответствующей проблематике стало выявление причин исторического поражения партий, придерживавшихся террористической тактики, что предполагало взаимные обвинения и поиск виновных. Поэтому основным дискуссионным вопросом для нее явилось «дело Е.Ф. Азефа».

Западные историки в интерпретации российского террористического движения апробировали ряд недопустимых в рамках советской историографии методологических подходов. Анализ революционного терроризма осуществлялся посредством привлечения методического и понятийного инструментария психоанализа, клиометрики, гендерной социологии, семиотики. Через террористический ракурс была представлена тема «изнанки революции». Революционный терроризм и государственный террор рассматривались как две стороны одной медали и определялись в качестве следствия отсутствия в России гражданского общества.

Литература постсоветского периода, посвященная российскому революционному терроризму, аккумулировала представленные прежде историографические традиции. Плюрализм подходов существенно расширил рамки изучения проблемы. В 1990-е годы доминировал подход к рассмот-

рению революционного терроризма в ракурсе оценок теории прав человека и соответствующего осуждения любых форм политического насилия. В историографии 2000-х годов фиксируется тенденция интерпретации террористической деятельности с позиций державных приоритетов. Важнейшую роль в активизации исследований по проблемам истории терроризма стало вхождение России в орбиту деятельности международных террористических групп.

Интерпретация террористических актов дифференцируется по принципу «свои – чужие». Точка зрения, осуждающая терроризм как таковой, хотя и высказывалась, не получила достаточно определенного историографического выражения. Возможно даже говорить о клише двойных стандартов. Ведь если классифицировать индивидуальный террор народовольцев и эсеровских боевиков как проявление героизма, то почему к аналогичным действиям современных шахидов следует относиться как-то иначе?

На историографических оценках сказывалась, по-видимому, определенная эстетизация истории. Столетний срок совершения террористического акта нивелирует ощущение близости смерти. Поэтому негативное отношение к современным проявлениям терроризма не мешало проводить апологию революционных террористов прошлого. В результате применения аксиологии двойных стандартов шахид-смертник преподносится как зловещий фанатик, тогда как террор в исполнении боевиков-смертников, представляющих подпольную Россию, характеризуется в качестве героической жертвенности.

Русский экзистенциальный терроризм вряд ли возможно рассматривать как типовое явление. Облеченный в формы литературной экзальтации, Достоевщины, метафизической парадоксальности, он представляет уникальный феномен в истории мирового террора. Вряд ли, к примеру, душа современного боевика переполнена нравственными терзаниями о правомочности насилия. Вряд ли современный киллер откажется, подобно И. Каляеву, от теракта, на том основании, что при его осуществлении мо-

гут пострадать невинные жертвы. Вместе с тем «новая террористическая волна» в русской революции оказывается по своей сути изоморфна уголовщине. Она представляла другой типаж русского революционного террориста, более близкий к образу современного боевика. Таким образом, понять природу терроризма, лишь однозначно осуждая и инфернализируя его, невозможно.

Сложились полярные в методологическом отношении подходы к выявлению глубинных причин индивидуального террора. Историография революционного терроризма начала XX века преломлялось через дихотомию социальной и психологической интерпретации. Социальный подход к индивидуальному террору был связан с рассмотрением его в качестве индикатора определенных общественных процессов. В советской историографии, в частности, он соотносился с участием в революционном движении мелкой буржуазии. Психологический подход основывался на анализе внутренней рефлексии самих террористов. Причем предлагаемые в рамках этого подхода трактовки поляризуются от изображения последних в виде особой породы людей высшей духовной организации («рыцарей революции») до установления доминирующих в их сознании всякого рода психопатологических мотивов.

Аргументы революционных идеологов в начале XX в. в пользу эффективности применения тактики индивидуального террора сводились к следующему:

- 1) эксцитативная функция, т.е. агитационное воздействие;
- 2) дезорганизация деятельности правительственного аппарата;
- 3) теория неуязвимости террористов;
- 4) неотвратимость революционного возмездия;
- 5) средство самозащиты революционеров;
- 6) фактор страха в глазах рядовых слуг режима и буржуазных обывателей;
- 7) «безмотивные» теракты.

Парадигма революционного терроризма обнаруживалась в воздействии комплекса факторов:

- 1) отсутствие опоры в массах;
- 2) мелкобуржуазная психология, построенная на отрицании коллективных форм борьбы;
- 3) теория героев и толпы;
- 4) представление о государстве как надклассовой силе;
- 5) экзистенциальная философия; *развитие Теуис*
- 6) государственный террор и отсутствие демократической альтернативы;
- 7) чувство мести, в том числе национальной;
- 8) суицидальная патология революционного подполья;
- 9) технический прогресс;
- 10) развитие информационных систем и технологий.

До сих пор преобладает точка зрения о том, что революционный терроризм конца XIX–начала XX в. генетически связан с народовольческими террористическими организациями. В действительности и в идеологическом, и в организационном, и в техническом отношении фиксируются принципиальные различия двух террористических волн российского революционного движения. Формальная преемственность между ними также не подтверждается фактическим материалом. Корректно говорить лишь о некоторой степени духовного родства между террористами народовольческой и эсеровской генераций. Максималисты и анархисты представляли совершенно иной тип боевика по сравнению с революционерами «Народной воли».

До сих пор в отечественной историографии используется идеологический штамп о так называемом мелкобуржуазном характере революционного терроризма. Если использовать марксистскую фразеологию, имеется в виду его «кулацкая» социальная база, что само по себе абсурдно. В прежние годы, чтобы затушевать революционный радикализм и социалистиче-

скую идеологию эсеров, применялся термин «эсеровский революциона- ризм», за которым якобы скрывалась их контрреволюционная сущность. В настоящее время минус в оценках сменился на плюс, но содержание выво- дов осталось прежним: эсеры, в отличие от большевиков, представляются если не сторонниками капитализма, то, во всяком случае, социализма нэ- повского образца, приверженцами парламентского пути развития России.

Если основные вехи истории придерживавшихся террористической тактики политических партий получили достаточно полное освещение, то история допартийных кружков 1890-х годов, внесших свою лепту в идео- логию революционного терроризма, изучена мало и является «белым пят- ном» в отечественной историографии.

Для изучения российского революционного терроризма был характе- рен ~~эсероцентризм~~. Причем центральная Боевая организация социалистов- революционеров оттеняла в историографической традиции деятельность других эсеровских террористических групп. Непропорционально меньшее внимание уделялось максималистскому и анархистскому терроризму. Да и сам по себе революционный терроризм, вне контекста исследования исто- рии той или иной партии, стал объектом изучения только в самое послед- нее время.

В отечественной историографии структурно-системный метод исто- рического исследования не получил широкого применения, поскольку счи- тался чуждым советской исторической школе, преподносился как выраже- ние буржуазного формализма в науке. Поэтому, несмотря на исследования организационных принципов построения ряда политических партий, оста- ются недостаточно освещенными вопросы о механизмах функционирова- ния партийных боевых структур.

Следует констатировать, что во второй половине 1980–1990-е годы антропоцентризм методологического подхода позволил пересмотреть неко- *которые* идеологические штампы историографии советского времени в от- ношении воссоздания образа революционного террориста. Но в целом пер-

сонализация истории террористического движения в России далека до завершения.

Из руководителей террористических организаций наиболее дискуссионными фигурами оказались руководители Боевой организации эсеров – Г.А. Гершуни, Е.Ф. Азеф, Б.В. Савинков.

Традиционным оценкам образа Г.А. Гершуни была присуща определенная мистификация его фигуры, рассмотрение его как «гения революции», «рыцаря террора». Но рядом авторов указывалось, что существующая традиция есть мифологема из арсенала эсеровской агитации.

В историографии было предложено несколько вариантов определения побудительных мотивов двойной игры Е.Ф. Азефа: 1) эгоизм и жажда наживы; 2) преданная служба полиции; 3) преданная служба революции; 4) комплекс неполноценности, в том числе национальной; 5) психология игрока.

Личность Б.В. Савинкова рассматривалась, как правило, через призму его литературных произведений. Исследователи обращали внимание на кавалергардские, бретерские замашки, распутный и мотовской образ жизни Б.В. Савинкова, дискредитирующий революционное подполье. Но художественные произведения некорректно использовать в качестве документальных источников. Работы В. Ропшина выполнены как стилизация под произведения Ф.М. Достоевского и Д.С. Мережковского. Послереволюционная меланхолия Б.В. Савинкова была ретроспективно экстраполирована на образ эсера-боевика революционной эпохи.

Хрестоматийное историографическое клише рассматривает взаимоотношения охранки и политического подполья как борьбу двух крайне антагонистических сил. В последнее время появилось значительное число исследований о деятельности провокаторов в оппозиционных политических партиях, заставляющих пересмотреть традиционные оценки. Материалы дел Е.Ф.Азефа и Д.Г. Богрова свидетельствуют, что охранка вела и собственную политическую игру.

Опыт истории российского терроризма может представлять большой интерес для современных ^{служб} служб безопасности в техническом отношении как беспрецедентное по своим масштабам внедрение агентов полиции в террористические организации. На настоящее время тактика инкорпорации агентуры в боевые группы террористов фактически не применяется. Между тем абсолютизация методов наружного наблюдения на настоящее время, несмотря на совершенства технических систем слежки, обнаруживает свою неэффективность. Но распространение провокаторства так или иначе связано с противоправными деяниями со стороны агентов служб безопасности. Таким образом, эффективная борьба с преступными организациями оказывается возможна лишь при осуществлении самими государственными органами противоправных деяний. Для успешного предотвращения терактов руки у спецагентов не должны быть связаны нормативами гражданских законов. Но при такой постановке вопроса возникает угроза авторитарного синдрома. Перед обществом встает онтологический выбор между защищенностью от произвола властей и защищенностью властями. Идеологема правого государства, как ни парадоксально это звучит, не позволяет наносить террористическим группам предупреждающие удары, предоставляя тем стратегическую инициативу. При отказе от тактики провокаторства органами внутренних дел остается лишь реагировать на уже совершенные теракты.

Угроза
права
информации

Идеологическим пережитком следует признать использование современными авторами для обозначения сотрудников Департамента полиции, действующих в революционных организациях, термина «провокаторы». Применяя его, историки встают на позиции революционеров, для которых агенты полиции действительно являлись презираемыми личностями. Но с точки зрения государственного служения возможно говорить о подвиге полицейских работников, внедренных в лагерь преступных организаций.

Не менее эффективным в борьбе с террористической угрозой являлось применение системы заложничества. В определенных случаях залож-

ники служат единственным сдерживающим фактором для террористов-смертников. Однако абсолютизация концепции прав человека опять-таки не позволят использовать данный механизм сдерживания. Отказ от применения системы заложничества охранными структурами Российской Империи по отношению к революционной интеллигенции, навеянный распространением западного правосознания, существенно расширил перспективы деятельности террористических организаций.

Невостребованным остается до сих пор беспрецедентный опыт контртеррористической кампании правительства П.А. Столыпина. Столыпинские военно-полевые суды также, естественно, противоречат либеральной модели правового государства.

Назрела крайняя необходимость переосмыслить опыт борьбы с терроризмом в Российской Империи применительно к современным политическим реалиям.

1. Список источников и литературы

1. Абрамов П.Н. О работе большевиков в деревне в 1905–1907 гг. в центрально-черноземных губ. // Сборник статей по вопросам истории КПСС. М., 1960
2. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьба реформ в России. М., 1991.
3. Агарев А. Борьба большевиков против мелкобуржуазной партии эсеров // Пропагандист. 1939. № 16
4. Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг., 1918.
5. Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1979.
6. Аксельрод П.Б. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов. Женева, 1898.
7. Алданов М.А. Азеф. Париж, 1924.
8. Алданов М.А. Азеф. Париж, 1931.
9. Александр Столыпин. Памяти брата // Петр Столыпин: Сб. / Сост. Г.И. Лыцков. М., 1997.
10. Алексеева Г.Д. Народничество в России в XX в. Идеиная эволюция. М., 1990.
11. Алексеенко Д.М. Из опыта борьбы спецслужб Российской Империи с террористами // Высокотехнологичный терроризм: Материалы российско-американского семинара. М., 2202.
12. Алисов П.Ф. Террор. (Письмо к товарищу). Женева. [1893].
13. Анисин Ю.В. Некоторые вопросы теоретической борьбы В.И. Ленина с неонародниками по национальным проблемам // Ленинская партия в борьбе... М., 1982.
14. Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1.
15. Аргунов А.А. Из прошлого партии социалистов-революционеров // Былое. 1907. № 10.

16. Аркомед С. Красный террор на Кавказе и охранное отделение // Каторга и ссылка. 1924. № 13
17. Аронсон Г.Я. Загадка убийства Столыпина // Новое русское слово. New-York, 1956. 30 октября; 5, 12 ноября
18. Аронсон Г.Я. Загадки убийства П.А. Столыпина // Аронсон Г.Я. Россия накануне революции. Исторические этюды. 1962.
19. Арский Р. Эпоха реакции в Петрограде (1907–1910 гг.) // Красная летопись. 1923. № 9
20. Артемов А.А., Дербенев Н.Е, Политические партии России в период подготовки и хода первой русской революции. Пенза, 1994.
21. Архив А.М. Горького. М., 1969. Т. 12.
22. Афанасьев А.Л. Военная работа эсеров в Вост. Сибири в период отступления революции 1905–1907гг // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири в 1905–1920 гг. Томск, 1982
23. Афанасьев А.Л. О деятельности социалистов-революционеров среди рабочих Иркутской губернии в 1905–1907 гг. // Из истории Сибири. Вып. 14. Томск, 1994.
24. Афанасьев А.Л. Эсеры в Восточной Сибири в период революции 1905–1907 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1979.
25. Ацаркин А.Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России. 1900. Октябрь 1917 года. М., 1976.
26. Бабаева Н.П. Ленинская тактика «левого блока» в революции 1905–1907 гг. Л., 1977.
27. Бакай М.Е. О разоблачителях и разоблачительстве. New-York, 1912
28. Басалыго. Революционное движение в Харькове // Летопись революции. Харьков, 1924. № 1 (6).
29. Басов-Верхоянцев С. На другой день // К.и.С. Кн. 7. (80)
30. Бейка Д. Год лесных братьев. Мемуары. Рига, 1970

31. Белобородов А. Из истории партизанского движения на Урале // Красная летопись. 1926. № 1 (16).
32. Бердяев Н.Д. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991.
33. Биценко А. В Мальцевской женской тюрьме. 1907–1910 гг. К характеристике настроений // Каторга и ссылка. 1923. № 7.
34. Биценко А.А. Две встречи с Горьким // Каторга и ссылка. 1928. № 41.
35. Богров В.Г. Дм. Богров и убийство Столыпина: Разоблачение действительных и мнимых тайн. Берлин, 1931.
36. Боевая группа при ЦК РСДРП (б) / Под ред. С. М. Познера. М.; Л., 1925.
37. Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещение охранки. М., 1918.
38. Борисов С. [Билит Б.Г.]. Революция и революционное хулиганство. (Письмо с Северного Кавказа) // Знамя труда. 1908. Январь. № 9.
39. Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. М.; Л., 1928.
40. Боровский А. Покушение на генерала Алиханова (В мае 1906 г.) // К. и С. 1925. Кн. 20.
41. Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины // Красный архив. 1929. № 3(34).
42. Брачев В.С. Заграничная агентура Департамента полиции (1883–1917). СПб., 2001.
43. Бретбарт Е. «Окрасился месяц багрянцем...», или Подвиг советского террора // Континент. 1981. № 28.
44. Будницкий О.В. «Кровь на совести»: Терроризм в России. Вторая половина XIX – начало XX в. // Отечественная история. 1994. № 6.
45. Будницкий О.В. «Теоретическое убийство» // За строкой учебника истории. Ростов н/Д., 1992.

46. Будницкий О.В. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция. М.; Иерусалим, 1999. С. 3–21.
47. Будницкий О.В. Женщины-террористки: политика, психология, патология // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д., 1996.
48. Будницкий О.В. Последние народовольцы: к истории южно-русской организации // За строкой учебника истории. Ростов н/Д., 1995.
49. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.
50. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
51. Будницкий О.В. Терроризм: происхождение, типология, этика // Россия в условиях трансформаций. Вып. 15–16. М., 2001.
52. Бурцев В.В. За террор // Народоволец. 1897. № 3.
53. Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. (1882–1922 гг.) Берлин, 1924. Т. 1.
54. Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. М., 1991.
55. Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928.
56. Бурцев В.Л. Долой царя! Лондон, [1901].
57. Бурцев В.Л. Из моих воспоминаний // Свободная Россия. 1889. № 1. Февраль.
58. Бурцев В.Л. К оружию. Лондон, 1903.
59. Бурцев В.Л. Как я разоблачил Азефа // Провокатор. Воспоминания и документы о разоблачении Азефа. Л., 1929.
60. Бурцев В.Л. От редакции // Былое. 1901. № 2. С.84–89.
61. Бурцев В.Л. Памяти Гриневицкого // Былое. 1900. № 1. С.6–17.
62. Бурцев В.Л. Правда ли, что террор делают, но о терроре не говорят // Народоволец. 1897. № 2.

63. Бурцев В.Л. Социалисты-революционеры и народовольцы // Народоволец. 1903. № 4.
64. Бурцев В.Л. Юбилей предателей и убийц. (1917–1927). Париж, 1927.
65. Былое: Журнал, издававшийся за границую / Под ред. В.Л. Бурцева. Вып. 1 (1900–1902). Вып. 2 (1903–1904). Ростов н/Д., 1906.
66. Быстрянский В. Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921
67. В Думе: Запросы об убийстве Столыпина // Будущее. Париж, 1911. № 3. 5 ноября.
68. Вагнер-Дзвонкевич Е. Покушение на начальника киевской охраны полковника Спиридовича // Каторга и ссылка. 1924. № 13.
69. Вардин В. Политические партии и русская революция. М., 1922.
70. Вардин И. Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты. (Факты и документы). М., 1922.
71. Варенцова О. Михаил Васильевич Фрунзе в Иваново-Вознесенском районе // Пролетарская революция. 1926. № 12 (47).
72. Васильев П. Митя Кириллов // К. и С. Кн. 49.
73. Веножинский В. Смертная казнь и террор. СПб., 1908.
74. Витюк В.В. К анализу и оценке эволюции терроризма // Социологические исследования. 1979. № 2.
75. Вишняк М.В. Трагедия террора // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1957. 24 марта.
76. Волк С.С. «Народная воля»: 1879–1882. М.; Л., 1966.
77. Волк С.С. «Народная воля»: 1879–1882. М.; Л., 1966; Седов М.Г. Героический период революционного народничества: Из истории политической борьбы. М., 1966; Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Казань, 1995.

78. Волобуев О.В. Либеральные и народнические партии в их самооценке и взаимных оценках (1905–1909) // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1982. С. 64.

79. Воля России. Прага. 1924. № 12–13.

80. Воля труда: Сб. статей. М.: Тип. Иванова, 1907.

81. Вопрос о терроре на V Совете партии: май 1909 года // Социалист-революционер. 1911. № 2.

82. Воробьев В.К. Я вспоминаю. М.; Л., 1927.

83. Воронцов С.А. Правоохранительные органы. Спецслужба. История и современность. Ростов н/Д., 1998.

84. Котовский Г.И. Документы и материалы. Кишинев, 1956.

85. Габуния В.К. Тактика революционных компромиссов и соглашений (исторический опыт КПСС). М., 1964.

86. Гавазин С. Охранные структуры Российской империи. Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001.

87. Галеви Д. Анархизм и социализм. М., 1906.

88. Галин А. (Юделевский Я.Л.) Легенда и действительность // Накануне. Лондон, 1901. № 26–27.

89. Галкин К. Анархистские и террористические группы в Харькове (по данным охранки) // Пути революции. 1925. № 1, 2, 3.

90. Гамбаров А. Очерки по истории революционного движения в Луганске (1901–1921 гг.) // Летопись революции. 1923. № 4.

91. Ганн Л. Убийство Столыпина // Исторический вестник. Т. 136. С. 192.

92. Гарденин Ю. (Чернов В.) Террор и массовое движение // Революционная Россия. Вып. 2. 1903.

93. Геденовский А. Памяти Николая Васильевича Коршуна // К. и. С. 1925. Кн. 20.

94. Гейфман А. [Приложение] // Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991.
95. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997.
96. Гельцин С.Л. (Бабаджан) Южное Военно-техническое бюро при ЦК РСДРП // Каторга и ссылка. 1929. № 61
97. Генкин И.И. Анархисты: Из воспоминаний политического каторжанина // Былое. 1918. № 3 (31)
98. Генкин И.И. Группа «Безначалие» в 1905–1908 гг. Очерки из героической эпохи в жизни русского анархизма. Минск, 1919.
99. Генкин И.И. Среди преемников Бакунина // Красная летопись. 1927. № 1 (22).
100. Генкина Э. Разгром эсеров партией большевиков // Большевик. 1935. № 21.
101. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1995.
102. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Краткие сведения об упоминаемых лицах. Париж, 1985.
103. Гернет М.И. История царской тюрьмы. М., 1952. Т. 3.
104. Гернет М.И. История царской тюрьмы. М., 1956. Т. 5.
105. Гершуни Г.А. Из недавнего прошлого. М., 1917.
106. Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России. Л., 1977.
107. Гинев В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского народничества. Л., 1983.
108. Гинцбург И. Николай Иванович Ривкин // Каторга и ссылка. 1928. № 12 (40).
109. Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 2.
110. Головков Г.З., Бурлин С.Н. Канцелярия непроницаемой тьмы: Политический сыск и революционеры. М., 1994

111. Голубков А. О 1905 годе // К.и С. М., 1931. Кн. 7 (80).
112. Горев Б.И. Анархисты в России (от Бакунина до Махно). М., 1930.
113. Горелик А. Анархисты в российской революции. Буэнос-Айрес, 1922.
114. Горелик А., Комов А., Волин. Гонения на анархизм в Советской России. Берлин, 1922.
115. Горелов О.И. Политика эсеров и анархистов по вопросу о профессиональных союзах. (На примере профсоюзного движения Москвы. 1905–1907 гг.) // Ленинская партия в борьбе против мелкобуржуазной революционности в дооктябрьский период. Смоленск, Брянск, 1988.
116. Горинсон Б. На слежке за Дурново // К. и С. 1925. Кн. 20.
117. Горичев И.С. Деятельность местных большевистских организаций по упрочению союза рабочего класса и крестьянства в период подъема буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. // Учен. зап. Калнинград. пед. ин-та. Вып. 3. Калининград, 1957.
118. Городницкий Р.А. Б.В. Савинков и судебная-следственная комиссия по делу Азефа // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1995.
119. Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.
120. Городницкий Р.А. Три стиля руководства Боевой Организацией партии социалистов-революционеров: Гершуни, Азеф, Савинков // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996.
121. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка // Литературное наследство. М., 1988. Т. 95.
122. Государственная Дума: Стенографические отчеты. 1906.
123. Грауэдин П. К истории революционного движения в Прибалтике в 1905 году // Каторга и ссылка. 1932. № 7 (92).
124. Григорович Е.Ю. Зарницы: Наброски из революционного движения 1905–1907 гг. Л., 1925.

125. Григорович С. (Житловский Х.О.). Социализм и борьба за политическую свободу. Лондон, 1898.
126. Гроссман-Роцин И. Думы о былом // Былое. 1924. № 27–28.
127. Гроссман-Роцин И.С. Дмитрий Богров – убийца Столыпина: Из записной книжки // Былое. Л., 1924. № 26.
128. Грунди М., Борис Вноровский (1882–1906 гг.) // К.и С. 1925. Кн. 23.
129. Гуль Р. Азеф. Нью-Йорк, 1959.
130. Гуль Р. Генерал БО. Берлин, 1929.
131. Гуль Р. Я унес Россию // Новый журнал. 1983. № 152.
132. Гусев К.В. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М., 1966.
133. Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М., 1963.
134. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революциона- ризма к контрреволюции: Ист. очерк. М., 1975.
135. Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992.
136. Гусев К.В. Эсеровская богородица. М., 1992.
137. Гусев К.В., Ерицян Х.А. От соглашательства к контрреволюции: Очерк истории политического банкротства и гибели партии социалистов- революционеров. М., 1968.
138. Д. Володя Мазурин // Максималист. 1921. № 20. С. 2–8.
139. Давыдов Ю.В. Г. Лопатин, его друзья и враги. М., 1984.
140. Дауге П.Г. Революция 1905–1907 гг. в Латвии. Рига, 1949
141. Дело А. Лопухина: Стенографический отчет. СПб., 1910.
142. Демочкин Н.Н. Советы 1905 года. Органы революционной вла- сти. М., 1963.
143. Десять лет со дня смерти М.В. Фрунзе // Красный архив. 1935. № 5 (72).
144. Джанибемян В. Г. Провокаторы. М., 2000.
145. Джанибемян В. Тайна гибели Столыпина. М., 2001.

146. Добковский И.Г. К истории возникновения максимализма в первую революцию 1905 г. // Максималист. 1918. № 2; 1919. № 12.
147. Донесения Евно Азефа // Былое. 1917. № 1(23).
148. Дрикер Н. Материалы к истории анархистского движения в годы реакции (По документам Киевского историко-революционного архива) // Пути революции. Харьков, 1926. № 4
149. Дружинин Н.М. 1906-й год // Григорович Е.Ю. Зарницы: Наброски из революционного движения 1905–1907 гг. Л., 1925.
150. Дубинский-Мухадзе И.М. Камо. М., 1974.
151. Дубовик А.В., Дубовик А.Вл. Деятельность «Группы Екатеринославских рабочих анархистов-коммунистов» в 1905–1906 гг. // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996.
152. Дугин А.Г. «В комиссарах дух самодержавья» // Элементы. Евразийское обозрение. 1996. № 8.
153. Духанова З.В. Борьба революционной Латышской социал-демократии за союз рабочего класса с крестьянством в период первой русской революции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956.
154. Е. Сазонов, И.П. Каляев: из воспоминаний // Памяти Каляева. М., 1918.
155. Е.Т. [Трубецкой Е.Н.] Политические казни и убийства // Московский еженедельник. 1906. № 4. 31 марта.
156. Егоренкова О.В. Разработка В.М. Черновым аграрной программы партии социалистов-революционеров: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
157. Елпатьевский С.Я. Из воспоминаний // Красная новь. 1928. № 8.
158. Емельянов Б.В. Этические идеи эсеров // Очерки этической мысли в России конца XIX – начала XX в. М., 1985.
159. Еремин А.И. Так начиналась партия эсеров // Вопросы истории. 1996. № 1.

160. Еремин А.И. Эсеровские организации центрально-промышленного района России в конце XIX – начале XX веков: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
161. Ермаков В.Д. Портрет российского анархиста начала века // Социс. 1992. № 3.
162. Ерофеев Н.Д. В.М. Чернов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993.
163. Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской литературе. М., 1979.
164. Ерофеев Н.Д. Народные социалисты // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994.
165. Жбанков Д. Современные самоубийства // Современный мир. 1910. № 3.
166. Женщины террористки в России. Становление, вступит статья и примечания О.В. Будницкого. Ростов н/Д., 1996.
167. Жилинский В.Б. Организация и жизнь Охранного отделения во времена царской власти. Пг., 1918
168. Жуков А.Ф. Борьба большевиков против эсеровского максимализма (1906–1922): Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1980.
169. Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979.
170. Жуков А.Ф. Индивидуальный террор в тактике мелкобуржуазных партий в первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989.
171. Жуковский-Жук И. В защиту Мортимера // К. и С. 1921. Кн. 1.
172. Жуковский-Жук И. Первое дело Проша Прошьяна // К. и С. 1931. Кн. 43.
173. Жуковский-Жук И. Предсмертные письма Николая Литвиченко к родным // К. и С. 1925. Кн. 18.
174. Жухрай В.М. Провокаторы. М., 1993.

175. Жухрай В.М. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. М., 1991.

176. За сто лет (1800–1896): Сборник по истории политических и общественных движений в России / Сост. Вл. Бурцев. Лондон, 1897.

177. Завадская Л.В. Аграрный вопрос в I Государственной Думе и борьба большевиков за крестьянство // Большевики во главе первой русской революции 1905–1907 гг. М., 1965.

178. Заварзин П.П. Работа тайной полиции. Париж, 1924.

179. Зайчиков Г.И. Думская тактика большевиков (1905–1907 гг.). М., 1975.

180. Залежский В.Н. Анархисты в России. М., 1930.

181. Засулич В.И. Революционеры из буржуазной среды // Засулич В.И. Избранные произведения. М., 1983.

182. Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953.

183. Зиновьев Г.Е. Воспоминания // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6.

184. Зиновьева-Аннибал Л. Помогите Вы // Факелы. СПб., 1906.

185. Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992.

186. Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра до наших дней. М., 1998.

187. Ивановская П.С. Бледные строки, сохранившиеся в памяти о Ш. Сикорском // К.и С. Кн. 41.

188. Ивановская П.С. Боевая организация. Из воспоминаний // Былое. 1926. № 3.

189. Идельсон М.В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993.

190. Из истории партии социалистов-революционеров. «Показания» В.М. Чернова // Новый журнал. Нью-Йорк. 1970. Кн. 100.

191. Из отчета о перлюстрации Департамента полиции за 1908 год // Красный архив. 1927. № 2(27).

192. Из революционной деятельности М.В. Фрунзе // Красный архив. 1935. № 6 (73).
193. Изгоев А.С. Русское общество и революция. М., 1910.
194. Изгоев А.С. «Правые террористы» // Русская мысль. 1909. № 10.
195. Изгоев А.С. Замаскированное самоубийство // Русская мысль. 1908. Кн. 10.
196. Индивидуальный политический террор в России XIX – начало XX в.: Материалы конференции. М., 1996.
197. Ионане И.А. Борьба партизан против контрреволюции в Латвии в революции 1905–1907 гг. / Ученые записки Латвийского Гос. ун-та им. П. Стучки. Рига, 1959. Т. XXVI.
198. Ионане И.А. О заключительном этапе партизанской борьбы в революции 1905–1907 годов в Латвии / Ученые записки Латвийского Гос. ун-та им. П. Стучки. Рига, 1963. Т. 50.
199. Ионане И.А. Руководство Социал-демократией латышского края партизанским движением в революции 1905–1907 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рига, 1963.
200. История политических партий России. М., 1994.
201. История терроризма в России в документах биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996.
202. К истории БО с.-р. максималистов // Максималист. 1921. № 18–19.
203. Календарь русской революции. Пг., 1917.
204. Калининский А.А. Влияние политической ссылки на деятельность эсеровских организаций Западной Сибири накануне первой российской революции // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1988
205. Калпакиди А.И., Серяков М.Л. Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб.; М., 2002

206. Камаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций партии социалистов-революционеров. 1905–1909 гг. // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25).

207. Камо. [Документы о жизни и деятельности в период 1907–1913] // Вестник архивов Армении. 1965. № 3(12).

208. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.

209. Канев С.Н. Октябрьская революция и грех анархизма. (Борьба партии боевиков против анархизма, 1917–1922 гг.) М., 1974.

210. Канев С.Н. Революция и анархизм. Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917 гг.) М., 1987.

211. Капитонов В.И. Возникновение и деятельность организаций партии социалистов-революционеров на территории Мордовии впервой четверти XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1997.

212. Карьяхярм Т., Крастынь Я., Тила А. Революция 1905–1907 годов в Прибалтике. Таллин, 1981.

213. Касаров Г.Г. Партия социалистов-революционеров (Конец XIX в. – февраль 1917 г.). М., 1995.

214. Кипров И.А. Политический террор в провинции: штрихи к портретам видных террористов накануне и в период революции 1905–1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996.

215. Киржниц А.Д. Еврейское рабочее движение. М., 1928.

216. Клапина З. Памяти А. Трауберга // К.и С. 1921. Кн. 2.

217. Климов П.И. Рабочий класс России в борьбе за союз с крестьянством // Вопросы истории. 1957. № 5.

218. Климов П.И. Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905–1907 гг. М., 1960.

219. Кобозев П. Мои воспоминания о 1905 г. В городе Риге // Красная летопись. 1922. № 5.

220. Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961.
221. Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928.
222. Козьмин Б.П. Сазонов и его письма к родным // Письма Егора Сазонова к родным. 1895–1910 гг. М., 1925.
223. Колесниченко Д.А. В.М. Чернов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991.
224. Колесниченко Д.А. Из борьбы рабочего класса за крестьянские массы в 1906 г. // Исторические записки, 1975. Т. 95.
225. Колтоновская Е. Самоценность жизни: эволюция в интеллигентской психологии // Образование. 1909. № 5.
226. Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций партии социалистов-революционеров, 1905–1909 // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25).
227. Комин В.В. Анархизм в России. Калинин, 1969.
228. Комов А.И. (Юделевский Я.Л.). Вопросы мирозерцания и тактики русских революционеров. Лондон, 1903.
229. Константинов М.М. Борьба большевиков за создание революционных крестьянских комитетов в 1905 г. (на материалах Тверской губ.) // Вопросы истории КПСС. 1965. № 11.
230. Корелин А.П., Тютюкин С.В. Революционная ситуация начала XX века в России // Вопросы истории. 1980. № 10.
231. Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981.
232. Королев В.И. Возникновение политических партий в Таврической губернии, 1905–1911. Симферополь, 1993.
233. Кошель П.А. История наказаний в России. История российского терроризма. М., 1995.
234. Кравцев И.Н. Тайные службы империи. М., 1999.
235. Красная книга ВЧК. М., 1990.

236. Крастынь Я.П. Революция 1905–1907 гг. в Латвии // Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. М., 1955.
237. Кривенький В.В. Анархисты – «подносчики снарядов» // Полис. 1993. № 2.
238. Кривенький В.В. Анархисты (Из истории политических партий) // Родина. 1993. № 5.
239. Кропоткин П.А Записки революционера. М., 1966.
240. Кропоткин П.А К молодому поколению. Б.м., 1919
241. Кропоткин П.А Наши задачи // Хлеб и воля. 1909. № 2. Июль
242. Кропоткин П.А Письма В.Н. Черкезову // Каторга и ссылка. 1926. № 4
243. Кропоткин П.А Письма Н.В. Чайковскому // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб.1.
244. Кропоткин П.А. Бунтовской дух // Кропоткин П.А. Речи бунтовщика. Пг.; М., 1921.
245. Кропоткин П.А. Воспоминания о С.М. Степняке-Кравчинском // Степняк-Кравчинский С.М. Собр. соч. СПб., 1907. Ч.1
246. Кропоткин П.А. Этика анархизма (нравственные начала анархизма). Б.м., б.г.
247. Кузьмин А.З. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Пенза, 1955.
248. Курлов Г.П. Гибель императорской России. М., 1991.
249. Курусканов П.З. Вклад эсеровских организаций в книгоиздание Сибири (начало XX в.) // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1993.
250. Курусканова Н.П. Листовки организации ПСР Западной Сибири в период первой российской революции 1905–1907 гг. Количественный анализ и хроника // Материалы и хроника общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994.

251. Л.М. (Мартов Ю.О.) [Рецензия] // Заря. Штутгарт, 1901. Декабрь. № 2–3.
252. Л.С. Моисей Георгиевич Цхоидзе // Каторга и ссылка. 1927. № 34.
253. Лазарев Е.Е. Дмитрий Богров и убийство Столыпина // Воля России. Прага, 1926. № 8–9.
254. Ланге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1991.
255. Леванов Б.В. Борьба большевистской партии во главе с В.И. Лениным против политического авантюризма эсеров в годы первой русской революции: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.
256. Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. 1903–1917 гг. Л., 1978.
257. Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции. Л., 1974;
258. Левицкий А. [Гоц. М.Р.] 1881–1901 // Вестник русской революции. 1901. № 1.
259. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6, 41.
260. Ленинская тактика использования левых блоков и компромиссов в борьбе за единый революционный фронт // Вопросы истории. КПСС. 1965. № 7.
261. Леонид Борисович Красин («Никитич») Годы подполья. М.; Л., 1928.
262. Леонов М.И. Аграрный террор в программе и тактике эсеров // Великий Октябрь и революционное движение в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1978.
263. Леонов М.И. Из истории образования партии эсеров // Вопросы истории СССР. М., 1972.
264. Леонов М.И. Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987.

265. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997.

266. Леонов М.И. Политическое руководство партии эсеров в революции 1905–1907 гг. // Общественно-политические движения в России XIX – XX вв. Самара, 1993.

267. Леонов М.И. Пролетарский и крестьянский социализм в России на рубеже XIX–XX веков // Самарский исторический ежегодник. Самара, 1993.

268. Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996.

269. Леонов М.И. Численность и состав партии эсеров в 1905–1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987.

270. Леонов М.И. Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992.

271. Леонов М.И. Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905–1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в 1905–1907 гг.

272. Липин А. (Юделевский Я.Л.). Суд над азефщиною. Париж, 1911.

273. Лисовский П. На службе капитала. Меньшевицско-эсеровская контрреволюция. Л., 1928.

274. Литвин А. «В борьбе обрешь ты право свое!» Судьба самой многочисленной партии России // Наука и жизнь. 1991. № 3.

275. Литвинов-Молотов Г. Краткий очерк истории социализации и социальных движений на Западе и в России. Краснодар, 1924.

276. Локерман А. По царским тюрьмам. В. Екатеринославе // Каторга и ссылка. 1926. Кн. 25.

277. Лукич Н. [Н.Л. Юдин]. Наташа Климова // Максималист. 1921. № 21.

278. Луначарский А.В. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922.

279. Лурье Ф.М. Индивидуальный политический террор: что это? // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996.

280. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. Политический сыск в России. СПб., 1992.

281. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998.

282. Лучинская А.В. Великий провокатор Евно Азеф. Пг.; М., 1923.

283. М. Спиридонова. Из жизни на Нерчинской каторге // Каторга и ссылка. 1925. № 15.

284. Мазе Я. Воспоминания. Тель-Авив, 1936. Т. 4.

285. Майский Б.Ю. Столыпинщина и конец Столыпина // Вопросы истории. 1966. № 1.

286. Макарчук С.В. Военные организации социалистических партий на Дальнем Востоке в период революции 1905–1907 гг. // Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995.

287. Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. (Воспоминания современника). Париж, Б.г.

288. Манусевич А.Я. Средние слои современного капиталистического общества. К вопросу о союзниках рабочего класса // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Материалы конференций. М., 1982.

289. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35.

290. Мартов Л. Вопросы дня. Кое-что о терроре. Как иногда люди «поворачивают» // Искра. 1901. Май. № 4.

291. Мартов Л. Красное знамя в России: Очерк истории русского рабочего движения. Женева, 1900.

292. Марциновский. Воспоминания о 1905 г. в Риге // Пролетарская революция. 1922. № 12.

293. Маслиникова Т.Н. Большевистский опыт осуществления тактики единства действий левых сил в революции 1905–1907 гг. (Ленинская партия в борьбе против мелкобуржуазной революционности в дооктябрьский период. Смоленск, Брянск, 1988.

294. Маслов П.П. Народнические партии // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т. 3. Кн. 5.

295. Материалы для биографии Р.М. Семенчикова. М., 1922.

296. Материалы о революции 1905–1907 гг. В Латвии. Рига, 1955.

297. Маурер Ж. Особенности и движущие силы первой русской революции. Тактика большевиков в борьбе за крестьянство // Вестник МГУ. Сер. обществ. наук. 1956. Вып. 1.

298. Меликян С.Г. Борьба большевистских организаций Закавказья против идеологии и политики мелкобуржуазной партии эсеров (1903–1918): Дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1983.

299. Меньщиков Л.П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. М., 1925–1932. Ч. 1–3.

300. Меньщиков Л.П. Русский политический сыск за границей. Париж, 1914.

301. Мещеряков В.Н. Партия С.-р. (социалистов-революционеров). Пг.; М., 1922. Ч. 1; М., 1922. Ч. 2.

302. Милюков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника. СПб, 1908.

303. Милюков П.Н. Три попытки. Париж, б.г.

304. Мифтахов З.З. Эволюция социалистов-революционеров и тактика большевиков по отношению к эсеровской программе в период первой революции в России: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1968.

305. Михайловский Н.К. ПСС. В 10т. СПб, 1913.

306. Мишке В.К. Очерки истории Компартии Латвии. Рига, 1962. Ч. 1.
307. Могильнер М. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.) М., 1997.
308. Морозов К.Н. Б.В. Савинков и Боевая организация партии эсеров (1909–1911 гг.) // Россия и реформы. М., 1993. Вып. 2.
309. Морозов К.Н. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1909–1911 гг. и загадки «дела Петрова» // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996.
310. Морозов К.Н. Научно-технический прогресс на службе у террора: планы «авиационного» и «подводного» покушения БО ПСР на Николая II (1907–1911 гг.) // Духовность. Сергиев Посад. 2003. № 3.
311. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров 1907–1914 гг. М., 1998.
312. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995.
313. Мороховиц Е.А. Аграрные проекты российских политических партий в 1917 г. Л., 1929.
314. Мошинский И.Н. (Конарский Ю.) Ф.Э. Дзержинский и варшавское подполье 1906 г. // Каторга и ссылка. 1928. № 50.
315. Мушин А. Дмитрий Богров и убийство Столыпина. Париж, 1914.
316. Мызгин Г. Со взведенным курком. М., 1925.
317. Надеева М.И. Банкротство эсеровских организаций Поволжья (1902–1923 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1986.
318. Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократизации в России): В 2 ч. Челябинск, 1995.
319. Наша программа // Вестник русской революции. 1901. № 31.
320. Ненахов А.Ф. Борьба большевиков за союз рабочего класса и крестьянства накануне и в период революции 1905–1907 гг. Воронеж, 1955.

321. Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989.
322. Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984.
323. Нестроев Г.А. [Цыпин Г.А.]. Максимализм и максималисты перед судом Виктора Чернова. Париж, 1910.
324. Нечетный С. (Слетов С.Н.) Очерки по истории партии социалистов-революционеров // Социалист-революционер. 1912. № 4.
325. Никифоров П. Муравьи революции. М., 1932.
326. Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991.
327. Николаевский Б.И. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. Берлин, 1932.
328. Николаевский Б.И. Конец Азефа. Л., 1926.
329. Никонов С.А. Борис Николаевич Никитенко // Каторга и ссылка. 1927. № 2.
330. Новые казни террористов и наше легальная пресса // Знамя труда. 1908. № 10–11.
331. Новый процесс боевой организации // Революционная Россия. 1904. № 57.
332. Одесский М., Фельдман Д. Поэтика террора и новая административная ментальность: Очерки истории формирования. М., 1997.
333. Осипович Н. В грозные годы // Кандальный звон. Историко-революционный сборник. Одесса, 1926. Т. 3.
334. Очерки истории анархистского движения в России. М., 1926.
335. Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905–1907гг // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989.
336. Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989.
337. Павлов Д.Б., Перегудова З.И. Страницы истории эсеров-максималистов // Вопросы истории. 1988. № 5.

338. Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция // Тайны русско-японской войны. М., 1993.
339. Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1.
340. Пальвад्रे Я. К. Революция 1905–1907 гг. в Эстонии. Ленинград, 1932.
341. Памяти С.В. Сикорского // Каторга и ссылка. 1928. № 41.
342. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1907 гг. М., 1996. Т. 1.
343. Первая боевая организация большевиков 1905–1907. М., 1934.
344. Перегудова З.И. Департамент полиции и местные учреждения политического розыска (1880–1917) // Жандармы России. М., 2002.
345. Перегудова З.И. Организация службы секретной агентуры // Жандармы России. М., 2002.
346. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000.
347. Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966.
348. Пестковский С. Борьба партии в рабочем движении в Польше в 1905–1907 гг. // Пролетарская революция. 1922. № 11.
349. Письма Егора Созонова к М.А.Прокофьевой // Воля России. 1930. № 3.
350. Платов А. Страничка из истории эсеровской контрреволюции. М., 1923.
351. Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX веке. М., 1997. Т. 1.
352. Плеханов Г.В. Врозь идти, вместе бить! // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII.
353. Плеханов Г.В. Еще о двойной бухгалтерии // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII.
354. Плеханов Г.В. Значение ростовской стачки // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII.

355. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Плеханов Г.В. Соч. Пг., 1920. Т. 1.
356. Плеханов Г.В. Новый поход против русской социал-демократии // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. IX.
357. Плеханов Г.В. О демонстрациях // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII.
358. Плеханов Г.В. О социальной демократии в России // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. IX.
359. Плеханов Г.В. Проект программы Российской с.-д. рабочей партии // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII.
360. Плеханов Г.В. Русский рабочий класс и полицейские розги // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII.
361. Плеханов Г.В. Смерть Сипягина и наши агитационные задачи // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII.
362. Плеханов Г.В. Социал-демократия и терроризм // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII.
363. Плеханов Г.В. Торжество социалистов-революционеров // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII.
364. Плеханов Г.В. Что же дальше? // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII.
365. Плеханов Г.В., Аксельрод П.Б. Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода: В 2 т. М., 1925. Т. 1, Т. 2.
366. Плотников Н.И. Борьба искровцев против эсеров на Урале // Борьба местных партийных организаций против мелкобуржуазных групп и течений. Пермь, 1988.
367. Плотников Н.И. Идеиная борьба в революционном подполье Урала по вопросам террора накануне первой русской революции. Пермь, 1994.
368. По вопросам программы и тактики // Революционная Россия. Вып.1. 1903.

369. Познер С.М., ред. Боевая группа при ЦК РСДРП(б) [1905–1907 гг.] Статьи и воспоминания. М.; Л., 1925.
370. Покровский М. Что установил процесс так называемых «социалистов-революционеров»? М., 1922.
371. Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993.
372. Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльно-переселенцев. М., 1934.
373. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сб. документов. М., 2001.
374. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996.
375. Политические партии России: история и современность. М., 2000.
376. Полянский Ф.Я. Критика экономических теорий анархизма. М., 1976.
377. Полянский Ф.Я. Социализм и современный анархизм. М., 1973.
378. Пономарев В.Н. Критика анархистской концепции власти и современность. Казань, 1978.
379. Попов Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии. М., 1924
380. Постников Н.Д. Террор польских партий против представителей русской администрации в 1905–1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996.
381. Правда. 1923. 7 сентября: Среди преемников Бакунина // Красная летопись. 1927. № 1.
382. Прайсман Л. Феномен Азефа // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996.
383. Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.
384. Прибалтийский край в 1906 г. // Красный архив. 1925. № 4–5 (11–12).

385. Прилежаева-Барская Б.М. Дмитрий Богров // Минувшие дни. Л., 1928. № 4.

386. Протасов Л., Протасова О. Народные социалисты // Родина. 1994. № 19.

387. Пушкарева И.М. Российское общество начала XX в. Индивидуальный политический террор // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996.

388. Пушкарский Н.Ю. Кто стоял за спиной убийцы Столыпина // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1961. 29 августа.

389. Равич-Черкасский М.Н. Анархисты (Какие партии были в России), Харьков, 1929.

390. Ратаев Л.А. История предательства Евно Азефа // Провокатор. Л., 1991.

391. Революция 1905–1907 гг. в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1956.

392. Революция 1905 –1907 гг. глазами кадетов // Российский архив. Т. 4.

393. Решетов В.А. Некоторые вопросы ленинской тактики по отношению к мелкобуржуазным партиям, организациям и течениям в революции 1905–1907 гг. и современность // Вопросы истории. Челябинск, 1968.

394. Рогозин И.И. Из истории борьбы большевиков с эсерами за молодежь в годы первой российской революции // Ленинская партия в борьбе против мелкобуржуазной революционности в дооктябрьский период. Смоленск, Брянск, 1988.

395. Рожанов, полк. Записки по истории революционного движения в России (до 1913 г.) Пг, 1913.

396. Рождественский А. Десять лет службы в Прокурорском надзоре на Кавказе. Сантьяго, 1961.

397. Ростов Н. Железнодорожники в первой революции // Пролетариат в первой революции. М., 1923.

398. Ростов Н.М. Воспоминания о пятом годе // Каторга и ссылка. 1925. № 20.
399. Ростов Н.М. Еще о взрыве трактира «Тверь» в 1906 г. // Красная летопись. 1931. № 1(40).
400. Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993
401. Рыбаков Ф.Е. Душевные расстройства в связи с современными политическими событиями // Русский врач. 1906. № 3.
402. Рябиков В.В. Шпики. М., 1925.
403. Савинков Б.В. Воспоминания // Былое. 1917. № 1–3; 1918. № 1–3,12.
404. Савинков Б.В. Воспоминания террориста // Избранное. М., 1990.
405. Савинков Б.В. Конь бледный // Избранное. М., 1990.
406. Самоубийство (наша анкета) // Новое слово. 1912. № 6.
407. Сандомирский Г.Б. По поводу старого спора. К вопросу о Дмитрие Богрове // Каторга и ссылка. 1926. № 2(23).
408. Семячко С.В. Партийная организация революционных народников пропагандировавших среди рабочих европейской части России в 80-х – первой половине 90-х гг. // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. М., 1983.
409. Сиверский [Агафонов В.К.]. Memento mori! // Революционная мысль. 1909. 35. Июль.
410. Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин: Жизнь за Отечеством: Жизнеописание (1862–1911). Саратов, 2002.
411. Скляр Н.И. О влиянии текущих политических событий на душевные заболевания // Русский врач. 1906. № 8.
412. Слетов С.Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг., 1917.
413. Смирнов. Финляндия // Красная летопись. 1931. № 5–6 (44–45).

414. Соболева П. Борьба большевиков с эсерами в период первой русской революции: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1946.
415. Соболева П.Н. Борьба большевиков с эсерами по тактическим вопросам в период первой русской революции // Вестник Моск. ун-та. 1956. № 1.
416. Солженицын А.И. Красное колесо: Узел I. Август четырнадцатого. Париж, 1983. Ч. 2.
417. Солженицын А.И. Столыпин и царь. М., 2001.
418. Соловьева И.А. Николай Васильевич Чайковский // Вопросы истории. 1997. № 25.
419. Солошенко В.И. Большевики в борьбе с мелкобуржуазными партиями в Белоруссии (1903 – март 1917 гг.). Минск, 1981.
420. Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917. В 3 т. Нью-Йорк, 1960–1962. Кн. 3.
421. Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991.
422. Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928.
423. Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883–1903–1917. Париж, 1922.
424. Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916.
425. Спиридович А.И. При царском режиме // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15.
426. Спиридович А.И. При царском режиме. Записки начальника охранного отделения. М., 1926.
427. Спиридович А.И. Революционное движение в России. Пг., 1914
428. Стеклов Ю. Партия социалистов-революционеров. М., 1922.
429. Степанов С.А. Загадки убийства Столыпина. М., 1995.
430. Степанский А.Д. Проблемы политического строя в программах русских непролетарских партий // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989.

431. Струве П.Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. СПб., 1911.
432. Струве П.Б. Наши непримиримые террористы и их главный штаб // *Освобождение*. 1904. № 55. 2 сентября.
433. Струмилло Б. Материалы о Д.Г. Богрове. *Красная летопись*. 1924. № 10.
434. Сулимов С. К истории боевых организаций на Урале // *Пролетарская революция*. № 27 (42).
435. Суслов М.Г. Народничество на Урале в 90-х годах и борьба с ним В.И. Ленина // В.И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. Вып.1. Свердловск, 1970.
436. Сыпченко А.В. Народные социалисты и террор // *Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996.*
437. Сыркин Л.Н. Махаевщина. М.; Л., 1931.
438. Таг-ин Е. Владимир Мазурин // *Максималист*. 1921. № 24–25.
439. Тайна убийства Столыпина. М., 2003.
440. Тарасов К. [Русанов Н.С.] На рубеже двух царствований (Александр III. Николай II) // *Материалы для истории русского социально-революционного движения*. Париж, 1895. № 5.
441. Террор и дело Богрова // *Знамя труда*. 1908 № 38.
442. Тихонова А.В. Большевистская тактика компромиссов и соглашений в первый период революции 1905–1907 гг. // *Из истории борьбы Коммунистической партии за победу буржуазно-демократической и социалистической революций и построение социализма в СССР*. М., 1968.
443. Товарищ Бауман. Сборник воспоминаний и документов. М., 1930.
444. Толстой А., Щеголев П. Азеф: (орел или решка). М., 1926.
445. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1974. Т. 1.

446. Троицкий Н.А. Народная воля перед царским судом (1880–1894). Саратов, 1983.

447. Тропин В.И. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905г. М.,1970.

448. Трофименко А. К истории военно-технического бюро юга России в 1905–1906 гг. // Летопись революции. 1925. № 5–6 (14–15).

449. Трубачев И.О. Анархизм в атмосфере «всеобщего боевизма» // Духовность. Сергиев Посад. 2003. № 3.

450. Трубецкой Е.Н. Красный террор и анархия // Московский еженедельник. 1906. № 22. 19 августа.

451. Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952.

452. Тюкачев Н.А. Деятельность М.Н. Натансона в партии эсеров // Из истории демократического движения и общественно-политической мысли конца XIX – второй половины XX века. Брянск, 1994.

453. Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Первая российская революция 1905–1907 гг. (Предпосылки, задачи, расстановка политических сил) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7.

454. У Л.Н. Андреева // Мир. 1909. № 11–12.

455. Убийство Столыпина. Свидетельства и документы / Под ред. А. Серебрянникова. Нью-Йорк, 1986.

456. Ульянов Г. Воспоминания о М.А. Натансоне // Каторга и ссылка. 1932. № 4(89).

457. Федоров Б.Г. Петр Аркадьевич Столыпин. М., 2002.

458. Ферро М. Терроризм // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989.

459. Фигнер В.Н. ПСС. М.,1932. Т. 3.

460. Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 1 (8)

461. Хилков Д. Террор и массовая борьба // Вестник русской революции. 1905. № 4.

462. Хильдермайер М. Возможности и рамки аграрного социализма в русской революции // Реформы или революция? Россия, 1861–1917. СПб, 1992.
463. Хорос В.Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. История и типология. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1980.
464. Хорос В.Г. Народническая идеология и марксизм (конец XIX века). М., 1972.
465. Хорос В.Г. Народнические социалистические теории конца XIX века в России и их отношение к марксизму (По материалам легальной печати): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.
466. Хрущевская М. Которая по счету // Студенческая жизнь. 1910. № 35.
467. Центральный комитет «Союза 17 апреля» в 1905–1907 годах: Документы и материалы // Отечественная история. 1992. № 2.
468. Чанцев А.В. Каляев // Русские писатели. 1800–1917. М., 1992. Т. 2.
469. Черемных О.А. Революционно-демократический фронт в годы первой российской революции (1905–1907 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
470. Чернавский М. В Боевой организации // Каторга и ссылка. 1930. № 8–9.
471. Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. Берлин, 1922.
472. Чернов В.М. Малозагадочная метаморфоза // Воля России. Прага, 1924. № 12–13.
473. Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993.
474. Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.
475. Чернов В.М. Террор и массовое движение // По вопросам программы и тактики: Сборник статей из «Революционной России». Женева, 1903.

476. Чернов В.М. Террористический элемент в нашей программе // По вопросам программы и тактики: Сборник статей из «Революционной России». Женева, 1903.

477. Чернов В.М. Философские и социологические этюды. М., 1907.

478. Черномордик С. Эсеры. Харьков, 1929.

479. Черномордик С.И. Эсеры (Партия социалистов-революционеров). Харьков, 1929.

480. Черняк Э.И. Эсеры в Сибири между буржуазно-демократическими революциями // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1986.

481. Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., 1919.

482. Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Россия в XX веке. Историками мира спорят. М., 1994.

483. Шаумян Л.С. Камо. Жизнь и деятельность профессионального революционера С.А. Тер-Петросяна. М., 1959.

484. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.

485. Шевкуленко Д.А. Самодержавие и эсеры: два подхода к решению национального вопроса: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995.

486. Шиловский М.В. Взаимоотношения сибирских областников с эсерами и кадетами в годы первой русской революции // Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. Новосибирск, 1976.

487. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.

488. Шишко Л.Э. Рассказы из русской истории. М., 1906. Ч. 1.

489. Шишкова А.А. Из истории борьбы большевиков за союз рабочего класса и крестьянства в годы первой русской революции // Вопросы истории. 1955. № 2.

490. Шишкова А.А. Из истории борьбы большевиков за союз рабочих и крестьян в годы первой русской революции // Вопросы истории. 1955. № 2.

491. Шмыгин И.П. Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905–1907 гг. Ульяновск. 1962.

492. Шульгин В.В. Дни. Л., 1925.

493. Шур А. У террора женское лицо? // Родина. 1998. № 3.

494. Щеголев П. Охота на масонов // Оккультные силы России. СПб., 1999.

495. Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.

496. Энгельгардт М.М. Взрыв на Аптекарском острове // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. 1925. № 7 (20).

497. Я.Ш. Михаил Соколов – «Медведь» // Максималист. 1921. № 18–19.

498. Ягудин П. На черниговщине // Каторга и ссылка. 1929. № 57–58.

499. Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957.

500. Яковлев Я. Русский анархизм в великой русской революции. М., 1921.

501. Янсон Я. (Браун). Латвия в первой половине 1905 года // Пролетарская революция. 1924. № 8–9 (31–32).

502. Adam B. Ulam, In the Name of the People, Prophets and Conspirators in Prerevolutionary Russia. New-York, 1977.

503. Ascher A. The Revolution of 1905: Russia in Disarray. Stanford, 1988.

504. Avrich P. The Russian Anarchists. Princeton, 1967.

505. Bilington J.H. The Icon and Axe: An Interpretative History of Russian Culture. N.Y., 1967.

506. Borcke A. Violence and Terror in Russian Revolutionary Populism: The Narodnaya Volya, 1879–1883 // Wolfgang J. Mommsen and Gerhard Hirschfeld, eds., Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth-and Twentieth – Century Europe. New-York, 1982.

507. Bushnell J. Mutineers and Revolutionaries: Military Revolution in Russia, 1905–1907. Bloomington . Indiana, 1985.

508. Daly W. Jonathan. Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia. 1866–1905. Northern Illinois University Press, 1998.

509. Frenlander R. The Origins of International Terrorism // Terrorism: Interdisciplinary Perspectives. N.Y., 1977.

510. Galai S. Liberation Movement in Russia 1900–1905. Cambridge, 1973.

511. Haimson L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge, Mass., 1955.

512. Harcave S. First Blood: The Russian Revolution of 1905. New-York, 1964.

513. Hildermeier M. The Terrorist Strategies of the Socialist – Revolutionary Party in Russia, 1900–1914// Mommsen and Hirschfeld Social Protest, Violence and Terror. New-York, 1982.

514. Hingley R. The Russian Secret Policy: Muscovite, Imperial Russian and Soviet Political Security Operations: 1565–1970. L., 1970.

515. IV (Объединенный) съезд РСДРП: протоколы. М., 1959.

516. Ivanski Z. Fathers and Sons: A study of Jewish Involvement in the Revolutionary Movement and Terrorism in Tsarist Russia // Terrorism and Political violence. 1989. № 2.

517. Iviansky Z. Individual Terror: Concept and Typology // Journal of Contemporary History. 1977. January. Vol. 12. № 1.

518. Keep J.L.H. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963.

519. Kelly A. Self – Cencoship and the Russian Intelligentsia, 1905–1914 // Slavic Review. 1987. № 46 (2).

520. Knight A. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party // *Russian Review*. 1979. April. № 38(2).

521. Laqueur W. *Terrorism*. Boston-Toronto, 1977.

522. Levin A. *The Second Duma. A study of the Social-Democratic Party and the Russian Constitutional Experiment*. New-Haven, 1940.

523. Me Daniel J.F. *Political Assassination and Mass Execution: Terrorism in Revolutionary Russia, 1878–1938*. Michigan U., 1976.

524. Melancon M. *Marching Together!: Left Block Activities in the Russian Revolutionary. Movement, 1900 to February 1917* // *Slavic Review*. 1990. № 49 (2).

525. Mereri A. *The Readiness to Kill and Die: Suicidal Terrorism in the Middle East* // *Origins of Terrorism*. W. Reich, ed. Cambridge. 1990.

526. Naimark M. *Terrorism and the Fall of Imperial Russian*. Boston, 1986.

527. Naimark N. *Terrorism and the Fall of Imperial Russia* // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 2. № 2. Summer 1990.

528. Naimark N.M. *Terrorists and Social Democrats. The Russian Revolutionary Movement under Alexander III*. Cambridge, 1983.

529. Newell D.A. *The Russian Marxist Response To Terrorism: 1878–1917*. Stanford, 1981.

530. Pajak J. *Organizacje bojowe partii politycznych w Krolewstwie Polskiem, 1904–1911*. Warszawa. 1985.

531. Perrie M. *Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist Revolutionary Party before 1914* // Mommsen and Hirschfeld, *Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth and Twentieth Century Europe*. New-York, 1982.

532. Perrie M. *The Agrarian Policy of the Russian Socialist Revolutionary Party: From Its Origins through the Revolution of 1905–1907*. Cambridge, 1976.

533. Pipes R. The Origins of Bolshevism: The Intellectual Evolution of Young Lenin // Pipes R. Russia Observed: Collected Essays on Russian and Soviet History. Boulder – San Francisco – London, 1989.

534. Post J.M. Terrorist Psycho-Logic: Terrorist Behavior As a Product of Psychological Forces // Origins of Terrorism. Cambridge, 1990,

535. Radkey O.H. The Agrarian Foes of Bolshevism. New-York, 1958.

536. Randall F.B. The Major Prophets of Russian Peasant Socialism: A Study in the Social Thought of N.M. Mikhailovskii and V.M. Chernov. Колумбийский университет, 1961.

537. Reich W., ed. Origins of Terrorism. Cambridge, 1990.

538. Robbins R.G. Famine in Russia 1891–1892. New-York, 1975.

539. Russian Intellectual Perceptions of Suicide, 1900–1904. Garvard U., 1988.

540. Sablinsky W. The Road to Bloody Sunday. Prinnton, New-Dgersi, 1976.

541. Schapiro L. Russian Studies. New-York, 1988.

542. Schleifman N. Undercover agents in the Russian revolutionary movement: The SR party. 1902–1914. Oxford, 1988.

543. Schneiderman I. Sergej Zubatov and Revolutionary Marxism. The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. N.Y., 1976.

544. Senese D. «Le Vil Melville»: Evidence from the Okhrana File on the Trial // Oxford Slavonic Papers. 1983. Vol. 14.

545. Souvarine B. Stalin (A Critical Study of Bolshevism). New-York, 1939.

546. Spiridovitch A.I. Histoire du terrorisme Russe. Parise, 1930.

547. Squire P.S. The Department: The Establishment and Practice of the Political Police in the Russia of Nicholas II. New-York, 1968.

548. Strakhovsky L.I. The Statesmanship of Stolypin: A Reappraisal // Slavonic and Easten European Review. 1958–59. № 37.

549. The Terrorism Reader: A Historical Anthology // Ed. By W. Laqueur. Philadelphia, 1983.

550. The Terrorism Reader: A Historical Anthology. E.J. by W. Laqueur. London, 1979.

551. Venturi F. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movement in Nineteenth-Century Russia. New-York, 1970.

552. Weinberg L., Eubank W. Political Parties and the Formation of, Terrorist Groups // Terrorism and Political Violence. 1990. № 2(2).

553. Williams R.C. The Other Bolsheviks: Lenin and His Critics. БЛЮМИНГТОН, 1986.

554. Zukerman F. The Tsarist Secret Police in Russian Society. 1880–1917. Ney-York, 1996.

II. Литература

1. Абзалова С.Р. Великий Октябрь и мелкобуржуазные партии: Критика англо-американской буржуазной историографии. Казань, 1986.
2. Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978.
3. Альбус Н., Мельчунов С. Последний из Дон-Кихотов. (К 10-летию кончины В.Л. Бурцева) // Возрождение. Париж, 1953. № 24.
4. Амфитеатров А.В. Бурцев // На всякий звук. СПб., [1913].
5. Амфитеатров А.В. Два коня // За свободу. Варшава, 1924. № 192.
6. Афанасьев А.Л. В.И. Ленин об эволюции и деятельности партии социалистов-революционеров в 1905–1907 гг // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976.
7. Бонч-Бруевич В. Мои воспоминания о Кропоткине // Звезда. 1930. № 6.
8. Борьба ленинской партии против непролетарских групп и течений (дооктябрьский период): Историография. Л., 1987.
9. Будницкий О.В. Англо-русские отношения и «дело Бурцева» // Научные чтения по всеобщей истории, посвященные памяти академика С.Д. Сказкина. Ростов н/Д., 1992.
10. Будницкий О.В. Бурцев Владимир Львович // Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993.
11. Будницкий О.В. История изучения «Народной воли» в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.
12. Будницкий О.В. П.А. Кропоткин и проблема революционного терроризма // Известия высших учебных заведений: Северо-Кавказский регион: Общественные науки. 1993. № 4.

13. Будницкий О.В. Проблема террора в русской эмигрантской публицистике конца XIX – начала XX века // Россия в XIX – начале XX века. Ростов н/Д., 1992.

14. Владимир Бурцев и его корреспонденты / Сост. О.В. Будницкий // Отечественная история. 1992. № 6.

15. Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В. Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989.

16. Гармиза В.В., Жумаева Л.С. Партия социалистов-революционеров в современной буржуазной историографии // История СССР. 1968. № 2.

17. Гармиза В.В., Спирин Л.М., Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма и контрреволюции (Исторический очерк) // Вопросы истории КПСС. 1976. № 4.

18. Гейфман А. Три легенды вокруг «дела Азефа» // Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991.

19. Генкин И. В. Залежский. Анархисты в России // Каторга и ссылка. 1931. Кн. 7 (80).

20. Горбунов М. Савинков как мемуарист // Каторга и ссылка. 1928. № 5(42).

21. Горев Б.Л. Меньшиков. Из истории политической полиции и провокации (По личным воспоминаниям) // Каторга и ссылка. 1924. № 3 (10).

22. Давыдов Ю. Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин // Савинков Б.В. Избранное. М., 1990.

23. Давыдов Ю.В. Бурный Бурцев // Огонек. 1990. № 47,48,50

24. Дугин А.Г. «Мне кажется, что губернатор все еще жив...» // Тамплиеры пролетариата. М., 1997.

25. Дьяконова И.А. Первая российская революция в освещении японской историографии // История СССР. 1989. № 2.

26. Дьячков В.Л. Партия эсеров в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне. (Критика современной буржуазной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

27. Еремин А.И. Судьба Михаила Гоца // Вопросы истории. 1998. № 22.

28. Жданов П. Разоблачение В.И. Лениным идеологии эсеров накануне революции 1905–1907 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.

29. Зевелев А.И., Свириденко Ю.П. Историография истории политических партий России. М., 1992.

30. Зензинов В.М. В.Л. Бурцев // Новый журнал. Нью-Йорк, 1943. № 4.

31. Зырянов П.Н., Шелохаев В.В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976.

32. Ильин Н.Ф. Критика В.И. Лениным мелкобуржуазного социализма партии социалистов-революционеров: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1983.

33. Ильяшук Г.И. История партии эсеров в современной французской буржуазной историографии // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1982.

34. Кадышева И.А. Борьба В.И. Ленина за идейное наследство русских революционных демократов против либерального народничества: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.

35. Канищева Н.И. Буржуазные историки ФРГ о крахе партии эсеров в 1917 г. Критика советологических концепций // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989.

36. Канищева Н.И., Леонов М.И., Павлов Д.Б., Степанов С.А., Шелохаев В.В. Политические партии России в 1905–1907 годах (обзор новейшей немарксистской историографии) // История СССР. 1989. № 6

37. Капцугович И.С. Историография политической гибели эсеров на Урале: Ученые зап. Пермского ун-та им. Горького. Вып.5. Пермь, 1976.
38. Келли А. Самоцензура и русская интеллигенция // Вопросы философии. 1990. № 10.
39. Книжник И. Воспоминания о П.А. Кропоткине и об одной эмигрантской группе // Красная летопись. 1922. № 4.
40. Колесников Н.Т. Раскрытие В.И. Лениным двойственного характера либерально-народнической + аграрной программы – одно из условий теоретического обоснования союза рабочих и крестьян // Борьба КПСС за укрепление союза рабочего класса и крестьянства. М., 1963.
41. Коновалов В.С. Эсеры в революции 1905–1907 гг. (Англо-американская историография) // Первая российская революция 1905–1907 гг.: Обзор советской и зарубежной литературы. М., 1991.
42. Корн М. [Гольдсмит М.И.] П.А. Кропоткин и русское революционное движение // Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П.А. Кропоткина. Чикаго, 1931.
43. Латыпова С.Р. Вопрос о роли мелкобуржуазных партий в социалистической революции в освещении современной американской историографии // Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. М., 1981.
44. Латышев А.Г. Сталин и кино // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989.
45. Лурье Ф.М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990.
46. Марагин М.М. Борьба В.И. Ленина против идеалистической теории культа личности народников и эсеров. Л., 1957.
47. Мельгунов С.П. В.Л. Бурцев // Воспоминания и дневники. Вып. 1. Париж, 1964.
48. Могильнер М. Мифология «подпольного человека». М., 1999.

49. Мухин В.М. Критика В.И. Лениным субъективизма и тактического авантюризма эсеров. Ереван, 1957;

50. Нарочницкий А.Л. Историография революции 1905–1907 гг. Основные итоги и задачи изучения // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978.

51. Наумов В.П. Место исследований по истории мелкобуржуазных партий России в новейшей советской историографии // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Материалы конференции. М., 1982.

52. П.А. Кропоткин и его учение // Интернациональный сборник. Чикаго, 1931.

53. Павлов Д.Б. Критика некоторых концепций современной англоязычной буржуазной историографии истории партии эсеров // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982.

54. Петров А.П. Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех российских революциях. М., 1977.

55. Письмо В. Ходасевича к Н. Берберовой // Минувшее. М., 1991. № 25.

56. Письмо С.В. Зубатова А.И. Спиридовичу по поводу выхода в свет его книги «ПСР и ее предшественники» // Красный архив. 1922. № 2.

57. Плеханов Г.В. Библиографические заметки из «социал-демократа» // Плеханов Г.В. Соч. М., Б.г. Т. IV.

58. Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию книги А.Туна «История революционных движений в России» // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1927. Т. XXIV.

59. Приймак Н.И. Советская историография первой русской революции 1905–1907 гг. (середина 30-х – 60-е годы) // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. М., 1967.

60. Рейснер М.А. К общественному мнению! (Мое дело с В.Л. Бурцевым). СПб., 1913.
61. Саушкин Н.М. Критика В.И. Лениным программы и тактики партии эсеров. М., 1971.
62. Спирин Л.М. Историография борьбы РКП(б) с мелкобуржуазными партиями в 1917–1920 гг. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 4.
63. Спирина М.В. Представление эсеров об экономике социалистического общества (по работам В.М. Чернова (1905–1914 гг.) // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989.
64. Степанский А.Д. Процесс возникновения непролетарских партий в России в освещении современной советской историографии // Историографическое изучение буржуазных и мелкобуржуазных партий России. М., 1981.
65. Студентов В.А. Разоблачение В.И. Лениным мелкобуржуазной сущности идеологических концепций социалистов-революционеров на демократическом этапе русской революции (1902 – февр. 1917 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.
66. Тарагута А. П.А. Кропоткин // Сборник статей, посвященных памяти П.А. Кропоткина. Пг.; М., 1922.
67. Тютчев Н.С. Заметки о воспоминаниях Б.В.Савинкова // Тютчев Н.С. В ссылке и другие воспоминания. М., 1925.
68. Тютюкин С.В. , Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996.
69. Тютюкин С.В. Вокруг современных дискуссий об Азефе // Отечественная история. 1992. № 5.
70. Тютюкин С.В. Первая российская революция и Г.В. Плеханов С.В. М., 1981.
71. Уткин А.И. [Рецензия] // Вопросы истории. 1995. № 4.
72. Чернов В.М. Савинков в рядах П.С.-Р. // Воля России. Прага, 1924. № 14–15.

73. Чунихина Г.Е. Из истории идеологической борьбы в период первой русской революции: Учен. зап. Краснодар. пед. ин-та. Вып. XXIII. Краснодар, 1958.

74. Чунихина Г.Е. Критика В.И. Лениным социологических взглядов эсеров (1901–1909 гг.). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киев, 1961.

75. Шестаков М.Г. Борьба В.И. Ленина против идеалистической социологии народничества. М., 1959.

76. Шестаков М.Г. Борьба В.И. Ленина против идеалистической социологии эсеров. М., 1975.

77. Шугрин М.В. Борьба В.И. Ленина и большевистской партии против тактики заговора и индивидуального террора партии социалистов-революционеров (эсеров) (1901–1907 гг.): Учен. зап. Карельского пед. ин-та. Петрозаводск, 1957. Т. IV.

78. Шугрин М.В. Борьба В.И. Ленина и коммунистической партии против народническо-эсеровской тактики заговора и индивидуального террора (1893–1907): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956.

79. Яновский С. Кропоткин, каким я его знал // Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П.А. Кропоткина. Чикаго, 1931.

80. Baron S. Plekhanov – the father of Russian Marxism. Stanford, Calif., 1963.

81. Saunders D. Vladimir Burtsev and the Russian Revolutionary Emigration // European Studies Review. 1983. Vol.13. № 1.